

МЕГАПРОЕКТ — TERRA INCOGNITA

Рене Нелли

КАТАРЫ СВЯТЫЕ ЕРЕТИКИ

**Москва
«Вече»
2005**

ББК 86.39
Н49

*Перевод с французского языка А.М. Иванова
Перевод с немецкого языка Т.А. Тарасовой*

Нелли Р.

Катары. Святые еретики / Р. Нелли. — М. : Вече, 2005. — 400 с. : ил. — (Тайные общества, ордена и секты).

ISBN 5-9533-0976-7

Н49

«Религия святой Любви», «апостольское христианство», «учение совершенных»... Так называли веру катаров, получившую в XIII веке широкое распространение в Европе — от славянских земель до Прованса и Лангедока на юге Франции. Загадочна и трагична история этого учения, чьи корни, возможно, — в тайных гностических культах Востока. Движение катаров, формально уничтоженное инквизицией в XIII столетии, стало одной из основ эзотерической культуры Европы, тайным ключом к поэзии трубадуров и почитанию Прекрасной Дамы, а может быть, и к некоторым тайноучениям славянского мира... Обо всем этом образно и с необычайно глубоким погружением в тему рассказывает впервые публикуемая на русском языке книга французского ученого Рене Нелли (1906–1982), дополненная не менее редкими текстами, которые напечатаны в Приложениях.

ББК 86.39

ISBN 5-9533-0976-7

Nelli, René. Les Cathares. Hérésie ou démocratie. — Marabout, 1972

© Иванов А.М., перевод на русский язык, библиографическая справка, послесловие, 2005

© Тарасова Т.А., перевод на русский язык, составление, предисловие, комментарии, 2005

© ООО «Издательский дом «Вече», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ученый францисканец Вильгельм Баскервильский в романе Умберто Эко «Имя розы» объясняет своему ученику Адсону наличие огромного количества ересей и сект, которые порой непросто отличить друг от друга, следующим образом: «Представь себе... реку, мощную, полноводную реку, которая течет тысячи и тысячи верст в своем крепком русле, и ты, ее видя, в точности можешь сказать, где река, где берег, где твердая земля. Однако в какое-то время, в каком-то месте эта река попросту устает течь — возможно из-за того, что течет она слишком долго и слишком издалека, возможно из-за того, что уже близится море, а море вбирает в себя любые, самые могучие реки, и таким образом любые, самые могучие реки перестают существовать. И река превращается в дельту. То есть остается в ней главное русло, но появляется и множество побочных, и эти побочные текут в самые разные стороны, и некоторые из них потом снова соединяются, и ты уже не можешь сказать, что чему послужило причиной, и ты уже не знаешь, что тут еще можно назвать рекой, а что — уже морем...» Хотя, по признанию самого Вильгельма, аллегория эта малоудачна, но с ее помощью он демонстрирует, «...как отдельные ручейки и русла ересей и всяких обновительных движений, когда река уже не держит их в себе, безмерно множатся и множатся и многократно переплетаются». И вот эти-то бесконечные ответвления и переплетения являются причиной тех трудностей, с которыми сталкиваются исследователи катаризма, пытаясь проследить его истоки и развитие. Пожалуй, сейчас эта задача даже сложнее для нас, чем для францисканского монаха в XIV в. Вильгельм исходил из того, что главное русло — это католическая церковь. Но для того чтобы катаризм возник в том виде, в каком он нам известен, сначала должны были смешаться воды и первоначаль-

ного христианства, и гностицизма, и манихейства (которое Е.Б. Смагина считает сирийской ветвью гностицизма, одним из тех учений, более ранняя стадия которых представлена у сирийских гностиков Маркиона и Вардесана), и эллинской философии (один фрагмент из ранних стоиков говорит о том, что в мире существуют только «два начала — Бог и материя»). Можно только предполагать, какие формы имела дуалистическая традиция на Западе до того как попала под влияние безусловно родственного ей богомилства.

Как бы там ни было, но вопрос о происхождении катаризма слишком темен и вряд ли когда-нибудь прояснится, как и многие другие загадки, связанные с этой ересью. Нам не хотелось бы в этом небольшом предисловии забираться в дебри научных изысканий; мы остановимся здесь на том, что можно было бы назвать продолжением истории катаризма, отражением его догматов, мифов и представлений (а также тех мифов и представлений, которые возникли о самих катарах) в сознании потомков.

Некоторые исследователи (например, ученые, объединившиеся в «Общество по изучению катаров», — Deodat Roche, Fernand Niel, Jean Duvernoy) считают, что катары обладали эзотерическими знаниями, которые после разгрома катаризма не были утеряны; через розенкрейцеров, наследников уничтоженных тамплиеров, и философию Рудольфа Штайнера их влияние дошло до наших дней. Были гипотезы, что эти тайные знания касаются Святого Грааля. В сочинении «Титурель» Вольфрам фон Эшенбах вскользь упоминает о существовании тайного общества, именуемого Сообществом Святого Грааля, но никаких уточнений относительно него не делает. Безусловно, поэтическое сочинение не может претендовать на историческую достоверность, однако некоторые ученые в существовании этого сообщества были уверены. Эжен Аро, историк и политический деятель из Южной Франции, живший в XIX в., считал, что Сообщество Святого Грааля было тайным обществом, в которое входили катары из Окситании, Германии и Италии, а также тру-

бадуры, по крайней мере те, кто создавал свои произведения во времена преследования катаров.

Вряд ли когда-нибудь предоставится возможность доказать или опровергнуть эти гипотезы. Но на культурную, религиозную и даже политическую жизнь XX века эзотерические моменты катаризма (не имеет значения, мнимые или существовавшие реально) оказали ощутимое влияние.

Так, с легкой руки Отто Рана начались поиски Святого Грааля. В 1929 г. двадцатипятилетний немецкий ученый приехал в Окситанию и провел там три года. Он намеревался писать диссертацию о Гийоме, трубадуре из Прованса, на основе утерянной поэмы которого Вольфрам фон Эшенбах создал своего «Парцифалья». Сравнив рассказ немецкого поэта с топографией владений графов де Фуа и историческими событиями времени Альбигойских войн, Ран выявил многочисленные совпадения и сделал выводы, что легендарная гора Святого Грааля Монсальват тождественна горной крепости катаров Монсегюр; что катары были последними хранителями Святого Грааля и что Святой Грааль «пропал», когда они погибли от рук папы и короля Франции в XIII веке.

Изыскания Отто Рана привлекли внимание руководителя СС Генриха Гиммлера, который предложил ученому участие в исследованиях, финансируемых СС. Полагают, что Отто Ран даже основал внутри СС группу адептов неокатаризма. В 1939 г. Ран погиб в Тирольских горах при загадочных обстоятельствах. Согласно документации СС он покончил жизнь самоубийством, приняв соединение циана, — «на политико-мистической почве»...

В июне 1943 г. в Монсегюр прибыла научная экспедиция, в которую входили известные немецкие историки, этнологи, геологи, спелеологи. Раскопки продолжались до весны 1944 г. Вишисты, сопровождавшие отряд и бывшие свидетелями этих раскопок, были ликвидированы. В марте 1945 г. Розенберг, разъяснив гросс-адмиралу Деницу значение катарских сокровищ для национал-социализма, заикнулся о какой-то секретной экспедиции и просил выделить для этой цели специальную подводную лодку...

Некоторые современные религиозные движения претендуют на то, что их учения представляют собой сохранившееся наследие катаризма. В Северной Америке с 1749 г. существует Ассамблея добрых христиан. Члены этой организации называют свою церковь «Новозаветной Церковью» и провозглашают себя непосредственными преемниками катаров. Согласно данным этой организации, на сегодняшний день Ассамблея насчитывает 25 000 членов. Свою задачу члены Ассамблеи видят в формировании единства «божьих людей» Христа и евангелизации общества.

С 1900 г. во Франции стал выходить журнал «Пробуждение альбигойцев», его основал восемнадцатилетний Деода Роше, позже он основал упоминавшееся выше «Общество по изучению катаров». Его считали последним из совершенных. Сам он утверждал, что доктрину изучал под руководством Учителя, но имени его не называл. Деода Роше говорил, что христианский оккультизм во многом вытекает из учения катаров, а оно живо и сегодня.

Голландские розенкрейцеры (Международная Школа Золотого Розенкрейца), лекции которых можно услышать в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, утверждают, что в 1954 г. Антонен Гадаль передал основателям школы Яну Ван Рэйкенборгу и Катарозе де Петри тайные знания катаров и печать гросмейстера, принадлежавшую якобы болгарскому епископу Никите, называемому «папой катаров», который приезжал в 1167 г. из Константинополя на катарский собор в Сен-Феликс-де-Караман. Сам Гадаль был розенкрейцером и говорил о существовании преемственности между розенкрейцерами и катарами. Святой Грааль для Международной Школы Золотого Розенкрейца — это «Сосуд Смешения, наполненный всеми силами и свойствами, необходимыми для возвращения в Мир Света... Он существует не как видимая форма, а как вибрация». Международная Школа Золотого Розенкрейца соорудила в Юсса, напротив пещеры Ломбрив, Розенкрейцерский Центр Галахад, в здании которого собраны представляющие огромный интерес коллекции Гадаля, исходившего горы и пещеры в окрестностях Монсегура вдоль и поперек

(кстати, это он сопровождал Отто Рана во время его исследований).

Интеллектуалы Окситании, к числу которых принадлежал и Рене Нелли, и в XX веке ощущали тот невосполнимый урон, который был нанесен Альбигойскими войнами и последующим французским завоеванием утонченной культуры Окситании. Основанный ими в Тулузе Институт окситанских исследований немало способствовал возросшему интересу к истории края. 21 июня 1973 г. в Монсегюре на первый летний окситанский праздник собралось более двадцати тысяч человек.

К концу XIX в. интерес к альбигойской ереси просыпается и в России. В 1869—1872 гг. в Казани выходит фундаментальный труд профессора Казанского университета Н.А. Осочкина «История альбигойцев и их времени». О его популярности говорит хотя бы то, что после поражения революции 1905 г. стали издавать небольшими тиражами брошюры с очерками, подобными приведенной ниже «Философии убийства» Н. Кадмина. Очерк этот представляет собой краткое изложение «Истории альбигойцев...» с определенным образом расставленными акцентами: автор воспекает «дух высшего бунтарства в народе», выражением которого, по его мнению, являются ереси; описывает «бедствия народа, разоряемого и угнетаемого работодателями», развращенность католического клира и жестокости инквизиции, — и все это с несгибаемой верой в то, что «торжество грубой силы над свободной мыслью и верой» не может быть вечным.

Интерес к дуалистическим ересям оставил свой след и в русской литературе. Любопытно с этой точки зрения исследование романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», сделанное И.Л. Галинской. Она выявляет в романе следы влияния гностицизма, манихейства и катаризма. Так, в движении и развитии образа Маргариты Булгаковым, вероятно, была соблюдена соловьевская теологема вечной женственности, восходящая, как известно, к философии гностиков.

В некоторых эпизодах и сюжетных линиях «Мастера и Маргариты» слышны отголоски апокрифических мотивов, в частности страдания Иешуа даны Булгаковым в трактовке, свойственной апокрифам, а не по Евангелию. Сцена, в которой к Воланду является Левий Матвей с просьбой от Иешуа, чтобы дух зла взял с собой Мастера и его подругу и наградил их покоем, иллюстрирует догмат катаров, которые считали, что земля не подвластна богу и целиком находится в распоряжении дьявола.

Однако наиболее замечателен Фагот-Коровьев.

«Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом по правую руку подруги Мастера. На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотую цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землею под собою, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом.

— Почему он так изменился? — спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.

— Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, — ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо, с тихо горящим глазом, — его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счеты. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!»

Многие исследователи творчества М. Булгакова отмечали, что свет и тьма — слагаемые столь дорого обошедшейся рыцарю шутки — являются компонентами манихейской космогонии. И.Л. Галинская попыталась прояснить, в чем заключалась эта шутка и как она звучала, раз уж была облечена в форму каламбура. Расшифровку она начала с выделения семантических компонентов имени Фагот. Булгаков, на ее

взгляд, соединил в нем два разноязычных слова: русское «фагот» и французское «fagot». Комплекс словарных значений современной французской лексемы «fagot» («связка веток») утратил отношение к музыкальному инструменту — буквально «связка дудок» («фагот» по-французски «basson»), — и в числе этих значений есть такие фразеологизмы, как «быть, как связка дров», т.е. безвкусно одеваться, и «отдавать ересью», т.е. отдавать костром, связками веток для костра. Видимо, Булгаков не прошел и мимо родственного лексеме «fagot» однокоренного французского слова «fagotin» (шут).

Таким образом, заключенную в имени Фагот характеристику интересующего нас персонажа определяют три момента. Он, во-первых, шут (имеющий отношение к музыке), во-вторых, безвкусно одет, и, в-третьих, еретически настроен.

И.Л. Галинская считает, что если попытаться трактовать полученный результат буквально и если булгаковский персонаж — одновременно и рыцарь, и еретик, то следы его прототипов надо искать в XII—XIII вв. в Провансе, в эпоху распространения альбигойской ереси.

Тема света и тьмы, например, часто обыгрывалась трубадурами. Гильем Фигейра (1215 — ок. 1250) проклинал в одной из своих сирвент церковный Рим за то, что папские слуги лукавыми речами похитили у мира свет. О том, что католические монахи погрузили землю в глубокую тьму, писал другой известный трубадур, Пейре Карденаль. Так возникла следующая догадка: а не ведет ли булгаковский рыцарь свое происхождение от рыцарей-трубадуров времен альбигойства? А безымянным он остается потому, что неизвестно имя автора самого знаменитого эпического произведения той эпохи — героической поэмы «Песня об альбигойском крестовом походе», в которой также, как будет показано далее, фигурирует тема света и тьмы.

Есть несомненные свидетельства о том, что Булгаков был знаком с «Песней об альбигойском крестовом походе». Существуют две версии о том, кто же был автором «Песни...»: поэма либо целиком сочинена трубадуром, скрывшимся под

псевдонимом Гильем из Туделы, либо им создана лишь первая часть поэмы, а остальные две с не меньшим искусством написаны анонимом — другим замечательным поэтом XIII в. Все сведения об авторе (или авторах) поэмы могут быть почерпнуты только из ее текста. Это альбигойский рыцарь-трубадур, участник битв с крестоносцами, отчего он и скрывает свое настоящее имя, опасаясь инквизиции. Он называет себя учеником волшебника Мерлина, геомантом, умеющим видеть потаенное и предсказывать будущее (и предсказавшим, в частности, трагедию Лангедока), а также некромантом, способным вызывать мертвецов и беседовать с ними.

Тема света и тьмы в «Песне об альбигойском крестовом походе» возникает уже в начале поэмы, где рассказывается о провансальском трубадуре Фолькете Марсельском, который перешел в католичество, стал монахом, аббатом, затем тулузским епископом и папским легатом, прославившим во времена крестовых походов против альбигойцев одним из самых жестоких инквизиторов. В поэме сообщается, что еще в ту пору, когда Фолькет был аббатом, свет потемнел в его монастыре. Злосчастный для рыцаря каламбур о свете и тьме, по мнению И.Л. Галинской, тоже находится в «Песне об альбигойском крестовом походе» — в конце описания гибели при осаде Тулузы предводителя крестоносцев — графа Симона де Монфора: «На всех в городе, поскольку Симон умер / Снизшло такое счастье, что из тьмы сотворился свет».

«Каламбур “l'escurs esclarzic” («из тьмы сотворился свет») адекватно по-русски, к сожалению, передан быть не может. По-провансальски же с точки зрения фонетической игры “l'escurs esclarzic” звучит красиво и весьма изысканно. Так что каламбур темно-фиолетового рыцаря о свете и тьме был “не совсем хорош” (оценка Воюнда) отнюдь не по форме, а по смыслу. И действительно, согласно альбигойским догматам, тьма — область, совершенно отделенная от света, и, следовательно, из тьмы свет сотвориться не может, как бог света не может сотвориться из князя тьмы. Вот почему по содержанию каламбур “l'escurs esclarzic” в равной степени не

мог устраивать ни силы света, ни силы тьмы» (И.Л. Галинская «Загадки известных книг». С. 102).

Кроме того, в рукописи, содержащей песни рыцаря-трубадура Каденета, который состоял в свите одного из альбигойских вождей, французский историк XIX в. Наполеон Пейра, изучавший борьбу католического Рима с альбигойцами по манускриптам того времени, обнаружил в виньетке заглавной буквы изображение автора в фиолетовом платье. А труд Н. Пейра, содержащий это сообщение, Булгаков мог прочесть в Ленинской библиотеке (он находится там и по сей день).

Исходя из всего сказанного, И.Л. Галинская считает, что в числе прототипов темно-фиолетового рыцаря могут быть названы и неизвестный провансальский поэт, скрывшийся под псевдонимом Гильем из Туделы, и поэт-аноним, предполагаемый автор продолжения «Песни об альбигойском крестовом походе», и рыцарь-трубадур Каденет.

С помощью комментариев, включивших достаточно много исторических подробностей, мы попытались помочь читателю воссоздать примерную картину того времени. Этой же цели служат и приведенные жизнеописания трубадуров, которые составлялись жонглерами; их чтение должно было предшествовать исполнению самих песен. Окончательное оформление этого жанра произошло именно в эпоху Альбигойских войн. Такие введения должны были пояснять сюжеты и обстоятельства сочинения песен полувековой давности публике, уже не настолько осведомленной, как в классический период: многие намеки, относящиеся к куртуазной жизни предшествующей эпохи, были для нее уже непонятны. Приводим мы здесь и главу из замечательной книги немецкого ученого Арно Борста, представляющей «неисчерпаемый источник впервые собранных ценных сведений», по характеристике Жака Мадолля. Но как верно заметил Буркхарт, «история — это то, что одно время замечает в другом». В начале XX в. автор «Фило-

софии убийства» показывает, как учение о любви и всеобщем братстве породило кровавые ужасы инквизиции. Для Рене Нелли катары были первыми глашатаями демократических ценностей современной западной цивилизации, в которой, по его мнению, постепенно воплощаются все самые смелые мечтания катаров. Что увидит в истории катаризма современный читатель, на глазах которого целые страны пытаются загнать в райские кущи демократии с помощью ковровых бомбардировок? Видимо, проблемы инакомыслия и расплаты за него не скоро перестанут беспокоить человечество. И поэтому главная тайна катаризма – это тайна твердости и мужества человеческого духа, противостоящего чудовищному давлению «мира сего».

Татьяна Тарасова

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Цивилизация, родившаяся преждевременно. Эскиз будущего общества

Катаризм все еще плохо известен широкой публике. Однако он представляет собой во многих отношениях уникальное явление в западной истории.

Можно изучать катарский феномен с двух разных точек зрения: как ересь или как оригинальную цивилизацию. Ересь эта с успехом развивалась во многих странах Европы, но катаризм как цивилизация или, по меньшей мере, как наиболее законченное духовное выражение особой цивилизации со своей культурой, своими нравами, законами и так далее, расцвел прежде всего в Окситании.

Да, много катаров было и в Италии, но они оставались меньшинством, маргинальным явлением, в то время как на юге Франции катарское учение и катарский образ жизни стали выражением души и глубоких чувств всего народа. Это был стихийный, естественный результат определенного взгляда на мир и мироощущения, свойственного окситанскому обществу и столь отличного от того, что тогда можно было назвать французским обществом, притом применительно только к северу страны.

В этом катаризм предвосхищал некоторые формы протестантизма, которые в XV и XVI веках представляли собой одновременно духовный мятеж против Рима и наиболее адекватное религиозное выражение темперамента ряда народов. И в религиозных войнах, которые опустошили всю Европу после Ренессанса, мы снова находим тесное смешение духовных, политических и социальных элементов.

В этом плане история катаризма предстает как долгая борьба не на жизнь, а на смерть между двумя цивилизациями, а именно цивилизациями севера и юга нынешней Франции. В Монсегюре осажденные называли своих врагов «французами», то есть осознавали свою принадлежность к другой нации, к другой цивилизации.

Катаризм необыкновенно далек от католицизма. Он представляет собой на самом деле нечто большее, чем простую ересь, простое несогласие по одному или нескольким пунктам теологии; он исходит из мировоззрения, из интеллектуальных и духовных установок, совершенно противоположных традиционному христианству, а, может быть, — и христианству вообще. Но для того чтобы могла сформироваться оригинальная религия, нужна благоприятная социальная почва, оригинальная цивилизация.

Недавно мы видели, как образовалась, расцвела и обрушилась, не просуществовав и пятнадцати лет, в берлинском апокалипсисе мая 1945 года, целая цивилизация, может быть, демоническая, но, несомненно, отличная от всех нам известных.

Катаризм просуществовал больше, и мы не можем приписать ему демоническую природу, но его падение означало разрушение целой цивилизации, удушение культуры и образа жизни, которые позже могли бы привести к рождению нации, отличной от тех, что возникли в Северной Франции, Испании и Италии. Разумеется, мировая история пошла бы тогда иным путем.

Мы попытаемся оживить эту цивилизацию, к сожалению, недолговечную, — ее политическую историю, ее философскую мысль, ее мораль, ее нравы и так далее, — поместив ее в контекст эпохи и связав, насколько это возможно, с разными течениями, которые способствовали ее появлению.

Как на один из самых прямых источников катаризма часто указывают на богомилство, возникшее в X веке в Болгарии при царе Петре I (927–969 гг.) и имевшее черты революционного движения, направленного против бояр и высших церковных сановников, которые все, за немногими

исключениями, считались приспешниками Сатаны [1]. Иначе обстояло дело в Лангедоке, где катаризм распространился в XIII веке во всех классах общества и приобрел в замках столько же защитников, сколько и в хижинах. Мелкие, часто разорившиеся дворяне чувствовали себя более солидарными с крестьянством или с городской буржуазией, чем со своим собственным классом, и ни в коей мере не страшлись, — если предположить, что они их предчувствовали, — социальных последствий той моральной революции, которую провозглашал катаризм. Многие из них, возмущенные беспутством католических священников, открыто примыкали к ереси. Накануне Крестового похода (в 1209 году) они часто прибегали к финансовой помощи Добрых людей. Их вдовы и дочери, которые часто оставались без средств, находили убежище и защиту в домах секты. Почти во всех феодалных семействах той эпохи, — прежде всего, во владениях виконта Каркассонна, — имелись хотя бы один «верующий» или одна «верующая». Были «совершенные» даже из рядов высшей знати. Если эти землевладельцы сами не были верующими, то они, по крайней мере, были настроены антиклерикально, и их активные симпатии всегда были на стороне Добрых людей, — часто их родственников или друзей, — которые были такими же бедными, как и они, и вели безупречную жизнь.

Крупные феодалы, несмотря на то что внешне они проявляли свою приверженность к католической церкви, были настроены еще более антиклерикально, но по другим причинам. Катаризм был для них поводом для освобождения от тирании Рима. Они хотели иметь возможность прогонять своих жен, если возникнет такое желание, и вести войны, когда это целесообразно, не соблюдая «Божественное перемирие», использовать для этой цели отряды наемников, которые опустошали страну, и, поскольку они ни в коей мере не были антисемитами, они не боялись брать на службу евреев и доверять им посты, на которых они командовали христианами; римская церковь запрещала им всё это, если могла. И, разумеется, когда они конфисковывали церковные

имения и налоги или устанавливали свой контроль над аббатствами, для них не было ничего страшней, чем восстановление власти католицизма. Исходя из этих интересов они и благоволили к катаризму.

Их жены в целом были больше привязаны к ереси, потому что они смутно чувствовали, что она стремится дать больше достоинства и свободы всем женщинам. Женщин из всех общественных классов часто влекли к катаризму именно социальные интересы. В пределах возможностей, открываемых их классами, еретический культ давал им в значительной степени равные с мужчинами права. «Хотя барьеры патриархата, — пишет Г. Кох, — не были полностью устранены в рамках женских катарских общин, потому что духовное руководство монастырей оставалось большей частью в руках диаконов, права и свободы совершенных были в них гораздо большими, чем в римских учреждениях такого же рода. Монастыри существовали за счет пожертвований верующих и труда членов общины... Тогда не было никакой организации, призванной помогать женам и дочерям бедняков. Те из них, кто занимался текстильным или другим подобным ремеслом и подвергался особенно жестокой эксплуатации, часто искали убежище и защиту в общинных учреждениях катаров».

Дробление вотчин (в результате раздела отцовского наследства поровну между всеми сыновьями) шло в XIII веке ускоренными темпами и ввергало мелких дворян в своего рода постоянный экономический кризис, что делало для них трудным содержание дочерей. И часто именно по той причине, что они не имели средств к существованию, соответствующих их рангу, многие из них вступали в качестве «совершенных» в еретические дома. Эти дома, конечно, находились под властью епископов и диаконов, но это была чисто духовная власть без принуждения, без навязанной дисциплины, и она распространялась и на мужчин. Женщины из числа «совершенных» не могли достичь высших ступеней иерархии, стать диаконами или епископами, но они имели те же права, что и мужчины-«совершенные», и могли давать «кон-

соламентум». Верующие склонялись перед ними и «поклонялись» им: в них обитал Дух, как и в Добрых людях. Вплоть до середины XIII века они имели даже право проповедовать, но не часто им пользовались; они больше занимались воспитанием дочерей, уходом за больными и своими мелкими ремеслами.

Разумеется, женоненавистничество не совсем исчезло при катаризме, но, согласно катарским догмам, равны не только бесполое души; при реинкарнациях мужчины превращаются в женщин и наоборот. Равенство полов в Средние века всегда оставалось больше мифическим, чем реальным. Тем не менее катаризм оказал положительное влияние на религиозную жизнь, на брак и нравы, способствуя развитию эгалитарных и освободительных тенденций, которые начали проявляться у всех женщин, прежде всего у аристократок.

Когда разразилась война, большинство южных князей силой обстоятельств были вынуждены опереться на своих еретических подданных, чтобы защитить свои права. Даже король Педро Арагонский, будучи сам добрым католиком, был в конце концов вынужден по политическим причинам прийти на помощь графу Тулузскому.

За всеми этими интересами и политическими расчетами современники не увидели тот факт, что катарская ересь сама по себе была мало совместима с феодальной системой. Верно, что эта система в Лангедоке была уже очень ослаблена: собственность разночинцев, власть денег создавали здесь некий противовес аристократическому принципу, согласно которому земля принадлежит сеньорам и может быть уступлена в пользование только за услуги «чести». В городах значительно возросло влияние консулов и буржуазии... Северные крестоносцы, более прозорливые, чем южные бароны, поспешили после своей победы восстановить экономический и общественный строй, желанный Церкви, который катары не успели слишком изменить, потому что у них было мало времени.

В действительности катаризм был по сути своей почти столь же противоположен феодальным ценностям, как и бо-

гомилство. Для него тоже князья, бароны и епископы были представителями сил Зла. Не сводя метафизический дуализм к чисто социальному дуализму, следует признать, что катары осуждали все основы феодализма. Один из их проповедников намекал на сатанинский характер иерархии вассалов и всего общества, основанного на вынужденном подчинении одного человека другому: император командует королем, король графом, граф рыцарем; каждый старается поработить своего ближнего, «как на охоте ловят одно животное с помощью другого», дичь — с помощью сокола. В нижней части лестницы самые униженные выдерживают на себе вес всей иерархии. Теория реинкарнаций изображала пап, королей, судей, сеньоров, а позже инквизиторов как злые души, недостаточно очищенные и мало продвинувшиеся по пути спасения. Всем казалось ясным, что сильные мира сего, — если они не становятся при случае защитниками Добрых людей, — принадлежат к свите Сатаны: они ведут войны, убивают людей и животных, судят, приговаривают к смерти. Нет никакого сомнения, что такая иерархия богатых и вождей, этих несправедливых людей, не может иметь своим высшим господином никого иного, кроме «Князя мира сего».

Та же теория разрушала в своем ином плане еще одну из основ феодализма: ценность, приписываемую крови, и ту идею, что достоинства и право управлять другими передаются от отца к сыну. Если предположить, что кровь может быть основой склонности или характера, то это могут быть лишь злокачественные потенции, потому что кровь создана Дьяволом и, по правде говоря, не несет в себе ничего духовного. Души, согласно учению абсолютного дуализма, не имеют ничего общего с телами, в которых они заключены, как в тюрьме. Вот этот барон мог в прошлом существовании быть крепостным, а этот крепостной может в следующем воплощении стать бароном; этот мужчина был женщиной, а эта женщина была мужчиной. Социальные различия — всего лишь дьявольская иллюзия, они не имеют корней в реальности. Таким образом, первая надежда на равенство имела форму мифа, но она не была от этого менее пылкой.

Понятие «беллатора»*, война, на котором основывалась феодальная система, также ставилось под сомнение. Катаризм осуждал войну, и воин, для которого война — весь смысл его существования, уже в силу одного этого факта попадал в одну компанию с Демоном.

Война считалась бесчестной как таковая, во всех ее формах, никаких исключений не было. Героическая смерть, которую идеализировали в Средние века, — смерть из любви к женщине или к Богу, — объявлялась не имеющей ценности: катары явно могли лишь отвергать самый принцип крестовых походов. В то время как для католиков «священная война» во славу Божью или ради освобождения гроба Господня облагораживала смелость, давала ей достойную цель и уподобляла «беллатора» «оратору» (того, кто сражается, тому, кто молится), для катаров это была лишь догматическая мистификация, потому что они не верили, что Христос на самом деле жил на земле и что его положили в гроб. Они считали, что духовенство придумало это средство, чтобы эксплуатировать воинов. Около 1250 года трубадур Пейре Карденаль [2], который не был катаром, но испытал на себе влияние теоретиков этой ереси и который, кстати, намекает в приведенной ниже цитате на крестовый поход против альбигойцев, первым выступил со смелой критикой священной войны: «Обзаведясь духовным лицом в качестве командира, — говорит он иронически, — рыцари отправлялись громить Тюдель, Ле Пюи и Монферран. Духовенство послало рыцарей на бойню. Получив от них хлеб и сыр, оно послало их туда, где их изрешетили стрелами. Оно защищает их грудью от всех клинков, и ему не жаль, если у других вышибут мозги».

Уже в XI веке в Шампани неоманихей Лойтард [3] выступил за отмену церковного налога и всех феодальных прав. В Окситании катары отвергали идею человеческой справедливости, которая, в противоположность милосердию, по сути своей злокачественна и в обществе, управляемом Сатаной,

*Bellator (лат.) — воин (примеч. ред.).

может быть только сатанинской. Они не признавали за сеньорами права вершить правосудие. Этим они подрывали основы не всякого общества, как их обвиняли, но основы феодалного общества — несомненно. С одной стороны, они хотели заменить это несправедливое правосудие третейским судом и примирением, а с другой — хотели добиться исправления виновного, а не его физического устранения. Поскольку у них не было времени для того, чтобы ввести в действие свою систему правосудия, и нам трудно судить о том, как она в точности могла выглядеть, мы можем лишь дать свое толкование тому способу, каким они пытались установить свой моральный порядок в Лангедоке до 1209 года и в Монсегюре с 1230 по 1244 год. Известно, например, что одного барона, виновного в убийстве, они приговорили вступить в катарский орден, то есть стать святым... В Монсегюре епископы выступали в роли третейских судей при всех ссорах, на всех процессах. Они положили конец спорам, которые постоянно возникали между двумя военными руководителями крепости. Разумеется, было бы рискованно судить на основании этих отрывочных данных об их репрессивных методах, и особенно об эффективности последних. Все наводит нас на мысль, что моральной власти совершенных не всегда было достаточно, чтобы предотвратить беспорядок, воровство и другие преступления, и что третейский суд, с помощью которого удавалось в ту эпоху решать конфликты между ремесленными цехами или между общинами и консулами, не обладал нужными средствами принуждения, когда речь шла о преступлениях.

В Средние века вассальные связи и договоры устанавливались и заключались под клятвой. Но катары считали, что уважение к праву, записанному в законе, вера в честь и достоинство являются достаточной гарантией: они запрещали клятвы. В этом пункте общая эволюция идей шла в том же направлении, что и еретическая идеология. Не только южные бароны не уважали больше клятву, — они меняли сюзеренов и покровителей в зависимости от своих интересов, — простые крестьяне тоже больше полагались на записанные

в законе права. «Прежде чем дать клятву, — говорит поэт Пейре Карденаль, — они требуют заключить договор». Я особенно не настаиваю на этом вопросе, потому что о нем говорят гораздо больше, чем он того заслуживает. Ясно, что клятва, хотя феодализм делал ее священной, не была таким уж неременным условием его существования. Он мог опираться просто на требование уважения к письменным договорам, которые, во всяком случае в Лангедоке, значили больше, чем клятвенные обещания. Клятвы не добавляли к ним ничего (их легко заменяла вера в честь). Известно, что Французская революция на какое-то время отменила клятвы без ущерба для кого-либо.

Брак также был своего рода договором, который ничуть не терял свою ценность оттого, что был священным и предусматривал подчинение жены мужу: муж был в Средние века «сеньором» своей жены. Даже у самого униженного крестьянина был еще кто-то, кому он мог приказывать. Катары, как и большинство еретиков, их предшественников, желая, чтобы брачный союз был не священным, а заключался просто на основе взаимного согласия и равноправия, не подрывали тем самым феодальные институты. Однако появление этого нового типа отношений между полами, несомненно, вносило фермент бунта против существующего порядка, и это в то время, когда катаризм разрешал женщинам преподавать, делая их менее зависимыми от мужчин. Все общества, основанные на неравенстве, враждебно относились к эмансипации женщин; катарская ересь в основном относилась к ней благожелательно.

Может быть, под влиянием катаризма в XIII веке характер отношений зависимости немного изменился в результате вторжения в мифологию «чести» капиталистической реальности и того, что отношения между нанимателем и наемным рабочим приобрели в обществе почти такое же значение, как отношения между сюзереном и вассалом. Феодальные «обмены», более или менее связанные с «честью», основанной на привилегиях, дарованных от рождения, играли теперь в экономической жизни менее важную роль, чем

те, которые устанавливаются свободно между производителями и потребителями, продавцами и покупателями, проповедниками и слушателями. Феодалным правам, рассматриваемым как незаконные источники доходов, противопоставлялись теперь коммерческие прибыли, включая прибыли от денежных операций. И «свобода» совпадала тогда для «поднимающегося» класса, класса купцов, со свободой коммерции. Казалось более справедливым вознаграждать свободные услуги других, чем требовать их по праву рождения. Купцы начали противопоставлять себя — воинам, деньги — чести. Оправдывая ссуды, условие любого экономического подъема, и гарантируя банкирам чистую совесть, катаризм выступил против феодальной системы.

Однако «прогрессивная» эффективность этой ереси объясняется возвратом к истокам истинного христианства, а не осознанными революционными намерениями. Социологический анализ может, конечно, учитывать практическое применение в XIII веке идей Добрых людей и их благородных стремлений, но нельзя не принимать во внимание не сводимый только к этому религиозный характер их идей.

Осуждение войны, например, вытекает непосредственно из христианского учения. Греческая церковь, более верная истинному учению Христа, чем римская, всегда думала о войне так же, как катары. В ту же эпоху, когда «совершенные» отказывались сражаться и проливать кровь, византийские историки возмущались тем, что западные епископы принимали активное участие в крестовых походах, бряцая копьями или мечами, и становились орудиями войны. Если катары противопоставляли феодализму, такому, каким он был, основанному на насилии, идеализированный образ служения Добру, то христианство делало то же самое, по крайней мере должно было делать. Для Божьих людей был лишь один способ борьбы: самопожертвование. Катары, таким образом, ограничились тем, что сделали из евангельской морали абсолютные выводы, что было весьма своевременно, поскольку малые войны, которые вели между собой феодальные сеньоры, были особенно глупыми, и римский ка-

толицизм сам осуждал их опустошительную ярость и пытался ограничить наносимый ими ущерб.

Даже дискредитация, хотя и чисто теоретическая, Добрыми людьми правосудия сеньоров просто восходит к знаменитому тексту, в котором святой Павел требует от верующих не выносить свои споры и дела на языческие суды. «Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?.. А вы, когда имеете житейские тяжбы,ставляете своими судьями ничего не значащих в церкви. К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом перед неверными» (1 Кор 6, 1 4—6). Катары не могли не приспособить наставления апостола к обществу, в котором они жили, поэтому они избегали обращаться в «сатанинские» суды. Они восхваляли третейский суд, вдохновляясь словами святого Павла: «Берите в судьи совершенных!» Поведение катаров в этом вопросе было по сути своей чисто религиозным, оно просто означало возврат к непримиримости первоначального учения. Религии всегда революционны в той мере, в какой они придерживаются своей изначальной чистоты. Это не означает, с учетом обстоятельств и исторического момента, что моральный ригоризм катаров не имел объективного значения своего рода бунта против общества, которое они осуждали.

Запрещая клятвы, катары тоже действовали в соответствии с принципами Христа: «А Я говорю вам: не клянись вовсе» (Мф 5, 34) и с практикой его учеников эпохи первоначального христианства (Иак 5, 12; Иустин, I, «Апология», 16; Климент Александрийский, «Строматы», VII, VIII, 10, «Педагог», III, 11, 79). И во времена святого Августина обязанность давать клятву все еще продолжала беспокоить христиан (Письма, 48, 125, 126, 157). Отвергая ее, Добрые люди просто оставались верными традициям первоначального христианства.

В своих мнениях относительно брака катары ни в коей мере не были еретиками. Как известно, освящение брака

нельзя с полной уверенностью приписать Христу. Мы не находим никаких следов этого ни в Евангелиях, ни в Посланиях. Трентский собор признал это отсутствие доказательств в Писании в своем кратком изложении учения о браке. Катары, которые добросовестно уважали священные тексты, могли поэтому с полным основанием признавать, — отличая его от мистического брака души с духом, представлявшего собой нечто совсем иное, — брачный союз по взаимному согласию в присутствии «совершенного», не священный, но исключающий всякий интерес и продажность, заключаемый на основе равенства и взаимной любви. И если брак, который хотели учредить Добрые люди со всем уважением к Писанию, обрел революционное значение по той причине, что он ослаблял власть мужчин и способствовал эмансипации женщин, то в этом он соответствовал законным социальным чаяниям всех женщин, хотя и весьма скромным: понадобилось ждать еще семьсот лет, прежде чем женщины полностью освободились от мужского господства.

Что же касается разрешения верующим заниматься ростовщичеством, давать под проценты коммерческие ссуды, то если идти по освобожденному в ту эпоху пути к капитализму, то оно, несомненно, опиралось на слова самого Христа: «Лукавый раб и ленивый... надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью» (Мф 25, 26—27). «Для чего же ты не отдал серебра моего в оборот, чтобы я, придя, получил его с прибылью?» (Лк 19, 23). При том условии, что заёмщик был более богат — или столь же богат, как заимодавец, как требовал в ту же эпоху в Нарбонне еврейский закон — или, по меньшей мере, платежеспособен и мог выплатить капитал с процентами, такая форма ссуды не имела в себе ничего предосудительного в момент зарождения капитализма и была одинаково выгодной как для заемщика, так и для заимодавца. Это должно было навести катаров на мысль разрешить, как это сделала, кстати, греческая церковь, денежные операции на честных условиях, а чтобы исключить омерзительное ростовщичество, разоряющее заемщиков, создать систему коммерческих ссуд, кото-

рая позволила бы купцам обогащаться, расширяя свое дело. «Совершенные», которые не имели никакой собственности, хотели, чтобы было как можно больше зажиточных верующих, которые могли бы благодаря своему богатству в какой-то мере противостоять тирании феодального общества «чести». И они справедливо считали, что логичней продавать серебро тем, кто умеет им пользоваться, чем продавать пряности.

В конечном счете именно в экономическом плане катаризм проявил себя наиболее оппозиционно духу феодализма в строгом смысле слова: он был отражением эволюции общества, которая уже уменьшила в Окситании прерогативы сеньоров, противопоставив им интересы буржуа, противопоставив города замкам. Это было частично связано с наступлением денег. Несомненно, Добрые люди никогда не формулировали свои теории на этот счет. Может быть, они даже не всегда понимали истинную природу установившегося согласия между их метафизикой и расцветом меркантизма, которому все время мешали. Они жили в евангельской бедности и не имели ничего, кроме своих мисок. Их идеал освобождал их самих от всякой объективной обусловленности и, поскольку они использовали серебро только для блага других людей или своей секты, все капиталистические операции становились невинными благодаря их незаинтересованности. Они считали, что добровольная бедность угодна Богу, но Богу не нравится, когда людям ее навязывают: бедность — зло для простых верующих, которые не намерены вести аскетическую жизнь и должны работать, чтобы жить лучше. Сражаться против власти Сатаны значило для них устранять несправедливые препятствия, с помощью которых феодальное и католическое общество мешало деятельности купцов и буржуа. И, несомненно, многие буржуа в конце XIII века примыкали к катаризму, потому что надеялись благодаря этому стать равными аристократам.

Это реформированное и очень чистое христианство позволяло им, не впадая в грех, требовать права или возможности свободно заниматься коммерцией, заимствовать день-

ги или размещать свои капиталы, чтобы получить с них верную прибыль. Благодаря этому они увеличивали свою силу, что позволяло им быть в какой-то мере независимыми от произвола сеньоров. Мы мало знаем о финансовой деятельности этой секты, но, несомненно, она получала пожертвования и часто с выгодой их использовала. Высокая духовность «совершенных» гарантировала точность их бухгалтерии: фонды, которыми они располагали, превращали их в абсолютно платежеспособных банкиров, вроде тех, которым святой Иоанн Златоуст советовал доверять свои деньги, чтобы вернуть их с прибылью, а их благотворительность давала заёмщику гарантии на тот случай, если он не по своей воле не сможет вернуть капитал и проценты.

Не делая никакого различия между денежными и любыми другими коммерческими операциями, катары поступали более справедливо, чем римская церковь, которая запрещала проценты, произвольно отождествляя их с омерзительным ростовщичеством. Они с подозрением относились к земельной собственности, потому что монополию на нее имели аристократы (сеньоры были единственными настоящими собственниками земли), и считали «сатанинской» несправедливостью то обстоятельство, что те, кто обрабатывает землю, могут быть на ней лишь арендаторами. Единственными видами труда, на которые смотрели тогда как на в какой-то мере справедливые, были ремесло и коммерция. Что же касается доходов от феодальных и церковных прав, то они уже тогда казались совершенно несправедливыми и лишёнными разумного обоснования. Церковные налоги всегда были непопулярными. «Не Христос их установил!» — говорили Добрые люди, а в конце XIII века — трубадур Пейре Карденаль.

В ту эпоху, когда еще никому не приходила в голову идея «критиковать» понятие капиталистической прибыли, как это показал венгерский писатель Геза Хегедюш в своей прекрасной книге «Еретики и короли», прибыль купцов не считалась незаконной из-за множества препятствий и опасностей, которые затрудняли приобретение и циркуляцию товаров.

Кстати, коммерческая деятельность не затрагивала ни интересы, ни свободы других. Покупал товары тот, кто хотел, не только буржуазия, которая заставляла купцов работать за честное вознаграждение. В портах, в Нарбонне, например, сами товары отождествлялись с прибылью. Совершенные во имя Евангелия везде подавали хороший пример, точно оплачивая все полученные услуги. Может быть, именно благодаря им распространился новый миф о скрупулезно честных коммерсантах (этот миф продержался до Первой мировой войны!) наряду с понятием свободного и справедливого разделения труда, принципиально противоположным феодальным повинностям и правам. Во всяком случае, более честными казались свободный труд и его оплата согласно обязательствам перед Божественным законом, а тот бог, который установил права сеньоров и церковные налоги, не мог быть истинным Богом.

Добавим, что обстоятельства: войны, преследования, изгнания — заставляли катаров и других еретиков XIII века заниматься денежными операциями, чтобы обеспечить свое относительное благосостояние и свою безопасность, а также ради усиления своей церкви. Совершенные вынуждены были на практике предпочитать движимое имущество. Дома и земли легко можно отобрать, а деньги можно было спрятать и вывезти. Если они давали проценты, они везде сохраняли свою ценность. Заговоры буржуа и консулов против инквизиции в конце XIII века в Каркассонне, Лиму, Кастре, Альби ясно показывают, что если духовные лица осуждали фанатизм и жестокость инквизиции по чисто моральным причинам, то купцы и банкиры пытались бороться с ней, защищая свои интересы. В начале XIV века они были лучшей опорой катаризма. Церковь была для них врагом, потому что она способствовала сохранению феодальной экономической системы, частью которой она была, препятствуя медленному возвышению нового класса, для которого богатство было символом свободы, потому что оно уменьшало расстояние между ним и сеньорами и открывало его представителям в дальнейшей перспективе доступ в ряды аристократии.

Интересно констатировать, что в развитых торговых городах, таких как Нарбонн, где влияние катаризма никогда не было сильным, в разные эпохи возникали аналогичные «духовные» движения, поддерживаемые консулами, которые всегда стремились на практике защитить экономические интересы буржуа и купцов.

Следует ли из этого сделать вывод, что катаризм был всего лишь своего рода побочным феноменом социальной эволюции той эпохи? Разумеется, нет. Просто «возврат к истокам», которого хотели «чистые», был, как всегда, использован «нечистыми» ради своих материальных выгод в фатальных рамках, заданных условиями момента. Без приспособления к обществу, которому подвергли его буржуа, катаризм обладал бы лишь слабыми средствами внедрения и распространения. Он быстро превратился бы в химеру, и от него остались бы в истории духовного развития лишь несколько святых или посвященных.

Реабилитация ростовщичества в духе святого Матфея и святого Луки, поскольку она внесла, хотя и скромный, вклад в будущее развитие капитализма, дала Добрым людям больше активных сторонников, чем их метафизические теории. Филипп Красивый окончательно подтвердил правоту катаров, разрешив в 1311 году кредиторам требовать сверх основной суммы проценты на ссуду, которые составляли четыре денье в месяц, или четыре су в год, на ливр. Это равнялось 20 % годовых. Ставка снижалась до 15 % во время ярмарок в Шампани, что позволяло купцам закупать большие партии. Филипп Красивый хорошо понимал разницу, которую святой Матфей, святой Иоанн Златоуст, нарбоннские евреи и катары справедливо проводили между омерзительным ростовщичеством и коммерческими ссудами.

Мы хорошо видим, что именно катаризм хотел ослабить или разрушить, но не знаем, чем конкретно он хотел это заменить. Реформы, которые он предлагал, представляются нам утопическими или преждевременными. Например, несвященный брак практиковался уже в ту эпоху, когда эта ересь явно клонилась к упадку (в конце XIII века), а раньше

разве что в Монсегюре с 1230 по 1244 год. Возможно, катарская церковь предвидела своего рода гражданский брак в присутствии епископа или «посвященного» в качестве свидетеля. Но эволюция мужского менталитета еще не дошла до той точки, чтобы стал возможным действительно равный брак — во Франции это произошло лишь несколько лет назад.

Удивительно, однако, что всё, о чем мечтал катаризм, сбылось. Он хотел освободить женщину, и сегодня она совершенно свободна. Он осуждал войну и массовые убийства — от них не удалось избавиться, но, по крайней мере, совесть лучших из людей соглашается в этом вопросе с катарами и отчаянно пытается сделать так, чтобы они оказались правы. Странно видеть, что их старый враг, римская церковь, присваивает себе в настоящее время то, что так осуждала в XIII веке, и выдвигает даже предложения, в сто раз более еретические, чем катарские. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что католическая церковь очень нуждается сегодня в лечении катаризмом! Феодалный строй был разрушен в XVIII веке с опозданием на пятьсот лет: господин Журден выиграл в 1789 году пари, которое окситанская буржуазия заключила в XIII веке.

Какой вывод следует из этого сделать? Тот, что катаризм был частью тех еретических движений, которые на свой лад, сначала в идеале, всегда предвосхищают освободительную тенденцию развития общества. Есть своего рода предсуществующая гармония между духовными и прочими революциями, потому что именно «чистые» идеологии всегда опережают свою эпоху: они проецируются в сферу абсолютного, где ничто не мешает их теоретическим целям. Их осуждают в настоящем, потому что они воплощают в себе некую форму будущей истины. В то время как великие религии превращаются в окаменелости, вписываются в существующий общественно-политический строй и держатся за него, даже если он устарел, остающиеся в меньшинстве и преследуемые ереси лучше сохраняют благородные идеи, то есть те идеи, за которыми будущее. Экономические движения неизбежно

примыкают к ним, чтобы осознать самих себя и двигаться вперед. Когда несправедливый строй находится на грани исчезновения, настоящее, которое его отвергает, всегда облекается сначала в религиозный идеализм. Для катаров правосудие сеньоров, феодальные права, авторитарный брак — все это было Зло, Сатана. Добром была свобода, — путь к которой шел тогда через свободу буржуазии, — уважение к человеческой личности, процветание женщин. Разве катары не были в этом правы? Сатану воплощал для них обреченный строй, прошлое: а разве этот строй не был и в самом деле обречен Историей?

Катарская эпопея глазами современников. Поэтические произведения и легенды

Судьбе было угодно, чтобы в Лангедоке, вместо того чтобы оставаться подпольным, как в других странах, где жертвами преследований были лишь отдельные личности, катаризм вышел из тени и вовлек в войну целый народ. Эта ересь — и это удивительно — сумела сделать своими сторонниками почти все классы общества. Крестьяне надеялись, что катаризм освободит их от церковного налога; буржуа и купцы — что он установит новый экономический строй, при котором они смогут обогащаться, заставляя деньги приносить выгоду, — все это шло вразрез с принципами феодализма и, несомненно, должно было, хотя и в далекой перспективе, его ослабить. Но парадоксальным образом и феодалы Лангедока в силу обстоятельств — как это произошло и в Боснии во времена бана Кулина* — вынуждены были защищать катаризм, чтобы сохранить свои права и имущества. Результатом стал настоящий геноцид, который столь же жестоко ударил по аристократам, как и по буржуазии и простонародью. Язык

*Бан Кулин (годы правления 1180–1204) — основоположник боснийской государственности, открыто принял сторону богомилов (*примеч. ред.*).

Лангедока, поэзия и цивилизация Любви не пережили эту катастрофу.

Есть много рассказов о политических и военных событиях начиная с 1209 года и до конца XIII века; я буду цитировать их здесь лишь в той мере, в какой они помогают понять движение идей, иллюстрируя их «образами», заимствованными у поэтов и писателей, современников этих событий. Не сохраняется ли интерес истории к этому крестовому походу в значительной мере по той причине, что он разворачивался как некая эпическая поэма, драматическая структура, противоречивые перипетии и театральные эффекты которой до сих пор оказывают могучее воздействие на воображение и чувства?

В начале XIII века граф Тулузский Раймон VI [4], который благожелательно относился к катаризму, распространившемуся в его владениях, не проявлял особого желания его подавлять. Мирный крестовый поход, организованный Церковью, и проповедь святого Доминика потерпели полный крах, и папство упрекало графа и других окситанских баронов в том, что они не поддержали предпринятые им усилия по борьбе с ересью в той мере, в какой следовало. Очень осторожный и очень хотевший договориться с Церковью Раймон VI, уже подозреваемый по нескольким статьям и отлученный от Церкви, оказался в положении обвиняемого. Папскому легату Пьеру де Кастельно было поручено сделать ему внушение и принудить его, если можно, к большому покаянию. Отношения между этими двумя людьми были весьма бурными, и 15 января 1208 года легат был убит на переправе через Рону. Графа Тулузского обвинили в том, что он вложил оружие в руки убийц.

После этого жребий был брошен. Для папы, который тяжело переживал нанесенное ему оскорбление, военный крестовый поход был решенным делом: он должен был последовать за мирным крестовым походом.

Перепуганный Раймон VI подумал, что настал момент покориться. В Сен-Жиле он принес торжественное покаяние перед легатом Милоном, и отлучение было с него снято. Он

обещал сделать все, что от него потребуют, и даже лично принять участие в крестовом походе против его собственных вассалов. Он, может быть, был не прочь повернуть таким образом войну, которой он боялся, против своего племянника, Раймона-Роже Транкавеля, виконта Безье и Каркассонна [5]. Он тщетно призывал его в 1208 году подписать с ним договор о совместной обороне. Но этот молодой рыцарь, которому в 1209 году было всего 24 года, по словам современников, благородный и отважный, отказался: он надеялся избавиться от опеки Тулузы. В 1201 году он же побоялся заключить с графом де Фуа* наступательный союз против Раймона VI. И в сирвенте**, датируемой 1204 или 1205 годом, трубадур Каденет [6], сторонник графа, предостерегал его от авантюры и от какого-либо изменения политики: «Герой вызывает жалость, — говорил он графу, — когда он меняет линию поведения». В действительности большинство баронов, которые на самом деле управляли виконством, принадлежало к антитулусской партии. Они были сильны поддержкой короля Арагона, их настоящего сюзерена и естественного защитника, и охотно пошли бы войной против Тулузы, а им пришлось сражаться с римской церковью.

Проповедь крестового похода немедленно началась в Северной Франции и имела там большой успех. Это выгодное предприятие решил финансировать Раймон де Сальваньак, богатый купец из Кагора. Армия соединилась в Лионе и спустилась в Окситанию вниз по долине Роны. 22 июля 1209 года она оказалась перед Безье, откуда виконт Транкавель только что отступил, забрав с собой всех евреев города, которые боялись антисемитизма Церкви и баронов.

* Раймон-Роже граф де Фуа — вассал Раймона VI (*примеч. ред.*).

** Сирвента — один из основных, наряду с любовной кансонной, жанров поэзии трубадуров, в котором обсуждаются вопросы морали, политики, религии, достоинства и недостатки покровителей и друг друга (*примеч. ред.*).

Разграбление Безье

«Жители видели, что крестоносцы наступают, что король развратников [7] захватывает город, что нищие бродяги прыгают со всех сторон во рвы, разбивают на куски стены и открывают ворота, в то время как французы поспешно вооружаются [8]. В душе они хорошо знали, что не могут сопротивляться, и побежали как можно быстрее в главное убежище [кафедральный собор Сен-Назэр]. Священники и прислужники надели свои церковные одеяния и зазвонили в колокола, как будто во время «мессы по мертвым» при погребении усопшего. Наконец, настал момент, когда они не могли больше противостоять вторжению бродяг, которые захватывали дома по своему желанию, потому что каждый из них, если хотел, мог выбрать десять. Пылая гневом, развратники не боялись смерти, они забирали все, что находили, и захватили большие богатства. Если бы они могли сохранить то, что взяли, они обогатились бы на всю жизнь. Но им пришлось все сразу же отдать, хотя они сами это все завоевали, потому что бароны Франции хотели присвоить это себе» [9].

Избиение семи или восьми тысяч добрых христиан (и католиков, и катаров), которое произошло в церкви Магдалины в Безье и мерзким инициатором которого был Арно Амальрик, аббат Сито, легат папы Иннокентия III [10], вовсе не было, как уверяют, «в нравах эпохи». Это была новая форма терроризма. И в 1226 году она все еще вызывала возмущение трубадура Гильема Фигейры [11], который писал в своей знаменитой сирвенте против Рима: «Ты носишь позорную шапку, Рим, ты и Сито за то, что вы устроили в Безье такую ужасную бойню!»

1 августа крестоносцы осадили Каркассонн. Напрасно король Педро Арагонский пытался играть роль посредника, чтобы добиться для своего вассала почетных условий мира. Крестоносцы требовали безоговорочной капитуляции. «И он вернулся домой печальный, — говорит “Песнь о Крестовом походе”, — недовольный самим собой и озабоченный тем оборотом, который принимает дело».

«Это было в разгаре лета. Стояла изнурительная жара. Смрад, который исходил от больных и раненых, смешанный с вонью многочисленного скота, согнанного со всех сторон, который забивали, отравлял воздух. Бесчисленные мухи мучили умирающих [и распространяли, как полагали, чуму]. Слышались вопли женщин и детей, которыми были забиты все дома. Никогда в своей жизни осажденные не испытывали подобные страдания. Когда стало не хватать воды, — колодцы почти иссякли, — уныние и отчаяние охватили даже рыцарей».

Тогда молодой виконт, которого трубадур Раймон де Мираваль [12] называл «Пасторе» (маленьким пастухом), при неясных обстоятельствах вступил в переговоры с крестоносцами. Он получил вроде бы охранную грамоту и с небольшим эскортом отправился на встречу. Под любопытными взглядами французов и бургундов он вошел в шатер графа Неверского и больше из него не вышел. «Песнь о Крестовом походе» формально сообщает: «Он стал заложником по своей воле». Поэт даже добавляет: «По-моему, он поступил как безумец, поскольку он превратился в пленника». Как только Симон де Монфор* стал настоящим вождем крестового похода и получил сомнительную инвеституру на владение виконта, он поспешил запереть заложника в одной из башен своего замка, где тот вскоре умер «от дизентерии» (10 ноября 1209) [13].

В Окситании все подозревали Монфора в его отравлении. «Разо»** к одной поэме Арно де Марейля [14] говорит о нем: «Виконт Безье, которого французы убили, когда взяли его в плен в Каркассонне». А трубадур из Дофине Гильем Ожье,

* Симон де Монфор (1150–1218) — граф, предводитель крестоносцев во время Альбигойских войн. Добился от папы закрепления за ним завоеванных земель. Отличался жестокостью и непримиримостью к еретикам (*примеч. ред.*).

** «Разо» (восходящее к латинскому *ratio* провансальское слово со значением «объяснение», «обоснование», «повод») — комментарии к отдельным песням, поясняющие их сюжет, обстоятельства сочинения, раскрывающие исторические события и реалии, а также имена персонажей, стоящие за вымышленными именами — сеньялями (*примеч. ред.*).

который оставил «плань» (элегию) о его смерти, трогаящую нас своей искренностью («Тысяча рыцарей высокого происхождения и тысяча дам высоких достоинств повергнуты в отчаяние его смертью!» – восклицает он), похоже, тоже верил, что виконт пожертвовал собой ради спасения своего народа, потому что не боялся сравнивать его с Иисусом Христом: «Они убили его, и никогда никто не видел такого преступления, такого безумия, не совершал такого деяния, противного Господу Богу нашему, какое совершили эти вероломные псы, отродье Пилата, которые его убили, потому что Господь тоже принял смерть ради спасения людей, и вершины добра достигнет тот, кто пройдет по такому же мосту ради спасения своих ближних».

Несомненно, сравнение Транкавеля с Иисусом Христом является преувеличением, но эти чрезмерные почести, во всяком случае, лучше, чем то безразличное, злобное молчание, которым поздние почитатели Симона де Монфора окружают несчастного виконта. Пьер Бельперрон, который не очень-то жаловал южан XIII века, отдал ему справедливость в том же духе, в каком это сделал Гильем Ожье: «Крестоносцы, – пишет он, – разделяли то омерзение, которое внушали народу еретики, и, как сказал один из них, прибыли в Лангедок, чтобы их истребить. Если принять во внимание последующее поведение крестоносцев, только жертва Раймона-Роже может объяснить эту аномалию (то, что они не перебили еретиков в Каркассонне)».

С 1209 по 1211 год Симон де Монфор продолжал методически завоевывать владения виконта Каркассонна. Он взял Монреаль, Кастр, Памье, Альби, Минерв, Терм, Кабаре, Лавор и везде проявлял ту же жестокость, используя террор как орудие войны. В Лаворе (3 мая 1211 г.) он приказал повесить Эмерика де Монреала и бросить в колодезь его сестру Гироду. «Я не думаю, – говорит автор “Песни о Крестовом походе”, – что когда-либо во всей истории христианства был повешен барон столь высокого ранга и столько рыцарей вместе с ним – их было более восьмидесяти [15]. Что же касается жителей города, то их собрали в количестве четырехсот человек на лугу

и сожгли. А госпожу Гироду крестоносцы бросили в колодец и забросали камнями. Это было преступлением, потому что никто никогда не уходил от этой дамы, не наевшись досыта... Это было в мае, в день Святого Креста, когда Лавор был разрушен так, как я об этом рассказал».

За эти два года Симон де Монфор знал мало поражений, за исключением того случая, когда в конце 1209 года его войска и войска герцога Бургундского были разбиты у крепости Кабарет. Но в 1211 году Пьер-Рожье, ее владелец, увидев, что его замок — единственный, который еще сопротивляется, сдал его Симону де Монфору в обмен на равноценные владения на равнине.

Именно тогда граф Тулузский, всегда осторожный и всегда враждебно относившийся к войне, счел за благо покориться папе. Он отдал свой замок — «нарбоннский замок» — крестоносцам, а его город был практически оккупирован. Аббат Сито и епископ Тулузы Фолькет Марсельский [16], бывший трубадур, прочел здесь много проповедей, но без особого успеха. Это был тот самый Фолькет, о котором, согласно «Песни о Крестовом походе», граф де Фуа говорил на Латеранском соборе: «Когда он был избран епископом Тулузы, такой огонь запылал по всей земле, что никакая вода никогда не смогла бы его угасить, потому что более чем у пятисот тысяч больших и малых он отнял жизни, тела и души. Даю вам слово: своими делами, словами и поведением он больше походил на антихриста, чем на посланца Рима... Его лживые песни и вкрадчивые слова, погибельные для любого, кто стал бы такое петь или говорить, его отточенные и гладкие изречения, наши подарки, благодаря которым он стал трубадуром [самое пикантное в этой истории заключается в том, что епископ, будучи трубадуром, выступал перед двором графа де Фуа и получал от него в награду за свои услуги многочисленные подарки!], наконец, его лжеучение раздули его гордыню до таких пределов, что нечего добавить к тому, что я вам рассказал...»

Данте, более снисходительный, чем граф де Фуа, поместил этого епископа, который все же был прекрасным поэтом,

в свой «Рай», на «Небо Венеры», где он в длинной речи вкратце упоминает о том огне, который пожирал его, «пока позволял возраст...».

В один прекрасный день рыцари Тулузы, а также буржуа и народ, выведенные из себя надоедливостью духовенства и притеснением французов, восстали. Мирный граф был против своей воли вовлечен в войну. Он начал кампанию без особого энтузиазма. Я не буду подробно рассказывать об этих военных операциях, довольно бестолковых и не принесших славы окситанской стороне. Раймону VI удалось осадить Симона де Монфора в замке Кастельнодари. Борьба шла с переменным успехом и с бесполезными подвигами с обеих сторон. В конце концов побежденный Раймон снял осаду.

В рядах южной армии сражался крупный феодал, бывший трубадур Саварик де Маллеон [17], которого Пьер де Во де Серней* обзывает «самым мерзким отступником и сыном дьявола в несправедности, посланцем антихриста, худшим, чем все прочие и все неверные, врагом Иисуса Христа» и т.д. В действительности этот Саварик де Маллеон два-три раза вступал в бой с Симоном де Монфором, но ничто не доказывает, что он интересовался только дипломатией, войной и женщинами. Английский король назначил его сенешалем Аквитании. Возможно, тулузцы достигли бы решающего успеха, если бы английский король пошел на прямое вмешательство в конфликт. Судьба Окситании решалась в эти дни у Кастельнодари, где граф де Фуа проявил такую храбрость, а Раймон VI был такой жалкой фигурой... Однако галантность не теряла своих прав. Говорят, Саварик де Маллеон ввязался в бой только из рыцарского духа и чтобы понравиться графине Альеноре Тулузской. «Нас пятьсот, — писал он ей, — и мы ждем только вашего приказа. Один ваш знак — и мы на наших конях!»

В последующие месяцы Симон де Монфор, которым двигала не любовь, а расчетливость, занял сначала Монферран и

* Петр Сернейский (р. ок. 1194) — приор Сернейского цистерцианского аббатства (Vaux-de-Cerney), участник IV Крестового похода и Альбигойских войн, автор «Истории альбигойцев» (1217) (*примеч. ред.*).

Ле Кассе, а потом, поскольку Раймон VI не проявил особой энергии для их защиты, Опуль, Сент-Антонен-де-Руэгр, Пенндэ-Ажне, Муассак и почти все владения Комменжей. Положение Раймона VI казалось отчаянным. В 1212 году у него остались только Тулуза и Монтобан.

Педро Арагонский

Говорят, что в ходе этой войны Дьявол часто любил прибегать к театральным эффектам. Ситуация внезапно изменилась. Король Педро Арагонский, одержавший победу над маврами при Лас Навас де Толоса, всегда считал себя настоящим сюзереном Каркассоннского виконтства и не мог смириться с ослаблением своей власти в этой части Лангедока. Присутствие французов вблизи от его границ, в городах и поместьях, на которые он имел право, вызывало у него беспокойство, тем более что Симон де Монфор явно не собирался воздать ему почести за виконтов Транквель, как это следовало сделать согласно строгому феодальному праву. Наконец, его родственные связи — одна из его сестер была замужем за Раймоном VI, а другая — Сансия, — за молодым Раймоном VII, а может быть, и секретный договор о взаимопомощи, подписанный по случаю этих браков, обязывали его оказать помощь своему зятю.

Окситанские трубадуры в своих резких сирвентах не раз напоминали ему, что в данных обстоятельствах речь шла в большей степени о его славе и его престиже, чем о его политических интересах. Они не боялись упрекать его в инертности, даже в трусости. Анонимный поэт — может быть, Раймон де Мираваль (см. прим. [12]) — обращался якобы к своему жонглеру Югоне: «Пойди, Югоне, без колебаний, к чистосердечному арагонскому королю; пропой ему новую сирвенту; скажи ему, что он слишком долго выжидает, так что люди уже думают, что он не выполняет своего долга. Они говорят, что французы уже давно занимают, как хотят, его земли, а он не смеет защищаться. Он одержал так много побед над маврами на юге, так, может быть, он вспомнит и

о своих вассалах на севере? Скажи ему, что его слава, которая уже велика, утроится, когда мы увидим его в Каркассоне собирающим, как добрый король, дань, которая ему причитается... И если ему захотят помешать, пусть проявит свой гнев, пусть одержит победу силой и кровью и пусть снаряды ложатся так плотно, чтобы ни одна стена перед ними не устояла!.. Мы сразу же сразимся с французами и посмотрим, кто получит рыцарский приз! Право на нашей стороне, и я верю, что побежденными будут они!..»

Педро Арагонский дал себя убедить, конечно, не столько трубадурам, сколько своим легистам [18]. Он сразу же принял весьма искусный и очень твердый дипломатический демарш в отношении папы Иннокентия III. Его послы действовали так ловко и привели столь убедительные аргументы, что папа был взволнован. Он послал Амальрику строгое письмо, в котором приказал ему достичь соглашения с королем Арагона ради окончательного умиротворения Лангедока и «прекратить проповедь крестового похода против ереси, пользуясь индульгенциями, которые апостольский престол ранее обещал в связи с этим мероприятием». Одновременно он послал не менее неприятное и осуждающее письмо Симону де Монфору, которое удивило всех, прежде всего французов. «Вы обратили, – говорилось в нем, – оружие крестоносцев против католических народов; Вы пролили кровь невинных и захватили в ущерб славному королю Арагона земли графов де Фуа и де Комменж, а также земли Гастона Беарнского, в то время как король, их владелец, вел войну против сарацинов... Бойтесь, если Вы будете несправедливо удерживать земли, которые захватили, что о Вас скажут, что Вы работаете ради собственных выгод, а не ради дела веры».

Если не знать, какими непостоянными были настроения в Средние века, когда в большой политике всегда побеждал более ловкий, можно было бы с полным правом утверждать, как это делал, кстати, Раймон VI, что в этом мире, созданном Дьяволом, властвует только случай. Крестоносцы уже считали все потерянным, Симон де Монфор был вне себя

от ярости. Однако епископы и французы быстро оправились. По приказу папы был созван собор в Лаворе. Собравшихся, как говорит Бельперрон, «не беспокоили тени госпожи Гироды, восьмидесяти задушенных рыцарей и совершенных, сожженных в мае 1211 года». В принципе графа Тулузского пригласили, чтобы он оправдался. Но сразу же стало видно, что у Дьявола уже изменилось настроение. Папа, во всяком случае, не испытывал больше тех же чувств к королю. Похоже, епископы убедили его вернуться к своему прежнему решению. Церковь осудила династию Раймона, и собор не принимал больше во внимание аргументы, выдвигаемые послами короля Педро, чтобы реабилитировать если не Раймона VI, то хотя бы его сына, будущего Раймона VII. «Граф Тулузский, — заявили епископы, — не заслуживает никакого снисхождения из-за его недостойного поведения. Его сын Раймон VII должен разделить его судьбу. Каков отец, таков и сын. Графы де Фуа, де Безье, де Комменж и Гастон Беарнский — настоящие еретики: они защищали Добрых людей и сражались во главе их армий против солдат Христа: они сами извергли себя из христианского общества...» Короче говоря, Лаворский собор оживил самые мерзкие намерения в отношении Педро Арагонского, отказался простить Раймона VI и даже предоставить ему возможность искупить вину в будущем. Монарх был возмущен и оскорблен тем, что не встретил среди участников собора понимания и почтения, которых он имел право ожидать как «христианнейший король». Обстоятельства и ирония судьбы заставили его теперь играть роль «патарена»*, потому что его вассалы, которых он так смело взял под защиту, были обвинены в том, что они таковыми являются.

Уже несколько недель рыцарь де Скала, представитель короля, находился в Тулузе с военным отрядом. Повсюду в городе можно было видеть каталонских баронов, беседующих с горожанами и любезничающих с дамами. Сам король про-

* Патарены — так еретиков-дуалистов стали называть в Италии, позже это название распространилось наряду с названием «катары» по всей Европе (*примеч. ред.*).

вел несколько дней в графском замке. Тулуза стала арагонской, и Раймон VI мог бы сказать, что произошла только смена оккупантов... Но пусть лучше это будет кто угодно, только бы не французы!

Симон де Монфор и духовенство послали двух аббатов к Педро Арагонскому, чтобы сообщить ему приказ папы. Он ответил им любезными словами, но решил на этот раз действовать на свой страх и риск и действовать быстро. Задержавшись ненадолго в Провансе, он вернулся в Барселону и собрал свою армию.

Он вторгся в Окситанию через Гасконь и сразу же дошел до Тулузы к восторгу всего народа. Он был освободителем. Никто не сомневался в победе.

Битва при Мюре

12 сентября 1213 года произошла битва при Мюре. Король, который много ездил верхом, очень устал. Рассказывают, хотя это, несомненно, клевета, придуманная католиками, будто он провел ночь накануне битвы с любовницей и утром еле-еле влез на лошадь. В действительности он полагался на энтузиазм и считал, что для победы достаточно одной смелости.

Войска столкнулись на травянистой равнине Мюре, где местами блестела вода протоков, вопреки совету осторожного Раймона VI, который, будучи верным римской тактике, хотел построить лагерь и отражать врага стрелами: его малодушие высмеяли и он обиделся... Это была стычка рыцарей, в которой арагонцы проявили доблесть и отвагу, но действовали в неопишемом беспорядке. «Каждый барон хотел вести свою собственную битву, не признавая ни порядка, ни тактики среди криков и грохота» (П. Бельперрон). «Стоял такой скрежет оружия, что можно было подумать, будто это валится лес под ударами множества топоров» (Гильом де Пюилоран*). Французы, более дисциплинированные, лучше умели использовать

* Гильом Пюилоранский — капеллан графов Тулузских, историк Альбигойских войн.

оруженосцев, которые сопровождали тогда рыцарей. Их сплоченные ряды быстро доказали свое преимущество перед храбростью людей графа де Фуа и стремительностью арагонской кавалерии. Военный гений Симона де Монфора довершил остальное. Король Педро Арагонский стал жертвой своего рода убийства. Два героя-убийцы, французские рыцари Ален де Руси и Флоран де Вилль, поклялись убить короля — этого предателя! — или умереть. Судьба часто благоволит таким людям, готовым заплатить своей смертью за смерть их врагов. Они прорубали себе дорогу ударами мечей и искали короля посреди его охраны, а тот, согласно обычаю, которому тогда следовали монархи, обменялся накануне своими доспехами с одним из своих рыцарей, так что французы сначала напали на его заместителя и легко его убили. «Это не король, — сказал Ален де Руси, — король лучший рыцарь!» Педро, услышав это, воскликнул: «Вот король!» Он убил одного французского рыцаря, но пал потом под ударами двух нападавших. Арагонские бароны, в том числе Мигель де Лусиан, сделали невозможное, чтобы защитить своего короля, закрыв его своими телами: они были убиты на месте. Юк де Матаплана, покровитель трубадуров и сам трубадур, был доставлен в Тулузу тяжело раненным.

«Велики были беды, скорбь и потери, когда король Арагона пал в крови, а с ним многие другие бароны: и велик был позор для всего христианства и всего рода человеческого. Люди из Тулузы, охваченные печалью и скорбью, те, кто сумел спастись, а не остался на поле битвы, вернулись в Тулузу под защиту ее стен» («Песнь о Крестовом походе») [19].

Раймон Тулузский и его сын почти сразу же покинули свою столицу. В последующие дни Симон де Монфор продолжал свои завоевания, захватив Ажене, южный Перигор и Руэрг (в 1214 году). С апреля по октябрь 1215 года Людовик Французский* в какой-то степени помогал ему, предприняв свой личный малый крестовый поход в течение сорока дней. Вернувшись в Париж, он, несомненно, рассказал своему отцу,

* Людовик VIII, тогда еще принц Луи (*примеч. ред.*).

как умеет пробиваться и обогащаться Симон де Монфор. А Симон тем временем наложил руку на город Фуа и почти на все графство Тулузское (в 1215 году). Тогда папа Иннокентий III созвал в Риме Вселенский собор в качестве третейского суда: на этом Латеранском соборе в ноябре 1215 года граф де Фуа тщетно пытался защитить свое дело и дело графа Тулузского:

«Сеньор папа, мое полное право оправдывает меня, равно как моя верная прямота и мои благие намерения; если бы меня судили по справедливости, мне была бы гарантирована безопасность, поскольку я никогда не любил еретиков — ни их верующих, ни совершенных. Наоборот, я всегда приносил дары аббатству Бульбонн, где меня хорошо принимали и где похоронены все мои предки. Что же касается Пюи де Монсегюра, то правовые отношения с ним ясны: никогда, ни одного дня я не был его сюзереном. А моя сестра — сумасшедшая женщина и грешница, я же не собираюсь пропадать за ее грехи...* Что же касается епископа (Фольке Тулузского), который столь рьяно занимается этим делом, то я вам скажу: в его лице преданы Бог и все мы».

Папа весьма любезно ответил графу де Фуа:

«Граф, ты очень хорошо рассказал о своих правах, но немного умалил наши. Я знаю твои права и искренность твоих чувств. И если твое дело справедливое, когда я буду иметь доказательства этого, ты получишь назад свой замок, тот, который ты потерял. А если святая Церковь тебя осудит, ты можешь надеяться на милосердие, потому что Бог надоумил тебя покаяться. Все злые грешники, пропавшие и погрязшие во грехе, должны быть приняты Церковью, если она сочтет, что их души находятся в смертельной опасности, если они чистосердечно покаются и сделают все, что им прикажут».

Еще одна улыбка Дьявола, еще один театральный эффект. Раймон VI прибыл в Геную, где к нему присоединился его сын, «молодой граф» (Раймон VII). Оба они вернулись в свои

* Сестра графа де Фуа Эсклармонда, овдовев в 1204 году, стала совершенной (*примеч. ред.*).

владения в Провансе (в марте 1216 года), и Марсель и Авиньон устроили им восторженный прием. Вот описание их приезда в Авиньон:

«Бароны скакали по двое по травянистым равнинам и думали об оружии и доспехах, и мессир Ги де Кавальон сказал молодому графу с высоты своего рыжего коня: “Вот настало время, когда нашему Краю очень нужно, чтобы Вы были и злыми, и добрыми, потому что граф де Монфор, который истребляет баронов, и Римская Церковь предсказывают, что наш Край останется обесчещенным. Они настолько все перевернули в нем вверх ногами, что если он не будет Вами освобожден, он навсегда погрузится во тьму. Если Вы не восстановите наш Край и его достоинство, он умрет, и с ним весь Ваш мир. А поскольку Вы — истинная надежда всего нашего Края, иначе весь Край умрет, проявите свою доблесть”. “Ги, — сказал молодой граф, — мое сердце радуется, когда я слышу Ваши слова, и мой ответ будет кратким. Если Иисус меня спасет, меня и моих соратников, и вернет мне столь желанную для меня Тулузу, никогда наш Край не будет знать ни нужды, ни позора, потому что нет в этом мире ни одного человека, достаточно могущественного, чтобы меня победить, — это под силу только Церкви. И настолько велики мои права и силы моего разума, что если бы против меня выступил злой и гордый противник, он был в сравнении со мной как леопард в сравнении со львом”.

Они беседовали об оружии, любви и подарках до того момента, когда наступил вечер и их принял Авиньон. Когда слух об их прибытии распространился по городу, все, и стар, и млад, высыпали из домов и с радостью побежали по улицам. Счастливым почитал себя тот, кто бежал лучше других. Одни кричали: “Тулуза!” в честь отца и сына, другие: “О, радость! Отныне Бог с нами”. С решимостью в сердце и со слезами на глазах все встали на колени перед графом и все вместе сказали: “Христос, Господь славы, дай нам власть и силу вернуть им обоим их наследство!” Давка была столь велика, что пришлось прибегнуть к угрозам, прутьям и палкам.

В воскресенье утром была зачитана формула принесения клятвы графу. И тогда одна сторона сказала другой: “Законный и любимый сеньор наш! Не бойтесь ни давать, ни тратиться. Мы дадим Вам деньги и предоставим самих себя в Ваше распоряжение, пока Вы не вернете себе свои земли или пока мы не умрем за Вас”. “Сеньоры, — сказал граф, — велика будет награда за это, потому что вы будете иметь больше власти и над Богом, и над нами”.

«Нет ничего более трогательного в “Песне о Крестовом походе”, — писала Симона Вейль, — чем это место, когда свободный город Авиньон добровольно подчиняется графу Тулузскому, побежденному, лишенному своих земель и всех ресурсов, доведенному почти до нищенства... Можно ли представить себе более благородный способ обретения свободными людьми своего господина? Это благородство показывает, до какой степени все население городов было проникнуто рыцарским духом».

1216 год. Симон де Монфор вынужден теперь сражаться на два фронта. События ускоряются. В то время как Раймон VI отправился в Испанию, чтобы собрать там армию, молодой граф осадил Бокер с помощью марсельцев.

«Эти марсельцы пришли с великим ликованием. Посреди Роны распевали гребцы. Впереди сидели рулевые, которые управляли парусами, лучники и лоцманы. Звуки рожков, труб, кимвалов и барабанов отдавались эхом от берегов на заре. Блеск копий и волн, лазурь и алый цвет, белесоватая зелень, чистое золото и серебро смешивались в игре солнца и воды, когда рассеивался туман. По берегу в ярком свете дня радостно скакали сир Ансельме и его всадники на конях в чепраках, с орифламмой впереди. Со всех сторон раздавались крики: “Тулуза!” в честь благородного сына графа, который вновь обретал свои земли. И они вошли в Бокер».

Взятие Бокера нанесло сильный удар по престижу Симона де Монфора, который до тех пор считался непобедимым.

Июль — август 1216 года. Тулуза восстала. Симон де Монфор опустошил часть города, но не смог снова овладеть им целиком.

1217 год. Он отправился в Прованс сражаться против молодого графа, а Раймон VI тем временем вступил в осажденную Тулузу.

«Жители, нотабли и мелкий люд, бароны, дамы, простые женщины и их мужья вставали на колени перед ним, целовали его одежду, ноги, руки, пальцы и говорили друг другу: “Теперь с нами Иисус Христос, светило, звезда, которая засияла для нас. Это наш сеньор, который был нами потерян. И наш Край и его Честь, которые были погребены, ожили, восстановлены, исцелены и спасены!”»

1218 год. Симон де Монфор, разбитый в Провансе, поспешно вернулся в Лангедок. Он пошел на Тулузу и осадил ее, но не смог помешать молодому графу в свою очередь войти в нее. Французов повсюду преследовали дурные предзнаменования.

«С самого высокого зубца башни моста, которую крестоносцы захватили в первую очередь, их флаг упал в воду и лев-герб Монфора оказался на берегу... Звон больших и малых колоколов отдавался от городских домов, от воды и от берега. И в этой радостной обстановке пять тысяч оруженосцев вышли изнутри крепости и заняли места перед армией осаждавших, налегке, готовые убежать. Они кричали: “Здесь Робен! Здесь Готье!” (французские имена, использовавшиеся в насмешку). “Смерть! Смерть французам и ханжам! Мы выиграем, потому что Бог дал нам вождя и наследника, отважного молодого графа, который принес нам огонь!”»

Дела оборачивались все хуже и хуже для завоевателя. Его лучшие соратники гибли у него на глазах.

«Сир граф де Монфор, мрачна Ваша судьба. Вы понесли сегодня тяжелые потери, потому Вы так много молитесь. Люди из Тулузы убили рыцарей, Ваших соратников, Ваших лучших друзей: Гийом Тома, Гарнье и Симон дю Кери убиты, Готье ранен...»

А вот и для Ги, брата Симона де Монфора, пришел черед быть убитым. «Граф приблизился к своему любимому брату, соскочил с коня и сказал ему такие безбожные слова: “Дорогой брат, Бог разгневался на нас, меня и моих соратников, он защищает негодяев; и за это оскорбление я стану монахом-госпитальером!”»

25 июня 1218 года: смерть Симона де Монфора

В то время как смертельно раненный Ги стонал и агонизировал, метательные орудия тулузцев продолжали стрелять.

«В городе была катапульта, которую сделал один плотник. Со строительной площадки в Сен-Сернен для нее были взяты камни и рябиновые стволы. Ее обслуживали дамы, молодые девушки и женщины. И брошенный камень точно попал, куда надо, в стальной шлем графа Симона, разнеся в клочья его глаза, лоб, мозги, зубы и челюсти...

Для погребения его отправили в Каркассон... И для тех, кто умел читать, в эпитафии говорилось, что он был святым мучеником, что он должен воскреснуть, получить небесное воздаяние и блаженствовать, восседая в царствии небесном.

Я тоже слышал, что его судьба должна быть такой. Что же: если за то, что он убивал людей и проливал кровь, губил души, давал согласие на массовые убийства, верил советам извращенцев, зажигал костры, истреблял баронов, позорил наш Край, силой захватывал земли, давал волю гордыне, поощрял Зло и давил Добро, убивал женщин и душил детей, можно в этом мире обрести милость Иисуса Христа, он должен носить ореол и сиять на небе. И пусть Сын Девы, который привел праведных к Отцу своему, который отдал свою драгоценную плоть и кровь, чтобы уничтожить Гордыню, позаботится о Разуме и Правде, которым грозит гибель, чтобы в битве двух сил воссияла Правда!»

(«Песнь о Крестовом походе»).

Бойня в Марманде

Июнь 1219 года. Настал момент, когда французская монархия должна была занять место Амори де Монфора, который наследовал своему отцу, не обладая его талантами, и к тому же, как говорили, якобы испытал на себе моральное влияние катарского «совершенного», с которым несколько раз

встречался. Принц Людовик, сын Филиппа-Августа, с нетерпением ждал, когда он сможет положить конец успехам Раймона VII, который разбил французов при Базьеже и в ряде других мест. С армией из шестисот рыцарей и десяти тысяч лучников, усиленной двадцатью епископами, он присоединился к Амори у Марманда. Осажденный город сдался, и все его 5000 жителей, включая женщин и маленьких детей, были истреблены.

«Даже если учитывать обычные преувеличения поэта (автора “Песни”) и тенденцию летописцев раздувать цифры, остается, тем не менее, несомненным тот факт, — пишет Пьер Бельперрон, — что было истреблено если не все население Марманда, то большая его часть, и здесь нельзя было, как в случае с Безье, свалить вину на бродяг и ссылаться на то, что город был взят штурмом. Кто должен нести за это ответственность? Очевидно, люди Амори, жаждавшие отомстить за смерть Симона де Монфора и наказать город за отступничество для примера. Другие крестоносцы, хотя и не принимали в этом участия, и не думали мешать». Как и двадцать епископов, добавлю от себя.

Принц Людовик и Амори де Монфор подошли к Тулузе 16 июня 1219 года.

Этому несчастному городу предстояло вынести третью осаду. В ходе этого крестового похода, как говорят летописцы, Бог совершил много чудес ради Симона де Монфора. Будем справедливыми и признаем по этому случаю, что он должен был сделать хоть что-нибудь и для Раймона VII: французы не смогли взять город. Это была «прискорбная неудача», как сказал папа Гонорий III. 1 августа, «злясь, что отведенный им срок закончился, они сняли осаду столь поспешно, что бросили свои машины, которые осажденные на радостях сожгли».

Судьба, как никогда, явно благоприятствовала тулузским графам. Они вернули все свои владения. И Лангедок, хотя и разрушенный, оказался почти в той же ситуации, что и в 1208 году. Казалось, напрасно истребили столько невинных людей. Совершенные возобновили свои проповеди; произош-

ло возрождение катаризма. Амори де Монфор, покинутый почти всеми своими рыцарями, лишенный ресурсов и отягощенный долгами, вынужден был оставить Каркассонн, куда вступил и где вскоре после этого утвердился молодой Транкавель, сын виконта, убитого в 1209 году.

Королевские завоевания

Феодальный крестовый поход закончился. Главные персонажи первых актов трагедии были мертвы или исчезли с политической сцены: Филипп-Август*, Раймон VI [20], граф де Фуа. Мы близимся к развязке. Начались королевские завоевания.

Прежде чем покинуть юг, Амори де Монфор отдал все свои права Людовику VIII [21]. Тот не упустил случая воспользоваться ими. Эта кампания не была уже, как в 1215 году, просто гастролями или паломничеством: она длилась с 1226 по 1229 год.

Король нигде не встретил серьезного сопротивления, кроме Авиньона, которым он овладел в сентябре 1226 года после правильной осады. Чтобы окончательно утвердить французское господство в Провансе и Лангедоке, он учредил два сенешальства, одно в Бокере, другое в Каркассонне. Возможно, он попытался бы в следующем году подчинить Тулузу и это ему, конечно, удалось бы, но Бог или Дьявол еще довольно долго продолжал периодически защищать графа. Король заболел и умер в Монпасье, в Оверни.

Раймон VII, хотя его положение не было совсем отчаянным, понимал, что не сможет сопротивляться огромной мощи французской монархии. Города и замки примыкали к королю [22] и уходили от графа Тулузского. Когда его владения снова сузились до Тулузы и нескольких клочков земли вокруг города, он решил сдаться. Состоялась ассамблея в Мо

* Филипп-Август умер 14 июня 1223 года (*примеч. ред.*).

(1228—1229 годы), где были подготовлены предварительные условия мирного договора, который граф подписал с Людовиком IX в Париже 12 апреля 1229 года перед собором Парижской Богоматери. Раймон сохранил за собой Тулузу и часть Лангедока, но было обусловлено, что после него его владения переходят к его дочери Жанне, которая должна выйти замуж за Альфонса де Пуатье, брата короля. Французское господство уже утверждалось в Тулузе. Окситанская культура начала медленно отступать по всему Лангедоку, «где местную знать большей частью заменили иммигранты, которые не знали язык страны или пренебрегали им» (А. Жанруа). В Тулузе был учрежден Университет, второй в королевстве. И, разумеется, там уже работала инквизиция [23].

«Целыми днями, — писал тогда или несколько позже трубадур Сикар де Марвежоль, — я пребываю в раздражении, а ночами, сплю я или бодрствую, я не перестаю вздыхать. Куда бы я ни обратил взгляд, я вижу, как весьма любезные люди смиренно приветствуют французов, обращаясь к ним «сир». Да, французы сжалились над нами, когда мы оказались целиком в их руках, потому что они не знают другого закона, кроме этого. Увы! Тулуза, Прованс, Терр д'Аржанс (Бокер), Безье, Каркассонн — какими я вас видел и какими вижу теперь!»

Последующие годы, с 1229 по 1249-й (год смерти графа), были отмечены усилиями, которые Раймон VII предпринимал для того, чтобы изменить, обойти или аннулировать катастрофические последствия Мо-Парижского договора. Южное население продолжало исповедовать катарскую религию, несмотря на инквизицию [24]. Но все усилия графа не принесли успеха.

Сначала он пытался вернуть Прованс или хотя бы сохранить права на него. Их у него окончательно отняли и передали Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX. В 1240 году преждевременно и, может быть, вопреки желанию Раймона VII, поднял мятеж Транквель, сын Раймона-Роже, который, выступив из Испании с несколькими рыцарями и отрядом наемников, сначала достиг небольших успехов в своем старом

виконтстве, но потерпел неудачу под Каркассонном, который он не смог взять. Некоторое время спустя он покорился королю.

Монсегюр

Монсегюр все еще продолжал сопротивляться. Когда от Раймона VII требовали выполнения статей договора в Мо, касающихся подавления ереси, граф делал вид, что хочет это сделать, но старался не стать победителем в этой борьбе, предоставляя эту роль королю, который в случае неудачи мог позволить ему сохранить связь с графом де Фуа. Глаза всех верующих были устремлены на Монсегюр, символ религиозного и политического сопротивления. Под защитой его стен катарское духовенство продолжало сохранять в неприкосновенности свою веру и обряды и блюсти духовные и материальные интересы секты.

Именно из Монсегюра 28 мая 1242 года отправилась карательная экспедиция, которая перебила в Авиньоне бывших там проездом инквизиторов Тулузы, доминиканца Гильома Арно, францисканца Этьена де Сен-Тибери и всех их помощников*. Эта кровавая операция стала прелюдией ко всеобщему восстанию во всем Лангедоке; может быть, это был сигнал. Раймон VII и южные бароны, заключив союз с королем Англии Генрихом III и графом де Ла Маршем и обеспечив себе поддержку, — хотя скорее моральную, чем эффективную, — королей Наварры и Арагона и даже императора Фридриха II, почти сразу же начали открытую войну против Франции. Но англичане были разбиты при Гальбуре, и главные союзники утратили боевой дух, так и не начав по-настоящему сражаться. Раймон VII, граф де Фуа и виконт де Нарбонн сразу же запросили мира.

Итак, все военные попытки графа воспротивиться унижительным статьям договора в Мо обернулись для него неуда-

* Подробнее см. Приложение 1: «Философия убийства», глава VI, 2 (*примеч. ред.*).

чами. То же самое произошло и с его матримониальной политикой. Раймон VII, у которого не было сыновей, вполне разумно полагал, что законный наследник его крови имел бы больше шансов стать его преемником, — несмотря на договор, — чем дети, которые могли бы родиться у Жанны и Альфонса де Пуатье. Поэтому он прогнал свою жену Сансию Арагонскую [25], вознамерившись жениться на другой Сансии, дочери графа Раймона-Беранже Прованского. Но переговоры с папой [26] затянулись, и вторая Сансия, потеряв терпение, предпочла быстро выйти замуж за брата английского короля Ричарда. Не потеряв надежды, Раймон VII стал подумывать тогда о дочери графа де Ла Марша, своего давнего союзника, известного своими антифранцузскими настроениями, но потом изменил свои намерения, отверг эту бедную женщину (с тем большей легкостью, что при отсутствии развода брак не мог быть заключен [27]) и наметил себе в жены последнюю дочь графа Прованского Беатрису. В этом деле он заручился поддержкой Якова I Арагонского. Но французский двор был начеку. Раймона VII отвергли, не спросив девушку, и присудили ее Карлу Анжуйскому, который уже был на месте с армией.

Так что звезды судили Раймону VII умереть без наследника, и его владения отошли французской короне. Он умер в 1249 году. В 1259 году Арагон, а затем Англия отказались от своих претензий на юг нынешней Франции. После смерти графини Жанны и графа Альфонса де Пуатье графом Тулузским стал король Франции. В Лангедок были назначены четыре сенешаля.

Монсегюрский костер

Катаризм не исчез сразу же. До 1244 года, даты падения Монсегюра, он оставался активным и бдительным. Многие верующие, благодаря посвящению последних тайных «совершенных», могли получать на смертном одре консоламентум ради спасения своих душ. В городах, особенно в Тулузе, не-

довольство инквизицией выливалось временами в бунты в народных кварталах: на терроризм люди отвечали терроризмом. В буржуазном центре города и в особняках знати происходили ночные собрания, на которых составлялись заговоры против французов и Церкви. Существовала организованная сеть сопротивления, которая старалась как в городах, так и в сельской местности обеспечить все необходимое для катарского культа, защитить жертв инквизиции, устроив им отъезд в Ломбардию, отомстить предателям и доносчикам.

Монсегюр, похоже, играл большую роль в этой повседневной борьбе против инквизиции. В этом замке люди спасались от ее агентов; сюда же они приезжали, чтобы умереть в Боге.

После убийства инквизиторов в Авиньоне Церковь и король требовали уничтожить это логовище еретиков, которое энергично защищали Пьер-Роже де Мирпуа и его рыцари. Но на Раймона VII в этом деле рассчитывать было нельзя. В марте 1243 года Гуго дэ Арси, сенешаль Каркассонна, получил приказ покончить с этой «Головой Дракона». К Монсегюру отправилась армия, которую сопровождали два страшных церковника: Пьер Амьель, архиепископ Нарбонна, и Дюран, епископ Альби, специалист по изготовлению военных орудий. Их войска окружили гору, на которой находился Монсегюр.

Однако несколько месяцев крепость не удавалось полностью блокировать. Она получала продукты питания, оружие, новости из Франции и Италии, послания графа. Из своего соседнего замка Бернар д'Алион даже послал на помощь осажденным отряд каталонских наемников. Этот Бернар д'Алион, сначала очень враждебно относившийся к еретикам, женился в 1235 году на дочери графа де Фуа Эсклармонде, которая, возможно, была верующей и в конце концов убедила своего мужа быть более благожелательным к жертвам инквизиции. Это о ней, несомненно, трубадур Монтаголь, заклятый враг французов и священников, писал: «Госпожа Эсклармонда, Ваше имя столь драгоценно и столь прекрасно, что достаточно подумать о нем, чтобы целый день быть под защитой от Зла... Да защитит и сохранит Бог Эсклармонду, имя

которой говорит тому, кто умеет его понимать, что она чиста и нет в ней никакого безрассудства!»

Осада продолжалась. Большие иллюзии рождали надежды, стимулировали смелость осажденных рыцарей. Однажды распространился слух — к этому приложил руку Раймон VII — что император Фридрих II, олицетворявший для римской церкви Антихриста во плоти*, идет на помощь осажденным. Было маловероятно, чтобы великий император предпринял поход на Монсегюр. Но, по правде говоря, ему достаточно было оказать давление со стороны Прованса, чтобы весь Лангедок снова поднялся. Раймон VII был союзником Фридриха в 1240 году, потом покинул его в 1241, но в той ситуации, которая сложилась в 1243 году, Фридрих снова сблизился с графом Тулузским, и тот даровал ему титул маркиза Прованса и Венессена. Это пробудило большие надежды в душах южан, и в антифранцузских кругах ожидали вооруженного вмешательства императора. Это доказывается тем, что в одной из своих сирвент трубадур-франкофил Юк де Сент Сирк [28] счел своим долгом предостеречь Церковь и короля Франции против его агрессивных намерений. Он даже советовал предупредить их и организовать против Фридриха настоящий крестовый поход, чтобы лишить его владений, «ибо тот, кто не верит в Бога, не должен править». Все это побуждало катаров проявлять свою преданность императору, изображать из себя таких же «гибеллинов», как и патарены во Флоренции. Разве Юк де Сент Сирк не говорил, что Фридрих обещал англичанам, что он «отдаст им Бретань, Анжу, Гиень и т.д. и что он отомстит за Тулузу, Безье и Каркассон?»

Не исключено, что сирвента Юка де Сент Сирка попала в Монсегюр, — песни трубадуров распространялись очень бы-

* Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) — германский король с 1212 г., император Священной Римской империи с 1220 г., король Неаполя и Сицилии с 1197 г., король Иерусалимского королевства в 1229–1239 гг. Его непримиримая вражда к папству, трижды приведшая его к отлучению от церкви, покровительство арабским и еврейским ученым и свободный образ жизни создали ему среди современников славу опасного еретика (*при меч. ред.*).

стро, — и что «совершенные» знали ее содержание еще до того, как им сообщили его эмиссары Раймона VII.

Но Фридрих II не пришел на помощь Монсегиюру и не отомстил за Безье и Каркассонн. И когда осаждавшим удалось захватить небольшое укрепление, которое открывало доступ в крепость с востока и позволяло ее защитникам получать новости из внешнего мира и свою порцию иллюзий, Монсегиюр капитулировал. Однако Пьеру Роже де Мирпуа удалось незадолго до сдачи спасти сокровище катарской церкви...

Двести еретиков были сожжены первого или второго марта 1244 года. «Среди них был Бертран Марти, которого они сделали своим епископом; и все они отказались обратиться, как им предложили, и были заключены в ограду, сделанную из кольев и свай, и, сожженные в ней, перешли из огня казни в огонь Тартара» (Гийом де Пюилоран).

В числе этих мучеников были старая маркиза де Лантар, ее дочь Корба де Перелла и ее внучка Эсclarмонда де Перелла [29].

В том же 1244 году катары Флоренции тоже были отправлены в «огонь Тартара».

После падения Монсегиюра и Керибю в Корбьере, последней катарской крепости (в 1255 году), катаризм пошел двумя разными путями. В городах он превратился в своего рода политическую партию, если угодно, партию «гибеллинов», объединявшую знать, буржуа, банкиров, часто консулов и даже католических священников. Будучи в принципе добрыми католиками, все эти влиятельные люди преследовали лишь одну цель — избавиться любыми средствами от доминиканской инквизиции. Они поддерживали, — или делали вид, что поддерживают, — учреждение епископской инквизиции, гораздо менее несправедливой и тиранической. Между делом они не упускали случая обратить внимание короля на опасность для экономики страны бегства капиталов и рабочей силы в Ломбардию. И Филипп Красивый около 1305 года был готов прислушаться к этим просьбам. Но бунты все испортили.

В Каркассонне в 1285 году буржуа и консулы попытались завладеть списками инквизиции, куда были занесены имена их сограждан, подозреваемых в ереси. Вдохновителем заговора был не кто иной, как Сан Морлан, каноник кафедрального собора Сен-Назэр и епископский прокурор епархии. Заговор сорвался, но его вожди остались безнаказанными. Инквизитор не смог добиться от папы осуждения Сан Морлана, принадлежность которого к катарам не вызывала сомнений.

Очевидно, что большинство этих «еретиков» конца XIII века составляли просто христиане-реформисты или честные люди, которых возмущали нетерпимость и фанатизм. Страх перед инквизицией, когда они видели, что король ни в коей мере не расположен избавить их от ее террора, толкал их и на борьбу против французского господства. Известно, что в 1304 году буржуа Каркассонна и Лиму, выведенные из себя, дошли до того, что предложили Фернандо, инфанту Майорки, снова взять на себя управление Каркассоннским виконтством, подобно тому, как в 1275 году виконт Нарбонна и его братья осмелились обратиться к Кастилии с призывом освободить их город.

В то время как в некоторых городах «катарская партия» еще располагала просвещенными и честными людьми, в сельской местности «совершенные» не могли больше вести пропаганду. Многие из них эмигрировали в Ломбардию, а те, что остались, не обладали уже культурой и мудростью их предшественников: они проповедовали искаженное, выродившееся, часто по-детски наивное учение. Пастору Отье в графстве Фуа удалось вернуть катаризму его истинный облик и даже снова придать ему жизненные силы, но это была лишь одна из последних вспышек [30]. После него последний Добрый человек Белибаст [31] смешивал с более или менее хорошо понятым традиционным учением личные толкования, которые дискредитировали это учение или затрудняли его защиту. Вера в вечность мира, идея, что душа сама материальна, отрицание свободы воли, удаление Бога в бесконечную трансцендентность, что делало его абсолютно чуждым этому миру, все это призывало простых людей обращать

внимание только на материю и на видимый мир и найти общий язык с Дьяволом, чтобы не быть слишком несчастными. Это отдавало материализмом или колдовством. Чистая духовность стала редкостью.

В сердцах осталась только ненависть — вполне объяснимая — к Риму и к инквизиции. Люди продолжали ждать пришествия Великого Монарха, который победит их обоих. После веры во Фридриха II, заклятого врага папства, теперь надеялись на другого человека с тем же именем, на Федерико, сына Педро Арагонского, короля Сицилии. Пророчества, которые ходили в Италии среди патаренов, дошли до верующих в графстве Фуа. Около 1305 года еретика Дольчино из Новары, ученику Сегарелли из Пармы*, было откровение, что «этот новый Фридрих станет императором, что он учредит в Италии десять королевств, предаст смерти папу, кардинала и римских прелатов и всех монахов, кроме тех, кто примкнет к секте и наконец он, Дольчино, будет посажен на престол блаженного Святого Петра». Белибаст знал это пророчество, — что доказывает, что он был хорошо осведомлен о том, что происходит в Италии, — и пересказывал его своим последним сторонникам, сильно искажая его и смешивая с пророчествами апокалиптического происхождения, касающимися времен, когда «народ восстанет против народа, царство против царства и начнется война всех против всех». «Придет, — говорил он, — король из рода Арагона, — память о короле Педро, убитом при Мюре, оставалась живой, — который накормит своего коня на римском алтаре. Тогда римская Церковь будет унижена, а катарская Церковь — возвышена, и ее священники будут почитаться повсюду. А когда Гильельма Морин, которая слушала это, спросила его: «Когда придет он, господин?», еретик ответил ей: «Когда Богу будет угодно»».

Но ни Белибаст, последний совершенный, ни бедные изгнанники, которые слушали его в Морелье (Испания), не увидели воплощения в жизнь этого мстительного пророчества.

* См. «Философия убийства», гл. VIII, 2, «Апостолы религиозного обновления».

Белибаст был арестован в 1321 году и сожжен в Вильруж-Терменесе (нынешний департамент Од).

Обновленное христианство. Непримиримый подход

Мы не знаем точно, ни от каких более древних религиозных учений произошел западный катаризм, ни в какой мере он соединил их различные подходы, чтобы достичь оригинального синтеза. В чисто моральном плане он, несомненно, не вписывается в гораздо более широкое движение возврата к первоначальному евангелизму: он сам хотел быть настоящим христианством апостолов. Поэтому его в значительной степени можно объяснить, исходя из самого христианства: Евангелие от Иоанна, многие части Ветхого Завета и послания Святого Павла легко могут быть истолкованы в дуалистическом смысле, и катары никогда не упускали случая сослаться на них как на доказательство истинности их собственного учения.

В философском плане катаризм – это дуализм; но, прежде чем говорить о возможном происхождении этого феномена, следует попытаться определить, что такое дуализм, поскольку этот термин весьма расплывчат и имеет множество оттенков.

Большая проблема, которая породила дуалистический соблазн и которая всегда была камнем преткновения для всех теологов, – это проблема Зла. Сформулировать ее можно так: почему добрый Бог, Бог любви, допускает существование Зла?

Все усилия теологов направлены на то, чтобы примирить идею совершенного творения с реальностью плохо устроенного мира. Одни из них прямо хотели снять с Бога ответственность за грехи; Бог создал Вселенную совершенной, по своему подобию: это был рай; но он дал человеку свободу воли, и человек взбунтовался против своего Творца и выбрал Зло. Эта концепция не выдерживает критики, потому что

она противоположна понятию о всемогущем и вездесущем Боге. В самом деле: даровав свободу воли своему творению, Бог должен был знать, как оно его использует, что наводит на мысль, что он умышленно создал плохой мир: мы впадаем в неразрешимое противоречие или приходим к выводу, что Бог не добрый. Оставим пока эту идею; мы еще вернемся к ней в несколько иной форме.

Другие теологи пытались обойти трудность, ловко избегаясь от Зла: Зло якобы не существует, есть лишь относительное Добро; все творение вовлечено в обширный процесс восхождения, который постепенно ведет его к высшему Добру; когда мы говорим о Зле, речь идет в действительности о промежуточных этапах...

Этот взгляд может быть соблазнительным для интеллекта. Его не тревожит существование страданий в самых чудовищных формах, при всей их болезненности, он их не объясняет. Но как назвать «меньшим добром» или «промежуточным этапом» все те ужасы, которыми полна человеческая история: пытки, геноцид, насилие и так далее?

Дуалисты предлагают иное решение, может быть, на первый взгляд шокирующее, которое особенно трудно принять тем, кто погружен в идею единого Бога, творца всех вещей, но признаем, что оно, по крайней мере, строго логично. Не совершенно чистый и добрый Бог создал этот мир, полный всяческой грязи и скверны. Любовь может рождать только Любовь, а ненависть могла быть рождена только ненавистью, значит, Зло было создано Злом.

Иными словами, в начале времен было не одно, а два божества: один абсолютно добрый Бог, который создал все в этом мире, что включает в себе Любовь, чистоту и Добро; и абсолютно злой Бог, на которого следует возложить вину за все Зло в мире. Эти два противоположных творения смешались и возникли тот мир, каким мы его знаем, и человечество.

В этой перспективе судьба человеческой души состоит, несомненно, в том, чтобы избавиться внутри от дурного творения и посвятить себя Добру, целиком отождествлять себя с ним.

Такова исходная точка. Но из этой основной концепции возникли различные учения, которые можно объединить в два больших течения: «абсолютный дуализм» и «умеренный дуализм».

Эту идею, которая составляет собой самую сущность катаризма, мы находим в зародыше у ряда христианских мыслителей, даже самых официальных, таких как святой Августин, и у других, менее знаменитых, таких как Ориген или Лактанций. Можно утверждать, что эти философы высказывали все идеи, которые, доведенные до крайности, внушили позже катарам теорию двух антагонистических начал, двух божеств — Добра и Зла.

Большой проблемой для дуалистов оставался вопрос, равны ли эти два творческих начала по значению и силе. И здесь мы обнаруживаем существенное различие между дуализмом катарского типа и манихейством [32].

Согласно точке зрения катаров, Добро не подвержено никаким изменениям. Оно неподвижно, «подобно Отцу». Зло же, наоборот, нестабильно, подвержено порче [33] (то есть материализации, так как злые духи вступали в связь с дочерью человеческими). Одно начало может творить только Добро, другое имеет пагубный дар свободы — моральный образ изменения. Еще святой Августин утверждал, что в творениях свобода воли всегда обращается ко Злу: так не состоит ли истинное совершенство в том, чтобы быть абсолютно свободным ото Зла и не «иметь возможности» его творить?

Таким образом, два начала фундаментально различны по своей сущности. Но, с точки зрения катаров, у них есть одно общее: оба они духовны, тогда как в древнем манихействе Злое начало — это прежде всего материя, чудовищное зверство, полный хаос, слепой случай*.

По правде говоря, чрезвычайно трудно связывать катаризм с определенными учениями или движениями, существовавшими раньше. Мы можем, самое большее, обнаружить в

* Злое начало — Мрак. Материя — его активное начало и персонификация, иногда она же именуется Грех или помысел смерти (*примеч. ред.*).

том или ином течении элементы или скорее тенденции, предвосхищающие катаризм. Речь идет о движениях, как правило, очень мало известных, потому что они были ограничены во времени и пространстве.

Так мы встречаем явно дуалистические концепции в Испании между 370 и 380 годами у присциллиан [34]. Еще важней для нас болгарские богомилы — мы еще к ним вернемся. Однако самыми явными источниками катаризма (хотя не исключительными и не прямыми) остаются еврейский и христианский гностицизм, а также, в большой мере, древнее манихейство, основной подход которого был точно таким же, хотя конечные выводы были иными.

Катаризм можно считать разновидностью гностицизма, так как он стремился освободить души путем полного познания (прежде всего, Добра и Зла); кроме того, катаризм раскрыл эзотерическое содержание традиционных формул христианства; в этом отношении весьма показательны катарские комментарии к молитве «Отче наш».

Есть бесспорное сходство между учением Мани о происхождении Зла и точкой зрения катаров. Но этого идеологического совпадения недостаточно для доказательства того, что катаризм происходит непосредственно от манихейства. В любом случае, мы почти совсем не знаем, каковы были настоящие идеи первых дуалистических или неоманихейских движений, появившихся во Франции и Западной Европе в XI веке. Были ли еретики, сожженные в Орлеане в 1022 году, действительно дуалистами, и если да, то предвосхищали ли их верования взгляды окситанских катаров 1209 года [35]?

Часто говорят о филиации* идей между катарами и манихеями при посредстве болгарских богомилов, а еще раньше — павликиан, появившихся в Византийской империи в VIII и X веках. Среди первых дуалистических сект, обычно связываемых с манихейством, упоминаются фундаиты, куду-

* Филиация (фр. *filiation*, лат. *filialis* — сыновний) — связь, преемственность, развитие чего-либо в преемственной связи (*примеч. ред.*).

геры, бабуны, пофлы и бугры [36]. Родство катаров с богимилами и богомилов с павликианами кажется бесспорным. Но больше, чем из манихейства, первые западные дуалистические течения черпали из первоначальной христианской традиции, которая сама на Востоке часто имела черты зороастризма и гностицизма.

Однако, когда появился катаризм, его противники отождествили его — и не без причин — с манихейством и даже конкретно — с манихейством самого Мани, которое в эпоху святого Августина было еще очень сильным в ряде провинций Римской империи, особенно в Африке. Нет никаких оснований отказываться от гипотезы, что причиной появления на Западе и в других местах различных еретических движений было то, что продолжали существовать древние очаги манихейства (эта религия была зафиксирована в 355 году на юге Галлии, в Аквитании, а затем в Испании в конце IV века). Несомненно, что «манихейские» христиане сохранялись в Провансе до довольно позднего времени. Трубадур Раймон Ферауд* рассказывает нам в «Житии Святого Гонората», написанном на базе латинского оригинала, имеющегося в нашем распоряжении, что Жирар де Вьенн, сын Найма, поддерживал в это время манихеев Арля против последователей святого Гонората, который стал архиепископом этого города. Он послал армию, которая изгнала святого Гонората и посадила на его место манихея Севи. Но король Франции, узнав об этом, пришел со своими войсками, разбил Жирара в большой битве и отнял у него все его земли. Народ Арля тогда снова призвал святого Гонората и изгнал Севи и всех еретиков, «которые бежали в Тулузу, где они находятся до сих пор». Несомненно, речь идет в данном случае о рыцарских легендах, сложенных под влиянием «Цикла Карла Великого», в котором Пипин, сам Карл Великий и его бароны играют свои обычные роли. Можно подозревать, что Раймон Ферауд, умерший в 1325 году, пытался спроецировать на ска-

* Раймон Ферауд — поздний трубадур, родом из Ниццы, клирик, автор религиозных поэтических сочинений (*примеч. ред.*).

зочное прошлое события, которые происходили в Лангедоке в 1209 году, не так уж давно, и сделать из Жирара де Вьена предка крупных окситанских феодалов — защитников ереси, и из короля каролингской династии — первого «крестоносца». Но как мог он придумать эти битвы, столь противоположные нравам и обычаям его эпохи, которые велись в христианских общинах V века при выборах епископов между манихеями, которые претендовали на то, что только они — добрые христиане, и сторонниками римского католицизма? С другой стороны, Раймон Ферауд, насколько мне известно, единственный писатель Средних веков, который, вместо того чтобы связывать катаризм с чисто теоретическим манихейством, предполагал конкретную филиацию: манихеи Арля, «изгнанные из Прованса, отправились в Тулузу, опозоренные и обозленные», и заразили этот город своей ересью, и, добавляет он, они останутся там, если их не выжечь огнём.

Более характерна и более убедительна традиция, относящаяся к Монт-Вимеру в Шампани. В 1042, 1048 и 1144 годах это место, похоже, было центром неоманихейства. В 1239 году состоялось аутодафе в присутствии графа Шампанского Тибо де Шансоннье и монаха-доминиканца Робера, великого инквизитора и бывшего еретика, который с яростью отступника сжигал всех, кому раньше поклонялся. Число жертв достигло примерно 180. Любопытно, что во французском «дикте», опубликованном в 1883 г. Гастоном Рейно, «Дикте о кобыле Дьявола», есть намек на это аутодафе и также сообщается о традициях, связывающих Монт-Вимер с древним манихейством. Еще Альберик де Труа-Фонтен рассказывал о Фортунате, который, будучи изгнанным из Африки святым Августином, приехал в Шампань, где он обратил в свою веру вожака разбойников по имени Вимер. Автор «Кобылы Дьявола» со своей стороны сообщает нам, что этот Вимер был изгнан святым Августином из Ломбардии... Не следует, конечно, доверять этим легендам больше, чем они того заслуживают. Однако упоминание в них о Фортунате весьма смущает. Создается впечатление, что летописец и поэт все спу-

тали — и хронологию, и историю. Ломбардия появляется здесь, несомненно, в память о пребывании святого Августина в Милане, а, может быть, и потому, что в XIII веке знали, что катаризм был занесен из Ломбардии. Но почему Фортунат не мог приехать в Шампань и обратить Вимера? Мы не знаем, к сожалению, каковы были подлинные верования Лойтарда из Шампани, который разбивал кресты и отказывался платить церковный налог. Был ли он потомком «разбойников», обращенных в манихейство Фортунатом? Или он впал в ересь под влиянием богомильских миссионеров, которые просто возродили в Монт-Вимере древний очаг римского манихейства? Могли ли эти миссионеры дойти до Шампани?

Обычно полагают, что окситанский катаризм пришел из Болгарии через Хорватию и Ломбардию; Венеция, несомненно, сыграла важную роль в этой передаче, однако путь ереси из Прованса в Лангедок четко не установлен, и еще менее ясно, каким образом она могла достичь Орлеана и Шампани еще раньше, чем проявилась в Лангедоке. В действительности эти две гипотезы никоим образом не противоречат друг другу. Несомненно, во Франции и Западной Европе в XI веке имело место возрождение манихейства, которое никак не было связано с богомильской пропагандой, — она могла его просто «реактивировать», — и другими ересями, которые были обязаны ей почти всем своим содержанием. Я не думаю, что должен сразу заняться этими противоречивыми вопросами.

Достоверно лишь то, что в 1167 или 1172 году* патриарх дуалистической церкви Константинополя Никита, который в своих верованиях ориентировался на Драговицкую** церковь (абсолютно дуалистическую и основанную, как говорили, самим Мани), председательствовал на катарском соборе в Сен-Феликс-де-Караман и был на нем воистину духовным

* Согласно большинству источников, собор в Сен-Феликс-де-Караман проходил в мае 1167 г. (*примеч. ред.*).

** Это искаженное название славянского племени дреговичей, жившего в Северной Греции (*примеч. пер.*).

вождем, признанным всеми. В присутствии многих епископов, среди которых были Бернар де Симорр, епископ Каркассонна, и Бернар Раймон, епископ Тулузы, Никита произвел административное деление, определив границы катарских епархий Альби, Тулузы, Ажена, Каркассонна, «Франции» и Ломбардии, и совершил ряд обрядов, в частности, дал «консоламентум» Сикару Селлерье, епископу Альби.

Итак, каким бы ни было происхождение богомилства, произошло ли оно от павликианства, а то, в свою очередь, от древнего манихейства, датировать 1167 (или 1172) годом следует, конечно, не первое появление окситанского катаризма, но его выступление в качестве доктрины со своей организацией. С 1167 или 1172 года он ориентируется в философском плане на направление абсолютного дуализма. И эта идеологическая определенность совпадает с его утверждением в Лангедоке и установлением его иерархии в рамках епархий, границы которых были теперь четко определены.

Жесткость его догм не следует преувеличивать: в этом абсолютном дуализме всегда встречались вкрапления «умеренного» дуализма, исходившие от католиков, вальденсов или от самих богомилов, поскольку, как думают сегодня некоторые болгарские ученые, богомилская фракция умеренных дуалистов тоже посылала своих миссионеров во Францию для противодействия влиянию «абсолютистов». Окситанский и особенно итальянский катаризм в период между 1167 и 1300 годами колебались, склоняясь то к одному, то к другому дуализму. Но следует предположить, что в целом окситанцы всегда оставались верны, — как и альбаненцы в Италии, — абсолютистскому богомилскому учению [37]. Кстати, интеллектуальный обмен между Окситанией, Италией и Хорватией (богомилской) никогда не прекращался, и некоторые документы позволяют предположить, что в Хорватии или в Боснии существовал некий «папа» абсолютного дуализма, в действительности, просто духовный учитель, признанный всеми еретиками Франции, Италии и Венгрии. Его представителем среди альбигойцев был Бартоломе из Каркассонна... Накануне крестового похода (1209 г.) катаризм пустил в

Лангедоке прочные корни. Везде были его духовные лица, его епископы и диаконы, его влияние постепенно охватывало все слои населения: сеньоров, мелких рыцарей, горожан, купцов, ремесленников, крестьян. Особенно он влиял на женщин.

В 1250 году инквизитор Ренье Саккони насчитывал во Франции, Окситании и Италии 12 церквей или епископств: во Франции — церковь Франции; в Италии — церковь альбанцев (Дезенцано), церковь Конкореццо, церкви Баньоло, Виченцы, Флоренции и Валь де Сполете; в Окситании — церкви Тулузы, Альби, Каркассонна, Ажена (к ним следует добавить церковь Разеса, созданную в 1225 году катарским собором в Пьессе, департамент Од, о существовании которой Саккони, похоже, не знал).

Кроме того, на Востоке и в Византийской империи имелись: церковь Славонии (Далмации), латинская и греческая церкви Константинополя, церковь Филадельфии романской (Византийская империя), церковь Болгарии (умеренные дуалисты), Драговицкая церковь (абсолютные дуалисты).

Арханчные ритуалы. Новая духовность

Сохранилось очень мало догматических произведений, написанных катарами: два требника, один на окситанском, другой, неполный, на латинском языке, опубликованный отцом Дондэном (после «Книги о двух началах»), анонимный «Катарский трактат» XIII века, приписываемый Бартоломе из Каркассонна и вставленный в «Книгу против манихеев» Дуранда из Уэски, который частично цитирует его с целью опровержения (изд. Тузеллье, Лувен, 1961), и «Трактат о двух началах», приписываемый итальянцу Иоанну фон Луджио (изд. Дондэн, Рим, 1939). К этим четырем произведениям следует добавить «Катарскую апологию» и «Толкование молитвы "Отче наш"» из рукописи «Дублинского вальденского сборника», опубликованные Венкелеером (1960). Эти трак-

таты содержат ценные сведения — особенно «Книга о двух началах» — о важных пунктах учения, но они не излагают его в целом или хотя бы последовательно, поэтому для его лучшего понимания следует прислушаться к тому, что говорили о нем его католические противники, а также учесть документы инквизиции.

Мы не будем систематически подвергать сомнению объяснения оппонентов, выскажем лишь сожаление, что они не очень методично излагают теории своих противников и не подчеркивают, как следовало бы, на чем в них делается упор. Лишенная пояснительного контекста, катарская идея рискует показаться более бедной и менее связной, чем она была для тех, кто ее разрабатывал. Дух эпохи требовал, чтобы столько же, если не больше, внимания уделялось мелким различиям. Все оказывается в одной плоскости: основные черты дуализма, вытекающие из них моральные предписания и религиозный церемониал.

Что же касается документов инквизиции, то, с учетом того, что допрашиваемые еретики часто были несведущими в философии и теологии, они дают нам представление о народном катаризме, смешанном с детскими легендами и мифами. Нельзя пользоваться этими мифами в качестве «источников», не будучи уверенным, что они в XIII веке были уже «обобществлены», то есть широко распространены в почти неизменной форме, не зависящей от индивидуальной творческой фантазии. Кроме того, надо знать их абстрактное значение, четко сформулированное каким-нибудь образованным катаром или, в крайнем случае, чтобы это абстрактное значение вытекало непосредственно и без каких-либо сомнений из символики: катары сами часто давали пояснения к своим апологетическим «примерам». Только эти пояснения и следует принимать во внимание. Толкование легенд в сыром виде, — к чему многие ересиологи сводят изложение дуалистического учения, — следует оставить этнографам и психологам, занимающимся подсознанием, которые наделают в этой области гораздо меньше ошибок, чем историки религий. Во всяком случае, мы поступим более осторожно и бо-

лее «научно», если будем объяснять миф, исходя из учения, а не наоборот.

Существует традиция, — хотя сами еретики никогда не использовали эту слишком радикальную терминологию, относительно которой я сделаю ряд оговорок в части этой книги, посвященной их философии, — различать во Франции и в Италии так называемых «абсолютных» и «умеренных» дуалистов. В Италии «конкоренцы» (от района Конкореццо близ Милана), которых около 1240 года называли также «гаратенцами» (по имени одного из их первых епископов Гаратуса) были умеренными дуалистами, а альбаненцы (район Дезенцано на озере Гарда) — абсолютными. Во Франции, как полагают, как минимум с 1167 года (со знаменитого Караманского собора и под влиянием патриарха Никиты, который на нем председательствовал) большинство окситанских катаров стало «альбигойцами» [38], то есть абсолютными дуалистами.

Ради упрощения я буду придерживаться при анализе их догм и религиозных мифов этого классического и удобного деления на абсолютный и умеренный дуализм.

Умеренный дуализм

Хотя он включает в себя многочисленные оттенки, которые трудно различить, и несмотря на очень сложные и противоречивые идеологические сплетения, так называемый «умеренный» дуализм можно схематически уподобить монистической концепции; в начале умеренные дуалисты предлагают существование единого Бога, Творца мироздания, от которого исходит все, в том числе Зло, Сатана, ад и т.д.

Таким образом, в этом главном пункте умеренный дуализм не вступает в глубокое противоречие с традиционным христианским учением, зато он значительно отклоняется от основ дуалистического учения в том виде, в каком мы их ранее изложили.

Даже на втором этапе сотворения мира «умеренный» дуализм остается «относительным». Бог сотворил Дьявола, который сначала был добрым духом, но потом восстал против Отца. Некоторые из этих умеренных дуалистов доходили до того, что приписывали Богу двух сыновей: Иисуса Христа и Люцибела, или Люцифера. До сих пор нет расхождений с точкой зрения ортодоксальных христиан, для которых Люцифер тоже сын Божий [39].

Но Люцифер, став Сатаной и будучи изгнан своим Отцом, сразу же начал создавать свой собственный мир. И здесь мнения расходятся. Одни говорят, что Сатана создавал свой мир из ранее существовавших элементов, созданных Богом, но испорченных его адским вмешательством, а другие — что он придал несовершенную организацию этим божественным элементам. Он внес некоторый порядок в материю, разделил стихии, завершил свое злокачественное творение, создал тела и все это — с дозволения истинного Бога, которому важно было, как Богу Лактанция, чтобы «во Вселенной были разнообразие и антагонистические силы». Разумеется, творческие силы Дьявола были очень ограничены. Он не смог бы оживить «автоматы», которые он сделал из грязи, если бы Бог ему не помог. Он попросил у Бога низших ангелов, которые частично под давлением, частично по своей воле согласились в конце концов, чтобы их заключили в тела. Другие мифы рассказывают, что Люцифер сначала соблазнил ангелов, а потом изолировал каждого в своем теле. «И они заплакали, когда увидели, что они разделены и различны». Потом он заставил одного из них (Адама) родить вместе с другим (Евой) плотских детей. Но его власть над ними всегда оставалась непрочной. Согласно одному из этих мифов, Бог, по просьбе Люцифера, дунул на глиняную статую, чтобы оживить ее, но статуя, как только ожила, воскликнула: «Люцифер, я больше не твоя!» Эти плененные ангелы, Адам и Ева, и их потомки могут в конце концов заслужить спасение: они обладают свободой воли и творят добро или зло в соответствии со своей природой, но свободно. В итоге их будут судить по заслугам, и они попадут либо в вечный ад,

либо в рай. Однако Бог сжалился над ними. Сначала он полюбил Адама и Еву, когда истек назначенный срок их изгнания и странствий, — похоже, из тела в тело странствовала только первая пара. Одновременно он дал возможность спасения душам их потомков (умеренные дуалисты не верили в реинкарнацию, но исповедовали традиционизм: согласно этой теории, придуманной Тертуллианом для объяснения передачи первородного греха, которую святой Августин какое-то время признавал, но потом отверг, души детей происходят от душ родителей, как тела от тел). Он послал на землю своего Сына Иисуса Христа — или Слово — и Святого Духа.

Между умеренными дуалистами не было согласия относительно природы Сына и Святого Духа. Одни считали их ниже Отца, другие полностью отождествляли с Богом, оставаясь верными концепции неделимой Троицы.

Для умеренных дуалистов, как, кстати, и для абсолютных, суть миссии Иисуса Христа заключалась в его учении. Жертва Христа не имела живой, конкретной ценности. Можно даже усомниться, заботила ли их историческая реальность личности Иисуса. Занимательные истории мало значат без их символической ценности: имеет значение только учение.

Иисус не явился в реальном теле из плоти и крови (потому что материя — сатанинское творение). Его внешность была призрачной, это была иллюзия, а не реальность.

Кстати, таким образом, катары принадлежали к числу сторонников докетизма, которые отрицали плотскую реальность Иисуса. Но есть разные уровни докетизма: одни утверждали, что он был облечен в ангельскую оболочку, другие — что его тело из нетленной субстанции было сходно с теми телами, которые падшие духи вынуждены были оставить на небе в ожидании искупления их грехов.

Относительно других персонажей Священного Писания между умеренными дуалистами тоже не было согласия. Одни считали Иоанна Крестителя демоном, а другие — посланником Бога, родившимся от Елизаветы и Святого Духа. Дева Мария считалась то реальной женщиной, то ангелом, при-

шедшим с неба вместе с Иисусом Христом и имевшим соответственно лишь видимость тела.

Воскресения во плоти не будет, но Страшный суд будет (как и для католиков) и после него — согласно отдельным умеренным дуалистам — только ангелы Адам и Ева, «пройдя через тела Еноха, Авраама, Ноя и пророков и получив прощение в телах Симона и Анны, будут снова приняты во славу Божию»: довольно странная схема восстановления в прежнем виде. Здесь, возможно, проявилось влияние Каббалы, но скорее — теорий перевоплощения абсолютных дуалистов. Души праведных будут вознаграждены и снова обретут на небе свои славные тела, а души грешников будут осуждены. Нет ни чистилища, ни степеней блаженства и осуждения: все грехи равны.

Мир будет ликвидирован (как сатанинское творение) и разложен на элементы (первозданный хаос, извлеченный Богом из небытия). Согласно Апокалипсису, демон будет обитать там вместе с соблазненными им душами, этот хаос станет для него адом, местом мучений...

Из этого краткого изложения их учения видно, что умеренные дуалисты не очень-то отличались от католиков, за исключением той роли, которая приписывалась Люциферу в сотворении мира и плотского человека. Для католиков Люцифер был Князем мира сего, для катаров — его организатором и частично творцом: с дозволения и с помощью Бога он разделил стихии (вечные сами по себе или принадлежащие к божественному порядку, согласно мифам) и создал видимые тела. Но его роль и его могущество временны: «Дай мне время, — сказал он Богу, — и я верну тебе всё!»

Абсолютные дуалисты были гораздо более радикальными еретиками по отношению к римскому католицизму.

Абсолютный дуализм

Только абсолютные дуалисты были настоящими дуалистами. Для них существовали два одинаково вечных начала: бог Бытия и Добра, который создал все хорошие вещи, невиди-

мый и нетленный духовный мир, и, в противовес ему, — Корень Зла, злой бог разложения, проявление которого, всё материальное и хаотическое, не будет иметь конца. Таким образом, есть хорошая, бесконечно стабильная вечность и плохая, материальная вечность, постоянно нарушаемая противоречивыми изменениями; стихии (воздух, огонь, вода, земля) нетленной материи, происходящие от ее духовных начал, и грубые и нестабильные стихии, из которых состоит наш мир; духовные души и души, мало одухотворенные, а, может быть, чисто материальные; короче говоря, светлomu творению противопоставлялось творение бесформенное, обреченное на разложение, на тьму, смерть и небытие.

Злому началу удалось однажды, согласно мифам, завладеть ангельскими душами и вторгнуться на небеса истинного Бога. Абсолютные дуалисты имели обыкновение сочинять экстравагантные, но в поэтическом плане весьма многозначительные легенды, чтобы рассказать о причинах и перипетиях космической драмы. Сатана предложил ангелам наделить их свободой воли, то есть познанием (обманным) Добра и Зла (способностью «познавать» Зло, не делая его!) и, прежде всего, наслаждениями, присущими воле к жизни: эгоизмом, плотскими удовольствиями (которые влекут за собой материализацию), властью над слабыми (феодальной иерархией!) и так далее.

Примечательно, что два идеолога, сочинения которых до нас дошли, Бартоломе из Каркассонна и Иоанн фон Луджио, не прибегали к подобным выдумкам: у первого из них мы находим просто компиляцию цитат из Священного Писания, перемежаемых краткими философскими комментариями, а у второго — чисто диалектическое изложение. Эти авторы оставляли от подобных мифов только их постигаемую разумом суть, заключающуюся в том, что некоторые ангелы Божии то ли хитростью, то ли силой, но были побеждены Сатаной. Это означает, что у них не было ни достаточно ума, чтобы свести на нет содержание сатанинского соблазна, ни достаточно онтологической силы, чтобы противостоять тому «перемещению», которому демон их подверг (он похитил их

«души», но не их тела и их «дух»). Значит, падшие ангелы не обладали свободой воли, они были извечно, в силу своего онтологического несовершенства, обречены на падение, на «стремление к небытию». Если мы примем это за основу, станут довольно ясными три мифических этапа космической драмы:

а) Сатана проникает на небо.

б) Он соблазняет или подчиняет себе ангелов, которым изначально было суждено творить зло, и увлекает их на землю: он их материализует.

в) Он сражается против ангелов, оставшихся верными, но не может их победить, потому что они по своей природе неразрывно связаны со своей сущностью, Богом и Добром. Грех, таким образом, был совершен на небе, как думал и Лактанций. И есть два вида ангелов Зла: те, что были соблазнены, и те, что попали в плен. Первые — демоны, вторые — люди. Абсолютные дуалисты не всегда были согласны между собой относительно природы первых. Одни считали, что соблазненные демоны всегда были такими, что они созданы Дьяволом и вечны, как и он; другие — что они были испорчены. Для прояснения этого вопроса нам не хватает документов.

В любом случае злые ангелы согрешили не свободно, они были порабощены Злом по необходимости, заложенной в их сущности. В дуалистической системе все предопределено, все совершается механически. Деяния Зла необходимы, конечное освобождение — тоже.

Ангелы, плененные Сатаной, держатся в резерве и вводятся в тела по мере того, как совершаются половые акты. Они должны воплощаться либо в форме людей, либо в форме животных (более редко) три, семь, девять раз или больше, пока по своему пассивному опыту не поймут, что несчастье совпадает со Злом и надо избавляться и от того, и от другого. Механизм реинкарнаций не остановится, пока не будут спасены все души. Для каждой личности цикл реинкарнаций прекращается в обязательном порядке, когда она входит в тело совершенного и получает в нем консоламентум. Некоторые катары считали, что для женщины последнее воплощение

должно быть в мужском теле, но просвещенные совершенные не разделяли это мнение, они учили, что душа не имеет пола и на небе нет ни мужчин, ни женщин.

В конце концов все души, созданные Богом, будут спасены, а те, что не будут, не принадлежат доброму Богу. Возникает новая трудность, связанная с той, что я отметил ранее: как могут существовать души, созданные духовным Богом, которые не вернуться в итоге к своему источнику? Были ли это материальные, «гилические» души, сходные с душами демонов древнего манихейства, грубых и скотоподобных? Или они были материализованы извечно, по необходимости, в силу вселенской порчи, которая теоретически может постигнуть любое божье творение, но в действительности «аннигилирует» лишь те существа, которые по природе своей предрасположены любить Небытие?

В конце времен организация сатанинского мира будет разрушена, но Сатана будет существовать вечно вместе со всеми хаотическими стихиями. Земля, которую покинут все добрые существа и спасенные души, загорится и превратится в настоящий ад, то есть естественное и исключительное место обитания Дьявола будет оставлено за ним. В своей бессильной вечности он не сможет больше покуситься на бытие и испортить его, не сможет предпринять ничего против Бога света и праведников.

По этим нескольким тезисам можно видеть чрезвычайную сложность этой системы и очень хрупкий баланс, на котором она зиждется. И следует подчеркнуть ряд моментов, которые, если рассматривать их отдельно, могут показаться довольно темными: их можно понять, только включив их в мировоззрение катаризма в целом.

Поскольку абсолютный дуализм — это одновременно абсолютный детерминизм, можно не понять самый смысл этой гигантской борьбы, которая идет в вечности между двумя великими началами Добра и Зла, потому что, если все определено заранее, можно ли говорить о борьбе? Понятие войны, конфликта всегда включает в себя момент неопределенности конечного исхода.

Это заставляет нас настаивать на четком различии дуализма катаров и дуализма древних манихеев. Для катаров, хотя два начала делят между собой Вселенную, они принципиально неравны по своей природе и силе. Если борьба заранее выиграна Богом, то она проиграна Сатаной, существом, по сути своей, слепым, хаотическим, глупым. Сатана будет в конечном счете побежден, потому что в конце времен чистые души вернуться к Богу Добра, своему создателю [40].

Но Сатана, хотя и побежденный, не будет уничтожен, он будет продолжать существовать в своей геенне. Отсюда утверждение о вечном характере двух начал...

Система Иоанна фон Луджио

Около 1240 года абсолютный дуалист Иоанн фон Луджио (район Бергамо), «старший сын» епископа Дезенцано, попытался придать абсолютному дуализму большую философскую строгость и разрешить трудности, которые я отметил выше. Он составил большой трактат, ныне утраченный, но Ренье Саккони оставил нам его краткий анализ. Кроме того, мы имеем сборник небольших трактатов, объединенных под тем же названием «Трактат о двух началах».

Основные идеи Иоанна фон Луджио в принципе те же, что и у всех абсолютных дуалистов. Вот как он их систематизировал.

1) Два творения столь же вечны, как и их творцы, они исходят от них, «как лучи исходят от солнца». Следовательно, всегда существуют Зло, дьяволы и испорченные души (без опоры в своем бытии, тленные и меняющиеся).

2) Порча — дело злого начала — затронула все творения истинного Бога. «Даже звезды не чисты». Таким образом, имели место катастрофы в высших сферах и грех был совершен на небе (эта идея не нова: мы находим ее в Библии, в рассказе о связи ангелов с дочерьми человеческими, и в «Божественных учреждениях» Лактанция).

Однако вселенская порча в действительности ограничена субординацией бытия и вечности, которая заключена в истинном Боге, и самими законами необходимости (преимущество в состязании не может быть больше аннулировано: Дьявол не может помешать душам, испорченным им, но избавившимся от него благодаря своим страданиям, преобразиться и стать не поддающимися порче). С другой стороны, Бог всемогущ в Добре и – это самая глубокая концепция Иоанна фон Луджио – может умножать, как хочет, бытие своих творений, если они идут по пути освобождения. Так он защитил Христа от всякой скверны и всякого порока, сделал безгрешным «дух» человека и не поддающимися порче души, которые прошли необходимые испытания.

Мораль катаризма. Совершенные

Хотя у них были неодинаковые метафизические концепции, абсолютные и умеренные дуалисты соблюдали одни и те же правила теоретической и практической морали, которые, кстати, не слишком отличались от католических правил морали и аскетизма. Эти правила исходили из того, что мир сей плох и князь его – Дьявол: следует освободиться от Зла и материального мира, иметь с ними как можно меньше контактов и предаваться духовной жизни, жить в невидимом, а не в видимом мире. Но не все катары находились на одном уровне духовности: одни еще были внизу лестницы, а другие приближались уже к вершине. Поэтому катаризм проводил четкое различие между массой своих приверженцев, которых он называл верующими, и небольшой группой посвященных, которые назывались совершенными. Совершенными они были в том смысле, какой придавал этому слову святой Павел («Кто из нас совершен», Флп 3, 15. «Мудрость же мы проповедуем между совершенными», 1 Кор 2, 6), уже «сформировавшимися», но не законченными в своем совершенстве христианами. Теоретически, то ли по Божьей милости, то ли благодаря своим предыдущим воплощениям, они находи-

лись на пути к освобождению. Они считались «добрыми христианами», получившими консоламентум и имевшими право давать его другим. Они составляли катарское духовенство. Из их числа выбирались диаконы, посредники между епископатам и простыми верующими, епископы и их «старшие» и «младшие сыновья» (возможные преемники епископов и их коадьюторы).

Правила морали совершенных были очень строгими. Они должны были не только избегать смертных и простительных грехов католицизма, но и прегрешений против правил своего ордена. Им были запрещены все плотские сношения. Даже состоя в браке, они должны были отказаться от них.

Убийство людей – самый тяжкий грех – было им запрещено, как и убийство животных. Им было запрещено воевать, участвовать в судебных репрессиях и вообще в каких-либо актах так называемого правосудия (гражданского или церковного). Все конфликты должны были решаться в третейском суде. Когда их избирали третейскими судьями, они ревностно выполняли свои обязанности.

Трусость перед лицом страданий и смерти была грехом. Катары считали смелость первой из добродетелей, единственной, побеждающей смерть, основой всех прочих.

Совершенные не должны были лгать и давать клятву. Они не могли есть мясную пищу. Их еда состояла из рыбы, овощей и хлеба. Часто они постились, питаясь только хлебом и водой.

Наконец, они стремились вести духовную жизнь, жить, презирая свое тело, много молиться, размышлять, а также забывать самих себя ради других, посвятить себя ближним. Многие катары ухаживали за больными, были врачами и хирургами и одновременно утешителями. В принципе они были морально обязаны заниматься каким-либо ремеслом, но большинство их времени занимало выполнение ими обязанностей священников.

Присутствие в них Духа освобождало их от Зла, делало их свободными и, следовательно, всецело ответственными. Теоретически они были безгрешными по той же причине, но,

поскольку они были еще воплощенными и в какой-то мере подвластными Демону, они лишь формально обладали способностью не грешить (тогда как простые верующие не были свободны от греха). Возможно, некоторые из них, — как тот совершенный, о котором говорится в текстах, что он сидел на пороге своего дома, оставаясь недвижимым и бесстрастным, как индийский мудрец, — действительно достигли безгрешности. Но для большинства из них эта виртуальная безгрешность выражалась в том, что в том случае, если они грешили, они как бы разрушали этим самих себя и должны были подвергать себя ужасному и долгому умерщвлению плоти и начинать свое посвящение сначала, чтобы снова обрести благодать. Грехи посвященных были грехами против Духа (обитавшего в них). Согласно их учению, это были грехи без прощения, или прощение можно было заслужить, но лишь с большим трудом.

Эта особая концепция сближает катаризм со всеми великими эзотерическими традициями, в частности, с индуизмом и суфизмом, где мы находим ту же идею абсолютной ответственности посвященного, грехи которого, даже, на первый взгляд, самые мелкие, бесконечно более тяжки, потому что он совершает их в полном сознании, обладая высшими знаниями и полной властью над самим собой, тогда как непосвященный, простой адепт, слеп в своем неведении, подчинен неумолимому закону причин и следствий и поэтому не несет ответственности.

Этот ход мыслей показывает, что катаризм был религией посвящения. В этом же смысле Христос говорил, что грехи, совершенные до того, как он пришел, будут отпущены, а совершенные после не простятся.

Верующие

Вопреки тому, что иногда пишут, грехи были абсолютно одни и те же для верующих и для посвященных, только простые верующие (которые не были ни свободными в своих

действиях, ни по-настоящему ответственными за них и которым требовалось несколько воплощений, чтобы достичь иного уровня) в гораздо большей степени могли рассчитывать на прощение. Когда они грешили, это Дьявол грешил в них. Они не обязаны были вести аскетическую или мистическую жизнь: они могли жениться, есть мясо. Достаточно было с их стороны добродетелей среднего верующего той эпохи.

Отметим, до какой степени эта идея прогрессивного восхождения существ через последовательные воплощения близка, например, идеям Ауробиндо* и насколько она соответствует современным теориям эволюции.

Но простые верующие не были предоставлены самим себе: катарская церковь постоянно следила за ними и поучала их. Несомненно, она рассчитывала на их исправление в последующих жизнях: все хорошо в свое время. И было ясно, что для многих из них это время еще не настало. Но было полезно, чтобы верующий, который, как предполагалось, будет совершенствоваться со временем, показал признаки этого прогресса, укрепившись в благих намерениях в надежде на то, что его следующее воплощение будет лучше. Не претендуя на консоламентум посвящения, он доказывал этим, что еще не достиг необходимого очищения. Но то, что он хотел быть верующим, доказывало, как и его честная жизнь, что он находится на пути освобождения. Поэтому Добрые люди наставляли их и побуждали думать о своем спасении, при том, конечно, условии, что они к нему стремятся, в силу того детерминизма, который нашел отзвук и в римском католицизме, что «они его уже нашли». Если они женились, им напоминали, что это опасно для их души и чревато еще несколькими воплощениями. Им советовали отказываться от плотских наслаждений, — поскольку они порождают зло, — если они на это способны.

При любых обстоятельствах Церковь обращалась к верующим. Каждый раз, когда они встречали совершенного, они

* Ауробиндо Шри Гхош (1872–1950 гг.) — индийский мыслитель и поэт. Создатель синкретического учения «Интегральная йога» (примеч. ред.).

почтительно приветствовали его, совершая мелиораментум. Они должны были присутствовать на различных религиозных церемониях, на косоламентум, на пиршествах перед ритуальным преломлением и благословением хлеба, на «поцелуях мира», на проповедях. Они должны были осмысливать поучения Добрых людей, молиться с общиной и самостоятельно. Короче, они участвовали в духовной жизни своей Церкви по меньшей мере столько же, сколько католики — в духовной жизни католицизма.

Катарские ритуалы. Молитва

В плане молитвы тоже были различия между чистыми и простыми верующими. Катары знали лишь одну настоящую молитву, воскресную, которая была одновременно символом веры, актом надежды и просьбой о милости. Но именно по этой причине никто не мог читать эту молитву, не получив сначала своего рода посвящение. Как могли простые верующие называть Бога «Отец наш», если, не освободившись еще от материи или не дав еще обета от нее освободиться, они оставались совершенно плотскими существами и, следовательно, — детьми Дьявола.

Простые верующие молились много, но пользовались лишь заменяющими молитвами. Им было запрещено прямое обращение «Отец», но они могли просить Бога внушить им желание любить то, что достойно любви. Некоторые дошедшие до нас молитвы, вероятно, предназначались для верующих, например, знаменитая молитва «Святой Отец»: «Святой Отец, справедливый Бог добрых духов, тот, кто никогда не ошибается, не лжет и не заблуждается; дабы мы не испытали смерть в мире “чужого бога” (Дьявола), потому что мы не от мира сего и мир этот не наш, дай нам узнать то, что ты знаешь, и любить то, что ты любишь...» [41]. Простым верующим не было запрещено думать о Боге и, следовательно, взывать к нему и желать, чтобы он просветил их умы и сердца.

Я не думаю, что сохранились заменяющие молитвы времён классического катаризма. В начале XIV века Пьер Мори спросил у Белибаста, одного из последних совершенных катаров: «Какую же молитву мне читать, если я не имею права читать “Отче наш”»? Белибаст ответил ему, что он должен молиться так: «Пусть Господь Бог, который направил царей Мельхиора, Бальтазара и Гаспара, когда они пришли поклониться с Востока, направит меня, как он их направил». Известно, что верующие могли читать «Благословен Господь Бог наш» и присутствовать на церемониях, когда читали «Отче наш» (например, при благословении хлеба).

Мельорамент

Но главным обрядом, посредством которого верующий подтверждал почти ежедневно свою верность катарской церкви, был «мельорамент» (окситанское слово, латинский вариант — «мелиораментум»). «Поклонением» (в чисто литургическом смысле), или мельораментом, было у катаров приветствие верующим совершенного. Он «поклонялся» присутствующему в совершенном Святому Духу. Но это была одновременно молитва, с помощью которой он просил у Бога милости стать лучше («мельорамент» — «улучшение»), совершенней.

Он становился на колени, трижды кланялся до земли, сложив руки, а иногда делал три менее глубоких поклона, говоря каждый раз: «Благослови нас, Господин, молись за нас». Совершенный отвечал ему: «Бог благословит». Тогда верующий просил милости довести его до благого конца. Совершенный отвечал: «Бог Вас благословит, мы будем молить Бога, чтобы он сделал Вас добрым христианином (или доброй христианкой) и довел Вас до благого конца».

Произносилась формула: «Добрый христианин, дай нам Божие и ваше благословение!» Добрый христианин отвечал: «Получи его от Бога и от нас».

Как видим, важной частью мельорамента было желание верующего достичь благого конца, то есть получить консоламентум на смертном одре и тем самым полностью соединиться с катарской церковью. Поэтому Ж. Дювернуа, мне кажется, справедливо считает, что изначально мельорамент должен был сопровождаться «конвенендой». Может быть, это имело место до конца XIII века. «Конвененцей» назывался пакт, который верующий заключал с Церковью на том условии, что она дает ему консоламентум, даже если он не сможет прочесть «Отче наш».

Передача Воскресной молитвы

«Передача» Воскресной молитвы и права читать ее не включает в себе ничего еретического. Передача «Отче наш» (и наложение рук), — как говорит отец Донден, — относятся к эпохе, когда конфирмация была связана с крещением». В катаризме она представляла собой своего рода посвящение. Посредством этого осуществлялся переход из состояния простого верующего в состояние совершенного.

Конечно, некоторые могли быть посвящены в «Отче наш» без получения консоламентум сразу же вслед за этим, но обычно за передачей молитвы следовало получение консоламентум при назначении или при смерти. Чтение «Отче наш» было бесполезно для верующего, если он не вступил в контакт с Духом благодаря духовному крещению. С другой стороны, консоламентум включал в себя предварительную передачу молитвы, потому что необходимо было, чтобы при его получении неопит читал эту молитву. Состояние отрешенности, в котором должен был находиться верующий перед посвящением в «Отче наш», показывает, что он готовился таким образом к настоящей духовной жизни, а не только к молитве.

Верующий в состоянии отрешенности принимался собранием единоверцев. Его сопровождали крестный отец и дуайен (старейшина) общины. Все мыли руки. Верующий со-

вершал свой «мельорамент». Иерарх — епископ, диакон, иногда старейшина — обращался к нему с торжественной речью по ритуальному образцу (который священник мог варьировать). Эта речь большого морального значения была призывом к вере и разуму неопфита (это всегда был человек зрелого возраста).

Она представляла собой комментарий к «Отче наш». В этом комментарии ясно выражен глубоко эзотерический характер катаризма. Его толкование «Отче наш» весьма отлично от католического: оно может показаться непонятным, но в любом случае это секретное толкование.

Катары, как и следовало ожидать, делали упор на дуалистическом смысле «Отче наш». Вот катарский текст этой молитвы: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое, да прииде царствие твое, да будет воля твоя яко на небеси, так и на земли. Хлеб наш пресуществленный даждь нам днесь и остави нам долги наша яко же и мы оставляем должникам нашим. Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, ибо твои есть царствие, сила и слава во веки веков».

Сразу видно, что одно слово изменено: «пресуществленный» хлеб вместо «насущенного». Но этот вариант не собственно катарский: мы находим его уже у святого Бонавентуры, у святого Фомы Аквинского. Катарские комментарии касаются в основном формул, которые можно истолковать в дуалистическом смысле. Например: «Да прииде царствие твое» значит, что оно еще не пришло. «Избави нас от лукавого» значит, разумеется: «Избавь нас от Злого духа, искусителя верующих и Князя мира сего». «Да будет воля твоя» предполагает опять-таки, что она еще не свершилась, потому что материальный мир — творение Сатаны.

Наконец, отметим, что превосходство доброго начала над злым не ставится под сомнение. Разве не говорится в «Отче наш», что Богу, истинному Богу, принадлежат царствие, сила и слава во веки веков?

Но вернемся к церемонии Передачи Молитвы. Верующий принимает из рук старейшины Евангелие. (Передача Книги была некогда в первоначальной Церкви отдельной церемо-

нией, в катаризме она практически совпадает с передачей молитвы «Отче наш».) Иерарх (епископ, диакон, иногда старейшина) заставляет его по этому случаю повторить свое обещание сохранить три главные добродетели: целомудрие, правдивость, смирение — и призывает его запомнить эту святую молитву на всю жизнь и повторять во всех случаях, предусмотренных ритуалом. Потом иерарх громко и медленно читает молитву. Старейшина, первый из Добрых людей или крестный отец читают ее после него, а потом ее повторяет и принимаемый: он «посвящен». Иерарх или старейшина говорит: «Мы передаем Вам эту святую молитву, чтобы Вы приняли ее от Бога, от нас и от Церкви и чтобы Вы могли повторять ее во все моменты Вашей жизни». Верующий отвечает: «Я принимаю ее от Бога, от Вас и от Церкви». Потом он опять совершает мельорамент и благодарит Бога. Совершенные, женщины и мужчины, в присутствии верующих дважды повторяют Воскресную молитву с поклонами и коленопреклонениями, которые делают и простые верующие. Церемония иногда заканчивалась «Поцелуем мира».

Совершенные, — как, кстати, и вальденсы, — читали «Отче наш» днем и ночью, перед каждым важным делом, перед тем, как шли на риск, в одиночку и коллективно, перед едой и питьем. Если они пропускали молитву, они должны были понести ритуальное наказание. При легких грехах оно часто заключалось в чтении «Отче наш».

Мы видим, каково было значение этой молитвы. В принципе совершенные отказывали в консоламентум тем, кто не мог читать «Отче наш», что удивительно, поскольку в такой чистой религии, казалось бы, достаточно было внутренней молитвы. Но в Средние века верили, что тот, кто не говорит, не думает. С другой стороны, совершенные хотели быть уверенными, что молитва была действительно произнесена.

Верующий мог быть посвящен в «Отче наш», не получив сразу после этого консоламентум. Но без предварительной передачи «Отче наш» консоламентум никто получить не мог.

Консоламентум при приеме в общину

Это духовное крещение (в противоположность Иоаннову крещению водой, которое катары не признавали и от которого иногда, — но не всегда, — заставляли верующих отречься) осуществлялось путем наложения рук согласно ритуалам, которые напоминали обряды первоначальной Церкви за вычетом материальных элементов: воды, миропомазания [42]. Это была главная церемония катаризма: она давала «утешение» Параклета согласно апостольской традиции [43], она давала доступ в ряды катаров. Неофита, часто в сопровождении старейшины его общины и крестного отца (им мог быть и сам этот старейшина) вводили в зал для собраний. Все двое или трое совершали мельорамент перед иерархом (епископом или диаконом). Все присутствующие должны были быть чистыми или очищенными. Иерарх исповедовался первым и старейшина отпускал ему грехи (потому что для катаров крещение, данное священником в греховном состоянии, было недействительным). Семь раз зачитывалась Воскресная молитва, чтобы Бог простил его грехи и благожелательно его выслушал.

Затем наступала очередь христиан и христианок [44] просить у иерарха простить их грехи. Все они символически мыли руки. Они произносили ритуальные слова: «Благословите, простите нас», — и иерарх отпускал им грехи, говоря: «Пусть святой, справедливый, истинный и милосердный Отец, который имеет власть на небе и на земле отпускать грехи, отпустит и простит вам все ваши грехи в этом мире и будет милосерден к вам в мире будущем». Когда все крещенные совершали этот обряд и становились «чистыми», начиналась сама церемония.

Иерарх ставил перед неофитом небольшой круглый столик и на белой салфетке между двумя свечами открывал Новый Завет на Евангелии от Иоанна. Неофит становился на колени. Перед тем как взять книгу из рук иерарха, он отвечивал три поклона собранию. Иерарх спрашивал у него, твердо ли он решил принять духовное крещение и готов ли

блости все добродетели, присущие доброму христианину (катаризм был крайне щепетилен в этой области и не хотел никоим образом влиять на волю кандидата на святость: в некоторых случаях от неопита требовали несколько раз подтвердить свое желание стать совершенным). Согласно ритуалу, в этот момент неопит просил после мельораamenta прощения своих грехов и иерарх сразу же прощал их от имени Бога и Церкви. Иерарх снова брал у него Писание и произносил речь, как при посвящении в «Отче наш», взывая к его разуму и вере: «Сир Пьер (например, потому что он обращался к нему по имени), Вы должны испытывать духовный подъем в этот момент, когда Вы вторично предстаете перед Богом, Христом и Святым Духом, потому что Вы находитесь перед лицом Церкви Божьей... Вы должны хорошо понимать, что Вы здесь для того, чтобы получить прощение своих грехов благодаря молитвам добрых христиан и наложению рук». Иерарх цитировал многие тексты из Писания, которые подкрепляли учение катаров. Примеры для двух ритуалов были разными, но суть их совпадала.

Прислужник возлагал на голову верующего книгу, читал «Благослови», трижды «Поклоняемся» и семь раз «Отче наш» и переходил к чтению начала Евангелия от Иоанна. Потом иерарх говорил, обращаясь к верующему: «Да простит Вас Господь Бог и да приведет Вас к благому концу», — и тот отвечал: «Аминь. Да будет, Господь, по слову Твоему».

Затем следовал волнующий церемониал наложения рук, то есть самой передачи Святого Духа. Верующий становился на колени, немного наклонялся к столу перед иерархом, который снова возлагал ему на голову Евангелие от Иоанна и накладывал сверху руки. И все прочие присутствующие христиане и христианки клали на него свою правую руку (или обе руки).

Потом все молились. Трижды читали «Поклоняемся», «Отче наш», «Да помилуй», еще три раза «Поклоняемся» и еще раз «Милость Господа». Новообращенному оставалось только поцеловать книгу, сделав перед ней три поклона, сказать: «Благослови, благослови, благослови и помилуй нас», — и по-

благодарить Бога, иерарха и единоверцев: «Пусть Господь Бог воздаст вам за то добро, которое вы мне сделали из любви к Богу».

И совершенный отвечал ему в конце: «Да пребудет милость Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Благослови и помилуй нас. Аминь. Да будет второе Слово твое. Да простят вам Отец, Сын и Дух Святой все ваши грехи». За церемонией консоламентум часто следовали две другие: апарельямент или сервиси (своего рода публичная и торжественная исповедь, которая совершалась раз в месяц) и «поцелуй мира». Согласно Ж. Дювернуа, апарельямент был ежемесячной исповедью совершенных перед своим диаконом или епископом или одним из его двух коадьюторов («старшим» или «младшим сыном»). Верующие, опять-таки согласно Ж. Дювернуа, должны были при этом присутствовать. Согласно другим авторам, они тоже публично исповедовались. Наказанием за простительные грехи были многократное чтение «Отче наш» и коленопреклонения.

При поцелуе мира христиане «творили мир», мужчины целовались с мужчинами, женщины с женщинами, после того как первая целовала книгу, к которой сначала приложил губы совершенный.

Консоламентум умирающих

Алан Инсулийский (Алэн де Лилль)* в XII веке и Ж. Дювернуа в наши дни справедливо проводят различие между крещением совершенных и крещением «утешенных», хотя ритуалы в точности сходны. Крещение совершенных означало для них вступление в ряды катаров и добровольное отречение от мира сего. Крещение утешенных, которое да-

* Алэн Лилльский (Alanus ab Insulis, Alain de l'Isle) — родился между 1114 и 1128 г., по всей вероятности в Лилле, и скончался в 1203 г. в Сито. Будучи замечательным богословом, философом, физиком, историком и поэтом, получил прозвище *doctor universalis*.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА ОРДЕНА И СЕКТЫ

валось умирающим и только им, обеспечивало им прощение их грехов и если не гарантировало им спасение, то, по крайней мере, давало надежду на него. Для этих верующих смерть была своего рода милостью, потому что в то недолгое время, которое им оставалось жить, они не могли больше серьезно согрешить. Но они не должны были есть или пить, не прочтя «Отче наш». Рассказывают, что катары, если они не могли прочесть эту молитву, предпочитали умереть от истощения, но не согрешить. И вряд ли можно упрекнуть этих ревностных христиан, которые, по свидетельству Ренье Саккони, если не могли больше молиться, просили у тех, кто им прислуживал, больше их не кормить. Эта форма мистического самоубийства, именуемая «эндура» (окситанское слово, обозначающее «пост») практиковалась в 1270–1300 годах в графстве Фуа под влиянием Пьера Отье, одного из последних Добрых людей.

Если утешенный не умирал, консоламентум, который он получил, терял всякое значение. Если он хотел стать настоящим совершенным, он должен был подготовиться к принятию консоламентум при вступлении в общину, получить который было гораздо трудней и почетней.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Пропагандистская литература. Фольклор на службе догм

Кроме нескольких катарских трактатов, которые дошли до нас — я изложил их суть в предыдущих главах, а характерные отрывки приведены в приложениях, — катары использовали и другие, ныне утерянные догматические произведения, а также сборники цитат из Священного Писания, откуда совершенные черпали аргументы в публичных спорах с католиками и вальденсами и, наконец, предназначенные для народа апологии с популярными изложениями основных пунктов учения.

Архивы инквизиции сохранили для нас несколько таких апологий, или «ехемпла». Предназначенные для людей часто малограмотных, они обычно заимствовали примеры из древних традиционных преданий, знакомых народу (они, кстати, сохранились в устной форме после исчезновения катаризма), или ортодоксальных легенд, восходящих к первоначальному христианству и более или менее видоизмененных в дуалистическом смысле. Эти «ехемпла» в той форме, в какой мы их знаем, относятся к началу XIV века, но они имели хождение, несомненно, и раньше, с XII века, и в том же значении. Однако, чтобы правильно их толковать, необходимо учитывать те деформации, которым подверг их катаризм времен своего упадка. «Ехемпла» интересны тем, что заключают в себе духовное объяснение, благодаря которому мы можем понять, каким это учение стало в те времена, когда они способствовали его распространению и служили предостережением для верующих, как сегодня должны предостерегать ересиологов от попыток понимать эти мифы слишком буквально.

Миф о Пеликане

Этот миф заимствован из древних греческих и латинских описаний животного мира («Физиологов»). Известно, каким успехом он пользовался в христианской иконографии и еретической символике вплоть до современного масонства.

Пеликан — это символ Иисуса Христа, но рассказы о нем имеют разную метафизическую ориентацию, от строгого монотеизма до радикального или относительного дуализма. В ортодоксальных и монотеистических вариантах Пеликан обрекает на смерть своих птенцов, которые его оскорбили (это означает, что Христос обязан карать своих детей, грешников). Но когда он видит, что они умерли, он воскрешает их, окропив своей кровью (это означает, что Христос страданиями своими воскресил людей, пожертвовав собой ради них). В этих «ехемпра» Дьявол не играет никакой роли, разве что роль искусителя. Этой традиции следовали Епифаний, Исидор, Гуго из Сен-Виктора, Брунетто Латини [45]; мы находим ее и в не катарском «Окситанском описании животного мира» той же эпохи. Христианская иконография, в общем, тоже ею вдохновлялась, хотя в ряде случаев нельзя быть уверенным, что художник не придал своему пеликану более еретическое значение. Более глубокое и менее конформистское исследование сюжетов католической скульптуры, несомненно, выявит дуалистический символический контекст многих образов — Древа жизни, Единорога, Пеликана — и они окажутся не столь католическими, как говорят.

Катарский миф в том виде, в каком он сохранился в записях инквизиции, весьма отличен от своих ортодоксальных аналогов: «Пеликан — это птица, светлая как солнце, и она следовала за солнцем и поэтому часто оставляла своих птенцов одних в гнезде. Однажды ее отсутствием воспользовался Дьявольский зверь. Когда Пеликан вернулся, оказалось, что птенцы растерзаны. Он излечил их и воскресил. Но, поскольку пеликаны уже много раз умирали и воскресали, их отец решил однажды погасить свой свет и остаться во тьме

рядом с ними. Когда Зверь вернулся, Пеликан победил его и лишил возможности вредить».

Легко придать этой сказке смысл духовного поучения. Вот объяснение, которое дает катар в «Записях инквизиции епископа Фурнье» (т. I. С. 358): «Злой бог яростно стремился уничтожить добрые существа, созданные истинным Богом. И так продолжалось, пока Христос не скрыл свой свет, воплотившись через Деву Марию. Тогда он поймал бога Зла и поместил его в адскую тьму. С этого времени бог Зла не имеет больше возможности уничтожать творения Бога Добра».

Несомненно, в эпоху Белибаста (в начале XIV века) силу злого начала стали несколько приуменьшать под влиянием католицизма или умеренного дуализма. Но суть учения не претерпела особых изменений. «Всегда были два несотворенных начала: Добро и Зло. Добро создало существа, а Зло, низшее во всех отношениях по сравнению с Богом Добра и представленное в виде Зверя, может только разрушать и разлагать. Оно сохраняло эту способность лишь до тех пор, пока Христос не встал на защиту падших созданий».

Идея, что Пеликан — «солнечная» птица, которая следует за солнцем, несомненно, катарское изобретение. Известно, что их космический Христос царил в познаваемом свете, в духовном солнце. И тот факт, что он затемнил свой свет, в точности совпадает с подлинно дуалистическим учением, согласно которому Христос не жертвовал собой на земле ради спасения людей и, следовательно, не воплощался в материальное тело через Святую Деву. Его «жертва», как утверждали древние манихеи, была совершена на небесах и заключалась в том, что ради того, чтобы освободить все частицы божественного духа, еще удерживаемые силой материи, он свободно согласился воплотиться во всё космическое проявление [46].

На земле Христос только вотенился в Деву. «Тогда, — говорит знаменитая катарская молитва, — Бог спустился с небес с двенадцатью апостолами и вотенился в Деву Марию» [см. примеч. 41]. Хотя «объяснение», приведенное у епископа Фурнье, подверглось влиянию католического словаря и в нем

говорится о воплощении (в смысле, правда, проявления в видимом мире), ясно, что катар, который его дает, остается докетистом: воплощение было лишь кажущимся. Христос скрыл свой свет не для того, чтобы родиться как человек из лона женщины, а потому что для того, чтобы победить Князя тьмы, ему необходимо было каким-то образом войти в эту тьму. Чтобы объяснить людям, как они могут в свою очередь победить Демона, ему надо было сделаться видимым и явиться им в форме, похожей на их форму.

Два бога, два начала, как я уже говорил, не равны по силе. Символом добра здесь является солнечная птица, а какое животное символизирует зло, катары не уточняют: может быть, они имели в виду сову или змею из античных описаний животного мира. Катаризм обычно изображал Дьявола в форме апокалиптического дракона или какого-то чудовища. Но следует отметить, что злему началу редко придавалась конкретная форма: будучи разлитым во всем видимом творении — его творении — и постоянно изменяясь, оно было везде и нигде. Очень редко какой-либо верующий утверждал, что видел его, когда какой-нибудь материальный объект, например дерево, внезапно принимал необычную форму.

Христос одержал двойную победу над Дьяволом. Он может устранить вред, нанесенный Дьяволом его творениям, и навсегда ограничить сферу проявления его злобы.

Подкова

Миф о подкове представляется нам более специфически катарским, чем другие, потому что он вдохновлен теорией реинкарнаций.

«Один очень плохой человек, убийца, вошел после смерти в тело быка, с которым его хозяин жестоко обращался. Он помнил, что был человеком. Потом он вошел в тело лошади, которая принадлежала богатому барону. У него он не был таким несчастным. Однажды, когда его замок захватили враги, этот барон вскочил на коня и поскакал, спасаясь

от них, через дикую, скалистую местность. В одном месте копыто коня застряло между двух камней, и он смог его вытащить, только потеряв подкову. После смерти коня его дух проник в тело беременной женщины и воплотился в ребенка, которого она носила в чреве. Ребенок вырос, «познал Добро» и стал «совершенным». Когда он однажды проходил со спутником мимо того места, где он потерял подкову, будучи конем, он вспомнил об этом и сказал другому. Они стали искать подкову и нашли ее».

Есть несколько вариантов этого мифа. Один из них сделан более «убедительным» благодаря наличию многих свидетелей: «Один Добрый человек отдыхал и ел около родника со своими верующими. Он сказал им, что помнит, как, будучи конем, он пил из этого родника. Однажды, когда его хозяин слишком сильно его прищпорил, он увяз ногой в грязи и смог вытащить ее, лишь потеряв подкову. “Давайте посмотрим, — сказал он, — может быть, мы ее найдем”. Все верующие отправились на поиски и нашли подкову» (т. III. С. 138).

Похоже, что совершенные XIII века не принимали столь легко, как Белибаст, возможность воплощаться в животных. Однако они запрещали плохо обращаться с животными, поэтому можно полагать, что они верили, что в них может вселиться человеческая душа. В начале XIV века все верили, что люди могут воплощаться не только в благородных животных: быков, коней, — но и в самых низших (за исключением, может быть, таких, как сова, жаба, змея, которые считались по сути своей сатанинскими; следует отметить, что убийца в данном мифе не пал так низко). В эпоху упадка катаризма вера в то, что демон принимает формы самых отвратительных животных, привела народ к убеждению, что и с абсолютно падшими душами может произойти то же самое.

Из всех южных еретиков только абсолютные дуалисты верили в переселение душ людей в животных (умеренные дуалисты, напомним, были традиционастами). Теория реинкарнаций была совершенно необходима в системе абсолютного дуализма, потому что постепенное, но совершенно

механическое (без свободы воли) очищение душ происходило в ней посредством обязательного опыта зла и страданий в последовательных жизнях. Чтобы более полно представить себе распространение катарских идей в XII и XIII веках и даже позже, нужно терпеливо поискать в окситанской, французской, итальянской и немецкой литературе Средних веков все темы манихейского или катарского происхождения, которые благодаря их переделке в поэмах и романах ускользнули от бдительного ока католических переписчиков. Их гораздо больше, чем считает официальная ересиология.

Например, роман о Варлааме и Иосафате [47] включает в себя миф о Единороге, который существенно отличается от ортодоксальных версий той эпохи, имеющих в нашем распоряжении, и, возможно, восходит к архетипу, испытавшему сильное влияние восточного манихейства. Кроме того, он отражает множество еретических теорий. Фразы вроде: «И я сразу же увидел, что этот мир лишь ничто и пустая суета», — в контексте, где Дьявол играет большую роль, чем в католической традиции, отражают несомненное влияние дуалистического учения.

Окситанский трактат об «именах Богоматери» (конец XIII века) таинственным образом различает Люцифера и Сатану, как это делали катары*. Вполне католическое «Vieviagi d'Amog» Матфре Эрменго (1288 г.) изобилует концепциями, которые пахнут костром, точно такими же, как в «Трактате о двух началах». Это не значит, что все эти авторы были еретиками; просто границы ереси никогда не были особенно четкими. В те века можно было быть еретиком, не зная этого. Что же касается поэтов, то они зарабатывали везде, где могли, и многие из них вращались в катарских кругах.

Итальянская поэма «Иль Фиоре», которую иногда приписывают Данте, была, вероятно, написана одним из эпикурейцев XIII века вроде Фаринаты дельи Уберти или Гвидо Кавальканти (которых Данте знал) [48]. Автора вдохновляли прежде всего теории нового латинского аверроизма и нена-

* Некоторые из катаров (*примеч. ред.*).

учного натурализма «Романа о Розе» [49], но у него с силой проявляется и катарский антиклерикализм. Поэт ничуть не скрывает своих симпатий к патаренам Флоренции, истребленным в том же 1244 году, когда запылал костер Монсегюра.

Такие же изыскания в немецкой поэзии Средних веков, проведенные с полной духовной свободой, дали еще лучшие результаты. Мне кажется, трудно не заметить следов катаризма в произведениях Готфрида Страсбургского, в антипапских выпадах Вальтера фон дер Фогельвейде, и прежде всего, — в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха [50], ряд сюжетов которого восходят к иранскому (манихейскому) оригиналу. Если вспомнить о том, что для многих духовных лиц Средних веков (самый знаменитый из них — Беранже Турский, 1081 год) стало невозможным в рамках одного метафизического целого, а следовательно, и в посвященной гостии, сосуществование духа и материи, света и тьмы, Искупления и греха, можно согласиться с мнением, которое высказал Леонардо Ольшки, что светящийся сосуд Грааль не имел иной функции, кроме окормления кающегося духовной пищей, освященной светом, с которым отождествляется и в котором проявляется добрый и трансцендентный Бог. Гостия заставляет вспомнить об освященном хлебе, который разламывали и раздавали верующим на священных трапезах, которые были одной из немногих катарских церемоний, где без участия священника, без алтаря и иных ритуалов зывали только к Иисусу Христу как посреднику между Богом Света и грешным человечеством, над которым властвует бог Тьмы.

Трубадуры

Катары и трубадуры жили бок о бок более двух веков в одних и тех же областях Окситании, прежде всего в графстве Тулузском, графстве Фуа и во владениях виконта Каркассонна. Они принадлежали к одной и той же цивилизации, одному и тому же обществу (часто к одной и той же системе

вассальной зависимости); их интересы порой совпадали; они имели одних и тех же покровителей. В замках Добрых людей и поэтов слушала одна и та же аудитория, состоявшая из баронов и благородных дам. Их концепции или идеологии, по сути противоположные друг другу, имели несомненные сходные черты или скорее сходились в отдельных пунктах, например, в том, что касается проблемы брака.

Мы знаем, что многие трубадуры выступали с нападками на Рим, Церковь и религиозные ордена в ряде сатирических поэм, а другие, — или те же самые в отдельных случаях, — сражались в войсках за дело катарских баронов или друзей катаризма, а после их поражения последовали за ними в изгнание [51]. Поэтому интересно изучить характер теоретических и фактических отношений, которые могли установиться между катарами и трубадурами до, во время и после крестового похода, хотя при современном уровне наших знаний трудно дать определенный ответ на этот вопрос, потому что само понятие «трубадур» как таковое, то есть рассматриваемое независимо от весьма разной среды, к которой принадлежали эти поэты, не имеет никакого социологического значения. Будучи сравнительно весьма немногочисленными, они не составляли особый общественный класс.

Любовь и ересь

Можно задать вопрос, не было ли учение трубадуров о любви, взятое в целом, как считают некоторые современные писатели, своего рода поэтическим и символическим истолкованием религиозных чаяний неоманихейства и его политических целей. Вышедшая в 1840 году книга Россетти «Тайна средневековой платонической любви» доказывала, будто произведения Данте были написаны с определенной философской и политической целью и выражали под прикрытием любовной аллегории мнения и чаяния антипапистов, сторонников империи и гибеллинов, и оказала огромное влияние на многих писателей (в том числе на Наполеона Пейра),

которые стали искать и ключ к провансальской Любви в катарском эзотеризме [52]. Есть смысл видеть в расцвете в XII веке лирики, тесно связанной с обществом и с определенными ритуалами, поскольку «кансос» при всем их формальном разнообразии непременно повторяют одни и те же гемы, некое воплощение своего рода светской мистики. Но это не означает, что она была по сути своей катарской.

Я показал недавно в своей книге «Эротика трубадуров», что эти поэты всегда стремились «очистить» Любовь от всего, что не относится к ней от природы, а вовсе не хотели, как, например, платонизм, совершенно отделить Любовь от секса. С этой точки зрения и следуя неосознанным пожеланиям своей эпохи, они действительно часто считали супружескую любовь «продажной», утилитарной и подспудно объявляли настоящей внебрачную любовь. Они, несомненно, верили, что любой союз, основанный на интересе и насильственном подчинении жены мужу, несовместим с сердечным чувством, которое, следовательно, может развиваться только в рамках адюльтера (в принципе это морально, но в действительности речь идет о более или менее плотской любви). В той мере, в какой катары принимали брак, — известно, что они не запрещали его простым верующим, — возможно, судя по ряду примеров из «Записей инквизиции епископа Фурнье» (XIV век), что их концепция была сходной с той, которая лежала в основе эротики трубадуров, то есть более благожелательной к супруге и к равенству полов. Наоборот, в той мере, в какой Добрые люди, которые вообще отвергали брак для самих себя и терпели его у верующих лишь как крайнее средство, они дискредитировали его, что верно, но по другим причинам, нежели трубадуры: они учили, что плотские отношения, в браке или вне брака, — хотя в некоторых случаях они могли быть включены в божественный план (обеспечивая, например, реинкарнации, необходимые для очищения душ), — сами по себе сатанинской природы. Совпадение взглядов катаров и трубадуров по этому вопросу было случайным, а не догматическим.

Восхищение женской красотой и восхваление «Утонченной Любви» привели к тому, что трубадуры, особенно поко-

ления 1150 года, создавали настолько идеализированный образ женщины, что некоторые современные критики видят в нем художественное изображение Святой Девы. На мой взгляд, этого недостаточно для того, чтобы окрасить их «песни» в цвета мистицизма или платонизма. Самые непонятные из них без меры возвышают Любовь, но они не становятся от этого «эзотерическими», а если они и заключают в себе эзотеризм, то он соответствует единственной тайне — человеческой любви. Женщина никогда не символизировала у трубадуров ни Святую Деву, ни мудрость, ни гнозис, ни катарскую церковь: это всегда был образ самой женщины, преображенной, но всегда готовой вернуться к земным реалиям. Когда говорят о катарской духовности «кансос», тем придают более или менее сознательно поэзии трубадуров характерные черты, свойственные не ей, а более поздней поэзии итальянского «дольче стиль нуово» [53], которая хотя и возникла под провансальским влиянием, но пошла своими иными путями. Может быть, эзотерические увлечения итальянцев тоже преувеличивают, однако следует признать, что в их поэтических произведениях любовь действительно более очищенная и более платоническая: скорее создается впечатление, что в них обожаемая дама символизирует сверхъестественное существо или мудрость, или просто женскую сущность, освященную смертью. Эти женщины, которые умирают такими молодыми, почитаются как ангелы и возносятся посмертно на небо идей, — это действительно сверхъестественные души. Провансальская лирика прославляла только «смеющихся» и живых владельцев замков.

Эмансипация женщины

Мы находим здесь постоянные черты человеческой природы, которые не очень меняются от одной эпохи к другой. Новым общественным явлением было то, что впервые два учения — учение о Любви и катаризм — попытались освободить женщину, нейтрализовав понятие плотского греха. Лю-

бовь — это не грех, а добродетель, говорили трубадуры. Это всегда грех, говорили катары, но он неизбежен для простых верующих.

Женщины пользовались этими двумя учениями, чтобы потребовать права любить на свой лад. «Каждая дама, даже самая честная, — утверждала графиня де Диа [54], — может любить, если любит». Женщины увидели в любви средство утвердить свою независимость перед лицом мужской власти. Они играли в свободную любовь, «чтобы поступать как мужчины» и отомстить одним за их ревнивую тиранию, любя других.

Записи инквизиции рассказывают нам о не очень стеснительных и весьма решительных женщинах, которые, испытав на себе грубость хамов, руководствовались только своими интересами и фантазиями. Беатриса де Планиссоль не сопротивлялась больше мужчинам, которые ей нравились. Другая молодая женщина, Гразида, которую кюре ее деревни лишил невинности, когда ей было тринадцать лет, и выдал за человека по имени Пьер Лизье, не имела ни малейшего понятия о греховности любви. Эта пастушка говорила то же самое, что и образованная женщина, графиня де Ди.

«Отдаваясь священнику до замужества, — спросил ее инквизитор, — и потом, когда Вы были замужем, знали ли Вы, что грешите?» «Поскольку в тот момент мне это нравилось и нравилось этому кюре, — ответила она, — я не думала и не думаю теперь, что это был грех. Но сегодня, когда мне бы не понравилось иметь сексуальные отношения с ним, я сочла бы это грехом... Хотя любая плотская связь мужчины и женщины не нравится Богу, я не верю, однако, что они совершают грех, если это приятно тому и другой».

Свобода нравов для женщин XIII века, несомненно, была, как и аскетизм, только в противоположном направлении, бессознательным протестом против общественного порядка, который их угнетал, и прежде всего — против неравенства в браке в пользу мужчин. Если они хотели утвердить свою самостоятельность, они могли выбирать лишь один из двух путей: либо путь, открытый трубадурами, полную свободу люб-

ви в сочетании с идеей, что любовь это не грех, либо путь, которым советовали идти Добрые люди, путь аскетизма и совершенствования.

Трубадуры «альбигойской эпохи»

Пока окситанскому обществу не угрожали войны и преследования, трубадуры занимались только любовью и ухаживаниями. Они не уделяли внимания религиозным проблемам, пока события, последовавшие за крестовым походом, не разорили дворы мелких феодалов, за счет которых они жили, и не рассеяли их публику, превратившуюся в горожан. Раймон де Мираваль, происходивший из катарской семьи, продолжал и во время бури спокойно воспевать дам. Когда он осознал, что произошла катастрофа, он тешил себя надеждой, что граф Тулузский вернет ему его замок и с победой вернутся «времена, когда дамы и любовники смогут снова обрести утраченную ими радость!». Несомненно, иногда их вдохновляло желание политического реванша, например, но редко во имя чисто религиозных идеалов. Даже у серьезных моралистов, таких как Пейре Карденаль и Монтаньяголь, которые проявляли в своих стихах чувства милосердия и гуманности, намного опередив свое время, с удивлением видишь, как их отчаяние, их пессимизм смешиваются с сожалением об ушедшей эпохе, когда роскошь одежд, расточительность крупных феодалов, церемониал придворной любви составляли объективную основу аристократического общества, которое давало им такое прекрасное место.

Это не значит, что интересы трубадуrows были связаны, говоря языком социологии, с интересами южной знати, и что, за немногими исключениями, они были склонны защищать катаризм лишь в той мере, в какой они прямо или косвенно считали себя обязанными выступить в его защиту. Только в силу обстоятельств последние трубадуры, может быть, почти все, поскольку их оставалось немного, после 1250 года вместе с Пейре Карденалем и Монтаньяголем ока-

зались в лагере противников Церкви и французов и были вынуждены разделить участь сеньоров, ограбленных или находившихся под угрозой ограбления, без покровительства которых они не могли существовать в обществе, поскольку, как я уже говорил, ни трубадуры, ни жонглеры, немногочисленные и сравнительно изолированные, никогда не составляли независимый класс. Понятно, само собой, что ни Любовь как часть придворной системы, ни поэты как ее признанные служители не могли вмешиваться в эти идеологические и политические конфликты, кроме как противопоставив Риму катаризм, а сеньорам Севера — сеньорам Юга.

Моральный катаризм

Однако, когда перечитываешь произведения последних трубадуров, относящиеся к так называемому «альбигойскому» периоду, обнаруживаешь то здесь, то там наряду с чертами моральной и политической сатиры концепции, явно носящие на себе отпечаток катарской мысли. Это было результатом того, что преследования свели при тулузском дворе поэтов с «участниками сопротивления», светских людей с «совершенными» в одном и том же подполье. Пейре Карденаль и Монтаньяоль, хотя они не были верующими, вращались в Тулузе и в других местах в атмосфере реформистской, даже революционной ереси. Катары очень любили читать Пейре Карденалья. Во времена епископа Фурнье один верующий из графства Фуа мог еще читать наизусть первую строфу ужасной сатиры Пейре Карденалья против духовенства: «Священники выдают себя за пастырей, но они убийцы». Такое распространение его произведений можно объяснить лишь тем фактом, что по крайней мере на протяжении первой части своей жизни он, если и не был официально катаром, то слыл им. Он считался «другом ереси», «другом Бога». В силу обстоятельств он сам должен был использовать общие положения ереси, проповеди, которые он часто слышал в кругах, в которых вращался, и, несомненно, в самом

окружении Раймона VI. Не случайно в одной из своих поэм («Во имя Правого Господа»), где он взывает к законному Богу, стих 43 («Дай мне силу любить то, что ты любишь») любопытным образом повторяет, — как справедливо заметила Люси Варга, — характерные слова хорошо известной молитвы: «Дай мне любить то, что ты любишь». Эти стереотипные формулы, часто очень красивые, могли произвести впечатление на трубадура уже одной своей поэтической ценностью, потому что его идеология не представляла собой единого целого: самые ортодоксальные принципы соседствовали в ней с идеями, которые при других обстоятельствах привели бы его на костер. Его интересовал моральный ригоризм, в нем прежде всего заключалась его ересь. Как говорит Люси Варга, «когда мы слышим о строгой морали, мы можем быть уверенными, что вступаем на еретическую почву». В действительности он хотел оставаться свободным моралистом. Его антиклерикализм опирался на еретические идеи только потому, что он хотел придать больше силы своей сатире. В остальном он был добрым христианином. Может быть, он считал себя еще лучшим христианином, принимая некоторые элементы дуалистической догматики. Удивительная сирвента, адресованная Богу, одна из самых смелых, на какие только отваживались Средние века, является еретической от начала до конца: «Пошли меня снова, Господь, туда, откуда я пришел в первый день, или прости мне мои грехи, потому что я не совершил бы их, если бы до этого не родился!» «Бог совершает грех против своих, если решает уничтожить их или осудить». Последний стих снимает с человека всякую ответственность, согласно той же теории, которую развивал примерно в ту же эпоху Иоанн фон Луджио в «Книге о двух началах».

Отсюда следует вывод, что к концу XIII века под влиянием катаризма многие из лучших умов открыто заявляли, что истинный Бог, Бог Добра, не может осуждать грешников, он может только спасти свои творения, притом по двум причинам. С одной стороны, в Боге нет зла, а «Правосудие» (месть) как таковое — это зло. С другой стороны, человек не

грешит свободно, это Дьявол творит в нем зло, следовательно, одного Дьявола и надо уничтожить. Эти две идеи, естественно, венчала вера, что ад не где-то, а на этой земле, где творение поработщено Демоном. «Если я мучился здесь, — говорил Пейре Карденаль, — и еще буду мучиться в аду, это было бы, я верю, несправедливостью и грехом!»

Итак, мы видим, что к концу XIII века, прежде всего в Тулузе, в образованных кругах распространился некий расплывчатый катаризм, ориентированный прежде всего на мораль, который перетянул на свою сторону довольно многих католиков-реформистов и антиклерикалов. От ереси в нем сохранились лишь два-три главных принципа, о которых я говорил: «Бог не может творить зло, человек не имеет свободы воли. Он творит зло по необходимости и добро тоже по необходимости, когда он очищается от материи». Подлинной ересью было тогда утверждение Необходимости. Трубадур Монтаньяголь думал точно так же, как Пейре Карденаль. «Злодей, — говорил он, — не совершает преступления, когда он творит зло, потому что для него творить зло — такая же необходимость, как творить добро для доброго человека».

Катаризм упрощался и одновременно расширялся и углублялся. В то время как среди сельского населения в Лангедоке и графстве Фуа он быстро эволюционировал в сторону вульгарного материализма, то вполне вероятно, что в Тулузе около 1250 года в аристократических кругах было много молодых сеньоров, скорее эпикурейцев, чем христиан и, может быть, втайне атеистов, для которых катаризм был, хотя они не вполне это осознавали, всего лишь замаскированным авероизмом. Этот моральный феномен примерно в ту же эпоху имел место во Флоренции и породил такой же «любовный», поэтический и философский синкретизм.

Философский эзотеризм

Катарская философия несколько видоизменялась в пространстве и времени. Теории итальянца Иоанна фон Луджио

(1240 г.) — не те же самые, что у окситанца Бартоломе (1220 г.). Известно, что Иоанн фон Луджио внес ряд новых моментов в традиционный абсолютный дуализм. Катаризм периода упадка (конец XIII — начало XIV века), катаризм последних «совершенных» графства Фуа, значительно удалился от того катаризма, который исповедовали в Лангедоке накануне крестового похода против альбигойцев. Наконец, если говорить о самой сути дуализма, то мы видели, что еретики делились на два больших течения: одни из них — монасты — верили, как и католики, что у Зла было начало, другие — что оно существовало и будет существовать вечно; это были умудренные и абсолютные дуалисты.

Я уже отмечал, что эти вариации и различия часто сильно преувеличивались. Некоторые ересиологи проявляют узкий историцизм, когда они заявляют, без достаточных оснований, что учение, датированное 1220 годом, а *prigoi* должно быть весьма отличным от того, которое датируется 1240 годом, как будто отрезок времени в двадцать лет, отделяющий Бартоломе от Иоанна фон Луджио, достаточен для того, чтобы метафизические идеи могли так сильно измениться. Что же касается географических расстояний, то они тоже не разделяли разные дуалистические школы столь радикально, как об этом говорят. Сегодня модно находить между «Катарским трактатом» Бартоломе и «Книгой о двух началах» Иоанна фон Луджио больше различий, чем было на самом деле: невозможно, чтобы разные дуалистические системы, с учетом их достаточно строгой структуры, настолько удалились бы от своей общей идеальной формулы и, следовательно, одна от другой.

В действительности два единственных катарских трактата, которыми мы располагаем, настолько совпадают по всем главным пунктам учения, что это нас поражает: Бартоломе и Иоанн фон Луджио имели совершенно одинаковое представление о творении. Творение, по их мнению, совершалось на основе предсуществовавшей материи или самой субстанции Творца, но не из ничего: у них это всегда было творение из сути Бога или Дьявола, но никогда — творение из

ничего. Оба они противопоставляли, почти в одних и тех же словах, злую и добрую Природу: первая была видимой, преходящей, бессмысленной и тленной, вторая — невидимой, вечной и нетленной.

Наконец, мы обнаруживаем такое же сходство взглядов на проблему свободы воли. Чтобы доказать, что свободы воли нет, — или она иллюзорна, — Иоанн фон Луджио использует сильные и умные аргументы, к которым после него нечего было добавить. Бартоломе об этом не говорил (может быть, посвященная этому вопросу часть его произведения до нас не дошла), но, поскольку еретики графства Фуа в конце XIII века, отвергая свободу воли, пользовались теми же аргументами, которые сформулировал Иоанн фон Луджио (некий Бернар Франка, например, повторил их слово в слово) и которые уже давно имели хождение в Лангедоке, следует сделать логический вывод: либо поздние катары читали Иоанна фон Луджио, — что маловероятно, — либо они читали полностью трактат Бартоломе или другой в таком же роде; во всяком случае, эти ученые из Лангедока думали о свободе воли то же, что и Иоанн фон Луджио.

Все эти совпадения позволяют составить представление о катарской «философии», отражающее основные положения любой цельной дуалистической системы. Несомненно, Иоанн фон Луджио выразил их более четко, чем Бартоломе, который ограничился тем, что собрал в поддержку своих тезисов цитаты из Священного Писания. Наряду с трактатом Бартоломе, от которого сохранились лишь отрывки, «Книга о двух началах», точнее, собрание кратких резюме, которое так называется, потому что само произведение Иоанна фон Луджио утрачено, является единственным свидетельством катарских идей, которым мы располагаем. Но вполне правдоподобна гипотеза, что существовали и другие догматические книги, которые использовали пасторы и даже простые верующие [55].

Возможно, что в Лангедоке до 1240–1244 годов, а в Италии до начала XIV века катаризм всегда располагал «совершенными», достаточно образованными для того, чтобы при-

дать учению интеллектуальную цельность. Теории, которые Бернар Франка, священник из Гулье, излагал в 1320 году перед епископом Фурнье, взятые на вооружение несколькими годами раньше, солидно обоснованы и ничуть не похожи на выродившийся еретический фольклор того времени. И эти идеи не появились вдруг в 1300 году: они всегда господствовали в образованных кругах и среди духовенства. Следует отметить, — и Монета из Кремоны сделал это первым, — что катары черпали свои аргументы из формул аристотелевского типа. Положения вроде: «У противоположных вещей — противоположные начала», — более или менее правильно поняты и усвоенные и к тому же не очень сложные, — вели прямым путем к дуализму и, прежде всего, к логическим выводам, легко применимым к феноменам нашего мира: «Видимый мир подвержен переменам и разложению, значит, его творцом не может быть вечный и нетленный Бог». Были ли катары графства Фуа учениками Аристотеля, сами того не зная? Повторяли ли они, упрощая их, поучения отдельных духовных лиц, которые поверхностно знали Аристотеля или читали различные трактаты, ходившие в Средние века под его именем? Вопрос остается неясным, но несомненно, что многие еретики были способны заново открыть первичные элементы рациональной философии.

Влияние Аристотеля заметно прежде всего у Иоанна фон Луджио: оно проявляется во всех сколько-нибудь солидных теориях «Трактата о двух началах», особенно в тех, которые касаются свободы воли, где принципы Аристотеля используются наиболее умно и наиболее эффективно. Вот один из аргументов Иоанна фон Луджио против свободы воли: «На взгляд мудрецов кажется невозможным, чтобы кто-нибудь имел силу делать две противоположные вещи одновременно и за один раз» (то есть, что он может все время творить и добро, и зло). А вот соответствующее положение Аристотеля, сформулированное почти в тех же словах в «Метафизике»: «Потому что одна сила не может одновременно, даже если она этого хочет или желает, производить два или не-

сколько противоположных действий... Нет силы, которая могла бы делать их одновременно».

Иначе говоря, выбора не существует, потому что одна и та же причина – намерение или ситуация – не может породить противоположные следствия или действия: всегда есть только иллюзия выбора.

Злокачественная природа

И умеренные, и абсолютные дуалисты верили, что материальный и видимый мир был создан несовершенным существом. В этом пункте они значительно отклонялись от ортодоксии, для которой единый и добрый Бог создал всё. Абсолютные дуалисты учили, что Дьявол был единственным творцом материи и тел, а не простым организатором космоса и, в каком-то роде, сотрудником Бога, как думали умеренные дуалисты. Несомненно, в более позднюю эпоху, под влиянием католицизма и умеренного дуализма народный катаризм несколько умерил свой «абсолютизм»; он пошел на уступки. «Разве в этом мире нет хороших и прекрасных вещей? – говорили люди из народа. – Разве само присутствие душ и Добрых людей на этой земле – не добро? Вправду ли Дьявол развел и вырастил полезные и невинные растения?» И следует признать, что теория, которая превращала нашу землю в «ад», наталкивалась на тысячу практических возражений, прежде всего потому, что абсолютные дуалисты забывали, что этот мир в действительности, как учил Мани, представляет собой смесь противоположностей. Материальный мир плох по своей сути, а не из-за своих видимых проявлений и противоречивых случайностей. Дьявольское творение – это сложное творение; оно тщетно (так как не имеет подлинной основы), преходяще (подвержено непрерывным изменениям) и тленно (то есть обречено на небытие). Одна фраза Бартоломе обобщает его характерные черты: «Творения, которые можно видеть в этом мире, – говорит он, – дурны, тщетны и тленны, и, как они пришли из ничего, так

и вернутся в ничто». У Иоанна фон Луджио злокачественное творение столь же онтологически несовершенно, оно включает в себя только «дурные, тленные и тщетные вещи», оно не основано на Бытии; будучи видимым, оно реально только для материальных чувств, созданных Дьяволом. Оно не имеет ничего общего с тем, что противопоставляют ему Бартоломе и Иоанн фон Луджио, — с невидимым небесным миром, где обитают лишь вечные и нетленные существа.

Евангелие от Иоанна 1, 4

Поскольку абсолютные дуалисты особенно почитали «Евангелие от Иоанна», это означает, что они видели в нем или придавали ему дуалистическое значение. Стихи 1, 3, 4 гласят: «Всё через Него начало быть... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». Это означало, что все существующее сотворено через Иисуса Христа и, следовательно, ничто не сотворено Дьяволом: был лишь один творец. Катары понимали эти стихи совершенно иначе, переставляя знаки препинания: «Все, что через Него начало быть — была Жизнь». Для них это означало: «Только то, что через Него начало быть, была Жизнь», причем подразумевалось, что были и другие вещи, созданные Дьяволом (но они были не Жизнь, а Смерть). Современный католический перевод совершенно ясный и, разумеется, совсем не дуалистический: «В Нем была Жизнь всего, что есть». Смысл, который придавали ему катары, был тоже совершенно ясным, на их манер, и, разумеется, вполне дуалистическим: «Только то, что было сотворено в Нем, была Жизнь».

Злое начало

Но каково оно, это Злое начало? Оно не совпадало полностью с материей, и в этом один из пунктов, отличающих катаризм от древнего манихейства. Но Дьявол и материя тем

не менее тесно связаны друг с другом. Либо материя создает Дьявола (как в древнем манихействе, где он иногда является как ложный дух, порожденный слепой игрой стихий), либо Дьявол создает материю, которая в любом случае неотделима от него. Среди абсолютных дуалистов в том, что касалось вечности материи, похоже, были две различные тенденции. Одни, может быть, под влиянием католицизма (или умеренного дуализма) учили, что мир имеет конец, другие, — что он вечен. Я полагаю, что подлинное, основное учение утверждало его вечность: «Так как мир всегда был и будет существовать всегда». Оно опиралось на тот факт, что каждый творец извлек свое творение из своей собственной субстанции и поэтому оно так жеечно, как и он. Как сообщает Монета, абсолютный дуалист Тетрик, произведения которого он читал, учил, что души существовалиечно и им «столько же лет, сколько Богу». Не относилось ли это и к существам и вещам, созданным Дьяволом? Несомненно, потому что Ренье Саккони сообщает в своей «Summa de Catharis», что творения в системе Иоанна фон Луджио находятся в таком же отношении со своим создателем, «как лучи с солнцем». Похоже, что теории, общие для Тетрика и Иоанна фон Луджио, были приняты большинством абсолютных дуалистов. Во всяком случае, они лучше соответствуют теориям творения Бартоломе (1220 год) и Иоанна фон Луджио (1240 год), лучше согласованным с внутренней структурой дуализма. Можно было, кстати, легко примирить мнения тех, кто верил в конец света, и тех, кто в него не верил. Некоторые дуалисты, несомненно, понимали конец света как распад этой Вселенной, где тесно смешаны антагонистические творения двух начал, Добра и Зла. С этой точки зрения освобожденные души устроятся в своего рода небесном Иерусалиме, светлом и нетленном. Но ад тем не менее останется естественным обиталищем Демона. Мы уже отмечали, что для некоторых катаров сама земля после ухода чистых душ должна превратиться в ад и в убежище навсегда проклятых существ. В обоих случаях катаризм приписывал материи, как и Сатане, ее создателю, вечное существование. Таким околь-

ным путем катарский Дьявол соединялся с манихейским: не будучи полностью отождествленным с материей, Сатана навсегда связывался с ней.

Однако он часто понимался как дух, — правда, прежде всего в мифах, — как своего рода ангел, напоминающий Люцифера католицизма и умеренного дуализма (влияние последнего в данном случае несомненно). Он унаследовал также состояние падения, которое испытал в умеренном дуализме второй Сын Божий, Люцифер, бывший некогда добрым и ставший злым. Здесь опять нельзя не вспомнить павшего архангела христианства и святого Августина.

Подобно тому как в христианской ортодоксии существуют многие промежуточные ступени между мятежным ангелом и животным, несомненно, существовали еретические концепции, стремившиеся уменьшить расстояние, отделявшее абсолютный дуализм от так называемого умеренного дуализма. Обе тенденции влияли друг на друга. Понятие мятежного архангела предполагало само по себе, что речь идет о своего рода духе, но постановка вопроса абсолютистами, согласно которой «никакое существо не может измениться, стать злым без причины, повлекшей за собой такое следствие», влияла и на умеренных дуалистов, которые видели, что придуманной свободы воли недостаточно для объяснения появления Зла, если уже не было причины, определившей этот выбор. «Никогда, — говорил Иоанн фон Луджио, — зло не могло бы возникнуть стихийно из творения доброго Бога как такового, если бы не было внешней причины зла». Поэтому умеренные дуалисты из Конкоренцо создали эзотерическое добавление (эзотерическое, потому что они сами называли его «тайной») к своей экзотерической вере в самопроизвольную порчу мятежного ангела. Они проповедовали втайне, что Люцифер, созданный добрым, стал злым под влиянием настоящего Злого начала, которое они представляли себе в своих мифах в форме хаотического чудовища (хаос — это среда и даже естественное состояние злого начала) с четырьмя лицами: человеческим, птичьим, рыбьим и звериным. На этот текст никогда не об-

ращали внимания, хотя он очень важен и позволяет уменьшить различия между абсолютными и умеренными дуалистами и, прежде всего, — лучше понять природу злого начала. Насколько мне известно, это чудовище — единственное изображение злого начала, которое оставили нам катары. Парадоксально, что оно фигурирует в тексте, принадлежащем умеренным дуалистам! Речь идет здесь о вечном начале. Это «злой» дух или дух плохого качества, связанный с хаосом, где он обитает, и не имеющий никакой способности творить. Трудно считать это злое начало равным по силе истинному Богу... Оно было способно только соблазнить или развратить Люцифера, еще доброго, но которому, вероятно, было предопределено, что он долго таким не останется. В существующем порядке ничто нельзя изменить без помощи существ, созданных добрым Богом.

Абсолютные дуалисты представляли себе истинное Злое начало именно под такой материальной видимостью.

Некоторые, например, школа Иоанна фон Луджио, стремясь выразиться наиболее философским образом, доходили до того, что раздваивали злое начало, считая дьяволов и «богов» за простые эманации Корня Зла, помещая последний в бесконечно удаленный и непознаваемый потусторонний мир. Иоанн фон Луджио утверждал, что Сатана всего лишь «производное» от злого начала, которое само по себе — нечто совсем другое. «Никто в этом мире, — добавлял он, — не может показать нам этого злого бога видимым образом и во времени — как, кстати, и Бога Добра». Но причину познают по следствиям. В данном случае следствие таково же, как и начало, которое, похоже, было для Иоанна фон Луджио только абстрактной идеей вселенского разложения. Такой способ раздваивания злого начала на «личность-причину» и «личность-следствие» отмечает Ренье Саккони в «Книге о двух началах» Иоанна фон Луджио (от которого мы имеем лишь резюме). В той части его «Summa de Catharis», где он рассказывает о взглядах Иоанна фон Луджио, он сообщает нам, что для последнего мир был творением Дьявола или скорее «отца Дьявола». Если Иоанн фон Луджио сумел придать до-

вольно строгое философское выражение этой идее, то в резюме его книги, которое до нас дошло, это не продумано, что хорошо показывает, что и в этом пункте он не внес много нового, чаще довольствуясь рационализацией традиционных концепций.

Абсолютные дуалисты всегда отличали Дьявола от «отца Дьявола». В «Латинском катарском ритуале» мы читаем: «Полагают, что следует говорить “Отче наш, иже еси на небесах”, чтобы отличить его от отца Дьявола, который сам злодей и отец злодеев». Основой для этого верования является Евангелие от Иоанна: «Диавол... когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин 8,44). Окситанский перевод этого текста столь же двусмысленный, как латинский и греческий тексты. Из «Деяний Архелая»* известно, что еще Мани переводил так: «Поскольку истина не его, каждый раз, когда он лжет, он говорит своё, ибо он лжец, как и отец его». Несомненно, что катары Драговицкой церкви, традиция которой утверждала, что эта церковь была основана непосредственно Мани, знали из «Евангелия от Иоанна», истолкованного таким образом, что Люцифер был сыном бога тьмы, т.е. его эманацией или проявлением: «И говорят, что Люцифер сын тьмы, как сказано в Евангелии от Иоанна: Ты — глас отца Дьявола и т.д. И отец его, Дьявол, — корень Люцифера». Возможно, большинство абсолютных дуалистов, по крайней мере после прибытия во Францию Никиты, проповедника теорий Драговицкой еретической школы, толковали рассматриваемый отрывок из Евангелия от Иоанна так же, как и Мани. Они верили, что есть Корень Зла, скрытый и непознаваемый, и всё зло, включая самого Сатану, — лишь его производные.

Создается впечатление, что для умеренных дуалистов отец Дьявола вполне мог соответствовать чудовищу хаоса, о котором мы говорили, а сын — испорченному им мятежному ангелу. Умеренный дуализм был боязливым — или тайным —

*«Деяния Архелая» — сочинение IV в., приписываемое Гегемонию и повествующее о диспуте Мани с кашгарским епископом Архелаем (*примеч. ред.*).

дуализмом, обходившим из осторожности истинную проблему происхождения зла.

Итак, следует несколько пересмотреть ходячие теории и признать:

– что большая часть умеренных дуалистов втайне верила, как и абсолютные дуалисты, что существует вечный Корень Зла, но они окутывали эту веру тайной;

– что для абсолютных дуалистов то, что они называли злым началом, было само по себе непознаваемо, и что всё зло, включая Сатану и его демонов, было лишь его проявлениями;

– что в этом пункте и во многих других есть ряд совпадений между святым Августином и катарами. Святой Августин, комментируя Евангелие от Иоанна, заявлял, что тьмы, заблуждения и смерти нет в Слове. А Иоанн фон Луджио: «Тьмы, следовательно, нет через него... Ибо тьма не была создана непосредственно и изначально Господом нашим, истинным Богом, и его сыном, Иисусом Христом».

По тем же причинам совершенно невозможно согласиться с тем, что, как упрямо продолжают считать некоторые ересиологи, два начала катаризма были равными. Помимо того, что это слово не имеет особого значения («равный» может значить «похожий, подобный»), если не уточнить, в чем именно эти начала равны, очевидно, что они не равны по значению и по силе и даже не «эквивалентны». Для Иоанна фон Луджио вечное Зло – это «грех, кара, тоска, заблуждение, огонь и муки, цепи и Сатана». И оно не имеет ни начала, ни конца.

За двадцать лет до него катар Бартоломе считал все видимые проявления, включая самого Дьявола, иллюзорной фантазмагорией между бытием и небытием. Он настаивал, что Бог Добра – единственный высший, истинный и всемогущий, тогда как ложный Бог этими качествами не обладает. А для Иоанна фон Луджио Дьявол всего лишь «ложь, заблуждение, напрасная (не истинная) сила и неспособность действовать кроме как в сфере Зла, которая не обладает истинным бытием».

Как могли катары считать равными по значению и сути заблуждение и истину, подлинную и ложную силу, полноту бытия и бытие, обращенное в ничто, Добро и Зло, Бытие и Небытие? Если бы, вместо того, чтобы пользоваться языком инквизиторов, историки научились бы, как минимум, уважать язык еретиков, которых они изучают, как они это делают, когда пишут о верованиях догонов или банту; если бы они называли доброе начало Истинным Богом, на манер катаров, может быть, они сочли бы более естественным не делать из второго «ложного» начала начало равное первому. Если бы они ясно представляли себе, что делать два начала равными — значит предполагать существование двух высших существ, которые, по этой причине, не могут быть противоположными или антагонистическими, может быть, они воздержались бы, как это всегда делали католические полемисты Средних веков, хотя и крайне враждебные к катарскому дуализму, от приписывания подобных глупостей еретикам, хотя ни один текст этого не допускает, наоборот, все катарские произведения говорят об онтологической слабости Зла, о его неспособности творить, и объявляют неизбежным его конечное поражение, когда настанет конец Времен.

Заключение. Бог покинул землю

В статье, опубликованной в 1954 году в журнале «Синтез» (№ 103, декабрь), Эдмон Рошдье, задаваясь вопросом о причинах, которые обеспечили успех манихейства, а потом привели к его исчезновению, объясняет его конечную неудачу тем, что никакая религия «не может продолжать и даже просто осуществлять свою миссию спасения и возвышения душ, увещевая их победить Зло, если она не начинается с веры в возможность реальной победы над Злом». Я не думаю, что манихейство и катаризм в той мере, в какой они вдохновлялись дуалистическими принципами, когда-либо считали, что

невозможно победить Зло. Однако верно, что эти две религии не выражали такой же блаженный оптимизм, как все прочие, относительно подлинного положения человека в мире. Не то чтобы они отнимали у своих адептов всякую надежду: в некоторых отношениях катаризм, учивший, что все души будут спасены, был более успокаивающим, чем католицизм, утверждавший, что многие из душ, может быть, даже большинство, будут осуждены навечно. Манихейство и катаризм возражали, что ничто еще не решено и, хотя победа Добра над Злом неизбежна, она будет одержана «по справедливости» и, во всяком случае, не повлечет за собой полное уничтожение Злого начала, которое вечно и неуничтожимо.

В этом еще католические полемисты упрекали альбаненцев (итальянских абсолютных дуалистов): «Если, — говорили они, — души Доброго Бога возвращаются в свое царство, а души злого бога — в свое, почему же не может возобновиться вражда между двумя началами?» Это рассуждение не очень беспокоило альбаненцев. Сами древние манихеи никогда всерьез не думали, что подрывная деятельность тьмы против света может возобновиться. «Испытание Смешением и её конечное поражение, — говорит Анри Шарль Пюэш, — сделали тьму неспособной возобновить свою попытку вторжения в Царство Божие: разделение двух природ, превосходство Добра, мир и безопасность света будут окончательными». Альбаненцы и их учитель, Иоанн фон Луджио, подчеркивали это, их теория была именно такой: два начала никоим образом не равны по силе, и Бог Добра в итоге победит, как и в манихействе. Души, которые попали во власть Зла и испытали страдания в своих последовательных реинкарнациях, а потом очистились, не будут больше такими, как прежде, они будут как бы созданы заново, что утвердит их в их бытии.

Хаотические и злокозненные силы будут заключены, как говорили манихеи, в Шар и зарыты, по словам Пюэша, на дне рва, заваленного огромным камнем. Это означает, что в конце времен Зло будет изолировано, заключено и лишено

возможности вредить и разлагать. Ту же самую, весьма оптимистическую идею мы встречаем и в окситанском катаризме: хаос, естественная стихия Сатаны, место его обитания, который, номинально, если бы два начала были действительно равны по силе, предположительно имел бы бесконечную протяженность, станет в действительности тюрьмой Сатаны, его «адам». Злодеи будут ввергнуты во «тьму внешнюю», где им и место. Добавим, что Демон, как у манихеев, так и у катаров, утратит всякую способность к Смешению, то есть к вторжению в души, созданные добрым Богом. Поскольку смешение исчезнет и станет навсегда невозможным, Демон, ограниченный самим собой, потеряет всю свою силу.

Как видим, превосходство доброго начала заключается в его вечности. В то время как злое начало «длится» бесконечно, — на то оно и начало, — но в непрерывных изменениях и хаосе, Бог добра никогда не изменяется и, будучи всемогущим в Добре, может добавлять бытие тем, кого Зло наполовину «уничтожило». Так Христос был укреплен в своем бытии и избежал таким образом вселенского разложения. Как в католицизме добрые ангелы и избранные «подтверждены в милости» и не могут больше грешить, так и в катаризме очищенные, освобожденные души становятся «непогрешимыми». Как видим, разница между катаризмом и католицизмом в том, что касается конечной судьбы Демона, не столь велика. Несомненно, католицизм не считает Зло действительно бесконечным: оно имеет начало. Но в конечном счете, — хотя трудно понять, каким образом Зло, «которое имело начало», может иметь бесконечные последствия и бесконечно сохраняться, — католический ад будет длиться вечно. Чудовища останутся там навсегда. Но, поскольку добрые укреплены в милости, — идея, может быть, заимствованная первоначальным христианством из манихейства, — эти чудовища не представляют больше опасности для них. Очевидно, что для дуалистов превосходство доброго Бога (потому что «борьба между Добром и Злом неизбежно венчается, — как отмечает А.Ш. Пюэш, — победой света») заключается в том, что он — высший Бог бытия и может, повторим еще раз,

увеличивать, насколько хочет, бытие своих творений и делать их такими же неизменными и нетленными, как и он сам.

Но достижение этой победы связано с опасностями, катастрофами и потерями, пока не состоится полный триумф истинного Бога. Вера в то, что Зло бесконечно и фактически неуничтожимо, имела серьезные последствия. Я не настаиваю на тех выводах, которые всегда делали из этого колдуны, но дуализм, несомненно, послужил поводом для средневекового колдовства. Принять сторону Дьявола значило, конечно, быть осужденным, побежденным, но это позволяло также познать горькое наслаждение мятежа, гордыни, жестокости – материальные наслаждения. Это было желанием ада, то есть плотским восторгом от смешения удовольствия и боли.

Для верующих, которые отвергали Зло в сердце своем, мир сей, подвластный Князю тьмы, не переставал быть опасным и ужасным. Человек чувствовал себя пассивной игрушкой в борьбе между силами Зла и Добра, которые его четвертовали. Что мог он сделать против Зла, кроме как ждать, пока добрый Бог не победит и пока божественная милость не освободит его, наконец, от греха? Бог для него находился бесконечно высоко. Я полагаю, что распространение катаризма было затруднено тем, что он открывал два противоположных пути для действия: следовало либо примкнуть к силам Зла, либо совершенно отказаться от земной жизни. В общественном плане возникало такое же теоретическое противоречие: если мир плох, его надо изменить, но как его изменить, если Дьявол в нем всемогущ? В действительности религии, хотя они и «опиум для народа», имеют, как подчеркивал, кстати, Карл Маркс, и революционное значение (особенно дуалистические) в той мере, в какой они осуждают существующий строй как творение Зла. Действительно, боги-милы сражались против феодализма и церковной тирании; катары пытались сделать так, чтобы их адепты стали более богатыми или хотя бы менее бедными; они лечили тела, – хотя и считали их творениями Дьявола, – и исцеляли больных; они пытались также заменить несправедливое право

судие милосердным. Теоретически они должны были отречься от мира, — это был лучший способ победить его, — и стать совершенными; в реальной жизни они верили, что их долг — работать ради преобразования мира. Но нужно было быть мудрецом или иметь чрезвычайно развитый ум, чтобы примирить эти две линии поведения, столь противоположные по своей сути. И, может быть, люди XIII века были способны на это.

Я не буду здесь говорить о попытках, предпринятых в конце XIX века различными философами — Лаба, Пра — с целью придать манихейству своего рода философскую или научную актуальность. Луи Пра, ученик и сотрудник Ренувье, после того как он выпустил ряд работ: «Тайна Платона» (в соавторстве с Ренувье), «Религия гармонии» и др., работал до своей смерти над книгой, которую он хотел назвать «Неокатаризм» и которая, насколько мне известно, так и не вышла. Название многозначительное. Теории Пра стали также широко известны в устной передаче.

Но я не думаю, что манихейство может быть таким образом восстановлено в точной и систематической форме: его сила заключается в том, что оно никогда не переставало в более общем плане беспокоить сознание философов и моралистов. Хотя противоположность двух начал кажется кое-кому элементарной и детской, списанной с природных контрастов, — ночь и день, тепло и холод, — очевидно, что она в точности соответствует структуре мышления: заблуждение и истина, утверждение и отрицание. Если среди схем, которые разум проецирует на реальность и которые кое-кто ошибочно считает объективными, есть немногие, действительно соответствующие природе вещей, то мне кажется, только схемы, предложенные манихейством, в целом имеют какие-то шансы быть основанными на реальности. Всегда были дуализмы: материя-дух, материя-антиматерия, Инь и Ян и так далее. Но эти термины меняются в зависимости от эпохи и моды. Сегодня преобладающий дуализм — это прежде всего дуализм случая и необходимости, неопределенного хаоса и необходимого порядка. Я показал недавно в своем

«Духовном дневнике современного катара», что манихейство — единственная религия, которая осмелилась дать привилегированное место в системе Космоса абсолютному случаю, хаосу, началу, лишенному какой бы то ни было вразумительности, а, следовательно, Злу, которое не было бы Злом, если бы оно было хоть немного понятно. Согласно манихейским мифам, по чистой случайности Тьма вступила в контакт со Светом и частично его поглотила. Сегодня понятия материи и духа почти не имеют смысла; неизвестно, что представляет собой Бог; люди больше не верят, что его существование можно доказать: его объявляют «умершим» или находящимся в состоянии непрерывного становления. Поэтому хорошо, что лучшие умы обращаются тем или иным способом, несомненно, очень упрощая проблему, к старой дуалистической системе. Бога нельзя больше понимать иначе, чем существо, по необходимости сосуществующее с наполовину уничтоженной и незаконной реальностью, которая ему сопротивляется.

Почти все явления можно объяснить случайностью (то есть игрой вероятностей). «Конечные цели» в большинстве своем оказываются в итоге скорее кажущимися, чем реальными, результатами взаимодействия слепых сил. «Шансы появления жизни, — пишет Жак Моно, — были а priori почти нулевыми». Я сказал бы, в более метафизическом плане, что шансов на возникновение бытия из небытия было еще меньше. Примечательно, что все мифологии помещают начало вещей в первобытный хаос, совершенно неопределенный и подверженный только случайностям, так что было необходимо, чтобы Бог проявлялся постепенно, наводя порядок там, где его не было, или чтобы Бог «захотел», — что то же самое, — проявить себя из хаоса. В начале всегда беспорядок (случайность и произвольное смешение стихий). Необходимость появляется лишь потом — как она могла бы проявиться иначе? — чтобы распутать, стабилизировать иррациональные импульсы материи, короче, чтобы помешать беспорядку стать порядком, не дать случайности навсегда подменить собой вечную необходимость (которую она может имитиро-

вать «временно», «случайно»). Так что было бы столь же абсурдно отрицать наличие во Вселенной слепой и случайной силы, равно как и ограничивающей ее необходимости, которая действует везде, где только может. Случайность, правда, при помощи таинственного отбора может, в крайнем случае, один раз вызвать появление жизни, но, как мне кажется, не ее повторение, поддержание и прогрессивное усложнение. Следует призвать на помощь структуризацию, которая стабилизирует случайность, фиксирует ее — в необратимом прошлом, последствия которого уже не случайны, — и делает возможной передачу результатов. В этом и выражается действие «Бога» необходимости. Ж. Моно, который совершенно справедливо не доверяет «диалектическим» построениям, по крайней мере тем из них, которые претендуют на объективность, вынужден тем не менее поддержать кое-какие из них, потому что без них случай грозит в любой момент обрушить все здание.

Нельзя не видеть, что случай ограничивает сам себя своими повторениями в большом количестве и подчиняется в результате этого законам, которые не являются произвольными по своей сути. Поэтому человеческому разуму так трудно отличить крайнюю необходимость произошедшего события от его трансцендентной необходимости. Если было очень мало шансов возникновения жизни из материи и еще меньше — возникновения бытия из небытия, то какова должна была быть сила, возвышающаяся над этой игрой вероятностей, сила, для которой все возможно и которая вызвала это событие, «подменила карту», как говорил в XVIII веке аббат Галиани? Можно, конечно, сказать, что необходимость сама действует случайно, но это лишь игра слов: случайность, которая стала необходимостью, больше не случайность. Можно понимать и так, что необходимость в дальней перспективе заставляет случайность перестать быть случайностью.

По этой причине разум, естественно, создает для себя картину мира, раздираемого антагонизмом двух противоположных сил, в конечном счете случайности и необходимости. Как

говорил Демокрит: «Все, что существует во Вселенной, — плод случайности и необходимости», — и, как сказал Жоэ Буске в 1942 году Симоне Вейль: «Реальность — это плод двух враждебных стихий».

Что кажется характерным для сознания среднего современного человека, так это то, что, будучи вынужденным согласиться с тем, что есть начало разложения (корень беспорядка), затаившееся в каком-то уголке вечности, оно в то же время и по той же самой причине боится признать, что миром правит слепой, жестокий и сумасшедший бог, что демиург, возникший из небытия, — чудовище, и что Зло бесконечно, то есть способно подчинить себе все существа. Дело в том, что Зло, которое творит человек по каким-то причинам, пусть даже непростительным, и которое сводится к удовлетворению его appetitов и потребностей, это не Зло. Истинное зло — это чистое злодейство, чистое безумие, чистое зверство и чистая бессознательность. Никогда еще люди не боялись так, как сегодня, как бы яростное безумие демиурга не нашло своего абсолютного воплощения в человеке и не сделало его подобным зверю. Разве не знаменательно, что у разных людей, от Уильяма Блэйка до Отто Рана, от Симоны Вейль до Жоэ Буске, одна и та же тревога терзала их «мистические» души, один и тот же страх: не является ли Бог чудовищем?

С тех пор снова обрело всю свою силу манихейство, которое утверждает, что этот Бог — не истинный Бог, и что есть другой, уточняя одновременно, что этот Другой стал бесконечно трансцендентным, что он абсолютно непознаваем и его можно постичь только путем безоговорочной веры, иначе говоря, что в его существовании могут быть уверены лишь те, кому он хочет даровать свою милость. Даже если не признавать, что есть два бога, нельзя отрицать, что есть два типа людей: святые и злодеи, и что, по всей вероятности, одни хорошие, а другие плохие не в результате свободного выбора. Они таковы, какими им предопределено быть. Они осуждены или спасены по двум противоположным причинам (по адской или божественной милости), которые не

могут исходить от одного и того же Бога. Мне кажется, что монасты или те, кто считает себя таковыми, не могут избавиться сегодня от мысли, что они живут в мире, устроенном Злым началом, потому что все убеждает их, если я рассуждаю верно, — разум, наука, опыт людей и жизнь, — что этот мир — мир абсурда и отчаяния, и Бога либо нет, либо он безумен. Усилия, которые благородные люди предпринимают с целью изменить общество, например, путем установления социалистического строя, на мой взгляд, плохо гармонируют с убеждением в случайности возникновения всего во Вселенной. Если все происходит случайно, то гораздо более логично поступают хиппи, которые отдаются на волю случая и «будь что будет». Несомненно, они убеждены, что разложение распространяется на весь мир явлений, включая «справедливые» революции, «прогрессивные» общества и все остальное.

«У человека есть выбор, — говорит нам Жак Моно, курьезным образом употребляя «катарские» выражения, — между Царством Божьим и Тьмой». Но разве не тот же случай, — к которому в конце концов все сводится, — приводит его к мысли, что есть «Царство Божие»? С того момента, когда он осознает, что этот мир и Бог «чудовищны», как может он выбрать «Царство Божие», не веря фактически в другого Бога? И как может быть он сам выбран этим царством, если неясно, выбран он или не выбран, если он не отвергнут Тьмой, и если истинный и непознаваемый Бог не проявится в нем первым в виде веры непонятого происхождения, которая является ничем иным, как следствием его присутствия?

Теоретический дуализм определенного типа, который противопоставляет Бога, каким он должен быть, злему богу, для которого хорошо всё, что существует (таков был бог маркиза де Сада), ведет прямым путем к атеизму. Но теоретический атеизм, тот, который отвергает безумного бога, чтобы предпринять, несомненно, отчаянную попытку достичь непознаваемой трансцендентности Другого Бога (таким был атеизм манихеев), преодолевает самого себя в чрезвычайно строгом и чистом дуализме.

ПРИМЕЧАНИЯ

Словарь основных катарских терминов

Альбаненцы. Так называли итальянских абсолютных дуалистов, несомненно, по той причине, что основатели их секты прибыли из Албании. Их главный центр находился в Дезенцано на берегу озера Гарда. Около 1250 года в этой церкви произошел громкий раскол. Часть верующий остались верными абсолютному дуализму в старой форме и епископу Баланцинансе, который сохранил влияние только на стариков. Другая часть последовала за его «старшим сыном» Иоанном фон Луджио, автором «Трактата о двух началах»: он привлек прежде всего молодых.

Окситанские катары думали так же, как и альбаненцы. Их называли альбигенцами: похоже, эти два термина были синонимами (см. прим. [38]).

Апарельямент. Окситанское слово от глагола «апарельяр» — готовить, готовиться к чему-либо. Исповедуясь, верующий «готовился» снова более строго соблюдать правила совершенной жизни (К. Шмидт).

По мнению Ж. Дювернуа, это была ежемесячная исповедь совершенных перед диаконом или перед епископом или одним из двух его коадьюторов (старшим и младшим сыновьями). Один из них назначал им покаяние. Тот же автор видит в этой церемонии следы обрядов восточных христиан IV века и отмечает, ссылаясь на славянских историков, сходство между этой катарской формой покаяния и обрядами, предписанными правилами святого Василия Великого. Этой церемонии, если она совпадала с собранием верующих, предшество-

вало Благословение, а за ней следовали проповедь и поцелуй мира.

Другое название «апарельяmenta» — «сервиси».

Милосердие (латинское «caritas», окситанское «каритат»).

Сверхъестественное качество, благодаря которому мы любим Бога ради него и превыше всего и любим ближнего, как самого себя, благодаря любви к Богу. Итак, у этого качества два предмета, Бог и ближний, и один мотив — сам Бог.

Узы любви, которые соединяют ангелов между собой, людей между собой и людей и ангелов с их творцом. Принцип онтологической связи и единства субстанции, сходный с тем, что Паскаль называл «порядком милосердия», отличным от порядка разума и порядка материи и бесконечно более высоким, чем тот и другой.

Мы не любили бы Бога, если бы Бог прежде не полюбил нас. Ссылаясь на Первое послание Иоанна (1 Ин 4, 16): «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге», катары верили, что любовь — это часть божественной сущности. Поэтому они считали пресуществленный хлеб воскресной молитвы самым милосердием. «Милосердие называется пресуществленным хлебом, потому что оно выше всех прочих субстанций» (Катарский комментарий к молитве «Отче наш». А 6—10, Дублинская вальденская коллекция, изд. Т. Венкелер). Ср. так же: I Кор 13, 4—7.

Милосердие образует субстанцию существ, созданных Богом Добра. Поэтому катар Бартоломе, автор трактата, который цитирует Дуранд из Уэски, утверждает, что существа, не имеющие милосердия, суть ничто, то есть относительное небытие; они не обладают полнотой бытия, присущей только нетленной сути, созданной Богом Добра из его собственной субстанции. «Все злые духи, злые люди и все вещи, которые могут быть видимыми в этом мире, не более чем ничто (относительное небытие), потому что в них нет милосердия и они созданы без Бога (вне Бога)». Бартоломе ссылается при этом на Павла (1 Кор 13, 2: «Если я не имею

любви, — то я ничто») и на Евангелие от Иоанна (Ин 1, 3: «Без него ничто не начало быть»).

Консоламент. Окситанское слово, латинизированная форма «consolamentum», утешение. Духовное крещение, в противоположность Иоаннову крещению водой, путем наложения рук по обряду, напоминающему обряды первоначальной церкви (за вычетом материальных элементов: воды, мирра, масла). Эта церемония, главная в катаризме, давала «утешение» Параклета согласно апостольской традиции.

Алэн де Лилль в XII веке справедливо различал, как это делает в наши дни Жан Дювернуа, консоламентум как крещение совершенных и консоламентум как крещение умирающих, хотя эти обряды совершенно сходны. Крещение совершенных означало для них вступление в ряды катаров и добровольное отречение от мира, крещение умирающих (или утешаемых) давалось только умирающим и дарило им надежду, что их грехи будут прощены и что они находятся на пути спасения (которое, однако, не гарантировалось автоматически). Если умирающий выживал, этот консоламентум становился недействительным, и он должен был либо продолжать жизнь простого верующего, либо готовиться к принятию через какое-то время консоламентум совершенного.

Совершенные, получившие консоламентум, могли при определенных обстоятельствах давать его другим.

Конвененца. Окситанское слово: соглашение, пакт. Верующий заключал «соглашение» с катарской церковью о том, что в его смертный час он будет «утешен», даже если он будет без сознания и не сможет прочесть вслух «Отче наш». Такое соглашение вошло в обычай в середине XIII века, то есть в эпоху войн и преследований, когда верующие часто оказывались в смертельной опасности.

Диаконь. Катарские пасторы, которые служили посредниками между епископами и совершенными, но занимались также простыми верующими.

*Докетизм**. Учение, согласно которому Иисус Христос жил на земле лишь в иллюзорном виде. Большинство катаров верило, что Христос был облачен в духовное тело, в ангельские одеяния, вполне реальные, но невидимые для человеческих глаз, так что его физические человеческие формы были лишь иллюзией.

Большинство католиков, которые не верят, что Христос явился в одеяниях, пошитых в небесных мастерских, и в сандалиях, изготовленным ангелами, а также в то, что Святая Дева явилась Бернадетте в теле женщины, страдающей всеми физическими болезнями, являются докетами, сами того не зная.

Эндура. Окситанское слово: лишение, пост. Своего рода мистическое самоубийство, никоим образом не предосудительное: уйти из жизни из любви к бытию всегда было желанием истинно духовных приверженцев всех религий.

В XIII веке ненавидевшие мир катары, которым оставалось мало жить, умирали от голода, получив консоламентум, потому что они не могли больше прочесть «Отче наш» перед едой и питьем и боялись, снова впад в грех, утратить благословение относительного и предварительного освящения, которое они получили от Бога в силу обстоятельств, не «заслужив» этого.

Эндура обычно заключалась в том, что человек умирал от истощения или от холода (более редко). Совершенные никогда этого не поощряли и тем более не навязывали. Этот обычай распространился лишь в конце XIII века, прежде всего в графстве Фуа, под влиянием пастора Пьера Отье, в те времена, когда инквизиция делала жизнь верующих невыносимой.

Евхаристия. Катары всегда отвергали, как несовместимую с принципами их религии, веру в то, что тело Иисуса Христа реально присутствует в веществе гостии. При этом они

* От греч. *δοκῆω* — казаться (*примеч. ред.*).

лишь разделяли мнение многих христиан первых веков, которые думали, что слова Христа: «Се есть тело Мое», были лишь образным выражением. Так считал Тертуллиан. Ориген тоже называл хлеб и чашу «символами и образами тела и крови Иисуса Христа». Псевдо-Киприан пошел еще дальше, заявляя: «Не будем точить зубы, чтобы укусить этот хлеб!» Сам святой Августин был недалек от веры, что Христос выражался «символически». И он вкладывает в его уста такие пояснительные слова: «Вы не будете есть то тело, которое видите, вы не будете пить кровь, которую прольют те, кто меня распнет. Я завещаю вам некое таинство, в котором, понимая его духовно, вы будете участвовать».

При ритуальных трапезах, преломление и благословение хлеба, практиковавшиеся совершенными в сочетании с чтением «Отче наш», молитвы с просьбой о пресуществленном хлебе, означали, что они считают материальный хлеб простым символом. Благословенный хлеб становился священным как «чистый» или «очищенный» и заменял собой гостию, которую католики считали «истинным телом Христа». Истинный пресуществленный хлеб — это был сам Бог или само божественное милосердие. Напомним, что еще Беранже Турский в конце XI века заявлял, что хлеб не может быть воистину телом Христа.

Катары, а после них кальвинисты разделяли мнение об евхаристии, которое было распространено в Германии, Франции и Италии: «Если бы, — говорили они, — люди действительно ели тело Христа, то каких огромных размеров оно должно было бы быть, чтобы насыщать столько тысяч людей столько веков!» Оно должно быть больше, чем скала ренбрейтштейн, — говорил один катар из Бонна; больше, чем Альпы, — говорили на юге Франции, а в графстве Фуа около 1300 года называли гору Бюгараш (департамент Од) или пик Морелья (Испания).

Эти сравнения могут показаться шутками дурного вкуса лишь тем, кто не знает их происхождение. Католики еще в XVI веке говорили при принятии гостии: «Пользуйтесь телом Господним». Священники «пользовались» телом Госпо-

да Бога нашего! «Что за странный язык! — писал кальвинист Жан Шассаньон де Монистроль в своей “Истории альбигойцев” (1595 г.) — Он таков же, как и учение, из которого он почерпнут».

*Старший и младший сыновья**. Это были два коадьютора епископа. Старший сын исполнял те же функции, что и епископ, и наследовал ему после смерти. Младший сын становился тогда старшим и выбирали другого младшего сына.

Зло. Для святого Августина Зло — это «влечение к небытию», которое проявляется в творениях божьих а posteriori благодаря свободе их воли. Зло не является началом. Для катаров Зло — это «влечение к небытию», которое существует а priori, вечно, в злом Начале и составляет его природу; Зло, таким образом, изначально.

Для святого Августина творение может разложиться и устремиться к небытию; для катаров это происходит по необходимости, так как по своей сути, по природе Зло — это разложение и стремление к небытию.

Мельорамент. Почти единственный обряд, который должны были практиковать простые верующие. Это было приветствие, «поклонение» (в литургическом смысле, то есть в том смысле, в каком кардиналы поклоняются новому папе, а не в теологическом, согласно которому поклоняться подобает только Богу, все остальное — идолопоклонство) верующих совершенному, когда они оказывались в его присутствии.

Оно заключалось в трех поклонах или коленопреклонениях и в просьбе о благословении. Поскольку верующий просил, чтобы его довели до благого конца, можно предположить, что за первым мельораментом следовала конвененца или он включал ее в себя. Этот обряд четко определяет положение простого верующего. Он не в состоянии стать «святым», но надеется однажды достичь освобождения. Поскольку катаризм не верил в свободу воли, благие намерения,

* *Filius maior* и *filius minor* (лат.) (примеч. ред.).

роявленные в мельораменте, были доказательством достигнутого личностью морального прогресса и указанием, что этого человека начинает любить Бог.

Нейен. Окситанское слово. Имя существительное «небытие». В точности соответствует латинскому nihilum (существительное) «небытие», или «nihil» (наречие, используемое как существительное) «ничто». «Он сказал, что человек ничто, после того как он потеряет дыхание» (Юк де Сент Сирк). Это слово используется и в окситанском катарском переводе стиха 1, 3 Евангелия от Иоанна «И без Него ничто не начало быть» как существительное, в результате чего изменяется смысл фразы: «начало быть Ничто», то есть иллюзорные вещи, лишённые истинного бытия.

Когда окситанцы хотят употребить это слово как отрицательное наречие, они ставят его на определенное место внутри фразы, обычно перед глаголом. Именно так переведен стих 15, 5 того же Евангелия: «Ибо без Меня не можете делать ничего».

Во избежание двусмысленности катары предпочитали употреблять в подобных случаях оборот «но рес»*.

«Нейен» для катаров — это не абсолютное небытие, а совокупность дурных вещей и духов, не обладающих бытием, созданных без воли и вне Бога.

Nihil. Латинское слово (наречие). «Nihil sum» — «я ничто».

Святой Августин и катары иногда принимали его за существительное, когда речь шла о стихе 1, 3 Евангелия от Иоанна или о его толкованиях...

Для катаров злые духи и совокупность дурных вещей — это «nihil», то есть то, что существует, но Бытие чего не равно Бытию нетленных существ, созданных «Высшим Существом».

Совершенные. Пасторы катарской Церкви, получившие консаламентум при посвящении и право его передавать. Катары обычно называли совершенных «Добрыми людьми» и обращались к ним «Монсир» или «Монсеньор» («сеньор» по-

* Букв. «никакая вещь» (примеч. ред.).

окситански). Слово «совершенные» использовалось в данном случае в том же смысле, что и у св. Павла «Кто из нас совершен» (Флп 3, 15), то есть «уже сформировавшиеся христиане, но еще не достигшие совершенства».

«Отче наш» (передача). Церемония, после которой верующий получал право и был обязан читать «Отче наш», то есть обращаться прямо к Богу, называя его Отцом.

Время. То, что проходит, противоположность тому, что остается постоянным (Вечности). Мера того, что разлагается, что подвержено изменениям.

Преходящие вещи, рожденные небытием и возвращающиеся в небытие, «тщетны». Катары отождествляли время со злом. Бесконечное время, то есть продолжительность хаоса, который не имел начала и не будет иметь конца, было для них ложной, плохой вечностью или «вечностью Зла».

Вени. От латинского «venia», прощение. Ритуальные поклоны или коленапреклонения, которые могли иметь смысл «просьбы милости или прощения» (Д. Роше).

Список знаменитых «совершенных»

Более подробные сведения об этих персонажах можно найти в произведениях и статьях Жана Дювернуа и Мишеля Рокбера, откуда мы заимствовали суть этих кратких справок.

Аби (Гиро). Известен как совершенный с 1210 г. В 1226 г. наследовал Пьеру Изарну в качестве епископа Каркассонна и имел резиденцию в Кабаре (Латур, Од) с 1226 по 1228 г. — дата, когда его имя исчезает из документов, соответствующая взятию Кабаре королевской армией.

Отье. Семейство родом из Акс-ле-Терм, проявившее себя в период с 1280 по 1320 г. своей приверженностью к ката-

ризму и резкой антиримской и антифранцузской настроенностью.

Пьер Отье, внук другого Пьера Отье, был нотариусом в Аксе, тесно связанным с графом де Фуа, одним из доверенных лиц которого он, похоже, был. В 1296 году он уехал в Ломбардию, якобы по делам, а на самом деле опасаясь за свою жизнь. Он вернулся около 1300 года, несомненно, после контактов с Добрыми людьми, нашедшими убежище в Италии. Он сразу же предпринял попытку возродить дуалистическую церковь в графстве Фуа, и в какой-то мере ему это удалось. Ловкий и смелый, он долго избегал всех преследований, но все же был выдан, арестован агентами инквизиции и сожжен живьем в Тулузе 9 апреля 1311 года.

Его брат Гийом и сын Жак были также осуждены на костер за ересь.

Бартелеми или Бартоломе (1222–1225). Письмо, адресованное в 1223 году архиепископу Руана и прелатам Франции с приглашением на собор в Сансе (где были приняты суровые меры против ереси) кардиналом Конрадом де Порто, апостолическим легатом в Лангедоке, сообщает о деятельности этого опасного посланца в епархии Ажена. Вигоро из Барселоны (скорее из Боконьи) уже отдал ему честь, уступив свое место и резиденцию в этой епархии, откуда он сам перебрался в Тулузу (Ш. Тузеллье. Неизданный катарский трактат... стр. 30–31). Трактат, вставленный в произведение Дуранда из Уэски «Книга против манихеев», написанное в полемике с ним, иногда приписывается Бартоломе, — тот ли это самый персонаж? — который был родом из Каркассонна. Тузеллье согласна с этим.

Белибаст (Гийом). Один из самых последних совершенных катаров. Родился в Кюбьере (Од), бежал из тюрьмы в Каркассонне и нашел убежище в Каталонии, в Лериде, где работал чесальщиком шерсти. Потом он поселился с несколькими верующими в городе Морелья. Там к нему присоединился агент инквизиции, предатель Арно Сикр, кото-

рый втерся в его доверие и завлек его в Тирвию, где его арестовали. В августе 1321 года его вернули в Каркассонн и сожгли в Вильруж-Терменесе (Од), замок которого принадлежал архиепископу Нарбонна.

Селлерье (Сикар). Катарский епископ Альби, участник собора в Сен-Феликс-де-Караман в 1167 году.

Эскармонда де Фуа. Сестра Раймона-Роже, графа де Фуа. Когда около 1200 года умер ее муж Журден де Лилль, она стала «христианкой», приняв в Фанжо консоламентум от епископа Гильябера де Кастра (1204 г.). Затем она поселилась в Памье, где вела очень активную катарскую пропаганду и участвовала в 1207 году в знаменитом диспуте в Памье.

Традиция, которая опирается на прозаическую переделку «Песни о крестовом походе», приписывает ей восстановление замка Монсегюр (который, возможно, был ее собственностью).

Гильябер де Кастр. Самый знаменитый из совершенных Окситании. Он был благородного происхождения и принадлежал к могущественному роду в районе Кастра. Его брат Изарн и две сестры стали, как и он, катарами. В 1222 году он принял решение удалиться в Монсегюр. С ним уехали Изарн де Фанжо и Понс де Вильнёв. Начиная с этой даты Монсегюр стал религиозным и политическим центром секты. Гильябер выезжал из этого замка лишь с короткими миссиями. Он умер незадолго до осады 1244 года.

Изарн (Пьер). Катарский епископ Каркассонна с 1223 по 1226 г. Жил большей частью в Кабаре (Латур, Од). Он был арестован и сожжен в Коне в 1226 году.

Иоанн фон Луджио. Иоанн (Джованни) из Бергамо или из Луджио, «старший сын» епископа Дезенцано, произвел раскол в этой церкви около 1230 года. Мы знаем идеи этого ересиарха косвенно из «Summa de Catharis» Райнера Саккони, непосредственно из «Книги о двух началах», написанной им

или одним из его учеников. Отрывочное, неполное, не методическое (без пояснительного контекста) изложение Саккони не всегда совпадает с тем, что мы читаем в «Книге о двух началах», так что трудно воссоздать систему Иоанна фон Луджио. Но некоторые его отрывки, хорошо продуманные и сильно написанные, позволяют считать его выдающимся философом.

Марти (Бертран). Этот совершенный был родом из Тарабея (Верхняя Гаронна). Мы ничего не знаем о его семье, по всей вероятности, очень скромной. Он был в 1226 году участником собора в Пиёссе, в 1230 году был избран диаконом и около 1239 года наследовал Гильяберу де Кастру должность катарского епископа Тулузы.

С 1229 года он проповедовал в Лораге, прежде всего в Фанжо и Л'Ораке, но также в Лиму, Дене (Аржес) и многих других городах и замках, возрождая повсюду катарскую веру, «утешая» рыцарей и крестьян.

В 1236 году он поселился в Монсегюре, где стал духовным учителем, а также организатором, политическим вождем. Его дипломатическая деятельность была особенно интенсивной с 1240 по 1244 г. Он погиб на костре 16 марта 1244 года.

Мерсье (Гиро). Катарский епископ Каркассонна, назначенный на соборе в Сен-Феликс-де Караман в 1167 году.

Никита. Патриарх катарской греческой церкви Константинополя, который председательствовал в 1167 году на соборе в Сен-Феликс-де-Караман. Представлял течение абсолютного дуализма. «Акты альбигойского собора в Сен-Феликс-де-Караман» сохранил для нас историк из Каркассонна Бесс (XVII век), известный автор фальшивок. Их снова опубликовал отец Дондэн (1946 г.). Подлинность этого документа недавно поставил под сомнение Ив Досса.

Польян (Пьер). Катарский епископ Каркассонна. Жил в Кабаре (Латур, Од) с 1230 по 1244 г.

Раймон (Бернар). Катарский епископ Тулузы. После собора в Карамане он был одним из комиссаров, которым было поручено разделение епархий. В 1181 году он отрекся от ереси и кончил жизнь каноником церкви св. Стефана в Тулузе.

Симорр (Бернар де). Катарский епископ Каркассонна, участник собора в Сен-Феликс-де-Караман. В 1204 году участвовал в Каркассонне в диспуте, на котором председательствовал король Арагона.

Тавернье, которого называли также Прад-Тавернье (или Ан-дре, по имени, данному при катарском крещении), ткач из Прада. Соратник Пьера Отье, Гийома Отье и Белибаста, Тавернье был одним из последних Добрых людей графства Фуа. Арестованный в первый раз в 1303 году, он бежал из тюрьмы в Каркассонне вместе с Белибастом. Пойманный несколько лет спустя, он погиб на костре.

СВЯТОИ АВГУСТИН И КАТАРИЗМ

Католическая аргументация. Вот один из аргументов, который католические полемисты использовали против катаров, чтобы доказать, что злого начала не существует. Он взят из латинской рукописи № 13151 Национальной библиотеки, опубликованной в 1910 году Ш. Молинье: «Что злого начала не существует, можно доказать, вопреки еретикам, следующим образом. Отсутствие чего-либо не может быть отделено от предмета, как, например, хромота или слепота. И в самом деле: Зло, если рассматривать его совершенно отдельно от его предмета, есть ничто, ибо никакое отсутствие бытия не существует как бытие. Зло, таким образом, не существует само по себе: оно существует лишь в той мере, в какой, как мы предположили, оно связано с предметом». Мы узнаем здесь теорию св. Августина: Зло – это просто отсутствие Добра. Этой теории остается верен Дуранд из Уэски в

своей «Книге против манихеев», причем он придерживается ее настолько жестко, что выглядит большим августинцем, чем сам св. Августин.

Получается так, что святой Августин, исходя из той идеи, что Зло всегда, если можно так выразиться, оставляет рельефный отпечаток на предмете, вынужден был, однако, допустить некое существование Зла в той мере, в какой оно проявляется в греховном творении. Напомним сначала для большей ясности три очень разных значения, которые имеют в августинизме небытие и слова, которые его обозначают: *nihilum* или *nihil*.

1) *Nihil*, чаще *nihilum*, это, во-первых, абсолютное небытие, из которого Бог сотворил мир. Это творение «из ничего» ни в коей мере не интересовало катаров, которые, наоборот, думали, что хорошее творение — «из сути Бога», а злокачественное — «из сути Дьявола». В этом вопросе теории святого Августина и катаризма совершенно несовместимы.

2) *Nihil* по-прежнему абсолютное небытие, если речь идет о Зле в метафизическом плане. Для святого Августина зло — это ничто. Это не вечное и независимое начало, а, как мы уже говорили, лишь «отсутствие Добра» в творениях Божьих, подобно тому, как в физическом плане глухота и хромота не существуют отдельно от своих предметов. Катары отвергали эту теорию, как картину мира, диаметрально противоположную их системе. Они совсем не думали, что Зло — это просто отсутствие Добра. Зло для них было особым началом.

3) Но августинизм богаче и тоньше, чем представлял его себе Дуранд из Уэски. Легко можно увидеть, что святой Августин часто называет словом «*nihil*» (наречием «ничто», используемым как существительное) или «*nihilum*» (существительное «небытие») Зло, которое, будучи само по себе и в абсолюте, становится тем не менее «чем-то» в грешном творении, которое само его творит. *Nihil*, таким образом, здесь уже не абсолютное, а относительное небытие: оно соответствует онтологическому состоянию творения, которое, вслед-

ствие греха и разложения, подверглось уменьшению бытия, деградации своей сути. И, разумеется, святой Августин обозначает совокупность вещей, «которые не были созданы Словом» (тьма, например, которой нет в свете) тем же словом «*nihil*», которое катар Бартоломе использует для характеристики злокачественного творения.

На этом сходства кончаются. Не только катарский дуализм остается совершенно несводимым к монизму Августина, но и сама теория уровней бытия и его относительной аннигиляции вследствие греха используется в этих двух учениях неодинаковым образом. У святого Августина относительная аннигиляция затрагивает только души (созданные сначала добрыми), а не материальный мир, как в катаризме. Материя у святого Августина сохраняет всю свою положительность в телеологическом смысле.

С другой стороны, аннигиляция грешника, по святому Августину, имела начало. Она сначала постигла мятежного ангела, согрешившего по свободной воле, а потом человеческую душу, ставшую в свою очередь грешницей, так что вину за нее не следует возлагать на Бога (она совершилась «вне Бога»), а только на творение, точнее, на свободу творить зло. Таким образом, нет абсолютного Зла, Злого начала. То, что творится без Бога или вне Бога, говорил святой Августин, творится человеком.

То, что творится без Бога, говорили катары, творится Дьяволом. Для них все злокачественное творение изначально и по необходимости обречено на аннигиляцию, потому что сатанинское начало не может создавать нетленные сущности. Злое начало само по себе *nihil*, как Люцифер у святого Августина, но оно есть и оно вечно.

Даже в тех пунктах, где катаризм и августинизм как будто сходятся, это происходит случайно и по совершенно разным причинам. Например, для святого Августина аннигиляция души вследствие греха («Без тебя я стану ничем») не может быть полной, потому что Бог не хочет уничтожить свое творение. Для катаров злокачественное творение, — хотя оно и ничто в своей основе, — не может полностью

себя уничтожить, но не по тем же причинам. В порядке упрощения можно сказать, что для августинизма Зло, которое не существует, оказывает тем не менее воздействие на творения, уменьшая их бытие («Дьявол, склоняя свои чувства к тому, в чем было меньше бытия, начал иметь меньше бытия, чем раньше, и по своей собственной воле стремится к небытию»), тогда как для катаризма Зло, в какой-то степени существующее, видит, как в творениях его воздействие аннулируется и бесконечно приближается к небытию, никогда его не достигая. Для святого Августина Зло — это ничто плюс нечто, для катаров — нечто плюс ничто. Сами эти виды небытия имеют разное метафизическое значение. По святому Августину, разложение исходит из абсолютного небытия, из которого Бог создал свободные творения, которые могут, если захотят, снова устремиться в то небытие, из которого они были извлечены; для катаров оно исходит из сатанинского «квазинебытия», то есть из самого злого начала, потому что творение имеет суть своего творца. В этом смысле Бартоломе мог говорить, что злокачественное творение создано из ничего и, если оно аннулируется, то по той причине, что его творец — сам ничто (относительное небытие).

Тем не менее, несмотря на эти различия, nihil, будь то первородный грех, как в катаризме, или результат порчи грехом, как в августинизме, имеет, — онтологически затрагивая разные уровни проявления, — одни и те же черты. Конечное состояние, которого достигает в августинизме доброе творение, становясь греховным, такое же, в каком от века и по природе находятся злые духи — порождения злого начала (поэтому они воссоединяются в аду). Можно изобразить параллелизм двух учений следующей схемой:

Августинизм: свобода воли — грех — порча — состояние, близкое к небытию.

Катаризм: необходимость — дьявольский грех — изначальная и неизбежная порча — состояние, близкое к небытию.

Таким образом, философская оригинальность катаризма выражается прежде всего в приложенных им больших

усилиях с целью перенести на злое начало и на злокачественное творение все те черты, которые первоначальное христианство и такие учителя, как Ориген и святой Августин, приписывали падшему архангелу, онтологически пониженному в ранге вследствие своего греха. В этом плане катаризм не только вписывается в христианскую традицию: в нем нет ничего, чего нельзя найти в Евангелии от Иоанна, в текстах Священного Писания, у Лактанция, Оригена и святого Августина. По правде говоря, кажется, будто он произошел непосредственно от августинизма определенной толка.

Катарский дуализм, абсолютный, когда речь идет о вечности двух начал, но относительный, когда речь идет об их онтологическом значении (а был ли когда-либо абсолютный дуализм в этом последнем вопросе?), занимает промежуточное положение между монизмом Августина и манихейским дуализмом. Для святого Августина «Зло — это склонность того, что имеет бытие, к тому, что имеет меньше бытия» (Жоливе и Журжон). Для манихеев Зло — это субстанция, которая от природы имеет меньше бытия, чем Бог Бытия и созданные им сущности. Заслуга этого учения в том, что оно отвечает на упрек, который постоянно выдвигался в адрес монизма, начиная с очень ортодоксального Лейбница («О существовании Бога», XVIII век: «Я признаю, — говорил он, — что трудно объяснить, почему высшее, единственное и доброе существо не удалило из созданного, упорядоченного и хранимого им мира все зло, присущее греху и каре за грех»), и на более глубокий упрек в адрес самого святого Августина, который выдвинули Жоливе и Журжон: «Откуда в добром бытии это стремление к небытию?» Его заслуга также в рациональном противопоставлении нематериальному и нетленному творению другого творения, абсолютно противоположного первому в плане бытия, потому что оно остается столь близким к небытию, сколько возможно для того, чтобы существовать, не лишаясь бытия совсем.

«Катарский трактат» Бартоломе

Среди произведений, написанных католиками для борьбы с катаризмом, нет более важного, чем «Книга против манихеев» (1222–1223) Дуранда из Уэски. Дуранд не только цитирует в нем ряд отрывков (упрощая или искажая их) из «Катарского трактата», приписываемого Бартоломе, но и самими своими опровержениями — в главе XII — помогает нам в точности воссоздать катарские идеи о соотношении бытия и небытия в злокачественном творении.

Катарские тезисы

«Творения, которые можно видеть в этом мире, дурны, тщетны и тленны. Подобно тому, как они пришли из небытия, они, вне всякого сомнения, снова вернуться в небытие... Мы говорим, что существует иной мир и иные творения, нетленные и вечные... То, что есть в этом мире или что от мира сего, может быть названо ничем (*nihil*, относительное небытие, существование, онтологически пониженное в ранге). Апостол объясняет это четко: “Мы знаем, что идол — ничто в этом мире... Если нет во мне милости, то я ничто (т.е. онтологически деградировавшее существо). Из этого следует, что если уж Апостол без милости ничто, то все, что без милости, тоже ничто”» (I Кор 13, 2).

«Значит, все злые духи, злодеи и все вещи, которые можно видеть в этом мире, суть ничто, потому что нет в них милости, потому что они были сотворены без Бога. Бог их не творил, потому что ничто (*nihil*, относительное небытие) было сотворено без него» (от Иоанна, I, 3).

Катарская идея вполне ясна: есть вещи, которые были сотворены без Бога (от Иоанна, I, 3) и, следовательно, не из его субстанции. Они сотворены Дьяволом. Эти существа и вещи: злые духи, дурные люди и весь видимый мир — имеют меньше бытия, чем нетленные сущности, созданные истинным Богом. И они имеют меньше бытия, потому что нет в них милости, которая, для катаров, и есть субстанция Бога.

Ни злые духи, ни материя не были сотворены в милости, значит, они — ничто (относительное небытие).

Теория относительной аннигиляции творения под влиянием Зла — «стремления к небытию» — восходит, по всей вероятности, к святому Августину (теория аннигиляции вследствие греха).

Опровержение этих тезисов Дурандом из Уэски

1. В бытии нет разных уровней: субстанция либо есть, либо ее нет. Тщетные, тленные, преходящие вещи существуют, как и другие, поскольку они существуют: они тоже были созданы единым Богом.

2. Слово « *nihil* », из которого катары сделали своего рода существительное, обозначающее «ничто», «вещь», которая находится не на том же онтологическом уровне, что и сущности, созданные истинным Богом, — всегда причастие: оно выражает лишь отсутствие чего-либо. «*Nihil sum*» — «я ничто». Оно никогда не обозначает вещь (реальную или иллюзорную).

3. Во всех тех случаях, когда речь идет о небытии (*nihil* и, прежде всего, *nihilum*) в текстах Священного Писания, имеется в виду не небытие как таковое, а моральное небытие, отсутствие ценностей. Примеры:

«Ты сделаешься ужасом, и не будет тебя вовеки» (Иез 28,19). Это означает: Ты не стал ничем тем (Иезекииль обращается к «начальствующему в Тире»), чем хотел стать (равным Богу).

«Идол есть лишь ничто в этом мире» означает просто, что он не заключает в себе никакого реального божества. «Ты приведешь к небытию все народы» означает: «Ты приведешь все народы к идолопоклонству» и т.д.

Дуранд из Уэски не опровергает философски теорию Бартоломе: он отказывается даже рассматривать глубокую идею катаров, согласно которой «преходящие вещи — ничто, потому что они преходящие». Он старается только показать, что тексты Священного Писания не могут быть истолкова-

ны так, как это делает Бартоломе. Иногда его позицию можно поддержать. Стих 1, 3 Евангелия от Иоанна можно понять и как «И без Него ничто не начало быть», и как «И без него начало быть небытие» (относительное). Может быть, католический перевод более «правилен». Но в любом случае его аргументы слабы и могут быть оспорены.

1) Неверно, что слово «*nihil*» не могло выполнять функции существительного. Для святого Августина «*nihil sum*» означает в ряде случаев «я ничто», а не всегда «меня нет», как думает Дуранд из Уэски.

2) Дуранд ошибается, — или действует со злым умыслом, — когда он уверяет, будто катары всегда превращали слово «*nihil*» в существительное (и приходит вследствие этого к абсурдным выводам). Катары, как и святой Августин, употребляли это слово в смысле «вещи, превращенные в ничто» только в переводе стиха 1, 3 Евангелия от Иоанна, в относящихся к нему текстах и в ряде других, довольно редких случаев.

3) Он противоречит самому святому Августину в своем толковании слова «идол». Для святого Августина идол символизирует, без всякого сомнения, душу грешника, уничтоженную грехом. Также и в стихе «Ничто ты сотворил» святой Августин понимает слово «*nihil*», как и катары: Я стал ничем (относительно), а не: я стал вообще ничем.

4. Наконец, «Ты приведешь к небытию все народы» не может означать: «Ты приведешь все народы к идолопоклонству».

Следует отметить, — и это довольно любопытно, — что оба противника — «августинцы», каждый на свой манер. Дуранд из Уэски вдохновляется августинизмом, в частности, той идеей, что Зло вообще не существует, в полемике с катарами, но катары опираются на теорию того же Августина о разных уровнях Бытия, чтобы выработать свою собственную концепцию бытия, обращенного в ничто грехом (святой Августин говорил, что Дьявол — это ничто. И Дуранд из Уэски, похоже, вспоминает об этом в начале своей книги. Но он не называет виновного).

Напомним, наконец, что издательница книги Дуранда из Уэски утверждает в одной напечатанной недавно статье, что слово nihil «просто охватывало в глазах катаров» совокупность «реалий, лишенных ценности». Несомненно, злокачественное творение было для них лишено «ценности», но оно было прежде всего лишено «бытия». Будь по-иному, опровержение Дуранда из Уэски не имело бы никакого смысла, потому что оно заключалось в замене во всех текстах Священного Писания, где встречались слова nihil или nihilum, онтологического толкования катаров моральным толкованием. Иными словами, издательница «Книги против манихеев» приписывает катарам теорию, которую Дуранд из Уэски использовал в полемике против катаров.

Непонятно, почему Дуранд упрекал катаров в том, что для них ничего не значат ни Дьявол, ни мир сей, — ведь таким всегда было мнение католиков. Разве Боссюэ не призывал нас считать и того, и другой ничем (в моральном смысле и в плане их «значимости»)? «Будем считать чистым небытием, — писал он, — всё, что конечно».

Иоанн фон Луджио «Книга о двух началах»

О творении (отрывок)

О том, что Бог не создал
ни Тьмы, ни Зла.

...Из всего предыдущего следует, что совершенно невозможно верить, будто Господь Бог истинный создал непосредственно и вначале Тьму и Зло и прежде всего, будто он создал их из ничего, как истово верят наши противники, хотя Иоанн ясно сказал им в первом Послании: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин 1, 5) и, следовательно, тьма возникла

не из него... Ибо тьма не была создана непосредственно и изначально, а косвенно, из ранее существовавшей реальности, как мы показали выше...

Трактат о свободе воли (отрывок)

Подобно тому, как невозможно, чтобы прошлое не было прошлым, невозможно также, чтобы будущее не было будущим, прежде всего в Боге, который знает и знал изначально, что должно произойти, т.е. причины, по которым возможно будущее до того, как оно стало реальностью. Несомненно, необходимо, чтобы будущее было абсолютно предопределено в его мысли, потому что он знал от века все причины, необходимые для того, чтобы сделать это будущее реальным, тем более что если верно, что нет изначально (или, точнее, принципиального) начала, Бог сам — высшая причина всех вещей, и если верно, что Бог делает, что хочет, и его могуществу не препятствует ничье другое, как утверждают противники истины [католики и умеренные дуалисты].

И я повторяю: если Бог знал в совершенстве, изначально, что его ангелы станут в будущем демонами по причине той организации, которую он сам придал им вначале. и потому что все причины, по которым эти ангелы должны были стать впоследствии демонами, наличествовали в его Провидении; и если верно, с другой стороны, что Бог не хотел сотворить их иными, чем сотворил, отсюда неизбежно следовало, что ангелы никак не могли избежать превращения в демонов. Они тем более не могли этого избежать, поскольку Бог знал будущее, а если бы оно могло быть изменено, оно не было бы будущим, и поскольку, согласно изложенной выше теории, считается, что Бог знал всё от века.

Как же невежи могут утверждать, что ангелы якобы могли навсегда остаться добрыми, святыми и смиренными перед ли

цом Господа своего, если это было совершенно невозможно от века по божественному Провидению? Они вынуждены признать в соответствии с их собственными тезисами и достоверностью приведенных аргументов, что Бог изначально, вполне сознательно создал своих ангелов несовершенными, чтобы они никоим образом не могли избежать Зла. Но тогда этот Бог, о котором мы говорили ранее, что он добр, свят, справедлив и выше всех похвал (как было показано выше), был бы высшей причиной и источником всякого зла, что следует решительно отрицать. Следовательно, надлежит признать существование двух начал: Добра и Зла. Последнее было источником и причиной несовершенства ангелов и всего Зла.

Краткий курс для просвещения невежд (отрывок)

Я хотел бы подвести здесь краткий итог того, что было сказано ранее о сотворении неба, земли и моря, ради просвещения невежд. Я думаю, что под «небесами» и «землей» в Священном Писании иногда подразумеваются творения Истинного Бога, одаренные разумом и способные понимать, а не только вечно меняющиеся и лишённые разума стихии этого мира. Как говорит Давид: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс 18, 2). Во Второзаконии мы читаем: «Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих» (Втор 32, 1), а у Исаяи: «Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит» (Ис 1, 2). Давид говорит также: «О, земля, земля, земля! Слушай слово Господне» (Иер 22, 29). И еще: «Путь Твой в море, и стезя Твоя в водах великих» (Пс 76, 20). И мы думаем, именно эти пути имеет в виду Давид, когда говорит: «Все пути Господни — милость и истина» (Пс 24, 10).

Таким образом, под небом, землей и морем подразумеваются небесные существа. Святой Иоанн говорит в Апокалипсисе: «И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею, и на море, и все, что в них, слышал я, говорило:

Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков» (Апок 5, 13). А Давид: «Но я верую, что увижу благодать Господа на земле живых» (Пс 26, 13). Он говорит также: «Дух Твой благий да ведет меня в землю правды» (Пс 142, 10). Соломон заявляет: «Праведники наследуют землю, и будут жить на ней вовек» (Пс 36, 29). Христос велел: «Не клянись вовсе: ни небом, потому что он престол Божий», — об этом престоле, несомненно, думал Давид, когда говорил: «Престол Твой, Боже, вовек» (Пс 44, 7), — «ни землею, потому что она подножие ног Его» (Мф 5, 34—35). О «подножии» говорится и в Послании к евреям (Евр 1, 13), на него указывает и Давид: «Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножию Его: свято оно!» (Пс 98, 5).

Я хотел бы добавить, что Господь Бог наш — не творец и создатель стихий мира сего, бессильных и пустых, о которых, может быть, говорится в Послании к Галатам: «Для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им?» (Гал 4, 9). Апостол говорит также колоссянам: «Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: “не прикасайся”, “не вкушай”, “не дотрагивайся”, что все истлевает от употребления» (Кол 2, 20—22). Еще в меньшей мере можем мы допустить, чтобы Господь наш был творцом и создателем смерти и вещей, по сути своей обреченных на смерть, ибо сказано в Книге премудрости: «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих» (Прем 1, 13). Таким образом, существует, вне всякого сомнения, другой творец или «демиург», который есть причина и начало смерти, гибели и всяческого зла, как мы с достаточной ясностью показали выше.

О всемогуществе Господа Бога истинного

Теперь я хочу сказать о всемогуществе Господа Бога истинного, которое столь часто позволяет нашим противникам, когда они выступают против нас, гордиться тем, что нет иной власти или силы, кроме их силы.

Хотя в свидетельствах Священного Писания Господь Бог истинный иногда именуется всемогущим, не следует верить, будто он именуется так, потому что он может творить — и творит — все зло, ибо существует много зла, которое Господь не мог и никогда не сможет творить. Как говорит Апостол евреям, «невозможно Богу солгать» (Евр 6, 18) и тот же Апостол заявляет во втором Послании к Тимофею: «Если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может» (2 Тим 2, 13). Тем более не следует верить, будто этот добрый Бог может уничтожить сам себя или совершать любые преступления против разума и справедливости: это для него тем более невозможно, что он сам не является абсолютной причиной зла. И когда нам возражают: «Мы имеем право сказать, в противовес, что Господь Бог истинный всемогущ, потому что он не только может творить и творит все добро, но и потому, что он мог бы также творить все зло, даже лгать и уничтожать сам себя, если бы захотел, но он не хочет», — ответить на это легко.

О том, что Бог не может творить зло

Если Бог не хочет зла, если он не хочет ни лгать, ни уничтожать сам себя, то, несомненно, он этого не может, потому что Бог всеедин, и то, чего он не хочет, он не может, а то, чего он не может, он не хочет. В этом смысле следует сказать, что способность грешить и творить зло (любое зло) не является свойством истинного Господа Бога. Причина такова: все, о чем Бог думает как о своем свойстве, есть сам Бог, ибо он не состоит из каких-то составных частей и не содержит в себе ничего «случайного», как учат мудрецы. Отсюда следует неизбежный вывод, что сам Бог и его воля — одно и то же. Значит, добрый Бог не может лгать и совершать преступления, если не хочет, потому что этот истинный Бог не может делать то, чего не хочет, поскольку, повторим, он сам и его воля — одно и то же.

О том, что Бог не может создать другого Бога

Я добавлю еще, будучи убежден, что не ошибаюсь, что истинный Бог при всем своем могуществе не может, никогда не

мог и никогда не сможет ни вольно, ни невольно, ни каким-либо иным способом создать другого Бога, Господа и творца, подобного и абсолютно равного ему во всём. И я это докажу. В самом деле: невозможно, чтобы добрый Бог мог создать другого Бога, подобного ему во всем, то есть вечного творца всех благ, не имеющего ни начала, ни конца, который никогда не был ни сотворен, ни рожден кем бы то ни было подобно тому, как добрый Бог никогда не был ни рожден, ни сотворен. Но Священное Писание не утверждает этим, будто истинный Бог бессилен. Следует верить, что добрый Бог не считается всемогущим, потому что он мог бы творить все зло, какое было, есть и будет, но, поскольку он воистину всемогущ в том, что касается всех благ, какие были, есть и будут, и поскольку он является абсолютной причиной и началом всех благ, он никоим образом не может по своей сути быть причиной зла. Значит, мудрецы называют истинного Бога всемогущим во всем, что он делал, делает или сделает в будущем, но люди, думающие правильно, не могут называть его всемогущим. исходя из того, что он якобы способен делать то, чего никогда не делал, не делает и не будет делать. Что же касается аргумента, будто «он не делает, потому что не хочет», мы уже показали его несостоятельность, потому что сам Бог и его воля — одно.

О том, что Бог не может творить зло, и что существует другая сила, которая есть Зло

Поскольку Бог не имеет силы во зле, поскольку он не может сотворить зло, мы должны твердо верить, что есть иное начало, сильное во зле. От него исходит все зло, какое было, есть и будет, и Давид, несомненно, говорит о нем: «Что хвалишься злодейством, сильный?.. Гибель вымышляет язык твой; как изошренная бритва, он у тебя, коварный! Ты любишь больше зло, нежели добро, больше ложь, нежели говорить правду» (Пс 51, 3–5). И святой Иоанн говорит в Апокалипсисе: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную,

низвержен на землю» (Апок 12, 9); и Христос говорит в Евангелии от Луки: «Семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись» (Лк 8, 11–12). Пророк Даниил говорит: «Я видел, как этот рог вел брань со святыми и превозмогал их, доколе не пришел Ветхий днями, и суд дан был святым Всевышнего» (Дан 7, 21–22). И далее: «И после них восстанет иной, отличный от прежних, и уничтожит трех царей, и против Всевышнего будут произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них праздничные времена и закон» (Дан 7, 24–25). «От одного из них вышел небольшой рог, который чрезвычайно разросся к югу и к востоку... и вознесся до воинства небесного, и низринул на землю часть сего воинства и звезд, и попрал их, и даже вознесся на Вождя воинства сего, и отнята была у Него ежедневная жертва, и поругано было место святыни Его» (Дан 8, 9–11). В Апокалипсисе святого Иоанна говорится: «И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю» (Апок 12, 3–4). «И дана была ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их» (Апок 13, 5–7). Опираясь на такие свидетельства, мудрецы считают невозможным, чтобы этот Могучий, равно как его власть или сила, был создан – по сути и непосредственно – истинным Господом Богом, потому что он все время злодействует против Него и потому что наш Бог сражается с ним. Истинный Бог не делал бы этого, если бы зло исходило от него при всей его благорасположенности, как утверждают почти все наши противники.

Об уничтожении «Могучего во зле»

В Священном Писании ясно говорится, что истинный Господь Бог уничтожит «Могучего» и все его силы, которые каж-

дый день действуют против Него и его творения. Давид говорит об этом могучем во зле: «За то Бог сокрушит тебя вкопец, изринет тебя и исторгнет тебя из жилища твоего и корень твой из земли живых» (Пс 51, 7). И, прося у Бога своего помощь против этого Могучего, Давид говорит: «Сокруши мышцу нечестивому и злему, так чтобы искать и не найти его нечестия. Господь — царь на веки, навсегда» (Пс 9, 36–37). Он говорит также: «Еще немного, и не станет нечестивого; посмотришь на его место, и нет его» (Пс 36, 10). И написано в Притчах Соломоновых: «За зло свое нечестивый будет отвергнут» (Притч 14, 32). Апостол, намекая на уничтожение «Могучего» после пришествия Господа нашего Иисуса Христа говорит евреям: «Дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола» (Евр 2, 14). Таким образом, Господь наш старается уничтожить не только этого Могучего, но и все Силы и Господства, которые возобладали на какое-то время благодаря ему над творениями Божьими, поработенными царством Зла. В Евангелии от Луки (Лк 1, 52) Святая Дева говорит: «Низложил сильных с престолов и вознес смиренных», а Апостол в первом Послании к коринфянам: «А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу... Последний же враг истребится — смерть» (1 Кор 15, 24–26). Тот же Апостол говорит колоссянам: «Благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете, избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего» (Кол 1, 12–13). Он говорит также: «И вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним, проотив нам все грехи, истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (Кол 2, 13–15). И святой Павел был послан Господом Иисусом Христом, чтобы лишить власти этого Могучего, о чем рассказывается в Деяниях апостолов: «Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того,

что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными» (Деян 26, 16–18). И Христос говорит в Евангелии от Матфея (Мф 26, 55): «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня». «Но теперь ваше время и власть тьмы» (Лк 22, 53). Поэтому надлежит верить, что могущество Сатаны и сил тьмы не может происходить прямо и непосредственно от истинного Господа Бога, ибо если бы власть Сатаны и сил тьмы исходила прямо и непосредственно от истинного Бога — со всеми прочими силами, доблестями и господствами (зла) — как говорят невежи, было бы непонятно, каким образом Павел и все прочие верующие в Иисуса Христа могли быть «вырваны из власти тьмы» и каким образом они могли обратиться от этой власти Сатаны к истинному Господу Богу, особенно если считать, что, вырываясь из власти тьмы, они на самом деле вырывались, по сути, из власти Господа Бога нашего, ибо все силы и доблести исходят (согласно вере наших противников), по сути, от доброго Бога. И каким образом этот добрый Бог мог бы устранить иную силу, нежели его собственная, если верно, что иной силы, кроме него, не существует, как говорят все противники тех истинных христиан, которых справедливо называют альбагенцами?

О злом начале

Поэтому, по мнению всех мудрецов, надлежит безоговорочно верить, что существует иное начало, начало Зла, могучего в несправедливости, дающего силу Сатане, тьме и всем прочим властям, противостоящим истинному Богу, как мы уже показали и надеемся, с Божьей помощью, еще лучше показать ниже. Если бы было иначе, считают те же мудрецы, получалось бы, что божественная сила вечно сражается против са-

мой себя и разрушает саму себя. Апостол сказал ефесянам: «Наконец, братия Мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять... А паче всего возьмите щит веры, которым можете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф 6, 10–13 16). Значит, доблести и силы Господа истинного Бога сражаются между собой каждый день по своей собственной воле, если нет иной силы, кроме их силы! Нелепо думать так об истинном Боге. Значит, вне всякого сомнения, что существует иная, не истинная сила или власть, с которой Господь Бог сражается каждый день, как мы ясно показали тем, кто может это понять.

О чужом боге и о множестве других богов

Тот, кто хорошо изучит совокупность приведенных нами весьма убедительных аргументов, признает без колебаний, что существует другой бог, господин и князь, кроме истинного Господа Бога, и что его существование доказывается со всей очевидностью свидетельствами Священного Писания. Господь сам говорит устами Иеремии: «Так как вы оставили Меня и служили чужим богам в земле своей, то будете служить чужим в земле не вашей» (Иер 5, 19). Исайя говорит: «Соберитесь и придите, приблизьтесь все, уцелевшие из народов. Неvezды те, которые носят деревянного своего идола и молятся богу, который не спасает» (Ис 45, 20). Он же: «Господи Боже наш! другие владыки кроме Тебя господствовали над нами; но чрез Тебя только мы славим имя Твое!» (Ис 26, 13). И Давид говорит: «Слушай, народ Мой, и Я буду свидетельствовать тебе: Израиль! о, если бы ты послушал Меня! Да не будет у тебя иного бога, и не поклоняйся богу чужеземному» (Пс 80, 9–10). Он говорит также: «Если бы мы забыли имя Бога нашего и

простерли руки наши к богу чужому, то не взыскал ли бы сего Бог?» (Пс 43, 21–22). И еще: «Князья народов собрались к народу Бога Авраамова, ибо щиты земли – Божии; Он превознесен над ними» (Пс 46, 10). И еще: «Все боги народов – идола» (Пс 95, 5). Софония заявляет: «Страшен будет для них Господь, ибо истребит всех богов земли» (Соф 2, 11), а Иеремия: «Есть заговор между мужами Иуды и жителями Иерусалима. Они... пошли вослед чужих богов, служа им» (Иер 11, 9–10). Иеремия говорит также: «Тогда скажи им: за то, что отцы ваши оставили Меня, говорит Господь, и пошли вослед иных богов, и служили им, и поклонялись им, а Меня оставили, и закона Моего не хранили. А вы поступаете еще хуже отцов ваших и живете каждый по упорству злого сердца своего, чтобы не слушать Меня. За это выброшу вас из земли сей в землю, которой не знали ни вы, ни отцы ваши, и там будете служить иным богам день и ночь, ибо Я не окажу вам милосердия» (Иер 16, 11–13). У Малахии читаем: «Вероломно поступает Иуда, и мерзость совершается в Израиле и в Иерусалиме; ибо унизил Иуда святыню Господню, которую любил, и женился на дочери чужого бога» (Мал 2, 11). И у Михея: «Ибо все народы ходят, каждый во имя своего бога; а мы будем ходить во имя Господа Бога нашего во веки веков» (Мих 4, 5). И Апостол говорит во Втором Послании к Коринфянам: «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого» (2 Кор 4, 3–4). То же самое говорится в Первом Послании к Коринфянам: «Хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, но у нас один Бог» (1 Кор 8, 5–6). Христос говорит в Евангелии от св. Матфея: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6, 24). И еще раз в Евангелии от Иоанна: «Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ио 14, 30). И там же: «Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего

изгнан будет вон» (Ин 12, 31); «Князь мира сего осужден» (Ин 16, 11). А в Деяниях апостолов читаем: «Что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его. Ибо поистине собрались в городе сем на Святаго Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским» (Деян 4, 25–27). Так что ясно видно, что можно найти в свидетельствах Священного Писания доказательства существования множества богов, господ и князей, противников Господа Бога истинного и Сына его Иисуса Христа, чем подтверждается то, что мы уже доказали выше.

Вопрос о дурной бесконечности в текстах Священного Писания

То, что для этих господ и князей существует дурная вечность, «древность», отличная от вечности истинного Господа Бога, мы тоже можем легко доказать с помощью свидетельств из Священного Писания. Христос говорит в Евангелии от Матфея: «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф 25, 41). «И ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня. Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример» (Иуд 6–7). Блаженный Иов тоже упоминает «мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма» (Иов 10, 22). Устами Иезекииля Господь пророчесствует о горе Сеир: «Сделаю тебя пустынею вечною» (Иез 35, 9) и в той же главе: «Так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, гора Сеир! и простру на тебя руку Мою и сделаю тебя пустою и необитаемою. Города твои превращу в развалины, и ты сама опустеешь и узнаешь, что Я Господь. Так как у тебя вечная вражда, и ты

предавала сынов Израилевых в руки мечу во время несчастья их, во время окончательной гибели» (Иез 35, 3–5). Этот враг Израиля — это Дьявол, он же — враг истинного Бога, как отметил Иисус Христос в Евангелии от Матфея (Мф 13, 25–39). Апостол говорит во Втором Послании к Фессалоникийцам о тех, «которые подвергнутся наказанию, вечной гибели» (2 Фес 1, 9), а Христос в Евангелии от Матфея: «И пойдут сии в муку вечную» (Мф 25, 46), и в Евангелии от св. Марка: «Кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Мк 3, 29).

О вечности Дьявола пророк Аввакум говорит такими словами: «Бог от Фемана грядет, а Святой — от горы Фаран. Покрыло небеса величие Его, и славою Его наполнилась земля. Блеск ее — как солнечный свет; от руки Его лучи, и здесь тайник Его силы! Пред лицом Его идет язва, а по стопам его — жгучий ветер. Он стал, и поколебал землю; возрел, и в трепет привел народы; вековые горы распались, первобытные холмы опали; пути Его вечные» (Авв 3, 3–6).

О «древности» Дьявола написано в Апокалипсисе: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаною... низвержен на землю» (Апок 12, 9). Если о противниках Бога истинного говорится, что они вечные, древние, следует понимать так, что их сущности не имеют ни начала, ни конца — что, безусловно, верно и по отношению к доброму Богу. Следует считать также доказанным процитированными выше свидетельствами, что грех, кара, тоска и заблуждение, огонь и муки, цепи и сам Дьявол не имели начала и не будут иметь конца, ибо эти вещи, будь то названия, которыми обозначают высшее начало зла или только названия, которыми обозначают его последствия, в любом случае они свидетельствуют о существовании единой причины зла, вечной или древней, потому что, если последствия вечные и древние, логично предположить, что и причины такие же. Таким образом, существует, вне всякого сомнения, злое начало, из сути которого непосредственно проистекают эта вечность и эта древность.

О существовании другого Творца или «демиурга»

Я полагаю, что смогу четко показать, опираясь на Священное Писание, что существует другой бог или господь, творец и «демиург», кроме того, которому вверяют свои души, веруя в него, те, кто страдает, творя Добро. Это станет еще более ясным, если я встану на точку зрения наших противников, отнесясь с тем же доверием, как и они, к Ветхому Завету. Они заявляют во всеуслышание, что Господь — Творец, который создал все видимые вещи этого мира, как-то: небо, землю и море, людей и животных, птиц и всех пресмыкающихся. Как сказано в книге Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста» (Быт 1, 1–2). И далее: «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, ... и всякую птицу пернатую по роду ее» (Быт 1, 21) и в стихе 25 «И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их» и, наконец, в стихе 27 «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Христос тоже говорит в Евангелии от св. Марка: «В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их» (Мк 10, 6).

Таким образом, предполагается, будто ничто в этом мире не может указать нам на этого злого бога, сделать его видимым и проявленным во времени, как, кстати, и доброго Бога, — ведь причина познается по следствиям. Поэтому следует предположить, что нельзя доказать существование злого бога и творца иначе как по злым делам его и по словам, полным непостоянства. Я утверждаю, что не истинный творец тот, кто создал и организовал видимые вещи этого мира. И я докажу это по его злым делам и лживым словам, если верно, что слова и дела, приписываемые ему Ветхим Заветом, были сказаны и сделаны им, материально и реально, во времени, как без тени сомнения утверждают наши противники.

Мы испытываем несказанный ужас при виде дел его, а дела эти — прелюбодейство, кража имущества у других людей, проклятие того, что свято, обычай давать слово под присягой или

без нее и не держать его. Все эти отвратительные вещи сотворены Богом, о котором идет речь, в этом временном мире, видимым и конкретным образом, если принять точку зрения наших противников и их толкование Ветхого Завета. Они в самом деле верят, будто эти Писания говорят о сотворении и организации этого мира, о делах, сделанных во времени, материальным и видимым образом. И так вынуждены верить те, кто думает, будто есть лишь одно начало. Я покажу это очевидным образом, опираясь на само Писание, истолкованное в соответствии с верой.

Прелюбодеяния — дело злого бога

Этот Господь и Творец повелел во Второзаконии: «Если найден будет кто лежащий с женою замужнею, то должно предать смерти обоих: и мужчину, лежавшего с женщиной, и женщину; и так истреби зло от Израиля» (Втор 22, 22). И далее: «Никто не должен брать жены отца своего и открывать край одежды отца своего» (Втор 22, 30). Этот Господь сам говорит в книге Левит: «Наготы жены отца твоего не открывай; это нагота отца твоего» (Лев 18, 8). И далее: «Кто ляжет с женою отца своего, тот открыл наготу отца своего: оба они да будут преданы смерти» (Лев 20, 11).

Однако, в нарушение своих собственных заповедей, этот господь и творец повелел совершать плотское и реальное прелюбодеяние в этом временном мире, и это засвидетельствовано, согласно самим верованиям и толкованиям наших противников. Во Второй книге Царств это повеление вполне ясно выражено, — как мы понимаем вместе с нашими противниками, — самим господом и творцом, который говорит Давиду устами пророка Натана: «Зачем же ты пренебрег слово Господа, сделав злое пред очами Его? Урию Хеттеянина ты порази мечом; жену его взял себе в жены, а его ты убил мечом Аммонитян; так не отступит меч от дома твоего во веки, за то, что ты пренебрег Меня и взял жену Урии Хеттеянина, чтобы она была тебе женою. Так говорит Господь: вот, Я воздвигну на тебя зло из дома твоего, и возьму жен твоих пред

глазами твоими, и отдам ближнему твоему, и будет он спать с женами твоими пред этим солнцем; ты сделал тайно; а Я сделаю это пред всем Израилем» (2 Цар 12, 9–12). Отсюда следует сделать вывод, что, согласно вере самих наших противников, либо этот бог и творец — лжец, или он, без малейших сомнений и реально, совершает прелюбодеяние и делает это открыто во Второй книге Царств, по признанию самих наших противников: «И сказал Ахитофел Авессалому: войди к наложницам отца твоего, которых он оставил охранять дом свой; и услышат все Израильтяне, что ты сделался ненавистным для отца твоего, и укрепятся руки всех, которые с тобою. И поставили для Авессалома палатку на кровле, и вошел Авессалом к наложницам отца своего пред глазами всего Израиля» (2 Цар 16, 21–22). Получается, что этот господь и творец совершил это прелюбодеяние (он сказал, что он это совершил) реальным и видимым образом в этом мире (опять-таки согласно толкованию наших противников) в нарушение заповеди, которую он сам дал — мы приводили ее выше: «Если найден будет кто лежащий с женою замужною» и т.д. Ни один мыслящий человек не поверит, что это истинный Творец, тот, кто реально отдал жен какого-то мужчины его сыну или кому другому для совершения с ними прелюбодеяния, как это сделал творец видимых вещей этого мира, как думают невежи, и о чем мы говорили ранее. Напомним, что Наш Господь, истинный Бог никогда не приказывал совершать в этом мире прелюбодеяние. Апостол говорит в Первом Послании к Коринфянам: «Не обманывайтесь: ни блудники, ... ни прелюбодеи... — Царства Божия не наследуют» (1 Кор 6, 9–10). Тот же Апостол говорит ефесянам: «Знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостыжатель... не имеет наследия в Царстве Христа и Бога» (Еф 5, 5). И он же говорит фессалоникийцам: «Ибо воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда» (1 Фес 4, 3). Конечно, это не наш истинный Творец, гот, кто во временном мире, в этом мире, взял жен у Давида и отдал их самому близкому ему человеку, чтобы он совершал прелюбодеяние с ними на глазах у всего Израиля и перед лицом солнца, как сказано в процитированном тексте. Из

этого следует несомненный вывод, что существует другой творец, начало и причина всякого блуда и прелюбодеяния в этом мире.

Злой бог приказывает отнимать силой имущество у других и убивать людей

Мы можем показать со всей очевидностью, опираясь на толкование Ветхого Завета нашими противниками, что этот так называемый Господь и Творец приказывал отнимать силой добро у других и реально грабить ради своей выгоды сокровища египтян и совершать в этом материальном мире самое массовое уничтожение людей. Сам Господь говорит Моисею в книге Исход: «Внуши народу, чтобы каждый у ближнего своего и каждая женщина у ближней своей выпросили вещей серебряных и вещей золотых. И дал Господь милость народу Своему в глазах египтян» (Исх 11, 2–3). «И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу Своему в глазах Египтян; и они давали ему и обобрал он Египтян» (Исх 12, 35–36). Во Второзаконии Моисей говорит своему народу: «Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир; если он согласится на мир с тобою и отворит тебе ворота, то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе; если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его и когда Господь Бог твой предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча; только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой; так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из числа городов народов сих. А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой» (Втор 20, 10–17). Там же мы читаем: И Сигон со всем народом своим

выступил против нас на сражение к Яаце; и предал его Господь, Бог наш, в руки наши, и мы поразили его и сынов его и весь народ его, и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, не оставили никого в живых» (Втор 2, 32–34). И еще: «И предал Господь, Бог наш, в руки наши и Ога, царя Васанского, и весь народ его; и мы поразили его, так что никого не осталось у него в живых; и взяли мы в то время все города его; не было города, которого мы не взяли бы у них: шестьдесят городов, всю область Аргов, царство Ога Васанского...; и предали мы их заклятию, как поступили с Сигоном, царем Есевонским, предав заклятию всякий город с мужчинами, женщинами и детьми; но весь скот и захваченное в городах взяли себе в добычу» (Втор 3, 3–4 6–7).

В книге Чисел говорится о человеке, который собирал дрова в субботу: «Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы; и привели его нашедшие его собирающим дрова к Моисею и Аарону и ко всему обществу; и посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что должно с ним сделать. И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана» (Чис 15, 32–35). И тот же Господь говорит народу израильскому в книге Исхода: «Число дней твоих сделаю полным. Ужас Мой пошлю пред тобою, и в смущение приведу всякий народ, к которому ты придешь, и буду обращать к тебе тыл врагов твоих» (Исх 23, 26–27). То же самое говорит он и в книге Левит: «И будете прогонять врагов ваших, и падут они пред вами от меча; пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши пред вами от меча» (Лев 26, 7–8) и еще раз в книге Чисел: «Если же вы не прогоните от себя жителей земли, то оставшиеся из них будут тернами для глаз ваших и иглами для боков ваших, и будут теснить вас на земле, в которой вы будете жить; и тогда, что Я намерился сделать им, сделаю вам» (Чис 33, 55–56).

*Перевод отрывков из трактата
выполнен по изданию Дондэна.*

Замок Монсегюр

Замок Монсегюр (департамент Арьеж) был построен или отстроен на развалинах древней крепости где-то между 1205 и 1211 годами по настоятельной просьбе катарского духовенства, которое, несомненно, хотело превратить его в свой духовный центр и в безопасное место для секты [56]. И этот замок действительно выполнял непрерывно эту двойную роль с 1209 по 1244 год, до своей капитуляции. Можно было ожидать, что удастся обнаружить хотя бы один зал, стиль и общее расположение которого сохранили бы «дух» катаризма, но ничего подобного нет. Главная башня такая же, как главные башни всех прочих замков. Все здесь рассчитано на оборону [57]. Возможно, места для религиозных обрядов находились снаружи, у края горы, между валом и пропастью, или еще дальше, может быть, на месте современной деревни (которой тогда еще не было). Но, если они и существовали, они были разрушены инквизицией, которая сносила до основания все здания, служившие убежищем для еретиков.

Остается сам план замка. Известна теория Ф. Ниэля, согласно которой Монсегюр был, как и главная башня Керибю, а, может быть, и Кабаре (Латур, департамент 09), своего рода солнечным храмом или скорее зодиакальным календарем. «Неоспоримый факт, — пишет Ф. Ниэль, — если встать в нужной точке и смотреть в определенном направлении, мы увидим, в зависимости от даты, что солнце восходит именно в этом направлении. Разумеется, это нельзя рассматривать как случайность. Ее вероятность ничтожна, значит, это было сделано умышленно». По моему мнению, эта теория имеет по крайней мере ту заслугу, что она подчеркивает волнующие совпадения в соотношениях между разными частями замка, хотя их можно частично объяснить гармонией, неизбежно возникающей на основе любого эстетического «золотого числа». Как бы то ни было, самое простое и самое очевидное открытие Ф. Ниэля — тот несомненный факт, что ось замка (приблизительная, потому что замок ассиметричен) в точности совпадает с направлением север-юг и что

эта ось проходит через две специально выбранные точки: через углы, образованные двумя северными и двумя южными стенами. Но что действительно любопытно, это то, что если угол между двумя южными (на самом деле юго-восточными) стенами действительно представляет собой ярко выраженный угол, то угол, образованный двумя северо-восточными стенами настолько широко открыт, что обычно остается незамеченным. Таким способом архитекторы XIII века отмечали разрыв, изменение направления: они проделывали небольшие вертикальные желобки, которые в этом месте проходят по всем пластам наружного фасада. Говоря словами Ф. Ниэля, это было сделано умышленно. Если предположить, что архитекторы решили — непонятно, по какой причине, — увеличить к востоку площадь замка, они могли бы это сделать, просто придав то же направление прямолинейной куртине. Если бы они хотели целиком изогнуть эту куртину, они добились бы того же результата, поместив угол практически в любой другой точке. Таким образом, можно констатировать: либо они хотели разделить две северные стены, либо разделить северный фасад надвое, чтобы создать заметную точку, либо по какой-либо иной причине они не могли сделать так, чтобы одна из этих стен была точным продолжением другой, и поместили точно на севере угол их расхождения. Эту особенность можно объяснить практическими (максимальное солнечное освещение?) или эстетическими требованиями (правильная ориентация уравновешивает в данном случае общую структуру), равно как и мистическим стремлением придать особое значение северу... или югу.

Чтобы не разочаровывать любителей тайн, дадим другое толкование, с учетом той важной роли, какую в катарской символике играл пятиугольник: замок хотели построить по плану пятиугольника. И в самом деле: в своей основной массе, за вычетом наружной главной башни, к которой он примыкает, он имел бы форму неправильного пятиугольника, если бы его северная стена не состояла в действительности из двух стен. Таким образом, замок мог иметь пять сторон, а их было шесть! Следует ли, исходя из этого, сделать вы-

вод, что архитектор добавил еще одну стену, чтобы Монсегюр не был пятиугольником? Или, как слышал я от некоторых посвященных, стену, которую приходилось загнуть по практическим причинам, загнули под максимально открытым углом, чтобы, особенно изнутри, нельзя было заметить, что стен две, и чтобы замок сохранял видимость пятиугольника? Несть числа настоящим и ложным тайнам Монсегюра. Я упомянул об этих маленьких архитектурных загадках, чтобы любопытствующие могли составить представление о сложности, частично реальной, частично воображаемой, проблем, связанных с Монсегюром и создающих вокруг него воистину чудесный ореол.

У этого замка есть один особый аспект: в нем нет никаких изогнутых линий, кроме двух ворот со сводами, никаких круглых башен, никаких бойниц на фасадах: бойницы есть только на главной башне. Поскольку гребни горы сливались с валом и изнутри казались почвой двора, причем скалы даже не были сглажены, крепость должна была производить в XIII веке впечатление первобытного хаоса, в котором преобладал необработанный камень. Иногда задаешь себе вопрос, не хотели ли архитекторы сохранить скалы? Может быть, это было традиционно почитаемое древнее святилище иберов и кельтов? [58] Но бесполезно задавать слишком много вопросов на эту тему. Очень тесный, наспех обустроенный и неуютный, замок Монсегюр напоминал в этом отношении все другие пиренейские замки той эпохи. Но он был гораздо более внушителен благодаря своему большому голому фасаду, его красивым, правильным пластикам, монументальным воротам, слишком большим для «дикого» замка и плохо защищенным: это ворота для душ! Если он и не был храмом, «крепостью для победителей, храмом для побежденных», как говорил поэт Жоэ Буске, то он заслуживал того, чтобы быть им. На ум приходит мысль об укрепленном монастыре, о магическом замке неизвестно каких «храмовников». Люди с богатым воображением, которых не заботят ни историческая точность, ни хронология, путают его, впадая в экзальтацию, с легендарным замком Грааля, хотя в нем нет

ни одного зала, достаточно большого для того, чтобы в нем могла проходить знаменитая процессия с чашей, светильниками и копьем, описанная Кретьеном де Труа и Вольфрамом фон Эшенбахом. Добавим в заключение, что поражает скорее северный, чем южный пейзаж окружающих гор. «Я видел здесь, — писал Отто Ран в “Люциферовой челяди”, — высокие горы, очень похожие на баварские Альпы, ельники, заснеженные горные пастбища. В таком северном облике предстал передо мной юг, таким я научился теперь видеть его».

Монсегюр и парапсихология

Среди многочисленных преданий, которые ходят в Монсегюре и его окрестностях, нет более странного, чем то, что касается китайцев или скорее «тибетцев». Я изложу здесь факты такими, как есть, не пытаясь ни преувеличивать их, ни тем более объяснить.

1) В районе Лавлане рассказывают, что инквизиторы преследовали еретиков до Тибета.

2) Инженер А.А., который производил раскопки в Монсегюре в 1932 году и о котором Отто Ран говорит в своей книге «Люциферова челядь», был якобы связан с духами и вызывал «тибетских учителей».

3) Господин П. из Лавлане, который знал всех завсегдатаев гостиницы Куке в Монсегюре, рассказывал мне раз десять и повторял каждому, кто желал его слушать, что однажды, когда инженер А. провел его в подземелье, вырытое под замком, то в его отсутствие, перед ним внезапно возникли образы трех тибетцев. Явление длилось несколько минут. Господин П. — человек серьезный, образованный и всегда настроенный скептически. Этот феномен очень его поразил, и он никогда не мог найти ему объяснения.

4) Совсем недавно один молодой человек, очень чувствительный и легко вступающий в связь с мнимыми «духами» и живыми учителями, отправился в Монсегюр, не зная абсо-

лютно ничего о тамошней тибетской тайне, и был сильно удивлен, получив там послание, написанное восточными буквами, которое он мне показал и которое сейчас отдано на перевод.

Следует ли заключить из этого вместе с оккультистами, что Монсегюр «посещали» тибетцы, или согласиться с парапсихологами, что инженер А. создал в подземелье мысленный образ, выведенный наружу эгрегор, который в определенных обстоятельствах могут воспринимать медиумы? Но вот еще одна вещь. Меня всегда поражала та страница в «Люциферовой челяди», где Отто Ран, рассказывая о своем визите в 1932 году к Артуру Косу из Лавлане, говорит буквально следующее: «Он (Косу) рассказал мне также, — и это очень меня удивило, — что один из его друзей, ныне покойный, нашел в развалинах Монсегюра книгу, написанную не то по-китайски, не то по-арабски, он не знал, а потом эта книга пропала». А в январе 1971 года Ш. Дельпу, автор прекрасных работ о катаризме, показал мне тетрадь, которую подарил ему один житель Монсегюра. Эта тетрадь, принадлежавшая А.А., не что иное, как копия, сделанная этим инженером в 1930 году — он записал на последней странице: «Копия соответствует, А.А., Монсегюр, декабрь 1930 г.» — с другой тетради, в которой доктор Ж. Гибо из Лавлане записывал с 1852 по 1872 год свои археологические и прочие размышления о Монсегюре. Я публикую здесь страницы из этой рукописи, касающиеся тибетской тайны Монсегюра, ничего в них не меняя.

Рукопись доктора Ж. Гибо

«...Но самый удивительный предмет, который был найден, это бумажная книга в пергаментном переплете, находящаяся в собственности того же жителя Монсегюра, о котором мы только что говорили. Мне не посчастливилось видеть ее самому, поэтому я не могу ничего утверждать. Но у меня есть лист из этой книги, похоже, написанной китайскими иерог-

лифами. Он большого формата, в 1/16 листа. Наверху изображены два человека с непокрытыми головами, которые сидят рядом друг с другом у подножия дерева, ствол и ветви которого выглядят странно. Короткие ветви, которые отходят от него, имеют сияющие концы и лишены листьев. Трава, на которой сидят эти два человека, и холмы, изображенные на этой гравюре, тоже излучают свет. С дерева падают листья. В этих двух людях, которые выглядят очень молодыми, а не взрослыми, легко распознать китайцев по их просторным одеждам, выпуклым животам, обвязанным поясами, и по длинным, крючковатым ногтям на их пальцах; столь же легко распознать их татарские физиономии по их широким треугольным лицам, выступающим скулам, острым подбородкам и широко расставленным косым и узким глазам.

Эти два человека держат в руках книгу или скорее карту, ширина которой больше высоты. Виден только ее корешок, обрамленный чертой и украшенный непонятными рисунками. Гравюра и буквы – сероватого цвета, напечатаны сепией или китайской тушью и обрамлены простыми чертами. Буквы образуют 12 строк, в каждой из них по восемь знаков с правильными промежутками, симметрично выровненных как по вертикали, так и по горизонтали».

«Вот рассказ человека, который подарил мне этот лист. Приехав тридцать лет назад в Монсегюр, он встретился с одним местным коллекционером, его другом, о котором мы говорили. Кроме медалей и оружия, последний показал ему китайскую книгу, о которой идет речь, и, когда тот отвлекся, он украл из нее, польстившись на странные знаки, оставший лист, описанный в предыдущем абзаце».

«Мне трудно объяснить, каким образом китайская книга могла оказаться в развалинах этого замка посреди департамента Арьеж, на одной из самых высоких ее вершин. Было бы вполне понятным присутствие этой книги в развалинах замка на побережье Франции, куда ее мог бы привезти моряк, в руки которого она могла попасть во время плавания в Китай в числе обломков кораблекрушения или как добыча при захвате пиратской джонки.

Я предпочитаю верить в шутку, в мистификацию со стороны жителя Монсежюра по отношению к моему дарителю, который, хотя он человек очень умный, не специалист в этих вопросах и поддался на обман...»

Библиография

ALLIX, P. *Remarks upon the Ecclesiastical History of the Ancient Churches of the Albigenses*, 1962. Reedition: Oxford, Clarendon Press, 1821.

ANGEBERT, J.M. *Hitler et la tradition cathare*, R. Laffont, Paris, 1971.

АНГЕЛОВ Д. Богомилството в България. София, 1969.

BELPERRON, P. *La croisade contre les Albigeois*, Plon, Paris, 1942.

BORST, A. *Die Katharer*, Stuttgart, 1953.

BURKITT, F.C. *The Religion of the Manichæes*, Cambridge University Press, 1925.

CAHIERS de FANIEAUX, *Cathares en Languedoc*, Privat, Toulouse, N 3 1968.

CLOSS, H. *High are the Mountains, And Sombre the Valleys – The Silent Tarn, Dakers*, Londres, 1945, 1949, 1951.

DANDO, M. *Les origines du Catharisme*, edit. du Pavillon, Paris, 1967.

DANTE. *Tutte le opere, a cura di Luigi Blasucci*, Sansoni, Firenze, 1965 (contient *Il Fiore*).

DONDAINE, A.O.P. *Le Liber de duobus principiis* (un traite manichéen du XIIIe siècle, suivi d'un fragment du Pituel cathare); Istituto storico domenicano, Santa Sabina, Roma, 1939.

DURBAN, P. *Actualité du catharisme*, Toulouse, 1968.

DUVERNOY, J. *Le registre de l'Inquisition de Jacques Fournier* (1318–1323), 3 vol., «Bibliothèque meridionale», Privat, Toulouse, 1965.

– *La Liturgie et l'Eglise Cathares*, Cahiers d'Etudes Cathares, printemps 1965, automne 1967, Arques, Aude, 1967.

GRIFFE, E. *Les debuts de l'aventure cathare en Languedoc*

(1140–1190), Letouzey et Aine, Paris, 1969.

GUIRAUD, J. *Histoire de l'Inquisition au Moyen Âge*, t. I, Paris, 1933, t. II, Paris, 1938.

GUIRDHAM, A. (D^r) *Les cathares et la Reincarnation*, Payot, Paris, 1971.

HEGEDUS GEZA. *Ketzer und Konige*; Prisma-Verlag, Leipzig, 1966.

KOCH, G. *Frauentage und Ketzertum im Mittelalter*, Berlin, 1962.

MADAULE, J. *Le drame albigeois et le destin français*, Grasset, Paris, 1961.

MARTIN-CHABOT E. *La chanson de la croisade les Albigeois*, traduite du provençal, 3 vol., Les Belles-Lettres, Paris, 1960–1961.

NELLI, R. *Ecritures cathares*, Planete, Paris, 1968. — *La vie quotidienne des Cathares languedociens au XIIIe siècle*, Hachette, Paris, 1969.

NIEL, F. *Montsegur, temple et forteresse des Cathares d'Occitanie*, Allier, Grenoble, 1967.

OLDENBOURG, Z. *Le bucher de Montsegur*, Gallimard, Paris, 1959.

PAUWELS, L. et BERGIER, J. *Le matin des magiciens*, Gallimard, Paris, 1960.

PEYRAT, N. *Histoire des Albigeois*, 3 vol., Lacroix, Paris, 1870–1872.

PRIMOV, B. *Les Bougres*, Sofia, 1970 (trad. Ribeyrol).

RAHN, O. *La croisade contre le Graal*, Stock, Paris, 1934.

— *Luzifers Hofgesinde* (trad. René Nelli, inédite).

ROCHE, D. *L'Église romaine et les Cathares albigeois*, edit. Des Cahiers d'Études cathares, Arques, Aude, 1937.

ROQUEBERT, M. *L'épopée cathare (1198–1212); l'Invasion*; Privat, Toulouse, 1970.

RUNCIMAN, St. *Le manichéisme medieval. L'hérésie dualiste dans le christianisme*; Payot, Paris, 1949.

SAURAT, D. *Oc digas pas – Encaminament catar I et II – Lo cacaire*, coll. «Messatges», Inst. D'étudis occitans, Toulouse, 1954, 1955, 1960.

SENDRAIL, M. *Sages et Mages*, Hachette, Paris, 1971.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА, ОРДЕНА И СЕКТЫ

SODERBERG, H. *La religion des Cathares*, Uppsala, 1949.

THOUZELLIER, Ch. *Un traite cathare inedit du debut du XIIIe siècle, d'apres le «Liber contra manicheos» de Durand de Huesca; Spicilegium sacrum Lovinense*, Louvain, 1964.

— *Catharisme et Valdeisme en Languedoc à la fin du XIIe siècle et au debut du XIIIe*, P.U.F., Paris, 1966.

TOPENTCHAROV, V. *Bougres et Cathares*, Seghers, Paris, 1971.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Спор о катарах

У нас, в России, наиболее известны широкой публике два взгляда на катаров или, как их еще называют, альбигойцев, «ересь», процветавшую на юге Франции в конце XII — начале XIII веков и уничтоженную католическими крестоносцами, причем оба эти взгляда только вводят людей в заблуждение. Первый из них — сугубо отрицательный. Мы встречаем его уже в книге А. Селянинова «Тайная сила масонства» (Спб., 1911), где альбигойцы именуются «сектой, созданной евреями» (С. 167), которые, по мнению этого автора, стояли за всеми средневековыми ересями. Л.Н. Гумилев, не имея возможности заклеить катаров за связь с евреями, изобрел для их дискредитации термин «антисистема». Под этим подразумевается «жизнеотрицающий критический настрой, отвращение к действительности, стремление к ее рассудочному упрощению, а в пределе — к уничтожению» (Ю.М. Бородай. Этнические контакты и окружающая среда//Природа, 1981, № 9. С. 82—85). Примеры, которые приводит Л.Н. Гумилев: «грандиозная, увлекательная антисистема» гностицизма и «могучая антисистема» манихейства (Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 474). Насчет последней Ю.М. Бородай добавлял, что она была к тому же еще и «свирепая», и сам в результате освирепел до того, что одобрил крестовый поход против альбигойцев. Если верить, подобно катарам, в переселение душ, можно подумать, что в тело русского ученого Бородай вселилась душа папского легата Амальрика, который при штурме города Безье 22 июля 1209 г. отдал приказ: «Убивайте всех! Господь разберет своих!».

Л.Н. Гумилев, говоря о манихействе, утверждал, будто «это учение... вызывало отвращение всюду, где проповедовалось» (Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 190). Он со злорадством писал: «То, что манихеи к концу XIV века исчезли с лица Земли, неудивительно, ибо они, собственно говоря, к этому и стремились» (Этногенез и биосфера Земли. С. 479). Налицо явное противоречие: и тысячу лет спустя после смерти Мани его учение вызывало такое «отвращение», что подавить его удалось только силой!

Л.Н. Гумилев и Ю.М. Бородай умалчивали, однако, что под их определение «антисистемы» по всем параметрам подпадает и столь любезное их сердцу христианство. В.В. Розанов в своей книге «Люди лунного света» описывал христианство как религию, стремившуюся к уничтожению жизни на Земле. А задолго до Л.Н. Гумилева польский неоязычник Ян Стахнюк (1905–1963) создал теорию «антикультуры», разновидностями которой он считал буддизм и христианство (Stanislaw Potzebowski. Zadruga. Bonn, 1982, S. 165).

Второй миф о катарах, хотя и положительный, но тоже миф, пришел к нам из Германии, причем путаница там началась отнюдь не с опер Р. Вагнера, а с их первоисточника — написанной в XIII веке поэмы Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», автор которой приплел к катарам тему Грааля и его хранителей — тамплиеров, связав их через замок Монсальват, прообразом которого послужил Монсегюр, последняя катарская крепость в Пиренеях, павшая 16 марта 1244 года. Есть ученые, которые возражают против отождествления Монсегюра с Монсальватом, а зря. Владелец замка Грааля в поэме Эшенбаха носит имя Перилла, а был настоящий Раймон де Перелла, вассал графа Фуа, которому еще в 1204 году глава катарской церкви Гильябер де Кастр поручил отстроить Монсегюр. Так что фон Эшенбах явно «слышал звон», но не более того. Американский историк Генри Чарльз Ли убедительно доказал в своей «Истории инквизиции в Средние века» (СПб., 1911), что тамплиеры не имели никакого отношения к катарам. Известно, в частности, что Гийом де Ногарэ, организатор разгрома ордена тамплиеров

при Филиппе Красивом, был родом из Тулузы и слыл в ней мстителем за своих предков — катаров. В обвинениях тамплиеров в ереси в XIV веке было не больше истины, чем в обвинительных актах сталинских процессов 30-х годов, а «признания» выбивались одними и теми же средствами. Вторично тамплиеров сделала еретиками масонская традиция, восходящая к XVIII веку.

Усугубил путаницу Отто Ран, автор книги «Крестовый поход против Грааля» и «Люциферова челядь» (так правильней*), содержание которых серьезные исследователи катаризма очень метко сравнивают с майонезом. А. Розенберг, в пику А. Селянинову, видел во всех средневековых ересях не «еврейские происки», а наоборот, протест «германского духа» против «азиатского христианства». Культ вагнеровского «Монсальвата» проявился в том, что 16 марта 1944 года, в семисотую годовщину падения Монсегюра, немецкие войска устроили там парад.

Автор предлагаемой теперь нашим читателям книги, Рене Нелли (1906—1982), — человек, для которого тема катаров — не далекая экзотика. Он сам уроженец Каркассонна, т.е. родом как раз из тех мест, где некогда зверствовала крестоносная «люциферова челядь», «разбойничий сброд негодяев», по выражению К. Маркса. Рене Нелли был серьезным ученым, но не просто ученым; он ставил своей целью «очистить катаризм от оккультистских фантазий и от узкого сциентизма, в который заключают его отдельные специалисты». Чтобы лучше понять катаризм, Нелли пытался как бы сам влезть в шкуру катара, представить себе, как эти люди жили, о чем думали, к чему стремились. Метод вообще-то очень правильный, но беда в том, что дошедшие до нас сведения о катарах весьма отрывочны, поэтому многое приходится домысливать, а это каждый делает, как говорится, в меру своей испорченности, то есть тенденциозно. Если зоолог может по одной кости воссоздать облик животного в целом, то нельзя

* Иногда название этой книги переводят как «Трон Люцифера» (*фр. меч. ред.*).

по одной идее составить представление о мировоззрении в целом, поскольку идеологические системы часто бывают столь эклектичны, что их символическим образом может быть разве что какой-нибудь василиск.

Рене Нелли тоже не удалось, несмотря на все его старания, составить цельное представление о катаризме, отсюда противоречивость его тезисов, которая имела трагические последствия. В носящем его имя Центре катарских исследований в его родном Каркассонне возобладала линия Жана Дювернуа и Анны Бренон, людей, которые стараются представить катаризм в совершенно искаженном свете. Есть все основания считать их просто христианской агентурой, проникшей в катарскую крепость с заданием затушевать всемирно-историческое значение катаризма. Ж. Дювернуа изображает дело так, будто катаризм — это всего лишь «форма христианства», и нельзя, говоря о катарах, употреблять термины «манихейство» или «неоманихейство» (Jean Duvernoy. *La Religion des Cathares*. Priva. Toulouse. 1986. p. 7, 27).

Сам Рене Нелли писал в своей книге «Катары», которая теперь переведена на русский язык, нечто совершенно противоположное: «Катаризм... представляет собой на самом деле нечто большее, чем простую ересь... он исходит из мировоззрения, из интеллектуальных и духовных установок, совершенно противоположных традиционному христианству, а, может быть, и христианству вообще». Упомянутый Г.Ч. Ли тоже считал, что верования катаров едва ли можно назвать христианскими (История инквизиции в Средние века. С. 57, 58). По мнению О. Рана, катаризм и христианство разделяет пропасть (Otto Rahn. *Croisade contre le Graal*. Philippe Schrauben. p. 165). Наконец, современный хорватский историк Франьо Шанек определяет катаризм как «главную угрозу христианству» в то время (журнал «Heresis», № 21, декабрь 1993. С. 33).

Те, кто стремится притянуть катаризм за уши поближе к христианству, постоянно подчеркивают христианское внешнее оформление катаризма, частые ссылки на Священное Писание и т.п. Но у этих исследователей просто нет опыта

советских диссидентов, которым в условиях коммунистической диктатуры тоже приходилось мимикрировать, подлаживаться к языку официальной идеологии и взывать к авторитетам Ленина и Маркса, в грош их не ставя. Да, катары действительно называли себя «истинными христианами», но точно так же называли себя и манихеи в Римской империи; в других же странах они выдавали себя за «истинных зороастрийцев», «истинных буддистов» и т.п. И дело тут было не только в мимикрии. Мани объявил себя последним из божественных посланцев, каковыми он считал Заратустру, Будду и Христа. Манихеи утверждали, что только они сохранили некую изначальную истину, утраченную и искаженную всеми прочими религиями, так что они могли вполне искренне выдавать себя за истинных представителей любой религии.

Это верно, что термин «манихейство» издавна применялся как порочащий идеологический ярлык, как у нас в 30-х годах прошлого века «троцкизм», и если инквизиторы называли катаров «манихеями», это еще не значит, что те на самом деле таковыми были. В Болгарии в ту же эпоху богомилство тоже клеймили как «манихейскую ересь».

Точный ответ на вопрос о связях катаризма с манихейством может дать только внимательное сравнение этих религий. К сожалению, Р. Нелли в этом вопросе путался. Так, говоря о системе радикальных дуалистов, он подчеркивал, что она вдохновлялась скорее, даже если это не было результатом прямой филиации, темами древнего манихейства и потому только она являлась оригинальной и имела черты, абсолютно несводимые к католической ортодоксии, но пару страниц спустя оговаривает, что идеологический фон, на котором возникла эта ересь, был не манихейским дуализмом, а христианством католических теологов. (René Nelli. *La philosophie du catharisme*. Payot. 1975. PP. 7–8, 10). Никто и не спорит: фон был именно такой, но каким образом на этом фоне возникла религиозная система, несводимая, по словам Нелли, к этому «фону», для него так и осталось загадкой.

Р. Нелли терзался противоречивыми мыслями. То он говорил о противоположности катаризма христианству, то

пытался объяснить эту противоположность, исходя из самого христианства (в книге «Катары»); то прибегал к типично «диалектической» уловке, объявляя катаризм «промежуточной доктриной» между монизмом св. Августина и манихейским дуализмом (*La philosophie du catharisme*, p. 69).

Шатания Р. Нелли привели к тому, что школа Ж. Дювернуа — А. Бренон выбросила за борт все, что было наиболее ценного в его работах. Ж. Дювернуа, который сам раньше называл веру в два начала основой катарской догмы, позже стал доказывать, будто онтологический дуализм является одной из наименее характерных черт катаризма, будто дуалистические теории катарских идеологов были всего лишь «схоластическими упражнениями», «играми толкователей» (J. Duvernoy, цит. сог. С. 363—363). А. Бренон называет катарский дуализм не иначе как «пресловутым» (журнал «Heresis», № 24, июнь 1995, С. 33). И это при том что работа Р. Нелли «Философия катаризма» имела подзаголовок «Радикальный дуализм в XIII веке» (в новом издании лжеученики Нелли, наверное, заменят «радикальный» на «пресловутый»); и это при том что Р. Нелли считал в катаризме единственно оригинальной только радикальную дуалистическую систему, которая, кстати, была больше распространена, чем так называемый «умеренный дуализм»; и это при том что в обоих списках прегрешений боснийских катаров, относящихся к XIV—XV векам, которые Ж. Дювернуа приводит на с. 352—354 своей книги «Религия катаров», вера в двух богов стоит на первом месте; и это при том что инквизиторы излагали суть учения катаров следующим образом:

«Есть два начала от века, доброе и злое». «Этот мир и все, что в нем есть, — творение злого бога». «Есть два начала без начала и без конца. Одно из них — Бог Света, отец Христа, второе — Князь мира сего, Бог Тьмы. Последний создал четыре видимых стихии, видимое небо и все, что его украшает, то есть солнце, луну и звезды». Мир же доброго Бога невидим. При этом злой Бог не был сотворен ни добрым Богом, ни кем бы то ни было другим, он сам по себе есть и всегда был».

Эти цитаты приведены в латинском оригинале на стр. 44–45 и 47 сборника «*La religion des cathares*» (Uppsala, 1949). Налицо манихейский (зороастрийский в основе своей) абсолютный дуализм двух вечных начал, противоположный гностической теории падения, а также христианскому мифу о Сатане, восставшем против Бога, в который верили и умеренные дуалисты. Р. Нелли писал, что в катаризме Злое начало не совпадало абсолютно с материей, и в этом якобы отличие катаризма от древнего манихейства (*Les Cathares*, p. 122). Но за манихейством этого греха не числилось. По учению Мани, мир создан с участием Доброго начала. Таким образом, Мани, первоначально находившийся под влиянием гностицизма, вернулся к зороастрийскому взгляду на мир как на сферу смешения Добра и Зла. Как отмечала Симона Петреман, «с манихейством божественное начало вернулось в мир, оно уже не только в человеческой душе, но и в растениях, в свете, во всей природе» (*S. Petrement. Essai sur le dualisme chez Platon, les Gnostiques et les Manichéens. Paris. 1947. p. 271*). Для манихеев был характерен «панпсихизм»: они учили, что душа живая, связанный материей свет, содержится во всем живом, что есть в мире (Кефалайя. Коптский манихейский трактат. М., 1998. С. 397, 401). Катарский же образ мира сего, целиком объявленного творением злого начала, выглядит совершенно не по-манихейски, так что можно сказать, что в катаризме своеобразно сочетались манихейский абсолютный дуализм и гностическое негативное отношение к материальному миру в целом.

Р. Нелли доказывал также, что для катаров два начала были принципиально неравны по своей природе и значимости (*Les Cathares. P. 79*), но в другом месте той же его книги (на с. 132) мы читаем, что у манихеев они тоже были неравны: в конце времен Зло будет изолировано и лишено возможности вредить.

Главной чертой катаризма школа Дювернуа–Бренон объявляет не дуализм, а докетизм, но в последнем нет ничего оригинального: он был и у гностиков, и у манихеев, хотя Е.Б. Смагина в комментариях к книге «Кефалайя» (с. 304) до-

казывает, что манихейский докетизм был вторичным и позднейшим явлением. Да, катары считали, что явление Христа было одной лишь видимостью, но если что на самом деле представляет собой одну лишь видимость, так это аргументация школы Дювернуа—Бренон в пользу докетизма как главной черты катаризма.

Еще один важный момент — связь между катаризмом и богомилством. Эту связь отрицает, например, французский медиевист Жан-Луи Биже, который думает, будто значение этой связи преувеличивается историками Балканских стран, которыми движет их «славянский национализм» (журнал «Heresis», № 24, июнь 1995. С. 95). В отличие от него Р. Нелли не сомневался в том, что богомилство было основой южно-французского и итальянского катаризма (*La philosophie du catharisme*. P. 67). Да и смешно отрицать эту связь, когда хорошо известна та руководящая роль, которую играл богомилский патриарх Никита на знаменитом катарском соборе, состоявшемся в 1167 году в замке Сен-Феликс-де-Караман близ Тулузы. Никита представлял так называемую Драговицкую церковь, якобы основанную самим Мани и стоявшую на позициях абсолютного дуализма. Западные историки измучились, пытаясь объяснить название этой церкви, а ларчик открывался просто: речь идет о хорошо нам известном племени дреговичей. Каким-то образом часть этого племени зашла далеко на юг и оказалась в районе Салоник (О.Н. Трубачев. В поисках единства. М., 1992. С. 101—103).

Западным историкам вроде Биже не стоит высокомерно отрицать влияние славянских народов на религиозную жизнь Запада. Не случайно во Франции надолго утвердился термин «болгарская ересь». По обвинению в ней 13 мая 1239 г. на холме Монт-Эме в Шампани сожгли 183 еретиков. С этого холма Александр I наблюдал в 1815 году за устроенным им почему-то именно в этом месте парадом русских войск. И даже тамплиеров при Филиппе Красивом тоже обвинили в «болгарской ереси».

Когда с катаризмом во Франции и в Италии расправились, его цитаделью еще долго оставалась Босния. Считалось, что

именно в Боснии находился главный штаб ереси во главе с катарским антипапой (Г.-Ч. Ли. История инквизиции в Средние века». С. 553). Катаризм продержался здесь до середины XV века, когда правители Боснии в поисках защиты от турецкого нашествия обратились за помощью к Западу и стали подавлять ересь. От турок их это не спасло, а боснийские катары потом дружно обратились в боснийских мусульман.

Жан-Пьер Картье видит в катарском Лангедоке «целую цивилизацию, которая была приговорена к смерти, несомненно, по той причине, что она появилась слишком рано и намного опередила свое время. Пришлось ждать Ренессанса, чтобы увидеть ее возникшей вновь, в иной форме» (Jean-Pierre Cartier. Histoire de la croisade contre les Albigeois. Paris. 1968. p. 51). Это мнение разделял и Рене Нелли, судя по первой части его книги «Катары», но из его заключения к этой книге можно сделать вывод, что он считал «преждевременной» и катарскую религию. Ее тогда задавили, но миру все равно не отвертеться от решения дилеммы: либо мирозданием правит некий «бог-чудовище», первоисточник всех несчастий и катастроф, либо в нем действуют разные начала, между которыми нет никакой «гармонии», а есть только борьба не на жизнь, а на смерть.

*А. Иванов.
22 июня 2004 г.*

Биографическая справка

Рене Нелли родился в Каркассонне 10 февраля 1906 года. В возрасте десяти лет потерял мать. Затем последовали беззаботные годы учения в городском лицее, где его учитель философии Клод Эстев, своего рода «лангедокский Сократ», представил его поэту Жозе Буске. Это была встреча, определившая его жизнь. Благодаря Буске Нелли познакомился с целым рядом местных знаменитостей. Позже он, будучи интерном, учился в лицее Людовика Великого в Париже. Там

он встретился с такими известными впоследствии людьми, как Мерло-Понти, Бразильяк, Роже Вайян. После лица он был свободным слушателем Сорбонны, где стал лицензиатом по литературе, а позже, в Тулузе, лицензиатом по философии.

В 1928 году он учредил в Каркассонне вместе с Ж. Буске и К. Эстевом журнал «Шантье» («Стройка»). В эти годы он встречался с Андре Бретоном и Полем Элюаром, увлекался марксизмом и сюрреализмом.

С 1931 года преподавал последовательно на литературном факультете Загребского университета (Югославия), потом в лицеях городов Мобёж (департамент Нор) и Кастельнодари (департамент Од), пока не получил, наконец, в 1936 году назначение в своем родном городе.

Всегда оставаясь близким к Ж. Буске, он сотрудничал в журнале «Кайе дю Сюд» и участвовал в эстетических и поэтических изысканиях Каркассоннской группы (Буске, Эстев и др.), а также в журнале «Фольклор» и опубликовал сборник стихов «Третья любовь» в издательстве Деноэль. Будучи мобилизованным в 1939 году, он вернулся домой в августе 1940 года. Он продолжил дело заболевшего Буске, и тут его пути пересеклись с такими людьми, как Жюльен Бенда, Луи Арагон, Эльза Триоле, Анри Ланг и Симона Вейль. В 1943 году был выпущен коллективный сборник «Гений Лангедока и средиземноморский человек», который был воспринят как событие, как гимн окситанской культуре и замаскированный протест против нацистского варварства.

После освобождения Франции Нелли был секретарем Комитета интеллигенции департамента Од, который возглавлял Ж. Буске. Вместе с рядом других деятелей он основал в Тулузе Институт окситанских исследований. В октябре 1945 года Нелли женился на поэтессе Сюзетте Рамон.

С 1947 года Нелли — хранитель музея изящных искусств в Каркассонне и его представитель в Парижском музее народных искусств и традиций. Он создал лабораторию региональной этнографии в Тулузе и четверть века читал на литературном факультете Тулузского университета курс этнографии Франции.

В 1963 году его докторская диссертация «Эротика трубадуров» была опубликована издательством Прива. Четыре года спустя Иельский университет (США) пригласил его вести курс филологии и истории литературы. В 1968 году правительство Болгарии пригласило его изучить на месте пережитки богомилства.

Рене Нелли умер от рака 10 марта 1982 года.

Его перу принадлежат 80 книг и более 200 статей и стихотворений, опубликованных с 1923 по 1980 г., большей частью в журналах «Шентье» (1928–1930), «Фольклор» и «Кайе дю Сюд», в котором он сотрудничал с 1936 по 1966 г., когда вышел его последний номер.

А. Иванов

Произведения Рене Нелли

Поэзия: «Оружие доблести» (на окситанском языке). Изд. ИЕО, 1952.

Эротология: «Любовь и мифы сердца». Изд. Ашетт, 1952.

«Эротика трубадуров», премия Французской академии. Изд. Прива, 1963 и 1974.

«Эротика и цивилизация». Изд. Вебер, 1972.

Ересиология: «Катарские произведения». Изд. Деноэль, 1959; Планет, 1968.

«Феномен катаров». Изд. Прива и PVF, 1964, 1967.

«Повседневная жизнь лангедокских катаров в XIII веке», премия Французской академии. Изд. Ашетт, 1969.

Окситанская культура: «Трубадуры» (в соавторстве с Рене Лаво). Изд. Декле де Брувер, 1960–1965.

«Окситанская поэзия» (на двух языках). Изд. Сегерс, 1972.

«Окситания: что же это такое, в конце концов?». Изд. Прива, 1978.

Кроме того, Р. Нелли написал биографию своего учителя: «Жоэ Боске, его жизнь и творчество». Изд. Альбен-Мишель, 1975.

*Данные взяты из журнала «Пэи катар» № 2,
март – апрель 1997 г.*

Примечания переводчика

1. Богомилство — дуалистическое вероучение, названное так согласно «Слову святого Козьмы пресвитера на еретики препрение», одному из основных источников знаний о богомилском учении, по имени своего основоположника попа Богомила. З. Ольденбург считает, что «Богомил» могло быть также или прозвищем основателя учения, или именем, обозначающим некий символический персонаж, которое позже стало восприниматься как принадлежащее реальному человеку. Богомилы объясняли смешение в мире добра и зла наличием, еще до появления видимого мира, двух противоположных начал, доброго и злого, олицетворенных в виде доброго Бога, Творца невидимого мира, и злого Духа, Люцифера или Сатанаила, создателя видимого чувственного мира. Умеренные богомилы считали Сатанаила старшим сыном Небесного Отца, отпавшим от Него вместе с другими низшими духами и низвергнутым за это с неба. Его заменил у Отца младший Сын — Слово, Иисус Христос. Сатанаил устроил невидимую еще, покрытую водой землю и придал ей тот вид, в котором она предстала перед первым человеком. Тело человека тоже создал Сатанаил, но не смог одушевить его. Душу дал человеку Небесный Отец после того, как Сатанаил согласился властвовать лишь над телами первого человека и его потомства, а души предоставить Богу для восполнения поредевших ангельских чинов. Но Сатанаил нарушил свое обещание, и под видом змеи вступил в связь с Евой и произвел на свет злых Каина и сестру его Каломену. Когда же Ева родила от Адама Авеля, Каин убил брата. И с тех пор духовные дети Сатанаила преследовали и истребляли духовных сыновей Божиих (их было немного, все они упомянуты в родословии Евангелия от Матвея). Весь период Ветхого Завета человечество находилось под злобной властью Сатанаила, который насылал на людей то потоп, то столпотворение, то закон Моисеев. Наконец бедствия людей переполнили чашу терпения Небесного Отца, и он послал с неба на землю Своего второго Сына для борьбы с Сатанаилом и спа-

сения людей. Сын-Слово вселился через ухо в утробу Девы (или в одного из ангелов, Марию), родился, жил и умер на кресте как видимый, телесный человек, но его телесность и все, с ней связанное, было только кажущимся (докетизм). Христос победил Сатанаила, отнял у него божественность, связанную со слогом «ил», и заключил теперь уже просто злого духа Сатану в преисподнюю. Человеческому роду, избавленному отныне от непосредственной власти Сатаны, предоставилась возможность войти во врата Небесного Царства, если люди сумеют побороть оставшиеся в них следы зла и склонность к нему и станут достойны своего небесного призвания. Завершив свою миссию, Христос-Слово возвратился на небо к Отцу и сел рядом с Ним (или растворился в нем). Были и другие версии космогонии и космологии богомилов. Вопрос о происхождении богомильства, сложный и неясный в подробностях, в общих чертах считается решенным. Его относительно далекие корни – мистические учения гностицизма и манихейства, переработанные в III в. Павлом Самосатским и обновленные павликианами, уже представлявшими собой организованную группу, в Коммагенах на Евфрате в конце VII в. Приверженцы павликиан встречались среди греков и армян до XIX в. Малоазиатские павликиане, которых византийские императоры (Константин Копроним в VIII в., Феофил в IX в., Иоанн Цимисхий в X в.) неоднократно переселяли на границы Болгарии, у Адрианополя и Филиппополя, распространили павликианство как в самой Византии, так и в Болгарии, главным образом среди простого народа. Кроме того, в X в. в монастырях Византии было сильно распространено умеренно дуалистическое месалианство, или евхитство. При царе Петре в Болгарии уже было много не только сторонников богомильства, но и исповедников-мучеников. Вероятно, богомилы были особенно многочисленны в Македонии, чем можно объяснить именно македонские восстания против царя Петра и его правительства. Полагают, что здесь сложилась «болгарская церковь» богомилов, представлявшая умеренный дуализм (некоторые помещают ее в придунайскую Болгарию), в то время

как во Фракии укоренился абсолютный дуализм «церкви Драговицкой». Несмотря на гонения, число приверженцев богомилства росло с непостижимой быстротой. Многочисленные эмиссары рассылались по всей территории Средиземноморья. Особенно прочно обосновались богомилы в Боснии, где продержались вплоть до вторжения турок в XV в.

2. Вот что сообщают о Пейре Карденале (ок. 1205–1272) старопровансальские «Жизнеописания трубадуров» XIII–XIV вв.: «Пейре Карденаль родом был из Велэ, из местечка Пюи Санта Мария, и происходил из семьи достойной и славной: отец его был рыцарь, а мать благородная дама. Еще младенцем отдал его отец в монастырь тамошний самый большой, где он наукам обучился и хорошо мог петь и читать. Когда же он вырос, то, чувствуя себя юным, прекрасным и веселым, поддался влечению к мирской суете. Множество сложил он прекрасных песен на достойные темы, слагал он и кансоны*, но редко, а более же всего отличные сирвенты, в каковых, если их должным образом понимать**, он излагает весьма примечательные сюжеты и дает много отличных примеров, ибо в них весьма обличает он безумие века сего и сурово корит недостойных клириков» (Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. С. 165). Но эти «Жизнеописания...», написанные, по-видимому, в эпоху Альбигойских войн, и поэтому весьма «политкорректные», не упоминают о том, что Пейре Карденала по справедливости можно было бы назвать певцом лангедокского сопротивления.

3. Лойтард, крестьянин из деревни Вертю в Шампани, в 1000 г. был уличен в распространении антицерковного учения, очевидно манихейского происхождения; говорят, что, когда его положения были опровергнуты епископом Либурнием, он утопился в колодце. Но замок Монт-Вимер, распо-

*У ранних трубадуров принят был термин *vers*, в отличие от более позднего наименования *chanso*. Термин *vers* (который здесь переведен как песня) восходит к лат. *versus* — жанру литургической поэзии на латинском языке.

** Религиозной поэзии Пейре Карденала свойственны элементы эзотеризма.

ложенный неподалеку от Вертю, еще долгое время оставался центром ереси.

4. Раймон VI Тулузский (1156–1222) входил в число наиболее могущественных христианских государей того времени и принадлежал к одному из самых знаменитых родов, существовавших в Европе. Графы Тулузские из рода Раймондинов, или Сен-Жилей, вели происхождение от некоего Фульгуальда, каролингского чиновника, имя которого упоминается в середине IX века, в эпоху Карла Лысого. Вторым сыном Фульгуальда был Раймон I. С течением времени домены Раймондинов были разделены между различными ветвями этого дома. Это разделение продолжалось до тех пор, пока на трон не взошел Раймон IV де Сен-Жиль (ок. 1041–1105), ставший одним из предводителей Первого Крестового похода (1096–1099). Он сосредоточил в своих руках все земли своих предков и присоединил к ним полученный от жены Прованский маркизат. Раймон V (1134–1194) был женат на Констанции, дочери короля Франции Людовика VI Толстого, от которой и родился Раймон VI. Когда он в 1194 г. стал графом, Тулузское государство было обширным и мощным более чем когда бы то ни было. Раймон VI пять раз был женат. Одной из его жен стала Жанна Английская, дочь Генриха II Плантагенета и Альеноры Аквитанской, сестра Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного, мать Раймона VII, последнего в роду.

5. После государства Раймондинов транкавельский домен являлся самым большим владением Юга и ориентировался в основном на Арагонское королевство, которому принадлежали не только Каталония и Руссильон, но и часть Прованса и даже Монпелье. В течение XII в. между двумя домами бывали и длительные войны, и периоды примирения. Несмотря на то, что эти дома соединяли частые браки, мира не получалось, поскольку Раймондины стремились достичь единства своего государства за счет Транкавелей.

6. «Каденет сын был бедного рыцаря родом из Прованса, из замка под названием Каденет, что в графстве Форкалькьер на берегу Дюрансы. Еще во младенчестве его, замок этот

Каденет был разорен и разрушен людьми графа Тулузского*, а жители убиты и взяты в плен. Был и он увезен в Тулузу рыцарем по имени Гильем де Лантар, каковой его воспитал и оставил в своем доме. И вырос он ладным, красивым и куртуазным, мог хорошо петь и вести беседу и выучился слагать стихи и сирвенты. И вот, покинув воспитавшего его сеньора, сделался он жонглером** и пошел странствовать по куртуазным дворам, взяв себе прозвище «Любимчик». Долгое время скитался он пешим по свету, и счастье ему не улыбалось. Но вот пришел он в Прованс, где его никто не знал, и, взяв имя Каденет, стал слагать добрые и прекрасные кансоны. И эн Раймон Леуджьер де Досфрайрес из епископата Ницейского принял его с почетом и снаряжение ему пожаловал; чтил его и эн Блакац, делавший ему много добра. Долгое время жил он счастливо и в почете, а под конец поступил в монастырь ордена Госпитальеров и умер монахом» (Жизнеописания трубадуров, М.: Наука, 1993. С. 232).

7. Король развратников, разбойничий король — так называли командира французских наемников, рутьеров, самой свирепой и бесстрашной части Христова воинства. Рутьеры составляли один из важнейших элементов средневековой армии и широко использовались и в регулярных действиях, и при осадах. Это были бандиты, причем бандиты профессиональные, не знающие ни Бога, ни закона, ни жалости, ни страха. Своих нанимателей-баронов они зачастую просто шантажировали, угрожая напасть на их земли за неуплату жалованья в срок. Во время войн они грабили побежденные территории, и победы нередко завершались драками за добычу между рыцарями и разбойниками. Эти босые, оборванные, плохо вооруженные банды, признающие лишь своих командиров, формировались по большей части из пришлого люда, чужого в тех краях, где велись боевые действия, и

* Между 1166 и 1176 гг. в ходе войны между Альфонсом II Арагонским и графом Тулузским.

** Жонглер — профессиональный исполнитель песен трубадура; нередко жонглеры сами становились трубадурами.

имели с военной точки зрения два больших преимущества. Во-первых, они были известны своим абсолютным презрением к смерти, терять им было нечего. Во-вторых, ими не жалко было жертвовать. Поэтому именно из них формировались ударные батальоны. «У мирного населения они вызывали безграничный ужас: эти безбожники устраивали оргии в церквах, издевались над образами святых. Не удовлетворяясь грабежами и насилиями, они резали и мучили просто так, удовольствия ради, развлекались поджариванием детей на медленном огне или расчленением трупов» (З. Ольденбург Костер Монсеюра. М., 2001. С. 99). Хотя армия крестоносцев и считалась армией Господа, услугами рутьеров не брезговала и она.

8. Этот день, 22 июля, день святой Марии Магдалины, ставший одним из самых трагических за весь крестовый поход, начался почти беззаботно. И осажденные, и осаждающие были уверены, что все опасности еще впереди. Гарнизон строил оборонительные сооружения. Командиры крестоносцев и рыцари держали совет относительно штурма, которые предполагался не раньше чем через день или два; солдаты собирались завтракать. В это время отряд из гарнизона предпринял вылазку за ворота. Гильом Тюдельский, автор первой части «Песни об Альбигойском крестовом походе» [см. прим. 9], с негодованием пишет о безрассудстве этих людей: «О, какую плохую службу сослужил городу тот, кто надоумил их выскочить среди бела дня! Да и как было знать, что натворят эти олухи, эти дубины стоеросовые: под знаменами из белого полотна они ринулись вперед, голося что есть мочи и думая, что очень напугают противника, как пугают они птиц на овсяном поле. Они гикали, улюлюкали и размахивали знаменами так, что утро посветлело!» Насмешники приблизились к лагерю пилигримов, один из французов выбежал на мост ответить на их подначивания и был убит, завязалась потасовка. Подобные вылазки, мелкие стычки, взаимные насмешки и подначивания часто предваряли в ту эпоху серьезные сражения и редко приводили к серьезным последствиям. Но в этот раз командир рутьеров, быст-

ро оценив выгодность ситуации, определил исход осады. Разбойничий король выкликнул сигнал в атаку. Рутьеры бросились вперед, тесня горожан к городским воротам. «Их было, — сообщает Гильом Тюдельский, — более пятнадцати тысяч, все босые, в одних рубахах, вооруженные только палицами». Пятнадцать тысяч — это, конечно, преувеличение, но горожан в любом случае было меньше, и спастись они могли только бегством. Неистовая толпа улюлюкающих рутьеров достигла ворот одновременно с отступавшим отрядом. Они снесли ворота, а основная часть армии, едва успев вооружиться надлежащим образом, ринулась на штурм. Прежде чем гарнизон успел опомниться, вся армия была уже у стен города, а бандь рутьеров бежали по улицам, сея вокруг себя ужас.

9. Здесь и далее цитируется «Песнь об Альбигойском крестовом походе» — выдающийся памятник провансальской литературы первой четверти XIII в. Это произведение является уникальным историческим источником, поскольку соединяет в себе историческую достоверность с художественным отражением событий тех далеких лет. Два автора «Песни» принадлежат к противоположным лагерям: создатель первой части (12 песен), Гильом Тюдельский — поборник католицизма; автор второй части (в два раза более пространной) — пламенный окситанский патриот. Несмотря на различие своих политических симпатий, оба автора старались сохранять объективность изложения, что подтверждается документами эпохи и свидетельствами хронистов. Выбор поэтической формы для почти документального повествования укладывается в традиционные рамки окситанской поэзии, в которой получил широкое распространение жанр сирвенты — песни, построенной по модели любовной кансоны, но посвященной вопросам политики, религии или морали. Общий объем «Песни об Альбигойском крестовом походе» равен 9578 стихам, они разделены на 214 неравных лесс (строфы, варьирующиеся по длине от 15 до 85 строк и объединенные единой рифмой). Начальные 131 лесса принадлежат перу клирика Гильома из Тюделя (города в испанской части Наварры), который последовательно излагает события 1208–1213 годов, начиная

с диспутов между посланцами папы и священниками-катарами и до печально знаменитой битвы при Мюре. Хотя Гильом не испытывает сочувствия к еретикам и не сомневается в правоте крестоносцев, однако он осуждает массовое истребление южан. Второй автор, имя которого осталось неизвестным, продолжает излагать события вплоть до июня 1219 года, когда принц Людовик (будущий Людовик VIII) начинает поход на Тулузу во главе крестоносного войска. Споры о личности этого автора, ярого сторонника графов Тулузских, не затихают и поныне. Для безымянного поэта армия Монфора является не защитницей веры, а ордой завоевателей.

10. И для католиков, и для еретиков последним убежищем оказались церкви. Те, кто успел выбежать из домов, куда врывались рутьеры, бежали к городским церквям: к собору Сен-Назэр, к большой церкви святой Магдалины и церкви святого Иуды, — надеясь укрыться там до конца штурма. Но спасения не было нигде. Ворота церквей брали с бою, и все, кто там находился, оказывались в ловушке; их резали всех подряд: женщин, грудных детей, священников с распятиями в руках. Петр Сернейский* утверждает, что только в церкви святой Магдалины вырезали более семи тысяч человек. Едва ли церковь могла вместить такое количество народа, но все свидетели утверждают, что резня была поголовной. Согласно Цезарю Гейстербаху, когда некий барон спросил у Арно Амальрика: «Как же мы узнаем еретиков?» — тот ответил: «Убивайте всех! Господь узнает своих».

11. «Гильем Фигейра родом был из Тулузы, сын портного и сам портной. Когда французы овладели Тулузой, бежал он в Ломбардию. Пел он хорошо и владел трубадурским искусством и стал городским жонглером. Не из тех он был, кому по нутру подвизаться в высшем обществе среди знатных сеньоров, зато очень нравился он шлюхам, девушкам публичным и владельцам таверн**. Завидев, что туда,

* Петр Сернейский — цистерцианский монах, историк Альбигойского крестового похода.

** Очевидно, нелестная характеристика трубадура объясняется политическими и конфессиональными симпатиями автора жизнеописания.

где он находится, идет какой-нибудь придворный, он мрачнел, досадовал и старался его принизить, превознося какую-нибудь гулящую девку» (Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. С. 198).

12. «Раймон де Мираваль родом был бедный рыцарь из Каркассонна. Владел он четвертой частью замка Мираваль, а весь замок вмещал человек не более сорока. Однако ради трубадурского художества, коим он владел превосходно, и словесного дара его, ибо знал он немало изящных разных историй о любви, об ухаживании куртуазном и о речах и деяниях достопамятных влюбленных, — ради всего того был он в чести и почете у графа Тулузского, с коим прозвали они друг друга «Аудьярт»*. И граф его жаловал платьями, лошадьми и оружием, по нуждам его. И был он к графу и всему дому его весьма приближен, а также к королю Пейре Арагонскому, виконту Безье и к эн Бертрану де Сэссаку**. И не было во всех тех пределах дамы, сколько-нибудь знатной или благородной, какая добиться бы не старалась внимания его и к себе привлечь не стремилась, ибо более, нежели кто иной, умел он дам восхвалять и славить, так что ни одна не могла похвалиться честью, ежели Раймон де Мираваль не был ее другом. Множество раз бывал он влюблен и множество сложил добрых кансон, однако никто не думал, чтобы он хоть от одной дамы вкусил услады по любовному праву, ибо все они обманывали его. Дни свои скончал в Лериде он, в цистерцианского ордена монастыре Святой Клары» (Жизнеописания трубадуров, М.: Наука, 1993. С. 177).

13. Автор «Песни об Альбигойском крестовом походе» утверждает, что виконт Безье был католиком. Но не надо забывать о том, что поэт писал в те времена, когда нельзя было высказаться открыто — среди множества персонажей «Песни...» нет ни одного еретика. «На самом же деле Раймон-Роже

* В куртуазной среде существовал обычай, согласно которому люди, связанные узами дружбы или побратимства, взаимно именовали друг друга условными именами — сеньялями.

** Представитель знатного каркассоннского дома, катар, опекун Раймона-Роже Транкавеля.

вырос в семье, где издавна поддерживали еретиков. Его отец, Роже II, настолько почитал катаров, что отдал сына на воспитание еретику Бертрану де Сэссаку. Его мать, Аделаида, сестра графа Тулузского, участвовала в обороне крепости Лавор от крестоносцев легата Генриха Альбанского. Его тетка, Беатриса Безьерская, вышедшая за графа Тулузского, удалилась в обитель совершенных. Воспитанный в среде, где весьма почитали катарскую церковь, юный Раймон-Роже был еретиком настолько, насколько им мог быть дворянин его круга: католик по обязанности и катар по сердцу» (З. Ольденбург. Костер Монсежюра. СПб., 2001. С. 116).

14. «Арнаут де Марейль происходил из епископата Перигорского, из замка под названием Марейль. Был он клирик, а роду простого. И так как наукой своей прожить он не мог, то и пошел по белу свету. Он хорошо владел трубадурским искусством и знал в нем толк. По воле судьбы и предназначению звезд попал он ко двору графини де Бурлац, дочери доблестного графа Раймона и супруги виконта де Безье, прозванного Тайлафер*. Этот эн Арнаут внешнею был весьма приятен, хорошо пел и умел вслух читать романы. Графиня весьма благоволила к нему и окружала его почетом. Он же полюбил ее и посвящал ей свои кансоны, но не осмелился ни ей, ни кому-либо другому признаться, что сам сочинял их, а говорил, что сложены они другим» (Жизнеописания трубадугов. М.: Наука, 1993. С. 26).

15. Все эти рыцари действительно были приговорены к повешению. За городом наспех приготовили виселицу. Первым подвели Эмерика де Монреалья. Когда его вздернули, столбы виселицы, неплотно вбитые, закачались и рухнули. Тогда Монфор приказал просто перерезать всех осужденных.

16. «Фолькет Марсельский был сын некоего генуэзского купца по имени мессер Альфонсо, который, скончавшись, оставил Фолькета весьма богатым человеком. Но тот боль-

* Речь идет об Аделаиде Тулузской, дочери графа Раймона V. происшедшей из замка Бурлац. Аделаиду воспевали многие трубадуры. В 1171 г. она вышла замуж за Роже II, виконта Безье и Каркассонна по прозванию Тайлафер. Мать Раймона-Роже Транкавеля.

ше ценил доблесть и славу и стал служить у достойных сеньоров и доблестных мужей, с ними сходясь и их одаривая в угоду им, и постоянно ездил туда-сюда. Был он весьма в чести у короля Ричарда*, у графа Раймона Тулузского** и у эн Барраля, сеньера Марсельского. В художестве трубадурском был он весьма искусен, и собой хорош. Ухаживал он за женой сеньора своего, эн Барраля, к ней обращал мольбы и кансоны слагал в ее честь. Но ни песнями, ни мольбами снискать благоволения ее он не мог, и не давала она ему никакой улады по любовному праву, оттого в песнях своих жалуется он беспрестанно на Амора. Но вот умерла дама и умер муж ее, эн Барраль, весьма его чтивший, и умерли добрый наш король Ричард, добрый наш граф Раймон Тулузский и король Альфонс Арагонский. И тогда, ради печали по даме своей и по князьям, каковых я поименовал, вышел он из мира и удалился в монастырь цистерцианского ордена. Жена же его и двое сыновей тоже постриглись в монахи. Был он назначен настоятелем богатого аббатства в Провансе под названием Торонет, затем епископом в Тулузе, где и умер» (Жизнеописания трубадуrows. М.: Наука, 1993. С. 220).

17. «Саварик де Маллеон, сын эн Рауля де Маллеона, был могущественный пуатевинский сеньор, владетель Маллеона, Тальмона, Фонтенэ, Шателайона, Буэ, Бенона, Сен-Мишель ан л'Арм, Иль-де-Рэ, Иль-д'Йе, Нестривы, Ангулема и многих иных отличных вотчин. Был он прекрасный рыцарь, сведущий в законах вежества, щедрее щедрых. Больше всех на свете ценил он любовь, турниры, песни и улады, придворные развлечения и трубадурское художество, ухаживание куртуазное и щедрые дары, верный был друг дамам и влюбленным, верней любого другого рыцаря, и более всего стремился к общению с достойными людьми, желая им угождать. И воин-то он был, какого свет не видывал, порой удачливый, а порой и не очень. И все войны, в которых он участвовал,

* Ричард Львиное Сердце (1155–1199) — сын Генриха II Плантагенета и Альеноры Аквитанской; по рождению граф Пуатье, с 1169 г. — граф Тулузский, в 1189-м, после смерти отца, унаследовал английскую корону.

** Раймон V.

велись против французского короля и его людей. И ежели бы кто пожелал записать все подвиги и добрые его дела, то книга составила бы пребоольшая, ибо в нем искренность и милосердие сочетались с добротой, и совершил он больше достойных деяний, чем знал я за кем-либо иным, а он лишь еще и еще их умножать стремился» (Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. С. 123).

18. Возможно, это и так. Однако преуменьшать огромную роль, которую играли в ту эпоху на куртуазном юге политические сирвенты, не стоит. Эзра Паунд сравнивает роль сирвенты с ролью, какую в современном обществе играют средства массовой информации – радио, печать, телевидение. Так, последнее разо Раймона де Миравалья утверждает, что король Педро Арагонский, получив песню Раймона Миравалья с ее концовкой, призывающей защитить графа Тулузского от северян-крестоносцев, «с тысячью рыцарей явился к графу Тулузскому, дабы ради той кансоны выполнить данное им обещание отвоевать потерянные графом земли. И ради той же кансоны был он убит при Мюре французами, и из тысячи бывших с ним рыцарей ни один не спасся».

19. Весть о смерти короля внесла в армейские ряды панику. Монфор неожиданно атаковал каталонцев с фланга, и они бросились бежать. Армия графа Тулузского, не получившая сигнала к бою, увидела волны каталонцев и арагонцев, в беспорядке отступавшие и переливавшиеся через позиции, и тоже пустилась в бегство. Пока кавалерия отступала, пехота из тулузского ополчения (около 40 000 человек) предприняла попытку штурма замка Мюре. Однако французская кавалерия, прекратив преследование отступавших, обрушилась на пехоту, и, разделив ее на части, погнала к Гаронне. Река в том месте была глубокая, течение быстрое, и многие из тех, кто пытался спастись от мечей крестоносцев, переплыв реку, утонули. Число порубанных и утонувших составило 15–20 тысяч, то есть половину всей пехоты. Среди тулузцев не было никого, кто не потерял бы в тот день родственника или друга. Когда битва закончилась, Симон де Монфор приказал отыскать тело короля, которое с большим трудом нашли

среди груды обезображенных и обнаженных тел (французская пехота уже раздела почти всех убитых). Монфор велел с честью похоронить короля и передал его тело госпитальерам. Те привезли его в Арагон и похоронили в Сиксенском монастыре. В 1555 году гробницу вскрывали; тело короля сохранилось, только нос был несколько поврежден. Сын Педро Арагонского, малолетний инфант Иаков, стал пленником Монфора, и потребовалось вмешательство папы для его освобождения. Мальчика взял на воспитание Вильгельм де Монтредон, магистр арагонских тамплиеров.

20. Раймон VI умер в июле (по другим источникам в августе) 1222 года. Чувствуя приближение смерти, он принял посвящение в орден госпитальеров. Однако умирал он отлученным от Церкви и был лишен соборования на смертном одре, несмотря на все свои мольбы. Согласно завещанию похоронить его должны были во владениях ордена, в госпитале святого Иоанна Иерусалимского. Однако госпитальеры не решились похоронить его без разрешения, и в течение многих лет гроб с его телом стоял при кладбищенском садике. Только спустя 25 лет Раймон VII добился того, чтобы папа Иннокентий IV назначил инквизиционную комиссию, имевшую целью исследовать жизнь отлученного и определить, заслуживает ли он христианского погребения. Комиссия допросила сто десять свидетелей, духовных и светских, лично знавших покойного и бывших с ним в более или менее близких отношениях. В ходе допросов оказалось, что этот «еретик» принадлежал к числу самых ревностных и религиозных католиков. Воюя с Монфором, он построил великолепный собор Святого Стефана. Никто во всех пределах тулузских владений не делал таких пожертвований монастырям, как он. Под его защитой в Тулузе утвердились первые минориты. За его столом ежедневно кормилось тринадцать бедных. В страстную пятницу он питался только хлебом и водой. Даже в походах его сопровождала капелла, и он ежедневно слушал мессу... Но Рим опять отказал в разрешении. Труп Раймона истлел без погребения, обезображенный, ограбленный, наполовину изъеденный крысами. Еще в XVI веке око-

Окситания

Мани. Объявил себя последним из божественных посланцев, каковыми он считал Заратустру, Будду и Христа

Манихейская миниатюра второй половины I тыс. Турфанский оазис (Восточный Туркестан)

neq̄ ex uoluntate unū. Et ex deo
 natū s̄. Et unū caro factū est.
 Et habitauit in nobis. Inuicimus
 gl̄a eius. gl̄a s̄i unigenitū op
 are. Plemi gratie et ueritatis.
 Ioh̄s testimoniū p̄bet de x̄p̄o. Et
 et clamabat dicens. hic est am
 b̄i. q̄ p̄os me ueritatis est. a
 re me factū est. q̄ p̄os me p̄p
 etur. Et d̄ plem̄ tudine eius n
 otōm̄. ecce p̄m̄ gr̄m̄ p̄m̄. q̄
 leu per moitē d̄m̄ est. gr̄m̄ e
 ūtū p̄m̄ in x̄m̄ facta est.

Et em
 uisur
 d̄m̄
 du. ed
 nar u
 ot. ed
 nar h
 x̄p̄na
 A m̄ de

ta gl̄ia p̄p̄t̄ s̄m̄. ex p̄o. e
 p̄cedēta. d̄m̄ h̄m̄ p̄p̄t̄ h̄
 gl̄ouem̄ s̄m̄ iudis. iudis. m̄
 d̄m̄ et h̄m̄ n̄d̄m̄ et h̄m̄

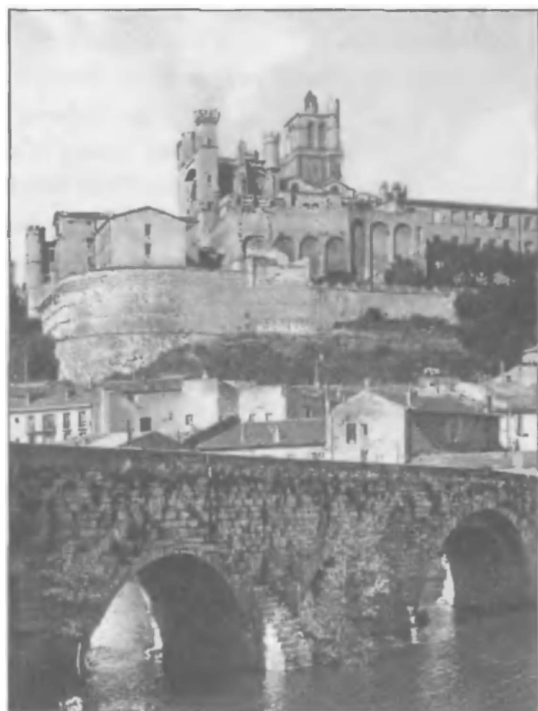
en. eērem m̄a acū. lauos que
 uos p̄p̄t̄ p̄m̄ lapore. s̄.
 d̄m̄ q̄nos p̄do.

Idozem den euangeliū tur
 y. I h̄m̄ p̄p̄t̄. clat n̄m̄ mo
 utat greus ofensio. d̄m̄ gar
 danū et p̄p̄t̄ eēf̄m̄. eēf̄m̄ oūq̄.
 s̄. eēf̄m̄. eēf̄m̄ oūq̄. s̄m̄ au
 āgeli. eēf̄m̄ oūq̄. s̄. p̄p̄t̄.
 P̄ la oū. epl̄at. epl̄a s̄m̄. d̄
 tur h̄m̄. p̄p̄t̄. p̄p̄t̄. e
 d̄m̄ uouant̄ durm̄ d̄m̄
 d̄m̄ s̄m̄ euangeliū eēf̄m̄. d̄m̄
 uos. s̄. s̄m̄ q̄nos p̄p̄t̄. m̄
 eā nos p̄p̄t̄. d̄m̄ p̄p̄t̄. d̄m̄
Qur mouet uos uos p̄p̄t̄
 car̄ est d̄m̄ nos ofēde am̄
 cadū. p̄m̄ eēf̄m̄. eēf̄m̄
 la. d̄m̄ eēf̄m̄. d̄m̄. d̄m̄
 uos eēf̄m̄ uos. eēf̄m̄ p̄
 la uos uos. la. d̄m̄ nos
 ap̄t̄. s̄m̄ d̄m̄ eēf̄m̄ en
 las car̄ que uos. s̄m̄
 re p̄p̄t̄ nobis. 1-1-1

M d̄m̄ ai cūla s̄m̄ p̄m̄
 d̄m̄, d̄m̄ nos eēf̄m̄ eēf̄m̄.

Альби. По названию этого города еретики Окситании получили название «альбигойцы»

Безье. Собор Сен-Назар

Муассак.
Здесь инквизиторы сожгли
двести десять человек в один день

Мо. На ассамблее в этом городе
были подготовлены предварительные условия
мирного договора, который граф Раймон Тулузский
подписал с Людовиком IX

Замок Керибю

Замок Пуилоран

Сернейское цистерцианское аббатство

Графиня де Диа

Ричард Львиное Сердце –
король и трубадур

Генрих II Плантагенет и Альенора Аквитанская.
Витраж собора в Пуатье

Раймон VI, граф Тулузский.
Изображение на монете

Раймон-Роже Транкавель.
Изображение на монете из Безье

Папа римский Иннокентий III

Катар на костре

Диспут святого Доминика
с Гильбером де Кастром в Фанжо

Дом святого Доминика в Фанжо

Авиньонет в Лорагэ. Здесь в 1242 году файдиты убили инквизиторов и сопровождавший их отряд

Авиньон. Сюда из Монсеюра в 1242 году отправилась карательная экспедиция, которая перебила бывших здесь проездом инквизиторов Тулузы

Минерв. Надпись гласит:
«Здесь 12 июля 1210 года 180 совершенных
умерли в пламени за катарскую ересь
и окситанскую независимость»

Осада Тулузы крестоносцами
во время Альбигойских войн

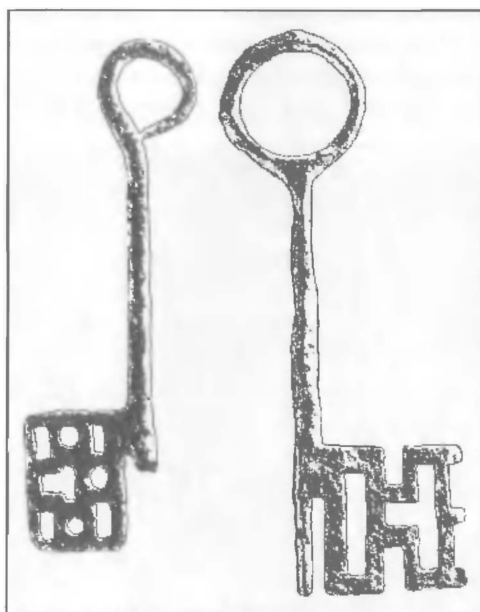
Симон де Монфор

Оммаж, принесенный
Симоном де Монфором
французскому королю
за южнофранцузские провинции

Монсегюр, последняя катарская крепость в Пиренеях,
павшая 16 марта 1244 года

Ключи от Монсегюра

Каркассон — один из центров заговоров буржуа и консулов против инквизиции в конце XIII века

Нарбонн

ло кладбища тулузских госпитальеров показывали деревянный ящик, в котором дотлевали его кости. «Череп сохранился неповрежденным, и современники видели на затылке его небольшую, но очень отчетливую лилию красноватого цвета, походившую очертаниями на лилию французского герба. Этот френологический признак в глазах наблюдателей служил предзнаменованием присоединения Лангедока к королевской короне Франции» (Н. Осокин. История альбигойцев и их времени. М., 2000. С. 483). Раймон-Роже, граф де Фуа, умер почти в одно время с Раймоном VI.

21. Здесь ошибка. Амори де Монфор покинул Лангедок в 1224 г., и обескровленная страна получила передышку, хотя угроза следующего крестового похода уже нависла над ее головой. В начале 1225 г. папа Гонорий III стал убеждать французского короля снова принять крест. Людовик VIII поставил ряд условий, основным из которых было: лишить владений графов Тулузских и Транкавелей и ввести короля во владение их доменами. 30 ноября 1225 года в Бурже был созван Собор, и 28 января 1226 года Раймон VII, граф де Фуа (Роже-Бернард II, сын Раймона-Роже) и виконт Безье были отлучены от Церкви. В это же время Амори де Монфор продал королю Франции свои права и титулы, и король стал легитимным хозяином Лангедока.

22. После смерти Людовика VIII трон перешел к его одиннадцатилетнему сыну, Людовику IX. Вдова Людовика VIII, Бланка Кастильская, ставшая регентшей при малолетнем короле, была наделена такой энергией и честолюбием, каких не было ни у ее супруга, ни у сына. В расприх со знатью — графами Ла Марш, Шампанским, Булонским и Бретонским — Бланка Кастильская нуждалась в деньгах и рассчитывала завладеть десятиной, выделенной Церковью на альбигойский поход. Прелаты, несмотря на гнев легата Ромена де Сент-Анжа, принявшего сторону королевы, платить отказались. Бланка Кастильская получила деньги только на подкрепление для сенешаля Юмбера де Божо, обосновавшегося в Каркассонне. Находясь под постоянной угрозой английского вторжения, регентша все же смогла удерживать в Лангедоке

отряды, достаточные для того, чтобы беспокоить противника непрерывными стычками и ослаблять его. Весной 1227 г. Юмбер де Божо получил подкрепление и взял замок Ла Бессед, перебил гарнизон и опустошил поля вокруг Тарна. На следующий год он начал с графства Фуа и взял замок Монтеш. Затем с новым подкреплением, присланным архиепископами Оша, Нарбонны, Бордо и Буржа, он двинулся на по-прежнему неприступную Тулузу. Теперь планом французов были не военные победы, а методичное, шаг за шагом, разорение страны. Крестоносцы приступили к систематическому разрушению окрестностей Тулузы. Встав лагерем к востоку от города, французы день за днем устраивали набеги на виноградники, зерновые посевы, фруктовые сады и, превратившись в «земледельцев наоборот», выкашивали поля, выкапывали виноградники, разрушали фермы и укрепленные здания. «По утрам, — пишет Гильом Пюилоранский, — крестоносцы слушали мессу, завтракали и отправлялись в путь с лучниками в авангарде. Они начинали крушить близлежащие виноградники в тот час, когда горожане едва просыпались; затем они поворачивали к лагерю, и каждый их шаг охраняли военные отряды. И так каждый день в течение трех месяцев, пока не опустошили все почти целиком». В 1228 г. граф Раймон VII все еще сопротивлялся, но его вернейшие вассалы, такие как братья Термесские и Сантюль д'Астарак, сложили оружие в страхе, что их земли постигнет та же участь, что и окрестности Тулузы. Столица оказалась под угрозой голода.

23. Инквизиция, как процедура, состоявшая в розыске еретиков и принуждении их признать свои заблуждения, существовала уже давно. Все епископы периодически производили эту процедуру, допрашивая и осуждая заподозренных в ереси. Декреты Соборов в Вероне, Латеране и Тулузе постоянно содержали учреждения инквизиций и вменяли розыск и наказание еретиков в обязанность не только епископам, но и светским властям. Однако создание подразделения церковных сановников, призванных заниматься исключительно инквизицией, носивших официальное звание инкви-

зителей и подчинявшихся напрямую папе, минуя епископа, впервые было предусмотрено только 20 апреля 1233 в циркуляре Григория IX, учреждающем особую инквизицию. Эта мера ставила – хотя и в пределах исполнения одной функции – простого монаха на одну ступеньку с епископом и даже в какой-то мере выше его. Исключительные права инквизитора не позволяли епископу ни отлучать его от Церкви, ни отстранять временно от должности, ни опротестовывать его решения, кроме как по специальному указанию папы.

24. Конечно, Лангедок никогда не был заселен одними еретиками, однако к 1229 году он стал поголовно антикатолическим, Церковь превратилась во врага нации. Парижский договор поставил Церковь на одну доску с королем Франции, а слово «француз» уже двадцать лет было синонимом бандита и грабителя. Именем Церкви и по ее приказу чужеземцы разрушали крепостные стены, оккупировали столицу и накладывали тяжелые подати, окончательно парализовавшие экономику измученной и опустошенной войной страны. Естественно, что в таких условиях большая часть населения симпатизировала катарам, а катарская церковь представлялась национальной Церковью. Представители местных властей открыто выступали против розыска и арестов еретиков. Многим из совершенных удавалось уходить от преследователей и пересекать страну из края в край, проповедуя и совершая обряд *consolamentum*. Однако после учреждения инквизиции преследование ереси в Лангедоке изменило форму и приобрело гораздо более суровый характер. Уже первые инквизиторы, назначенные в Тулузу – Пьер Селиа и Гильом Арно, – установили во всем графстве настоящий террор: страх преследований порождал такое количество доносов, что доминиканцы не справлялись с допросами. В Муассакке инквизиторы сожгли двести десять человек. Ужас населения перед этим чудовищным костром был так велик, что единственного обвиняемого, которому удалось бежать, спрятали в своей обители монахи из Бельперша. Впоследствии монастыри неоднократно становились убежищами для еретиков, поскольку не все монашеские ордена разделяли жестокость

доминиканцев. Но проповеди катаров по-прежнему имели успех, теперь у них не было недостатка в доказательствах дьявольской природы католической церкви. Хотя в период с 1230 по 1240 год множество катаров эмигрировали в Ломбардию, наиболее мужественные оставались в Лангедоке, рискуя жизнью, но не покидая свою паству. Ожидая лучших времен, они уходили в подполье. Ряды верующих постоянно пополнялись теми, кто считал катарскую церковь единственно приемлемой для организации сопротивления. Если раньше катаризм запрещал своим последователям любое убийство, то теперь считалось, что некоторые существа являются не падшими душами, проходящими путь наказания, а воплощениями сил зла, и убивать их не грешно. А в том, что инквизиторы и их приспешники относятся к подобным дьявольским созданиям, не вызывало у доведенных до отчаяния людей ни малейшего сомнения. Очевидно, что в первые годы инквизиции тайная жизнь катаров была отлично организована. Списки инквизиторов регистрируют разные категории пособников еретиков: *receptatores*, те, кто предоставлял совершенным гостеприимство, что было самым распространенным преступлением; *nunciï*, то есть связные, проводники и гонцы; *questores*, собиратели пожертвований; *depositarii*, хранители фондов. И чем яростнее становились гонения, тем больше укреплялись связи катаров со своей паствой.

25. Несмотря на то что жена графа была бесплодна уже двадцать лет, папа остерегался разрешать развод, который мог повредить интересам короля Франции. В конце концов, после двадцати лет брака, Раймон решил открыть, что его отец, Раймон VI, был одним из крестных отцов принцессы Сансии и что он женат на крестнице собственного отца. Он предоставил свидетелей, и брак был расторгнут.

26. Ни один из князей юга Европы не мог жениться без согласия папы, поскольку все знатные фамилии находились между собой в родственных связях. Раймон VII приходился родней дочерям Раймона-Беранже, графа Прованского, так как по иронии судьбы они были внучатыми племянницами

его разведенной супруги. Получить разрешение на брак казалось делом несложным, и король Яков I Арагонский был готов представлять графа Тулузского в Эксе на его бракосочетании с третьей дочерью графа Прованского Сансией. Однако свадьбе этой не суждено было состояться: папа Григорий IX 21 августа 1241 года умер, а у его преемника Целестина IV времени заниматься разрешением на брак не было, так как его понтификат длился всего несколько недель. После смерти Целестина IV в октябре 1241 года престол понтифика оставался вакантным в течение двадцати месяцев, и граф Прованский, рассудив, что опаздывающее решение может не прийти вовсе, выдал дочь за Ричарда, брата английского короля.

27. Ошибка автора. Со своей женой Сансией Арагонской Раймон уже развелся (см. прим. [25]). Маргарита де ла Марш и Раймон VII являлись родственниками в четвертом колене, ведя свое происхождение от Людовика VI Толстого. З. Ольденбург пишет, что разрешение на этот брак не было получено (З. Ольденбург. Костер Монсегиора. СПб., 2001. С. 308). Николай Осокин приводит другую информацию: Раймон VII все же женился на Маргарите, но брак с Беатрисой Прованской был ему более выгоден, посему, под предлогом вышеупомянутого родства в четвертом колене, граф Тулузский добился у папы Иннокентия IV расторжения брака с Маргаритой де ла Марш (Н. Осокин. История альбигойцев и их времени. М., 2000. С. 664–665).

28. «Эн Юк де Сент Сирк родом был из Керси, из городка под названием Тегра, и был он сын некоего бедного вассала по имени эн Арман де Сент Сирк, ибо Сент Сирк назывался замок, откуда тот был родом; замок этот, что у подножья Санта Мария де Рокамадур, во время одной из войн был разорен и разрушен. Было у Юка много старших братьев, как-вые, желая сделать его клириком*, отправили учиться в Монпелье. Но в то время, как они воображали, что он изучает

* Чтобы уменьшить число наследников-претендентов на долю в имении.

науки, он учил песни, кансоны, тенсоны, куплеты и сирвенты, а также деяния и речи благородных и достойных рыцарей и дам, живших в его время и в былые времена. Всеми этими овладев познаниями, стал он жонглером. И граф де Родес, и виконт Тюреннский, и добрый Дофин Овернский весьма возвысили его среди жонглеров, обмениваясь с ним стихами, прениями и строфами. Долгое время Юк провел в Гаскони, бедствуя и странствуя от двора ко двору то пешком, то верхом, пока не остался при дворе графини де Бенож, через каковую снискал дружбу эн Саварика де Маллеона, который пожаловал ему снаряжение и платье. Долгое время оставался он при нем в Пуатье и в соседних областях, затем в Каталонии, в Арагоне и в Испании при добром короле Альфонсе*, при короле Альфонсе Леонском и при Педро Арагонском**. Жил он также в Провансе у многих сеньоров, и в Ломбардии и в Марке. После того он женился и родились у него дети. Многому он у многих научился и познания свои охотно передавал другим. Слагал он песни отличные и куплеты на отличные напевы. Но что до кансон, то их он совсем не сочинял, ибо никогда не бывал сильно влюблен в какую-либо даму. Однако, умея вести ловкие речи, научился он изображать любовь к прекрасным дамам, и в песнях своих расписывать, что ему от них выпадало, причем и возвысить их умел, и принизить. Впрочем, после женитьбы своей он песни слагать перестал» (Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. С. 131–132).

29. Корба де Лантар была женой владельца замка, Раймона де Переллы. Он жил в замке с семьей: женой, двумя дочерьми и сыном. Сын Жордан, видимо, был еще ребенком, так как активного участия в обороне не принимал. Старшая дочь, Филиппа, вышла замуж за Пьера-Роже де Мирпуа, средняя, Арпаида, — за Гиро де Равата, а младшая, Эсклармонда, инвалид от рождения, посвятила себя Богу, как и ее мать, которая на рассвете последнего дня перемирия приняла

* Альфонсе VIII Кастильском (1158–1214).

** Альфонсе IX (1187–1230) и Педро II Арагонском (1196–1213).

consolamentum и взошла на костер. Мать Корбы де Лантар, Маркезия де Лантар, тоже была совершенной.

30. Пьер Отье был уроженцем Акс-ле-Терм, что расположен в глубине пиренейской долины Сабарте. Именно там находятся знаменитые пещеры Ломбрива, служившие убежищем последним катарам. Страна в то время была еще по большей части верна катарской церкви. Сам Пьер Отье принадлежал к семье, еретической по крайней мере с 1230 г. Однако, согласно рассказу инквизиторов, они с братом обратились в иную веру при обстоятельствах, напоминающих знаменитый роман о Варлааме и Иосафате: «Пьер и Гильем Отье были писцами, умели читать, у них были семьи и имущество. Однажды Пьер листал книгу. Внезапно пришел его брат, которому он подарил манускрипт, говоря, чтобы тот поразмыслил над каким-то отрывком. Гильем, прочитав его, заявил, что оба они теряют душу, живя такой жизнью. И Пьер воскликнул: “Ну, брат, пойдем и постараемся спасти наши души”. Сказав это, они все оставили и пошли в Ломбардию, где из них сделали добрых христиан. Потом они возвратились в Акс». Это произошло во время Великого поста 1298—1299 гг. С тех пор Пьер Отье беспрестанно бродил по стране вместе со своим братом, а позднее с сыном Жаком, повсюду проповедуя и совершая *consolamentum*. В 1300 г. его предал монах Гийом Дежан, но Отье был спасен своим племянником Раймоном из Родеза, доминиканцем в Памье, который был агентом еретиков. А предатель Дежан был через некоторое время сброшен в горное ущелье. В 1307 г. Пьера Отье стал яростно преследовать Бернар Ги, автор знаменитой «*Practica inquisitionem*», который в то время был инквизитором в Тулузе. Преданный Пьером де Люзенаком, бессовестным адвокатом, Добрый человек был арестован. Его осудили на Тулузском соборе инквизиторы Бернар Ги и Жоффрау д'Абли. «Если бы мне позволили проповедовать, я бы обратил весь народ в свою веру!» — воскликнул Отье, поднимаясь на костер.

31. Гильем Белибаст принял *consolamentum* от Пьера Отье в конце его апостольства. Позже бежал в Испанию, где вел

жизнь отверженного в горах Валенсии. Но агент епископа Памье Арно Сикр, или Байль, добрался и туда. Он завоевал доверие совершенного, поскольку принадлежал к старой катарской семье. Убеждая Белибаста возвратиться во Францию, Байль надеялся вернуть свое имущество, реквизированное инквизицией. Едва Добрый человек ступил на землю графства Фуа, как был арестован. Сожгли его в 1321 г. в Вильруже, близ Каркассона.

32. Учение Мани в общих чертах таково. Во вселенной извечно существуют два начала или две силы, которые абсолютно противоположны друг другу, никак между собой не связаны и ничего общего не имеют: Свет и Мрак. Свет первоначально представлял собой нерасторжимое единство. Его персонификация и активное начало – верховное божество, именуемое Отец величия, или Отец, Бог истины. Свет полностью благ и духовен, нематериален; его творения бессмертны и совершенны. Активное начало второй силы – Мрака – Материя. У порождений Мрака есть пять жилищ, а также миры Сухого и Влажного. Мрак лишен всякого блага и гармонии, полностью бездуховен, его творения безобразны, в жилищах его царит смерть. Силы Мрака извечно находились в борьбе друг с другом. Свет расположен в «высоте», Мрак – в нижней части вселенной, в «бездне». Первоначально Свет и Мрак не соприкасались и не смешивались: непреодолимая граница пролегла между ними. История мира началась с того момента, когда Материя посмотрела на Свет, позавидовала его красоте и пожелала захватить его. Тогда открылись пять жилищ Мрака и излились из них пять стихий: Дым, Огонь (Пожар), Ветер, Вода и Тьма. На почве миров Сухого и Влажного Материя стала выращивать из этих стихий пять видов деревьев. Узнав о замыслах Материи, Отец величия произвел свои божества, первые эманации: Мать жизни и Первочеловека. Материя же, вырастив пять видов деревьев, воплотилась в их плоды и дала им созреть. В это время Первочеловек отделил от себя пять своих эманаций, светлые стихии: Воздух, Огонь, Воду, Ветер и Свет, – которые должны были служить ему в предстоящей битве одеяниями – за

щитой от сил соответствующих пяти миров Мрака. Плоды пяти видов, выращенные Материей, упали на почву миров Сухого и Влажного и из них вышли пять видов архонтов, демонов Мрака. У каждого мира возник один верховный архонт, царь этого мира. Сильнейший из пяти – царь мира Дыма – правит остальными царями. Свои вожди были и у миров Сухого и Влажного. Материя со своими семью царями и двенадцатью слугами во главе всех демонов поднялась войной на Свет. Они захватили некоторую область Света и смешались с ним. Тогда Мать жизни и все светлые божества благословили Первочеловека на битву. Облачившись в пять светлых стихий, он спустился в захваченную Мраком область смешения и вступил с ним в бой. Стихиями своего Одеяния он связал стихии Мрака: Воздухом – Дым, Огнем – Пожар, Ветром – темный Ветер, Водой – темную Воду. Наступление врага было остановлено, но сам Первочеловек остался на поле брани безоружным. Тем временем Отец величия произвел еще одну эманацию – Дух живой (он же Отец жизни). Дух живой воззвал к Первочеловеку, который услышал его в бездне и дал ответ. Эти Зов и Слух стали самостоятельным двуединым божеством, которому предстоит сыграть важную эсхатологическую роль. Дух живой спустился на поле битвы и вынес обезоруженного Первочеловека в страну Света. Мрак был остановлен, побежден и связан, но на границе Света и Мрака осталась область смешения, в которой Свет в виде пяти стихий был раздроблен, связан и смешан с мраком. Пять плененных стихий страдали и плакали. Тогда Дух живой и Мать жизни спустились в область смешения и начали приводить ее в такой вид, чтобы стало возможным выделять из нее частицы света и возносить их вверх. Началось творение материального мира. В распоряжении божеств-творцов оказались суша, влага и пять смешанных стихий. Из тел архонтов была сотворена земля, поставленная посреди моря, над землей были установлены десять твердей, где связаны души архонтов и демонов. Под твердями Дух живой создал Колесо звезд, где вращаются связанные души архонтов, светясь светом разорванных ими Одеяний Первочеловека. Семь

царей миров Мрака стали пятью планетами и двумя «восходящими» (астрологические аналоги Солнца и Луны), двенадцать слуг Материи стали зодиакальными созвездиями; как цари сил Мрака они способны оказывать влияние на земные дела. Дух живой облачился в три Одеяния — Ветер, Воду и Свет, — затем снял их, омыл и опустил в бездну, куда по этим Переправам стали спускаться темный Ветер, темная Вода и Тьма. Воздух заполняет пространство между землей и твердями, очищаясь по мере восхождения, а Огонь окружает мир. От земли к небу были натянуты незримые «перепонки» — «лихмe», — по которым Воздух и ветер поднимаются вверх, а осадок в виде Дыма и темного Ветра спускается вниз. Кроме того, были установлены три Колеса, посредством которых Ветер, Вода и Огонь поднимаются вверх. Землю Дух живой окружил стеной Воды (морем), стеной Огня и Тьмы. После очищения стихий осадок, остаток темных сил, спускается в преисподнюю, или геенну. Так был сотворен материальный мир, который называют Пояс, или мир Пояса. Стражами над миром поставлены пять эманаций Духа живого: над всеми твердями стоит Светодержец, он же великий Строитель, и строит новый эон, куда должен вознестись очищенный свет; в седьмой тверди следит за восхождением света Царь чести; Адамант света сторожит архонтов Материи; Царь славы вращает три колеса стихий; Омофор держит землю и тверди. У каждого из пяти сынов Духа живого находятся в подчинении ангелы. Затем Отец величия послал вниз еще одну свою эманацию — Третьего Посланца, чтобы свет восходил из мира к нему. Третий Посланец явился Свету, чтобы тот устремился ввысь. Но Третьего Посланца увидел Материя и ее силы, которые захотели создать такое же прекрасное существо, чтобы оно стало их богом и защитой от врага. Материя взлетела вверх, пытаясь настичь Посланца, но безуспешно. Упав на землю, Материя породила дерево, из плодов которого вышли архонты двух полов и совокупались, пытаясь породить столь же прекрасное и лучезарное потомство, как Третий Посланец. Однако им удалось произвести на свет лишь ущербных недоношенных Выкиды-

шей. Эти порождения восстали и, захватив вместе с архонтами область, находящуюся под стражей Адаманта света, остановили восхождение Воды, Ветра и Огня. Сильнейший из Выкидышей, Сакла, собрал светоносное семя, отданное другими Выкидышами, и вместе со своей подругой сотворил Адама и Еву, вложив в них этот свет. Адам и Ева были дики и лишены знания о своей светлой душе. Соединившись с Евой, Сакла породил Каина и Авеля. Тогда Отец величия произвел Иисуса-Сияние и Деву света. Иисус-Сияние сошел в область Адаманта света, смирил мятеж Выкидышей и архонтов и восстановил восхождение трех стихий. После этого он воплотился в Еву и в ее образе просветил Адама, дав ему знание о светлой природе его души и указав пути спасения. Для того чтобы очищать и возносить человеческие души, были созданы два Корабля света: Солнце — из светлой стихии огня, и Луна — из воды. На Солнце поселился Дух живой, на Луне — Иисус-Сияние и Дева света, которая является архонтам, чтобы они исторгали из себя свет. У Адама и Евы родился сын Сиф, которому Адам передал все, что изложил ему Иисус-Сияние. От Сифа пошел род праведников, завершающийся самим Мани. Каждому из этих праведников являлся Двойник (эманация Иисуса Христа или его порождения — Разума света), чтобы дать ему божественное знание. Праведник излагал все услышанное от Двойника в книгах и основывал церковь. Некоторое время после смерти каждого основателя церкви — Апостола — церковь пребывала в праведности, но потом приходила в упадок. Тогда для восстановления истинной веры посылался другой Апостол. На протяжении всей истории мира свет освобождается от смешения и возносится ввысь. При этом в душах людей Света остается все меньше и меньше, поскольку род человеческий плодится и размножается, а Свет покидает мир. Перед концом мира Света в нем останется совсем мало. Начнется великая война, и грешники ненадолго одержат победу над праведниками. После этого Зов и Слух образуют божественное единство — Помысел жизни — и, собрав весь оставшийся в мире Свет, сделают из него Последнее Изваяние, которое

вознесется вверх. Потом будет послан великий огонь и за 1468 лет сожжет мир. Божества воссядут на престолы и станут судить души людей. Праведники воспарят в новый эон, построенный Великим строителем, и будут вечно жить там вместе с божествами. По истечении срока, равного сроку пребывания в смешении, все они забудут страдание и воссоединятся с чистым, не знавшим смешения Светом. Мрак будет навеки заключен в узы. Большинство персонажей и мифологем манихейства имеют аналоги в гностических системах. Катарская мифология использует, по большей части, библейские образы и сюжеты.

33. В этом катары очень близки к воззрениям Мани, согласно которым в области Света («стране Света») царят единство, гармония, согласие и безмятежность, то, что можно охарактеризовать понятием «покой». Мрак, напротив, беспокоен и нестабилен: его силы извечно находятся в борьбе друг с другом.

34. Согласно Н. Осокину, присциллиане опирались на догму египетского гностицизма. Присциллиан, уроженец Испании, учился в школах Мемфиса и Киренаики. Там же он познакомился с теориями магов и Мани. Но в противоположность Мани он всегда старался исходить из христианских понятий, хотя избежать влияния теорий гностицизма и манихейства не смог. Г. Ч. Ли вообще видит в опубликованных Schepss'ом трудах Присциллиана доказательство того, что его так называемая ересь была просто клеветнической выдумкой его врагов.

35. С 1017 г. в Орлеане появилось еретическое учение, описание которого оставил современник описываемых событий монах Рауль Лысый. «Рассказывают, что эта безумная ересь была начата в Галлии какой-то женщиной, явившейся из Италии и преисполненной дьявола, с помощью которого она увлекала всякого, кого хотела, не только людей глупых и бессмысленных, но даже таких, которые с виду казались ученейшими между духовенством». Среди адептов нового учения были двое известных духовных лиц города: Гериберт и Лизой, люди, уважаемые в Орлеане и близкие к королю Роберту II (996–1031 гг.). Через них ересь проникла ко двору,

где нашла сильного покровителя в лице Стефана, королевского духовника. Из Орлеана рассылались миссионеры, и еретики надеялись, что скоро их учение будет принято всем народом. Узнав об этом, Роберт Благочестивый «жестоко опечалился, опасаясь гибели государства в стольких душах человеческих», и поспешил в Орлеан вместе с королевой Констанцией. Был созван совет епископов, чтобы решить, какие меры принять для подавления ереси. Когда еретиков вызвали на допрос, они исповедовали свою веру и заявили, что они скорее умрут, чем отрекутся от нее: «Заканчивайте скорее ваши допросы и делайте с нами, что хотите. Смотрите, мы видим там Царя нашего небесного, он простирает к нам руки, чтобы вести нас в вечное блаженство». Еретики давали мистическое объяснение смысла Библии, толковали ее с помощью аллегорий и уподоблений. Рядом силлогизмов они отрицали всякую буквальность в понимании Библии и доходили до того, что отвергали реальность Христа, которому давалось только призрачное бытие: «Христос никогда не родился от Девы Марии, никогда не страдал для людей, во гроб не был положен и из мертвых не воскресал». Поэтому таинства Причастия и Крещения еретики отвергали. Они учили, что земля и небо существовали предвечно, никто их не сотворил. Благой Бог не мог быть творцом порочного. Чтобы отделить духа злобы, царя плоти, нужно отказаться от телесных удовольствий, от брака, от мясной пищи. Народ был так враждебно настроен против еретиков, что Роберт Благочестивый был вынужден поставить у дверей церкви, где происходило собрание, королеву, чтобы народ не разорвал подсудимых, когда они будут входить в церковь. Однако королева разделяла народную ненависть к еретикам и, когда их вели, так сильно ударила палкой своего духовника, что выбила ему глаз. Смертный приговор был произнесен над всеми, пощадили только отрекшихся от учения монахиню и клирика. Тринадцать человек, а именно десять каноников городского монастыря, предводимых Лизоем, Герибертом и Стефаном, вывели за городские стены. Перед пылающим костром им еще раз предложили отречься от своих заблуж-

дений, но они предпочли смерть. Все соvrащенные ими в ересь были разысканы и без всякой жалости сожжены.

36. Пофлами в Европе называли павликиан; бугр (Bougre) — болгарин, синоним слова «богомил»; бабуны — также одно из названий богомилов, от горы Бабуны в Македонии.

37. По поводу того, какой дуализм — умеренный или радикальный — был наиболее характерен для катаров Лангедока, существует несколько точек зрения. Ряд исследователей (например, Н. Осокин, Е. Возоку) считают, что умеренная компонента появилась в вероучении лангедокских катаров как раз благодаря влиянию богомилов. В подтверждение этого они приводят распространение среди альбигойцев апокрифического текста «Interrogatio Iohannis»* (и, видимо, достаточно широкое, поскольку известно несколько изводов этого апокрифа), являющегося ярким образцом умеренного дуализма и принесенного на территорию Лангедока богамилами, о чем свидетельствует приписка в конце одного из изводов «Interrogatio Iohannis», хранящегося в Муниципальной библиотеке г. Дол: «Конец тайны еретиков из Конкорещцы, принесенной из Болгарии епископом по имени Назар» (Bозоку Е. *Le livre secret des Cathares. Interrogatio Iohannis. Apocriphe d'origine bogomile*. Paris, 1980. P. 87. Пер. Ю. Тихоновой). Ж. Мадоль вообще считает, что абсолютный дуализм был несвойствен катарам. Немецкий историк катаризма А. Борст связывает прибытие восточного епископа Никиты на собор в Сен-Феликс-де-Караман с необходимостью вернуть западных катаров, взгляды которых под влиянием христианства стали слишком умеренными, в лоно абсолютного дуализма. Поэтому, согласно А. Борсту, собор в Сен-Феликс-де-Караман стал поворотным пунктом в истории катаризма — восточные идеи были чужды Западу, и популярность катаризма стала уменьшаться. (Здесь, конечно, очевидно желание подогнать факты под определенную схему, поскольку на период между собором в Сен-Феликс-де-Караман 1167 г. и договором в Мо 1229 г. приходится апогей катаризма на юге Франции.)

* «Вопрошение Иоанна» (лат.) (примеч. ред.).

38. Название «Albigenses» впервые было употреблено в 1181 г. Готфридом де Вижуа (Gaufridi Vosens. «Chron.» ann. 1181) как производное от города Альби, где еретики были очень многочисленны, и вошло во всеобщее употребление во время Альбигойских крестовых походов. Среди альбигойцев были как абсолютные, так и умеренные дуалисты.

39. Ортодоксальные христиане никогда не считали Сатану сыном Божиим. Правда, в Книге Иова говорится: «И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана» (Иов 1, 6), — но «сыны Божии» здесь понимаются как божественные существа низшего порядка, с помощью которых Бог управляет миром. В Септуагинте это место, чтобы исключить всякий политеистический смысл, переводится как ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ — ангелы Божии.

40. Учение Мани также предполагает победу Света над Мраком. «Праведники воспарят в новый эон, построенный Великим строителем, и будут вечно жить там вместе с божествами... Души грешников составят Шар, в который будет заключена вся мужская часть Мрака; а женская его часть будет сброшена в яму (могилу). Между ними будет положен камень, чтобы они никогда больше не смогли соединиться и восстать против Света» (Кефалайа. М., 1998. С. 43). Так что для манихей два начала также не равны по их силе.

41. З. Ольденбург считает, что эта молитва могла быть «главной, ключевой молитвой» катаров (З. Ольденбург. Костер Монсегиора. С.-Пб., 2001. С. 343), и описанный ниже ритуал передачи воскресной молитвы мог относиться не к «Отче наш», а именно к ней. В «Приложениях» З. Ольденбург приводит полный текст этой молитвы по сборнику «Духовные аспекты ереси. Учение катаров», опубликованному Рене Нелли в 1953 г. Вот он (пер. О.И. Егоровой): «Святой Отче, справедливый Бог Добра, Ты, Который никогда не ошибаешься, не лжешь и не сомневаешься, и не боишься смерти в мире бога чужого, дай нам познать то, что Ты знаешь и полюбить то, что Ты любишь, ибо мы не от мира сего, и мир сей не наш. Фарисеи-обольстители, вы сами не можете войти в Царство Божие и не пускаете тех, кто хочет вой-

ти, и удерживаете их у врат. Вот отчего молю я Доброго Бога, которому дано спасать и оживлять падшие души усилием добра. И так будет, пока есть добро в этом мире, и пока останется в нем хоть одна из падших душ, жителей семи царств небесных, которых Люцифер совлек обманом из Рая на землю. Господь позволял им только добро, а Дьявол коварный позволил и зло, и добро. И посулил им женскую любовь и власть над другими, и обещал сделать их королями, графами и императорами, и еще посулил, что смогут они птицей приманить других птиц, и зверем – других зверей. И все, кто послушались его, спустились на землю и получили власть творить добро и зло. И говорил Дьявол, что здесь им будет лучше, ибо здесь они смогут творить и добро, и зло, а Бог позволял им одно лишь добро. И взлетали они к стеклянному небу, и как только поднимались, тут же падали и погибали. И Бог спустился на землю с двенадцатью апостолами, и тень Его вошла в Святую Марию* (З. Ольденбург. Костер Монсегиора. С.-Пб., 2001 г. С. 349). Однако, общепринятая точка зрения, что передавалась именно «Отче наш», заслуживает большего доверия, так как в первоначальной Церкви также существовал ритуал передачи «Отче наш». Святой Иоанн Златоуст не случайно называет эту молитву молитвой верных – в древности произносить эту молитву могли только крещеные. Катехуменам она сообщалась перед крещением.

42. Из катарского ритуала до нас дошли лишь два документа – один на окситанском языке, другой на латыни, датированные XIII в. Но сам ритуальный текст восходит, по мнению большинства исследователей, к древним текстам, принадлежавшим первоначальной Церкви. Жан Гиро, историк инквизиции, сравнивая *consolamentum* и обряд инициации и крещения катехуменов первоначальной Церкви, обнаружил

* Дословный перевод текста последней фразы звучит так: «...и *вотенился* в Святую Марию (... *s'adombra en Sainte Marie*)». Вариант точный и очень интересный, благодаря возникающей оппозиции *вотенился* – *воплотился*, но с позиций русской грамматики непривычен и потому неубедителен. Пришлось прибегнуть к выражению *тень Его вошла* (примеч. О.И. Егоровой).

ряд совпадений, которые не могут быть случайными. Катекумен принимался Церковью после испытательного срока и с одобрения старшего в общине; у катаров такой испытательный срок назывался по-провансальски *endura*, а на латыни — *abstinentia*. Во время этого послушничества претендент должен был год питаться так же, как совершенные; кроме того, послушника наставляли в доктрине и укрепляли его стойкость в вере. Ищущий Утешения получал его только после того, как Добрые люди, которым была поручена его подготовка, находили его достойным. Желаящему получить *consolamentum* должно было быть как минимум восемнадцать лет; крещение в первоначальной Церкви тоже допускалось лишь по достижении вполне сознательного возраста. Отречение катекуменов от Сатаны проходило аналогично отречению катаров от римской церкви.

43. Παράκλητος (греч.) — Заступник, Ходатай, Помощник; Утешитель. Учение о Параклете восходит к Новому Завету. В Евангелии от Иоанна (Ин 14 — 16) Иисус обещает апостолам послать вместо себя от Отца Утешителя, Духа истины. Этот образ получил различную трактовку в ряде раннехристианских учений. Некоторые гностики отождествляли Утешителя с апостолом Павлом; монтанисты и павликиане — с Монтаном или Сергием. В манихейских текстах Параклетом иногда называется Мани как преемник Иисуса в черед АPOSTолов. В «Кефалайе» (Коптский манихейский трактат) Параклетом обычно называется небесный двойник Мани. Двойник — эманация Разума света; его функция — являться Апостолу, возвещать ему откровение и сопровождать на всем жизненном пути. Возможно, что прямым прототипом Двойника является одна из центральных фигур многих апокалипсисов — так называемый *angelus interpretis*, ангел-толкователь. Это ангел или небесная сила, которая является восприемнику откровения и служит посредником между ним и небом. Манихейский Двойник — спутник не всякого человека, а только вероучителя. У катаров происходит дальнейшая трансформация образа Параклета. Согласно катарским представлениям после падения ангелов каждый падший ангел стал

человеческой душой, заключенной в тело. Нематериальное тело этой заточенной души осталось на небе под охраной некоего святого духа. В обычном состоянии люди эти духа лишены. Результатом *consolamentum* как раз и было возвращение низвергнутой душе ее святого духа, обязанного после смерти проводить эту душу к ее светлому небесному телу и избавить от последующих перерождений. Поэтому этот дух носил имя Утешающего духа, Параклета, отсюда и термин *consolamentum*.

44. Между собой катары называли друг друга христианами. Более того, «...катары объявляли себя последователями традиции более древней, более чистой и более близкой к учению апостолов, чем римская церковь, и требовали считать себя единственными христианами Святого Духа, ниспосланного им через Христа» (З. Ольденбург. Костер Монсегра. СПб., 2001. С. 42).

45. *Епифаний Кипрский* (367–403) — известный ересиолог. Обличению ересей посвящены два его сочинения: «Анкорат» (*ἀγκυρωτός* — якорь), где раскрывается православное учение о Троице, воплощении, воскресении мертвых и будущей жизни, и «Панарий» (*πανάριον* — аптека, ящик с лекарствами), в котором описываются и опровергаются двадцать ересей дохристианских и восемьдесят христианских. *Исидор Севильский* (около 560 — 4.4.636, Севилья) — испанский церковный деятель и писатель. С 600 г. архиепископ Севильи. Автор «Этимологии» (своеобразной энциклопедии раннего Средневековья), «Истории королей готы, вандалов и свевов» (главным образом политической и церковной истории вестготской Испании). Идеолог испано-римской знати, поддерживавшей власть вестготов. Сочинения Исидора Севильского, весьма образованного для своего времени человека, носят компилятивный характер; представляют ценность благодаря содержащемуся в них большому фактическому материалу. *Гуго Сен-Викторский* (ок. 1096–1141) — средневековый теолог. Родился, вероятно, в Саксонии в конце XI в. Между 1115 и 1118 стал монахом Сен-Викторского аббатства в Париже, незадолго до того основанного Гильомом из Шампо, и со временем воз-

главил открывшуюся при аббатстве школу. Здесь он оставался до своей смерти в 1141. Первоначально Гуго преподавал «свободные науки», о чем свидетельствуют его сочинения, посвященные грамматике, геометрии, метрологии, истории, и утраченный трактат по астрономии. Более известны его толкования на Екклесиаста, на рассказ о Ноевом ковчеге, комментарий к трактату *О небесной иерархии* Дионисия Ареопагита и особенно его главный труд — *О тайнах христианской веры*, первый опыт создания теологической «суммы» (энциклопедического богословского компендия), вдохновлявший авторов великих «сумм» последующих веков. Гуго Сен-Викторский был столь верным последователем учения св. Августина, что современники прозвали его «языком Августина». Для его умонастроения были характерны универсализм и духовная ориентация. Так, в своем *Дидакаликоне* (*Didascalicon*) — систематическом обзоре двадцати одной области знания — он настаивал на том, что все эти области знания неразрывно связаны между собою и что в своей целостности они обеспечивают единение с божественной Премудростью, ради которого и был создан человек, но которое он утратил с грехопадением. *Брунетто Латини* (1220—1294 гг.) — итальянский и французский писатель, друг и учитель Данте, родился во Флоренции, играл видную роль во Флорентийской республике, в 1253 г. был послом в Сиене, в 1287 приором, в 1289-м секретарем республики. Был изгнан гибеллинами и семь лет жил во Франции. В свое время он высоко ценился как ученый, государственный деятель и как писатель. Во Франции, на французском языке, он составил обширную энциклопедию «*Les tresors*», в которой дан обзор знаний того времени о Боге, природе, об истории древнего и нового времени, об искусстве; туда же включены наставления для управления домом, государством и так далее. На итальянском языке Брунетто Латини написал аллегорическую поэму «*Tesoretto*», в которой небесные и земные явления и в особенности добродетели дают поэту наставления о природе. Своим классическим и энциклопедическим образованием Данте во многом обязан Брунетто.

46. Не все так просто в христологии «древних манихеев». Августин («О ересях») выделяет две ипостаси Иисуса: Иисус-Сияние и исторический Иисус. Иисус-Сияние — божество, шестая эманация Отца-величия. Исторический Иисус — Христос Нового Завета. По манихейскому учению, это предпоследний в череде апостолов, предшественник Мани; он проповедовал в Иудее истинную веру, основал очередную церковь праведников и был распят. В «Кефалайе» ничего не сказано ни о каком качественном отличии воплощения и явления Иисуса от явления других апостолов. Е.Б. Смагина, переводчик и комментатор «Кефалайи», считает, что докетизм манихеев — явление вторичное и позднейшее. Приводимая как доказательство манихейского докетизма цитата: «...Он принял образ раба [и] вид как у людей...», — почти дословно повторяет Фил 2,7: «...приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек».

47. «Варлаам и Иосафат» («Варлаам и Иосаф», в восточных версиях «Билавхар и Будасаф») — известная почти во всем мире и имеющаяся на многих языках «странствующая» повесть, которая содержит в своей основе индийскую легенду о царевиче Будде. В VI–VII вв. была изложена на пехлевийском языке неизвестным христианином из сасанидских сирийцев. В VIII–IX вв. повесть получила в нескольких видах обработку на арабском языке. В это же время в палестинском монастыре святого Саввы появилась старогрузинская версия повести, семантизмы которой показывают, что она была переведена с сирийского или арабского языка. По-видимому, именно с грузинского языка в XI в. была произведена переработка по-гречески — самая знаменитая, главный источник мирового распространения. Чуть позже с этой греческой обработки был сделан буквальный перевод на латинский язык. Сюжет повести сводится к тому, что у индийского языческого царя Абеннера (Авенира) был сын Иосафат, которого царь захотел воспитать в неведении земных скорбей и смерти. Это ему не удалось; царевич понял, что в мире есть и скорби, и болезни, и смерть. Когда к нему под видом купца-ювелира явился отшельник-христианин

Варлаам, Иосафат внял его проповеди и принял от него тайное крещение. Вступив на престол, Иосафат крестил своих подданных, а сам удалился к Варлааму в пустыню. Исследование этой повести должно быть очень осторожным, дабы не принять следы буддийского происхождения за отголоски манихейских или катарских идей.

48. *Фарината дельи Уберти* (родился в нач. XIII в.) — глава флорентийских гибеллинов (то есть сторонников империи). Принадлежа к враждебной гибеллинам партии гвельфов (которая в борьбе с притязаниями империи опиралась на папство), предки Данте два раза потерпели разгром. Первым разгромом гвельфов было их изгнание гибеллинами, при содействии конницы императора Фридриха II, в 1248 г. Их дома и башни были снесены. Спустя три года они вернулись во Флоренцию и в 1258 г. в свой черед изгнали властолюбивого Фаринату и его сторонников. Те заручились помощью Съены (Сиены) и неаполитанского короля Манфреда и в 1260 г. близ замка Монтаперти на реке Арбии нанесли жестокое поражение флорентийским гвельфам и их союзникам. Гвельфам пришлось вторично покинуть Флоренцию. В 1264 г. Фарината умер. В 1266 г., когда Манфред пал при Беневенто, усилившиеся гвельфы возвратились снова. Вслед за тем они прибегли к покровительству Карла I Анжуйского, и, когда тот выслал им в помощь военную силу, гибеллины, в ночь на пасху 1267 г., навсегда покинули Флоренцию. Особенно сурово отнеслась гвельфская Флоренция к роду Уберти. На месте их скрытых домов была устроена площадь; амнистия, предоставлявшаяся другим изгнанникам, никогда на них не распространялась, и те Уберти, которые попадали в руки республики, платились жизнью. Наконец, в 1283 г. суд инквизиции посмертно осудил «подражателя Эпикура» Фаринату как еретика. *Гвидо Кавальканти* (1255 или 1259 — 1300 гг.) — итальянский поэт. После Г. Гвиницелли был главой поэтической школы «Дольче стиль нуово». В канцонах и сонетах воспевал возвышенную любовь к идеальной возлюбленной, стараясь раскрыть философский смысл этой любви.

49. *Аверроизм* — философско-теологическое направление эпохи Средневековья и Возрождения, представители которого опирались на авторитет Аверроэса [Мухаммад Ибн Рушд (1126 — 12.12.1198) — арабский философ, представитель аристотелизма], выступая с критикой догматов Церкви. В частности, они использовали ту часть учения Ибн Рушда, в которой утверждалось, что представления религии являются лишь аллегорически выраженными философскими истинами. «*Роман о Розе*» — памятник западноевропейской городской литературы XIII в. Первая часть этого произведения появилась еще в 1230-х годах и принадлежала перу поэта-рыцаря Гильома де Лорриса (ок. 1210 — ок. 1240 г.). Действие романа происходит во сне, в мистическом созерцании. Герой произведения жаждет влюбиться в некий идеал и находит его в символическом образе Розы, мелькнувшем в зыбком зеркале Источника Любви, плещущего у гробницы Нарцисса в цветущем Саду Наслаждений. Стрела Амура ранит юношу, и отныне он обречен на поиски Розы. Но всевозможные препятствия и преграды закрывают ему путь к желанному розовому кусту. Роман, насквозь аллегоричный, остался незаконченным. Почти через полвека после смерти де Лорриса Жан Клопинель (или Шопинель; ок. 1240 — ок. 1305 г.) из города Мен взялся за его продолжение и на протяжении восемнадцати тысяч стихов развернул свою линию, сплел ее с линией Гильома и довел до конца обе. Жан де Мен склонен к многочисленным отступлениям, рассуждениям на отвлеченные общеморальные темы. Предполагают, что на него оказало некоторое воздействие учение Аверроэса, славившего Разум и с точки зрения Разума судившего о мире.

50. *Готфрид Страсбургский*, немецкий поэт, автор романа «Тристан и Изольда», написанного около 1210 г. по образцу англо-нормандского романа Тома. *Вальтер фон дер Фогельвейде* (ок. 1170 — ок. 1230 г.) — миннезингер, родоначальник немецкой патриотической поэзии, в его стихах появилось понятие «немецкая нация» (die deutsche Nation). Выступал против папства как силы, мешающей соединению немецких земель под эгидой единого светского властителя. *Вольфрам*

фон Эшенбах (род. ок. 1170 — год смерти не известен) — миннезингер. Главное произведение — роман «Парцифаль», сюжет которого представляет собой контаминацию ряда источников, часть которых может быть названа лишь предположительно. Сам Вольфрам упоминает незавершенный роман Кретьена де Труа (ок. 1130 — ок. 1191) «Персеваль, или Повесть о Граале», но называет изложенную там версию искаженной. Якобы подлинная история Грааля была изложена Вольфраму провансальским поэтом Киотом, в существовании которого часть исследователей сомневается.

51. Многие трубадуры сами были катарами. В замке трубадура Гильема де Дюрфор в Фанжо жила община совершенных, там часто устраивались религиозные диспуты. Был катаром Мир Бернат де Лорак, выданный светским властям в год падения Монсегиора. Трубадур Аймерик де Пегильян к концу жизни стал совершенным и умер в одном из катарских монастырей в Ломбардии. Трубадур Юк де ла Бакалария родился в семье архитектора, строившего Монсегиор. Саварик де Маллеон сражался рядом с графом Тулузским Раймоном VI. Юк де Сент Сирк нашел убежище в Северной Италии, но в 1257 г. он все же был обвинен в ереси. Известный трубадур Гаусельм Файдит также был катаром. (Слово «файдит» — «изгнанник» — появилось в окситанском языке во время Альбигойских крестовых походов. Им стали обозначать окситанских сеньоров, которых крестоносцы, предводительствуемые Монфором, незаконно лишали их земель и владений. Файдиты вели партизанскую войну против захватчиков.) Можно привести множество подобных примеров.

52. Одним из первых заявил, что катаризм есть тайный ключ к пониманию искусства трубадуров, Жозефен Пеладан (1859—1918 гг.). Он происходил из окситанской семьи, среди его предков были катары. В 1891 г. Пеладан основал орден розенкрейцеров, Храма и Грааля, став его Великим Магистром. Вот что он писал: «Трубадуры — это мистики, а отнюдь не певцы плотской любви. Они вносят в культ плотской любви обрядовость любви божественной и мистический характер. Дама трубадура — символ доктрины катаров.

Когда имя ее совпадает с названием местности, она олицетворяет собой либо диоцез, либо приход, либо общину» (цит. по: Ж. де Сед. Тайна катаров. М., 1998. С. 166). Следовательно, когда трубадур Гранет советует трубадуру Сорделю «обрить голову, как это сделали сто рыцарей по примеру графини Родеза», понимать это надо так: Гранет советует Сорделю стать Совершенным в диоцезе Родеза. Далее Пеладан пишет: «После крестового похода необходимо было найти приемлемую форму для проповедей и способ собираться, не привлекая подозрений инквизиторов и имея возможность без опаски обсуждать насущные дела. Тот, кто не имеет права являть людям свое лицо, надевает маску: личина бродячего жонглера идеально подходила проповеднику. В Окситании еретики стали трубадурами, в Италии — «поэтами сладостного стиля», в Германии — миннезингерами» (цит. по: Ж. де Сед. Тайна катаров. М., 1998. С. 168). Конечно, не стоит слишком поспешно соглашаться с Пеладаном и Дени де Ружмоном, для которого было «совершенно очевидно, что загадка трубадуров была связана с символической реальностью, известной Посвященным и сочувствующим Церкви Любви», но едва ли все параллели между произведениями трубадуров и доктриной катаров можно объяснить всего лишь совпадениями. Катары называли себя Церковью Любви, а самым расхожим противопоставлением у трубадуров было: AMOR — ROMA (Любовь — Рим). Такие распространенные сеньяли (условные имена) Прекрасных Дам, как Консоласьон (Утешение) или Эрмессен (Не имеющая детей), носят вполне отчетливый отпечаток катаризма.

53. «Dolce stil nuovo», «сладостный новый стиль» — итальянская поэтическая школа конца XIII в. Ее глава — болонский поэт Г. Гвиницелли, а его последователи — флорентийские поэты: Г. Кавальканти, молодой Данте, Д. Фрескобальди, Л. Джанни, Г. Новелло и другие. Поэзия «Dolce stil nuovo» преемственно связана с провансальской куртуазной лирикой, поэзией сицилийской школы и с посвященной Богоматери религиозной литературой. Поэты «Dolce stil nuovo» воспевали облагораживающую, возвышенную любовь к женщине,

которая по своим нравственным достоинствам представляет собой ангелоподобное существо. Анализ чувства и внутреннего состояния влюбленного основывался на философии Аверроэса. Поэты этой школы создали поэтический язык, во многом подготовивший *volgare illustre*, итальянский язык «Божественной комедии».

54. «Графиня де Диа добрая была дама и собой прекрасная, жена Гильома Пуатевинского. Полюбила она эн Раймбаута Оранского и сложила в его честь множество прекрасных кансон» (Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. С. 204).

55. Известно, что существовала довольно богатая литература, написанная самими катарами. Эти произведения принадлежали перу ученых, знакомых и с католической схоластикой, и с древнегреческой и арабской философией. Имена некоторых из этих ученых дошли до нас: Петрик (Тетрик) или Теодорик, бывший каноник неверский, Арнольд, плодовитый провансальский писатель, называемый католиками *scriptor velocissimus* (писатель проворнейший). У провансальских катаров была обширная философская энциклопедия «*Perpendiculum scientiarum*» («Взвешенные учения»), катехизис, гимны и молитвы на национальном языке. Все это отчасти было уничтожено самими еретиками, отчасти сожжено инквизицией. Например, маркиз Монферрата сорок лет собирал сочинения всех альбигойских учителей и философов, а перед своей смертью велел сжечь все эти книги.

56. Замок Монсегюр составлял часть наследства Эсклармонды, сестры Раймона-Роже де Фуа, и принадлежал Раймону де Перелла, вассалу графов Фуа. Монсегюр был не единственной резиденцией семейства де Перелла и до 1204 г. лежал в руинах. Замок существовал еще до водворения в этих местах семьи де Перелла, однако архитектура его указывает на то, что он не старше XI века. План замка обнаруживает технические и математические познания, редкие для Западной Европы той эпохи, и архитектура Монсегюра уникальна не только в регионе, но и во всем Лангедоке. В 1204 г. совершенные попросили владельца Монсегюра Раймона де Пе-

реллу отстроить и укрепить замок, хотя нужды в обороне в то время у катаров не было.

57. Единственным оборонительным преимуществом Монсеюра было его расположение на труднодоступной вершине скалы, защищенной самой природой. Во всем остальном никаких стратегических преимуществ замок не имеет. Жерар де Сед утверждает, что «если в задачу его строителей входило соорудить неприступный замок, то они с ней не справились, совершив слишком много ошибок» (Ж. де Сед. Тайна катаров. М., 1998. С. 88). Ни один средневековый замок (не считая крепостных стен в городах) не имеет таких монументальных ворот, как большие входные ворота Монсеюра: их ширина более двух метров. При этом ни башней, ни другими оборонительными конструкциями они не защищены. В противоположной стене имеются вторые ворота, почти такие же большие, как и первые. Неизвестно, были ли эти ворота прорезаны в 1204 г. или оставлены такими, какими были до реконструкции — «их наличие в любом случае говорит о том, что замок предназначался не для обороны, а для других целей. Сама по себе идея пропилить подобный портал уже необычна и противоречит нормам средневековой архитектуры» (З. Ольденбург. Костер Монсеюра. М., 2001. С. 303). Кроме того, высота стен составляет всего три с половиной метра; донжон* слишком низкий, небольших размеров и далеко выступает над стеной, что делает его уязвимым для камнеметных машин; оставшееся на вершине скалы пространство не использовано для постройки внешних укреплений. Однако архитектор Монсеюра Арно де Бакаллариа был учеником известнейшего во всей Окситании военного инженера Эко де Линара. Поэтому мысль о том, что были иные, не военные цели реконструкции замка, напрашивается сама собой и кажется тем более вероятной, что постройка, непригодная для оборонительных целей, выполнена тщательно и искусно.

* Донжон (фр. donjon) — главная башня в средневековом замке, поставленная в самом недоступном месте и служившая убежищем при нападении врага.

58. Иберийская легенда гласит, что гора Монсегюр была сооружена великанами, сыновьями Гериона, одного из соперников Геракла; великаны сами дробили камни и сносили их сюда. Возможно, некогда на вершине горы находился храм солнечного и лунного божеств, Абелио и Белиссены. Похоже, что «скала Монсегюр является центральной частью очень древнего комплекса культовых сооружений, происхождение которого теряется в глубине веков» (Ж. де Сед. Тайна катаров. М., 1998. С. 12). На северо-западе высится скала Крозет и утес Пейрегад. Скала Крозет представляет собой величественную пирамиду, ее поверхность покрыта выбитыми в камне равносторонними крестами. Пейрегад – жертвенный камень, дорога к которому ведет по длинной аллее из гранитных блоков. На камне, у подножия которого бьет ключ, есть выемка, куда вдавливали откинутую назад голову жертвы перед тем, как перерезать ей горло. Неподалеку было найдено захоронение, где скелеты были расположены по кругу, словно спицы колеса; на их шеях были ожерелья из гагата*. На северо-востоке расположены скалы Рок де ла Шер, Рок де ла Фугас и крест Моранси. Рок де ла Шер напоминает своей формой огромный восставший фаллос, а находящийся неподалеку Рок де ла Фугас – огромный диск с дырой посередине (здесь природе, несомненно, помогла рука человека). Крест Моранси более позднего происхождения, он вытесан из цельного гранитного блока, ранее на нем был выбит солнечный диск над двойной петлей – знаком бесконечности.

*Перевод с французского языка
А.М. Иванова*

* Гагат – плотная, блестящая разновидность каменного угля; применяется в основном для изготовления украшений.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Приложение 1

Н. Кадмин*

ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА. ОЧЕРКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИТАЛИИ И ЛАНГЕДОКА

ГЛАВА I

ИДЕЯ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ. КАРАЮЩИЙ МЕЧ ХРИСТИАНСТВА. ЕРЕСИ И СЕКТАНТЫ

1

Идею религиозной нетерпимости представителям учения любви и милосердия привили гонения на них же самих. Укрепленное страданиями, душевной стойкостью, высшим экстазом духа, христианство воздвигло тот же меч внешней власти против инаковерующих во времена своего мирового владычества. Христианство общин, отверженных, гонимых, страдающих за веру, чающих только царствия небесного, знало лишь внутренний меч убеждения и религиозных идей. Христианство могущественных государств соблазнилось ме-

* Книга Н. Кадмина (наст. фамилия Абрамович Н.Я.) впервые издана в Москве в 1913 году. В нашей публикации сохранены авторская терминология и разбиение на главы (*примеч. ред.*).

чом телесным, мечом внешней власти и принялось утверждать свое могущество, свою пышную власть, свой внешний блеск огнем и мечом, кровью и муками гонимых.

Так осуществили на земле религиозную утопию Назарейского Благовестника, исказив самую сердцевину и сущность этого учения. Недаром в основе его лежала идея отрицания внешнего мира и утверждения мира потустороннего: внешняя действительность и идея земного устройства отрицались назарейским учением и отрицали его. Это во всей ослепительной силе своего идеализма утверждалось лишь немногими избранными индивидуальностями, родственными Учителю особыми свойствами духа. Таковы были: Иоанн Богослов, которому приписывают создание Апокалипсиса, св. Франциск Ассизский и некоторые другие восторженные мечтатели, сердце которых воистину пылало восторгом предчувствия неизъяснимого духовного блаженства в царствии небесном.

Сочетание идей потусторонней религии и государственного могущества должно было окончиться поглощением и искажением одного какого-либо начала. Первоначальная христианская община не имела никаких иных целей, кроме приготовления к смерти, открывающей вход в вечность. Земная жизнь как самоцель отрицалась. Все земное должно кончиться во имя небесного. Человечество живет для полного восприятия Христовой истины и, осуществив ее, исчезает в этой истине. И земная, внешняя жизнь исчезает. Так, идея потусторонней вечной истины должна была поглотить и уничтожить все цели земного могущества и устройства, все планы внешней жизни. Но борьба двух начал в общественном устройстве людей кончалась поражением идеалистического начала, зовущего от временного земного к вечному небесному, и утверждением начала крепкого и трезвого земного устройства.

Когда сын Констанция Хлора* понял, «какую выгоду для империи и династии может принести религия, предписывав-

* Константин, сын Констанция Хлора от первого брака. Его мать Елена в молодости была простой служанкой в солдатской таверне. В 324 г. Константин стал единовластным правителем всей Римской империи (*примеч. ред.*).

шая покорность власти, равнодушие к политическим правам и к земным благам, религия, искавшая идеалов в загробной жизни», он сделал ее господствующей государственной религией и в таком виде привил ей цели государственного могущества и заставил ее служить им. Светская власть взяла под свое покровительство служителей христианского культа и воздвигла меч против инаковерующих. Но уже недалеко было время, когда власть духовная сама возьмет стальной меч и обагрит его кровью сектантов и еретиков.

Вначале она лишь теоретически подтверждала правильность воздвигнутых на еретиков гонений и старалась согласовать основы евангельского вероучения с этими гонениями. Конечно, это возможно было делать лишь с большими натяжками. Но среди отцов церкви находились высокие умы, которые боролись против внешнего принуждения в делах религии и против насильственного внедрения государственной религии путем казней и пыток. Таковы были: Ориген, допуская религиозную победу лишь путем убеждения; Тертуллиан, говоривший, что «свобода следовать той или иной вере основывается на праве естественном и человеческом, так как образ исповедания одного лица не может причинить ни зла, ни добра другому. Вера не имеет надобности противодействовать кому-либо, ибо надо, чтобы она была свободной, а не внушена силой». Лактанций высказывал убеждение, что «веру надо защищать, не убивая, а умирая за нее... Религия перестает существовать, как только исповедующий ее лишен воли».

Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст также высказывались против принуждений в делах веры, утверждая свободный выбор ее и свободное исповедание. «Христос не позволял уничтожать заблуждение силой; людей можно вести только убеждением, разумом и любовью».

При Константине Великом начались зверские гонения против признанных еретиками ариан. Сектанты-ариане исповедовали учение вождя их Ария, одно из положений которого, признанное кощунственным, гласило, что Христос, Сын Божий, не равен Богу-Отцу, но рожден им. Книги ари-

ан были сожжены, под страхом смертной казни запрещалось иметь их и скрывать.

Император Диоклетиан издал эдикт, осуждавший на костер последователей секты манихеистов.

Манихеисты веровали по учению некоего Манеса, восторженного мечтателя, обладавшего дивным даром слова и действовавшего силой страстного внутреннего убеждения и чистотой своей идеалистической жизни. Он жил в III веке до Рождества Христова, был родом из Индии и учил, что Бог разлит во всем сущем, но разделял правящую миром силу на два начала: доброе и злое [1].

Вообще дуализм свойственен всем сектантским еретическим верованиям, они логически исходят из евангельской идеи, что «мир лежит во зле», что была необходимость божественного его искупления, что земное есть нечто подлежащее преодолению и окончательному уничтожению. И, следовательно, все реальное внешнее, «во зле лежащее», с чем человеку *необходимо бороться, чтобы не погибнуть*, не может быть порождением Бога любви и вечного света. Все это есть создание темного духа зла, могущественного лишь в земном преходящем мире, где человек еще слаб в своей земной греховной оболочке. А когда все земное преодолется и минет, тогда в бытии вечном исчезнет и власть злого Духа.

Манес, согласно вышесказанному, учил, что доброе начало в человеке оковано плотью. Плоть — это от злого бога; разум человеческий — от доброго бога. Жизнь плоти — жизнь зла и служение Сатане. От этого зла освобождает Христос, это сам добрый Бог. Силой его происходит очищение души еще в земной жизни. После чего душа в странствии своем по небесным пространствам переживает стадии последовательного очищения и восхождения все на высшую ступень чистоты и совершенства. Так душа омывается в большом озере на луне и принимает окончательное огненное очищение в царстве солнца. Воскрешения во плоти Манес не признавал.

Это поэтическое учение имело многих последователей, и маленькая община скоро разрослась в большую секту. Диок-

летиан осуждал их на костры. Император Феодосий (в IV веке) издал драконовские законы против ересей вообще и манихейцев в частности. Начались кровавые преследования и убийства христиан. В большом ходу были секретные доносы против религиозных ересей, и в этом уже как бы преоцущалось то глубокое развращение нравов, которое принесла с собой Великая Инквизиция с ее идеей религиозного преследования и насильственного спасение души грешника.

Манихейцам запрещали наследовать имущество, их отторгали от общественной и торговой жизни, они не имели права торговать, имущество их конфисковывали, их приговаривали к изгнанию и наказывали плетьюми, если не приговаривали к смертной казни.

Все эти гонения влекли за собой как падение нравов, торжество грубой силы над свободной мыслью и верой, озверение, привычку к крови, убийству и зверствам, так и фактический великий урон делу культуры. Греческое и римское искусство, науки, философия признаны были вредными и противоречащими духу христианского учения, — их искореняли. Так, в IV веке разрушали дивные создания искусств в языческих храмах и закрывали философские школы Александрии и Антиохии.

Это, с другой стороны, неизменно влекло за собой и совершенно особое понимание духа христианского учения. Оно должно было своеобразно измениться. Так и случилось. Историк проф. Н. Осокин («История альбигойцев и их времена») отмечает это: «...Христианство изменяет свою тактику. Законы Иеговы, взятые из книги Второзакония, были услышаны с высоты императорского престола, как наставления неба. Церковь, как бы отстраняя новые опасности, стала вдруг воинствующей и крайне нетерпимой. Она запрещала, буквально со слов Моисея, щадить идолопоклонников, вступать с ними в родство, повелевала разрушать их жертвенники и спалить идолов и даже истреблять все народы, которых предаст Господь. *Из Бога милосердного и всепрощающего она сделала Бога страшного*».

В V веке все эти гонения, дух религиозной нетерпимости подтверждает своим ученым авторитетом богослов, проповедник и ученый Блаженный Августин, который явился как бы апостолом гонения. Впоследствии властью пап он был канонизирован и признан блаженным за свою неутомимую борьбу с еретическими учениями и преследование еретиков.

Августин в молодости принадлежал к секте манихейцев и был преданным учеником Амвросия Медиоланского, восставшего против гонения и казней еретиков. Под влиянием Амвросия он перешел в католичество и стал яростно бороться против еретических учений. Вначале он, как и его учитель Амвросий, боролся исключительно на почве идей и убеждений, направляя свою энергию против ересей донатизма и пелагианизма, также дуалистических сект, которые в различных местностях принимали различные названия в зависимости от проповедников, распространявших эти учения.

Но, натура страстная и нетерпимая, Августин вскоре не выдержал чисто умственной борьбы и состязания исключительно идейного. Он стал проповедовать идею нетерпимости по отношению к еретикам, необходимость внешней борьбы с ними, искоренения их. И всю свою могучую логику и свой гибкий диалектический ум направил на оправдание нетерпимости и религиозных насилий. Как резко изменился Августин во второй период его борьбы и деятельности вообще, видно из страниц его первоначальных трудов, где он ратовал за свободу мнений и убеждал относиться с величайшей осторожностью к делам религиозных убеждений другого.

Обращаясь к манихеям, учение которых он только что оставил, знаменитый проповедник произносил следующие гуманные слова: «Пусть поступают жестоко с вами те, кто не знает, как трудно найти истину и избежать заблуждения, как трудно одержать победу спокойствием благочестивого чувства над увлечениями плоти. Сколько тяжелых усилий сто-

ит открыть глаза внутреннему человеку, чтобы он мог видеть то солнце, которое должно его освещать, — не материальное солнце, которому вы поклоняетесь (хотя оно одинаково светит как для животных, так и для людей), но то, о котором сказал пророк: солнце правды встало для меня; то солнце, о котором сказано в Евангелии: истинный свет, освещающий всякого человека, являющегося в этот мир! Пусть будут жестоки к вам те, кто не знает, сколько страданий и слез стоит познание Бога, какое бы оно ни было малое, и, наконец, все те, кто никогда не впадал в те заблуждения, которые вас увлекают. Что же касается до меня, которому понадобилось столько лет и трудов, чтобы познать простоту божественной сущности, без примеси пустых суеверий, — я ни в каком случае не могу сурово обращаться с вами. Я должен терпеливо переносить вас и быть по отношению к вам таким же терпимым, как были со мной окружающие меня в то время, когда я был одним из самых ревностных и самых ослепленных последователей вашего учения».

Но эта гуманная точка зрения вскоре исчезла со страниц и из проповедей Августина, и он стал настойчиво внушать суровую нетерпимость и насилие над еретиками, оправдывая эти жестокие идеи своеобразным пониманием некоторых пунктов Евангелия, а также казуистическими доводами насчет блага самого же осужденного и гонимого еретика. Своей прежней умеренности и терпимости он стыдится. «Я был неопытен, — говорит он, — и не понимал, какая от этого может произойти безнаказанность зла, и не догадывался, какое обращение к лучшему может произойти применением дисциплины». И вот раздаются первые проповеди насилия, причем Августин положил начало казуистическим доказательствам необходимости, полезности и далее блага насилия. Аргументация его при этом такова.

«Еретик, — рассуждает он, — конечно, наш враг. Но по христианскому учению надо и врага любить и творить добро. Вот почему нельзя еретика оставить в покое и предоставить его собственному заблуждению и неизбежной гибели в геенне огненной. Заботясь об его душе и спасая его

даже вопреки его собственной воле, мы совершаем богоугодное дело и спасаем человеческую душу от конечной гибели в руках дьявола. Пусть лучше погибнет тело еретика, чем его душа. Мы предадим его мучениям и страхом пыток и смертной казни вынудим отречение от ереси и всех заблуждений его ума. Если же упрямый еретик, твердость духа которого, несомненно, поддерживает сам дьявол, будет упорствовать в своем заблуждении, мы предадим его в руки светской власти, которая решит дело костром. И огненным очищением мы спасем все же душу грешника и возвратим его в лоно вечной истины. Терпимость в данном случае, рассуждает Августин, была бы преступлением. Спасем грешника железом и огнем».

Свой главный труд «Град Божий» Блаженный Августин посвятил рассуждению о религиозных судьбах человечества, причем весь мир разделил относительно христианской истины на правых и неправых. Правые наследуют вечное блаженство, неправые — вечную смерть и мучения. В этом же труде находится знаменитый аргумент Августина, в котором дело религиозного насилия подкрепляется священным авторитетом Евангелия. Приводя притчу Христа о гостях званых и избранных, которых господин послал звать на дорогу своего раба, Августин выражение «убедить прийти» заменил намеренно выражением «понудить прийти», в чем звучал уже явно мотив принуждения, силы. На это часто опирался сам Августин и на это опирались долго после него другие теоретики религиозного насилия, находя в трудах Августина сильное подтверждение для своих доводов.

Сочинения Августина вообще являлись могучей опорой для отцов-инквизиторов. В его сочинениях они нашли первоначальное утверждение необходимости иметь в духовной власти для еретиков судей, а в светской — палачей. Но в своем расцвете инквизиционная власть сосредоточила в руках духовенства роль и судьи, и палача вместе.

«Церкви и православные монастыри жгли; людей мучили, кому отсекали руки и ноги, кого убивали; женщин жгли медленным огнем и потом клеймили, непокорных толпами от-

правляли в африканские степи, предварительно изувечив их». Такие явления были в порядке вещей.

Для того чтобы сила преследующей ереси власти была абсолютно независимой и полновластной в своих распоряжениях, для того чтобы убеждения всего христианского мира находились под ферулой религиозной власти, необходимо было утвердить идею единства и централизации Западной церкви, подчинения ей внешней государственной силы.

Борьба за это единство и полновластие тянулась столетиями. Средневековый мир, в котором религиозные верования имели самое могущественное влияние на человека, когда глубокий мрак незнания и суеверия озарялся фантастическими вспышками религиозных экстазов и безумий, — отдавал общественное устройство в полное подчинение духовных властей. И если бы духовенство, в руках которого медленно, но верно сосредоточивалась вся сила и власть мироуправления, было верно заветам Назарейского Учителя, мир давно уже являл бы собой райскую общину, основанную на любви и высшей мудрости.

В противоположность Восточной церкви, в психологии которой есть пассивное созерцательное начало, Западная церковь в высшей степени активна. Она не хочет предоставить верующего его внутреннему постижению истины, его личному религиозному созерцанию и божественному экстазу. Западная церковь хочет объединять и направлять, она догматична и нетерпима, она проводит русло религиозной жизни, обязательное для всех. Она вмешивается в домашнюю и частную жизнь, она регулирует верования и убеждения. Она не терпит личного отношения к священным книгам и запрещает их толковать и читать. Она раз и навсегда предписывает нормы религиозной жизни, и кто смеет руководиться также и собственным разумением, кто вносит в дело религии свой разум и свою душу, — тот враг Западной католической церкви, еретик и подлежит проклятию, смертному осуждению и уничтожению.

Папство поняло, что в его руках — возможность безграничного владычества над умами, а также подчинения себе

внешней государственной власти. К этому оно последовательно шло, и политические события, разыгрывавшиеся в те кровавые времена, сметавшие с лица земли могущественные государства, заливавшие кровью города, и страны, рождавшие хаос кровавых событий и смущение в умах, — способствовали укреплению папской власти.

В самом деле, — от первых вторжений варваров в пределы Римской империи этот хаос все более грозно и зловеще рос и разрастался. В огне пожарищ и битв, в разнузданных оргиях, пирах и разврате, в расслабленности утонченных чувств в эту эпоху римского декаданса, когда железная государственность Рима трещала под напором варварских полчищ, когда готовы были рухнуть все опоры общественной и государственной жизни, — где и в чем было искать спасения и точки опоры, как не в религии любви, смирения и высших упований?..

Она, эта религия, несла с собой успокоение и примирение с миром, смысл страданий и их искупительную силу. И если в первоначальном евангельском учении было опасное зерно религиозного анархизма, презрения к земному строительству и упования исключительно на небесное, то в этом отношении римско-католическая церковь сделала все возможное для того, чтобы именно идеей религиозной внести в мир начало устрояющее, централизующее, ставящее центр усилий здесь, на земле, и все подчиняющее благой воле Западной церкви и главе ее — папе.

События, как мы сказали, шли навстречу этому. Когда майордом галльского короля Пипин Короткий* в 754 году сверг короля Галлии и пожелал короноваться, он решил утвердить свое новое королевское достоинство благословением папы. Папа Стефан II его короновал, и из рук его Пипин принял корону. Это событие было многозначительным. Оно было принято не как отдельный факт, а как начало нового поряд-

* Пипин Короткий (714—768) — франкский король с 751 г. Сверг последнего короля династии Меровингов. Подчинил Аквитанию. Положил начало Папской области (*примеч. ред.*).

ка вещей, по которому коронование государя утверждается папским благословением. Таким образом, возникла своеобразная власть папы над главой светской власти. Естественно, что все свои могущественные средства влияния на народ, на королей и сановников папство в широкой мере использовало, дабы добиться неограниченного владычества над всем христианским миром.

Одним из могучих средств для приведения к повиновению народ и властей было отлучение от церкви паствы и разрешение от присяги государю. Папство умело пользовалось порабощением верующих, мистически настроенных масс религиозному страху, идее небесного возмездия за грехи против святой церкви. Быть отлученным от церкви значило подвергнуться всеобщему проклятию и быть выброшенным из человеческого общества. Отлученного все чуждались, все избегали, как зачумленного. Его могли убить или ограбить, не неся за это никакой ответственности. Он лишался крова и всех привязанностей. Осужденный церковью еще при жизни на вечное отторжение от христианского мира, преданный в руки дьявола, он вызывал ужас в окружающих и стремление избежать его и не входить с ним в соприкосновение. Свободы от этого осуждения не в чем было искать, ибо свет свободной мысли и знания лишь чуть брезжил над человечеством, и пути к ним вели через извилины заблуждений астрологических, алхимических и так называемых чернокнижных знаний, которые всем верующим казались ясным показателем власти и искушений сатаны. Таким образом, сам осужденный должен был смотреть на себя как на лишенного всего в земной и вечной жизни и преданного проклятию и ужасу.

Та же мера действительна и по отношению к главе государства. Непокорный папской воле король приводился к повиновению страхом отлучения от церкви и разрешения его подданных от присяги. Подданным отлученного короля запрещалось повиноваться ему под страхом того же отлучения. И случалось, что всю страну постигала папская опала, и тогда народная жизнь представляла собою сплошное запустение

и позорище. Не хоронили мертвецов, не крестили младенцев, под влиянием отчаяния и ужаса предавались порокам и преступлениям, не открывали дверей храмов. И народ, для которого единой сдерживающей, централизующей идеей была религия, лишался как бы точки опоры и предавался власти разрушительных стихий убийства, крови и всяческой разнузданности.

Все это, естественно, вело к вящему усилению папского могущества и к порабощению им народов. В конце IX века Николай I* пускает в ход декреталии, где высказывает, что папа — единственный наместник Христа на земле, облеченный от Него высшими и окончательными полномочиями. Папа является последней инстанцией власти на земле, и если король — глава над народом, то папа — глава над королями. «Две власти управляют миром, — говорил папа Геласий константинопольскому императору, — императорская и папская. Вы — государь человеческого рода, но вспомните, что и вы преклоняете голову перед теми, которые должны в день Страшного Суда отдать отчет за действия королей».

Таким образом, окончательно формируется представление о власти и могуществе папы, об его правах и отношениях к внешней власти. Создается так называемое каноническое право римской церкви, по которому духовные лица мирянам абсолютно неподсудны, подлежат своему собственному суду и обладают правом воздействия на народ и светскую власть. В этой борьбе и в этих притязаниях папство добилось того, что императорская корона стала переходить не по праву наследования, а по воле святейшего отца — папы. Грамота об этом была подписана в 875 году.

В то же время неизбежно завершаются догмы римско-католической церкви, исключаяющие какие-либо иные толкования, кроме тех, какие признаны окончательными святыми отцами церкви — Блаженным Августином и другими. Всякие толкования отныне признаются как ересь и богохульство, наказуемые огнем и пыткой. Теоретическое и практическое здание католицизма, над которым возвышается глава его — папа, было уже почти завершено. Ничего нельзя было тро-

нуть в этом здании, дабы оно прочно сохранялось веками. В конце IX века за папой признан титул «Papa universalis». Когда священник Готшалк, бенедиктинец, высказал своеобразное воззрение на предопределение, его судили Реймским собором, признали еретиком и присудили к плетям и заключению в темнице аббатства Отвилльер. Последнего завершения своего папство ждет в деятельности одаренного железной волей и гибким умом папы Григория VII Гильдебранда*, сломившего светскую власть.

ГЛАВА II

РАЗЛАГАЮЩАЯСЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ЦЕРКОВНОСТЬ. АЛЬБИГОЙЦЫ. КРОВАВАЯ РАСПРЯ. СВ. ДОМИНИК И СВ. ФРАНЦИСК

I

Достигнув в X столетии венца могущества, силы, безответственности и всевластия, папство и папская курия разрушаются от собственного благополучия, могущества и богатства. «Целый ряд нравственно развращенных личностей, — говорит историк, — сидит на папском престоле»**. Мрачные картины азиатских деспотий развертываются в христианском Риме. Редкий папа не погибал от интриг, над редким политические враги не совершали самых диких насилий, даже трупы не избегали посрамления. Владычество наглых женщин, коварство, оргии мести, убийство, яд, святотатство, ко-

* Григорий VII Гильдебранд (около 1020—1085) — римский папа с 1073 г., выдающийся представитель (и зачинатель) теократии. Боролся с германским императором Генрихом IV и прославился тем, что заставил того претерпеть унижения ради снятия с него отлучения (*примеч. ред.*).

** Здесь и далее цитаты из «Истории альбигойцев и их времени» Н. Осюкина (*примеч. ред.*).

щунство были обыкновенными явлениями в ту эпоху. Латеранский дворец был местом публичного разврата и вместилищем порока. Распущенность нравов и чувств всего латинского духовенства была чудовищна. «Это не епископы, — говорили о них современники, — а тираны, окруженные войском; с руками, запятнанными неприятельской кровью, они приступают к совершению таинств». Епископские должности на всем Западе продавались с публичного торга. Безграмотность и невежество даже высшего духовенства были поэтому чудовищны. Не все знали даже «Верую», не все умели читать.

Жизнь представителей высшего духовенства, обладавших громадными доходами, протекала в разнузданной чувственности, в грубейших удовольствиях. Дома их, по свидетельству современников, были притонами разврата. Не было ни одного из семи смертных грехов, которому с избытком страсти не предавались бы тучные каноники, ожиревшие епископы. Их столы ломились от яств, погреба от вин, их пиры блистали обнаженной красотой развратных женщин, причем чувственная фантазия итальянских епископов и их придворных была безгранична в своей дерзости и в своем кощунстве.

Но развращенная жизнь папского двора и римского духовенства не могла развратить и потушить жизнь религиозного сознания всего народа. Как бы в противовес этой развращенности, этому безбожию и кощунству, напрягалась религиозная воля, и мысль народная искала иных путей для проведения в жизнь заветов истинной религиозности. Освобождались от слепого и мертвого подчинения догме и сами искали не мертвых формул, а живой, утоляющей душу воды божественного смысла в евангельском учении. Появляются многочисленные сектанты, раскольники, еретики, утверждающие новый строй религиозного учения, подчиняющего себе жизнь людей, отдающихся суровому и восторженному служению истине.

Именно тогда, когда папство создало железный кодекс, оковавший кольцом повиновения всю христианскую паству, когда «всемирный папа» воздвигся как наместник Христа, не

отвечающий ни перед кем за свои деяния, но сам дающий ответ за всех на Страшном Суде, — именно тогда восстал дух высшего бунтарства в народе, и он ломал все цепи влияния католического духовенства и искал собственных путей религиозной жизни. Приблизительное представление о папском железном кольце дают постановления относительно роли папы в мире, выработанные соборами при Гильдебранде. «Один только римский первосвященник может быть назван вселенским; он один имеет право низлагать епископов; его легаты имеют право председательствовать над всеми епископами в соборе; он может низлагать отсутствующих прелатов; он один имеет право носить императорские регалии; государи обязаны целовать его ногу; он имеет право низлагать с престола императоров, и подданные могут быть освобождены от присяги в верности дурным государям; ни один синод и ни один собор, созванный без его полномочия, не может быть назван вселенским; ни одна книга не может быть названа канонической без его разрешения; его приговоры не могут быть никем отменены, он же может отменять постановления всех; римская церковь всегда была и будет непогрешимой; тот, кто не согласен с этим, перестает быть католическим христианином».

Эти постановления утверждали власть папы над общественной жизнью народа, над его мыслью, наукой, распорядком и укладом жизни. Папа — всемогущий устроитель и господин христианского мира; от него — милость и от него — смертная кара. На невиданную доселе в мире высоту могущества и всевластия поднялся римский первосвященник. Только деспотия и безответственность азиатских сатрапов могли сравняться с этой властью папы творить все ему угодное, не подчиняться ничему, стать выше всех судов и осуждений. Естественно, что эти неслыханные права, это отсутствие предела возможностей для честолюбия, похоти и разнузданности породили неслыханные преступления и пороки.

Чувственный греческий и римский мир в эпоху язычества обоготворял физические побуждения и умел эстетизировать их; в то время предавались наслаждениям тела и вносили в

свой праздник плоти красоту, стройность и мудрость. Христианские епископы, каноники и монахи вносили в свой разврат грубость, кровь, убийство, предательство, скотскую грязь и необузданное злодейство. В то время, по свидетельству католических историков, «Иисус глубоким сном почил на корабле своем, когда его судно, гонимое ветром, металось по волнам».

Но чистое религиозное сознание с особенной силой пробуждалось в народе, и уже гремели проклятия разнузданному духовенству, тяжким бременем легшему на народ, осквернявшему религиозные идеалы и подтачивавшему духовные основы жизни Средневековья.

Из этого протеста и возмущения возникали ереси и новые учения, в которых значительное место уделялось правилам строгой жизни для священников и паствы. Так, например, в учении секты донатистов [2] существенную роль играл принцип недопущения безнравственных и недостойных священников к совершению таинств.

Верные официальной церкви каноники и монахи не могли бороться с ересями, потому что преимущество знания, искренности и веры было на стороне еретиков. Сами же каноники не раз принуждались логикой вещей переходить в ересь.

Папа Григорий VII сознавал падение духовенства и ослабление его влияния, видел растущее зло ересей и пытался с ними бороться. Церковь предаёт еретиков анафеме, сажает их в тюрьмы, отнимает имущество и изгоняет из пределов стран. Напрасно св. Бернард протестует против религиозного насилия и убеждает предоставить борьбу мирным проповедникам и кротким монахам. Папа борется и с ересью, и с победами ума и логики, врывающейся в область незыблемых канонических узаконений.

Так, папе представляется опасным направление ума и книги известного ученого Абеяра [3], чье красноречие и смелое искание истины снискали ему широкую популярность среди учащейся молодежи. Абеяра осмелился поверять религиозные догмы при свете разума, чем и привел в ужас схо-

ластическую церковность. «Он обращает в ничто христианскую веру, стараясь понять свойства Бога с помощью человеческого разума, он подымается в небеса и спускается в ад... Он увлекает за собой всю землю. Поэтому пора наложить на него молчание силой апостольской власти». И книги Абеяра были сожжены, ибо в философской борьбе номинализма Абеяра занял слишком независимое положение рационалиста, увлеченного своей непобедимой логикой и ясностью своей мысли. В 1121 году был сожжен трактат Абеяра о Троице.

Между тем ереси все подымались и росли; убывало папское влияние и вместе с ним убывали доходы. Напрасно с необузданной «щедростью» распродавались индульгенции, которыми верующие грешники покупали возможность безнаказанно грешить. Папа начал применять к еретикам суровые меры пыток и смертной казни, а для поднятия престижа духовенства и доходов стал проповедовать крестовый поход. Это послужило могучим отвлекающим средством от неурядиц церковной жизни, для религиозного воодушевления страны и для поднятия доходов папского двора. Ибо немало рыцарей, павших под Иерусалимом и по дороге к нему, владения свои оставляли церкви.

Здесь, в этих первых преследованиях еретиков, заключается начало истории инквизиции, написанной человеческой кровью.

На юге Галлии (нынешней Франции), в Лангедоке (между Альпами, Пиренеями и Средиземным морем), с особенной силой развилось еретическое учение так называемых альбигойцев. Дуализм в их учении объяснялся естественными условиями их быта. Как большинство бедняков [4], из среды которых рождались все эти новые религиозные учения, они считались с царящими в мире мучениями нищеты, голода, зла, власти силы и несправедливости и пр. Все это наводило на мысль о могуществе в мире Дьявола и о двойственности мироуправления, в котором власть колеблется между началом добра и началом зла. Помимо альбигойцев, и манихейцы, и богомилы, и патарены, и все остальные секты призна-

вали этот дуализм, занимавший в их вероучении центральное место.

Мир, по их учению, переполнен страданиями и есть творение злого бога. Людей освободил Христос, он борется со злым богом, с князем мира, который царствует на земле силой зла и несправедливости. Этот мир — мир тьмы, потому что, указывают они, Христос и говорит: «Царство мое не от мира сего».

Учение об аде и рае они отрицали: вечное блаженство по ту сторону жизни — для всех без исключения. Отрицали они также и евангельские чудеса. Их религия — религия полного примирения и полного согласия в мире вечности, без диссонансов добра и зла, вечного блаженства и вечного мучения, праведников и грешников.

Отличались альбигойцы суровым и простым образом жизни. В их моральном кодексе на первом месте стояли борьба с плотью, подавление похотей. Они отрицали собственность и, как новозаветные христиане, готовясь к вечности, пренебрегали достоянием земным. Не ели мяса, ели только плоды и овощи. Ветхий Завет отрицали и называли Ветхого Бога Богом мести и ненависти. Отрицали они также войну и всякое насилие. Община их называлась «Общиной верных».

Наиболее ревностные назывались «совершенные». «Совершенные» посвящались в это звание особым обрядом, перенятым ими от болгарских богомилов. Обряд состоял в простом наложении рук с произнесением некоторых слов; назывался он *Consolamentum*. Этим обрядом посвящаемый получал дары Духа Святого. Совершался он очень торжественно и обставлялся как можно таинственнее, потому что альбигоец, получивший «консоламентум», был уже приговорен к смерти как еретик. Посвящаемый приготавливался к нему строгим постом и молитвой. В большой комнате ставили стол, накрытый белой скатертью, на котором лежало Евангелие. Альбигойский учитель сначала рассказывал посвящаемому о суровости ожидающей его жизни, о том, что он постоянно должен ждать гонений от католического духовенства, и затем спрашивал его, твердо ли он решился на это.

После утвердительного ответа посвящаемый получал благословение от учителя и произносил обет, а именно: никогда не обманывать, не клясться, не прикасаться к женщине, не убивать никакого животного и не есть ни мяса, ни молока, ничего не делать без молитвы, а также ни перед какими угрозами не отрекаться от своей веры. После этого учитель, а за ним и другие совершенные возлагали на него руки. Все собрание молилось. Затем все учителя обнимали посвященного, или «утешенного», и давали ему поцелуй мира; а тот, в свою очередь, передавал этот поцелуй через одного из совершенных всему собранию.

Если посвящение совершалось над женщиной, то вместо поцелуя к ее плечу прикасались Евангелием.

После этого собрание расходилось, а «утешенный» предпринимал новый сорокадневный пост.

Женщины также принимались у них в число «совершенных».

Жизнь «совершенных» — нищета и полное отречение; обязанность — проповедничество. Узнать альбигойского проповедника можно было по простой черной одежде и черной кожаной сумке через плечо; в сумке помещалось Евангелие.

Гонимые и преследуемые, они скрывались в лесах, собирались в лесных хижинах, где не было ни украшений, ни икон, а стоял лишь стол, покрытый чистой скатертью. Читали Евангелие и разъясняли его верующим. Пророк секты давал всем свое благословение, потом хором пели молитвы.

Не признавая таинства причащения, они символом единения своего считали особый освященный хлеб, который разносили всюду.

И это мирное население Лангедока, состоявшее по преимуществу из католиков, сектантов, евреев и мавров, первое приняло на себя гонения и мученичество от инквизиционной власти.

Лангедок обладал сравнительно высшей культурой, — в Монпелье находилась высшая медицинская школа, в которой профессорами были евреи и арабы, значительно было культурное влияние последних. Крупным центром был город Тулуза.

Поняв опасность распространения ересей на юге Галлии, в Лангедоке (нынешнем Правансе), чувствуя, что эта богатая и цветущая страна уходит со своими богатствами от протектората папства, Иннокентий III* воззвал к крестовому походу против еретиков. Злая и дальновидная политика папы увенчалась успехом. Зная, что Северная Галлия ищет случая присоединить к себе цветущий Прованс, папа двинул на Лангедок войска французского рыцарства, а в резерве имел войска галльского короля, обещая победителю престол Лангедока. Под предводительством Симона Монфора двинулись и осадили Тулузу войска французского рыцарства, Началась длительная и кровопролитная борьба католиков и еретиков. Тулузский граф Раймонд VI пережил все перипетии этой борьбы и в конце концов лишен был своего наследственного графства. Лангедокцы, мирно жившие под управлением Раймонда, преуспевавшие в культуре и торговле, не могли примириться с новым завоевателем и с тиранией папства. Не раз поднимались восстания. Страна была предана папскому проклятию и отлучению. Во времена владычества Монфора сектанты скрывали свои убеждения под масками правоверного католичества или толпищами разбежались. Но во всех сердцах жила надежда восстания и свободы. В одной из битв Симон Монфор был убит; сын Раймонда VI – Раймонд VII – одержал победу над французским рыцарством и недолго свободно правил своей страной. По зову папы снова хлынули северо-галльские полчища, и юный граф стал терпеть поражения. В конце концов, он должен был подписать позорные условия мира и принять свое графство на условиях полного подчинения Риму.

Торжественные церемонии отречения бунтовщиков папство обставляло всевозможными унижительными приемами, дабы наглядно показать унижительную подчиненность светской власти перед лицом власти духовной.

*Иннокентий III (1160–1216 гг.) – римский папа с 1198 г., в 1208 г. выступил инициатором крестового похода против альбигойцев в Южной Франции. Выдающийся представитель теократии (*примеч. ред.*).

С победой и завоеваниями Лангедока начались там суды над еретиками и казни их. Из Рима присланы были папой несколько духовных чиновников и каноников, которые составили как бы первоначальное ядро инквизиционного трибунала. Это были два легата и двенадцать проповедников. Начались решительные меры против еретиков. В 1229 году в Тулузе созван был собор для выработки мер против распространения ересей. Собор постановил: обязать каждого мальчика от 14-летнего возраста и каждую девочку от 12-летнего дать клятву исповедовать католическую веру, ненавидеть и преследовать еретиков. Мирянам запрещалось читать Библию.

Собор обязал под страхом наказания каждого обывателя разыскивать еретиков и доносить о них. Раскаявшиеся еретики носили особую пометку на одежде: два желтых креста. Нераскаявшиеся — заключались в тюрьму или сжигались, а имущества их конфисковывались в пользу церкви. Епископы назначали «инквизиторов веры». Созванный ранее Турский собор опубликовал следующее свое постановление относительно еретиков: «Мы повелеваем епископам быть бдительными и по произнесении церковного отлучения над еретиками следить за тем, чтобы последователи этой ереси были лишены крова и какой бы то ни было помощи, сколько бы их ни было. Никто не смеет сообщаться с такими людьми, ни покупать у них ничего, ни продавать им. Во всяком человеческом утешении им должно быть отказано, чтобы они были вынуждены отказаться от своего заблуждения. И если кто осмелится не повиноваться этому повелению, тот тоже подвергается проклятию, как соучастник ереси. Те же еретики, которые попадут в руки властей, должны быть заключены в тюрьму во владении какого-нибудь католического государя и лишены всего имущества. В тех местах, где втайне сосредоточено большое количество еретиков, должны быть произведены строгие расследования; ничто другое не соединяет их, как их ересь. Поэтому если будет открыто какое-нибудь тайное собрание где-либо в доме, то виновные должны быть наказаны со всей строгостью церковного закона».

Еретиков действительно преследовали со страстью, как охотники дичь; монахи-доминиканцы, занятые делом преследования еретиков, так и называли себя «охотничьими собаками папы». Папа Григорий IX* пишет одному инквизитору: «...Возлагаем в твои руки меч слова Божия. Поэтому следуй слову пророка, и пусть меч в твоих руках не будет высыхать от крови».

Психологию предательства и того, что принято называть иезуитизмом, хорошо вскрывает следующий обвинительный акт нераскаявшимся еретикам: «Мы прочли вам, как тяжело прегрешили вы в проклятом преступлении ереси. Сегодня приведены вы сюда перед лицо наше, чтобы принести покаяние и выслушать из наших уст окончательный приговор себе. Вы говорите, что одушевлены желанием искренно и непритворно вернуться в лоно истинной церкви и публично отречься здесь от всякой ереси, от всякого общения с еретиками, какие бы они ни были, от их веры, от их богослужения, от всех их обещаний, от их упорства и злобы. Вы говорите также, что хотите принести клятву в том, что будете держаться только истинной веры, защищать ее, разыскивать еретиков и указывать те их притоны, которые вы только знаете. Вы говорите также, что готовы принести клятву в том, что вперед будете оказывать беспрекословное повиновение велениям церкви и нашим. Под этими условиями вы с надлежащим смирением молитесь о снятии с вас церковного отлучения, которое тяготело над вами вследствие упомянутого вашего преступления. Если вы действительно искренно желаете возвратиться в лоно церкви и соблюдать то, что мы сочтем за благо наложить на вас, то, положив перед нами святое Евангелие, чтобы, как перед лицом Бога, быть справедливым в нашем приговоре, мы, как судьи этого трибунала, посоветовавшись с благочестивыми и хорошо осведом-

* Григорий IX (1145–1241) – римский папа с 1227 г. В борьбе с императором Фридрихом II продолжал теократическую политику Иннокентия III. Жестоко преследовал еретиков. Превратил инквизицию в постоянный орган церкви (1232 г.) и передал ее в ведение доминиканцев. Учредил инквизицию в ряде стран (*примеч. ред.*).

ленными в церковном и гражданском праве мужами, приговариваем вас к пожизненному заключению в каменном мешке, чтобы вы могли принести полезное для ваших душ покаяние, съедая хлеб ваш в печали и смешивая ваше питье со многими слезами раскаяния».

Фридрих Гогенштауфен высказывает убеждение, что еретиков, как змеиных сынов вероломства, дерзающих оскорблять Бога и церковь, не должно оставлять в живых. Он же считал полезным «сжигать еретиков живыми в присутствии зрителей». Судили не только живых, но и мертвых. Трупы людей, признанных еретиками, вырывались из могил, осквернялись и оставлялись без погребения. В 1020 году запылал первый костер на городской площади в Тулузе. Через два года запылал он в Орлеане. Еретиков живьем сжигали на кострах для поучения жителей.

Но по мере усиления ярости преследователей как огонь под ветром разгорались сектантские вероучения и ревность их о вере, преданность своим учениям и мученический героизм. Ереси одновременно вспыхивают в Орвието, в Милане, в Альби, в Витербо, в Сполетто. Доминиканский орден шлет целыми тучами добровольных инквизиторов, палачей и сыщиков, шныряющих по стране, наводящих ужас своим прибытием, приносящих доносы, кровь, пытки и мученические костры. Каким образом доминиканский орден сыграл столь деятельную роль в истории инквизиции, повествует история.

1

При папе Иннокентии III, который снарядил крестовый поход на еретиков в Лангедок, прославился своей святой, ревностной жизнью монах Доминик д'Аца. Этот Доминик, впоследствии «Сан-Доминго», был основателем ордена, которому суждено было сыграть крупную роль в деятельности инквизиции. Сам же святой Доминик был лишь ревностным проповедником христианских добродетелей, и делать его ответственным за казни инквизиции никак нельзя. Правда, по нравам того времени Доминику не раз приходилось иметь

дело с новообращенными еретиками или заблуждавшимися и не только следить за их воскресной экзекуцией, но и принимать в ней личное участие. Но это считалось важным и богоугодным делом, и святой Доминик, следуя за заблуждавшимися подле церкви с прутьями в руке, исполнен был святого рвения послужить на спасение душ человеческих.

Родом Доминик был из фанатической Кастилии, где столько лилось крови в борьбе христианских рыцарей с маврами и сарацинами. Родился он в местечке Каларнога. Вся семья их была благочестивая и известная делами благочестия. Еще до рождения Доминика матери его казалось, что она носит в утробе щенка, который лаем всегда напоминает о себе, то виделось ей, что рожденный ею младенец озаряет весь мир своим светильником. Дядя-епископ руководил воспитанием ребенка. Когда мальчик подрос, его отправили учиться в Паленсию, в «Музеум», из которого после возник знаменитый Саламанский университет. В первый же день Доминик распродал все свои учебные книги и вырученные деньги отдал нищим. Образ жизни он вел суровый. Совершенно очевидно, что у юного бакалавра уже был вполне определенный идеал жизни: он жаждал подвига, рвался в духовный бой, хотел отдать все свои силы Богу и добродетели.

Чуждаясь общества товарищей, он жил одиноко, никогда не шутил и не смеялся, не ел мясной пищи, спал на голой скамье или на камнях. Его видели только в церкви, где со страстным вниманием слушал он все проповеди. Большое влияние на него оказала книга проповедника Кассиана «*Collationes Patrum*», она привела его к духовному совершенствованию, и он слепо подчинился ее влиянию. В университете обратили внимание на юношу, который с такой страстью готовится к духовному подвижничеству. Епископ настойчиво советовал ему отдаться духовной деятельности, соответствующей всем особенностям его натуры. Юноша согласился и был посвящен в каноники Августинского монастыря.

Он ревностно занимался проповеднической деятельностью, но вскоре, при его жгучей энергии, ему сделалось тес-

но в Паленсии, где проповеди его имели громадный успех среди толпы слушателей. Бартоломей Тридентский говорит о нем: «Он готов был разорвать свое тело на куски из ревности к вере, а любви божественной в нем было столько, что он готов был для выгод христианства пожертвовать собою, продать себя, если бы это потребовалось». Из Паленсии он уходит в Лангедок для борьбы с ересью. Но, видя чистоту жизни сектантов-катаров (то же, что и альбигойцы), настолько сохраняет беспристрастие, что предлагает католическому духовенству перенять чистоту жизни у этих сектантов. Доминику нравится их воздержание, их презрение к плотской жизни и их одушевленность идеальными представлениями. По существу своему Доминик сам был сектантом, и, быть может, это была простая случайность, что он не сделался пламенным исповедником сектантской ереси, а оставался ревностным слугой католической церкви. В значительной степени это объясняется тем, что Доминик не остался слепым исполнителем папской воли, а был вождем своего стада в своем монастыре, где образовал своего рода Доминиканскую церковь.

Испанским монахам, сопровождавшим его в Лангедок для борьбы с еретиками, Доминик посоветовал бороться не словами, а примером своей жизни, — распустить блестящих слуг, отказаться от экипажей и всех удобств и роскоши и идти пешком, нищими, подобно апостолам. Огню, горевшему в душе Доминика, надо приписать то, что сопровождавшие его священники настолько одушевились нарисованным им идеалом монашеской жизни, что отказались от всего и пошли за ним действительно нищими, восхваляя своего вождя и господина. Историк Доминика и его жизни говорит: «Куда бы ни приезжал этот человек, он везде производил сильное впечатление на людские массы своей личностью, огненной речью и особенно обаянием чудес». Шли слухи, что он обладает силой исцелять болезни, изгонять нечистых духов и даже воскрешать мертвых. Составлены целые списки его чудес, сохранные в доминиканском монастыре. Так, одному испанскому юноше, предназначенному с юности для монашеской

жизни, Доминик исправил мешавший ему органический порок и молитвами вместо женского органа восстановил мужской. Одной девушке, которая рвалась в монастырь и не знала, как избегнуть замужества, Доминик изменил лицо и настолько ее обезобразил, что, вставши однажды утром, девица сама себя не узнала, а жених от нее отступился и дал ей беспрепятственно сделаться невестой Христовой. Все эти подвиги снискали Доминику популярность среди народа. Но, конечно, всего чудеснее была великая сила его духовного красноречия, которой он жег сердца.

Сам он продолжал вести подвижнический образ жизни, носил власяницу, бичевал и изнурял себя. И хотя его называют преследователем ереси и упорным гонителем еретиков, но всюду рисуют его кротким и тихим, убеждающим пламенным словом и огнем своей веры. Три женщины, по словам католических историков, засвидетельствовали его девственность.

Существенная деятельность святого Доминика, кроме его пламенных проповедей, заключалась в основании Пруллианского монастыря, недалеко от Монреаля, на земле тулузского епископа. Монастырь был основан для укрепления в вере обращенных еретичек; там же основаны были мужская и женская школы. Братия и ученики жили милостыней. Множество поклонников Доминика стремились к нему в монастырь, и он все увеличивался. Цели учрежденного монастыря для еретиков заключались исключительно в духовном назидании. Доминик и представить себе не мог, что впоследствии его же монастырь обратится в мрачный дом пыток и заключения для десятков тысяч людей. Он хлопотал об учреждении своего особого ордена и наконец в 1216 году получил желанное разрешение, и тогда же первые шестнадцать доминиканцев перебрались в здание нового доминиканского ордена. Но этого Доминику было мало, и он умолял папу разрешить ему основание особого проповеднического братства.

Незадолго до этого духовный брат его и поверенный всех планов Диего умер, и Доминик остался одинок со всеми своими недовершенными планами и начинаниями. Молясь од-

нажды ночью в римской церкви о том, чтобы дано ему было завершение его планов, Доминик увидел во сне Сына Божия, восседавшего на высоком троне, в небе, по правую сторону Бога Отца. «Христос сидел гневный, раздраженный перед толпою грешников, поникших перед Ним. В руках Его были три копья, предназначенных для сокрушения прегрешивших: одно — для гордых, другое — для скупых, третье — для развратных. Пресвятая Матерь обнимала Его ноги, умоляя о милосердии к павшим. “Разве не видишь ты, — отвечал ей Иисус, — сколько неправды они сделали Мне? Моя справедливость не потерпит втуне столько зла безнаказанного”. Тогда Пресвятая Дева сказала ему: “Ты ведаешь, Господи, каким путем надо направить их. Я знаю верного слугу, которого Ты пошлешь в мир, дабы он восстановил учение Твое, тогда все узнают и обрящут Тебя. Я дам ему в помощники еще другого слугу, который совершит то же дело”. По желанию Господа, Которого смягчили ее просьбы, она подвела ему монаха, в чертах которого Доминик узнал самого себя. “Он способен исполнить то, что сказала Ты”, — изрек Господь. Следом за ним она подвела другого монаха, который предназначался в соратники ему. Лицо его было незнакомо. Доминик никогда не видел его прежде. Но, придя на другой день в церковь, он нашел его между молящимися и тогда, смело обратившись к нему, воскликнул: «Ты товарищ мой, ты пойдешь вместе со мною. Мы будем действовать вместе, и никто не одолеет нас!» Нового знакомца звали Франциском.

Это был еще более знаменитый проповедник, вдохновенный учитель любви Христовой Франциск Ассизский.

«Франческо Бернардоне (в миру Джованни Бернардоне) был сын богатого купца из итальянского города Ассизи. Он с детства почувствовал свое призвание. С самой молодости он удерживал вырученные за товары деньги ради бедных и больных. Раз, когда в храме читали об евангельском отречении от всех земных благ ради имени Христова, его экзальтированная натура, уже давно подготовленная к тому постами и молитвами, была надломлена окончательно. Он отказался от отцовских богатств и, приняв имя Франциск, в

рубище, босой стал ходить по городу, питаясь милостыней. У него начались галлюцинации; ему являлись странные видения, он слышал пение ангелов, беседовал с Богом. Отец через епископа прибег к уговорам вернуться к нормальной жизни, а потом и к строгим мерам — семья с презрением изгнала его. Франциск расторг все связи с родственниками и стал проповедовать необходимость строгого покаяния, суровой жизни и отречения от мирских благ. Он притупил свои чувства и тело. Перед этим аскетическим героизмом начали преклоняться. Один ассизский богач смеялся над Франциском, но однажды после его страстной проповеди распродал свои богатства и пошел за этим человеком, оригинальным, но магнетически притягательным. Тогда к нему присоединилось еще шесть человек. Все они поселились у ручья, в тесном шалаше, в окрестностях города; попеременно они ходили на проповедь. В 1208 г. Оттон IV* короновался в Риме; Франциск послал письмо, где напомнил императору о суете мирской и о том, что вся слава его пройдет как сон. Его страстная натура не могла успокоиться на самоуглублении и созерцании, он всячески истязал свое тело. Трижды в ночь он бичевал себя: один раз за свои грехи, другой — за живущих, третий — за души в чистилище. Чтобы притупить телесные ощущения, он, нагой, кидался в снег, и, даже умирая, распростертый на сырой земле, оставался тем же героическим аскетом, каким всегда был при жизни. Добиваясь неведомых подвигов, Франциск напрасно выпрашивая у Иннокентия III разрешения открыть братство «нищенствующих францисканцев», обошел всю Южную Италию и отправился в Палестину. Он был в Сирии и Египте; всюду его сопровождала молва о чудесах. Говорили, что его жизнь напоминает жизнь Спасителя от самого рождения, что он даже превосходит Христа своими подвигами. Его миссионеры распространяли идею отречения от мира в Испании и в Северной и Южной Франции».

* Оттон IV (1175 или 1182 — 1218) — король Германии с 1198 г., император Священной Римской империи с 1209 г. Был выдвинут Вельфами в противовес Филиппу Швабскому. Отлучен от церкви (*примеч. ред.*).

В 1216 году папой Гонорием III был утвержден орден проповедников Доменика, а спустя шесть лет такое же разрешение было дано и Франциску. Тогда число «миноритов», сопровождавших его «меньших братьев», было так велико, что всех поражало своей громадностью, своей готовностью отречься от мира и способностью воодушевлять проповедями народ. Франциск поддерживал Доминика в Риме, и основатель ордена доминиканцев многим был обязан своему товарищу, облик которого увидел еще до встречи во сне.

Оба братства, доминиканцев и францисканцев, стали действительно функционировать. Не прошло и двадцати лет со дня их основания, как в Западной Европе насчитывали уже 400 доминиканских и 1000 францисканских монастырей. Вначале задачи их были одинаковы: проповедь и пример личной жизни. Всякий поступавший в орден миноритов тем самым отказывался от настоящей и будущей личной жизни, от собственности, от денег. Кроме серой или коричневой рясы, прикрывавшей тело, никакой иной одежды не было. Помещения были тесны; голод едва удовлетворялся. Оба ордена управлялись каждый своим «генеральным министром». Первую ступень занимали кающиеся (терциаты), далее шли уже минориты, получившие посвящение.

Отсюда, из этих орденов, основанных волей истинных христиан, возникли впоследствии ревностные инквизиторы, гонители ереси. Но память обоих, и в особенности кроткого Франциска, неповинна в этих морях человеческой крови, пролитых яростными защитниками христианства от христиан.

ГЛАВА III

ДОМ ИНКВИЗИЦИИ. ПЕРВЫЕ КОСТРЫ И ПЕРВЫЕ МУЧЕНИКИ

Над воротами дома, где помещалось аббатство св. Доминика, крупными буквами было написано: «*Domus inquisitio-
nis*».

«Осыпавшиеся двойные арки, разделенные белыми мраморными колоннами, серые кубические кирпичи, — все показывает, что католическая обитель воздвиглась на римских руинах.

На фронтоне — герб с изображением голубя, который несет в клюве масличную ветвь мира. Под ним надпись — «*Tuoi selения*» — по-латински*. И герб, и надпись поразительно символизируют именно то, ярким отрицанием чего был этот страшный для народа дом.

Середину фриза украшает герб доминиканского ордена (пальма и звезда на белом с черным фоне) и герб Франции (лилии с королевской короной). Над ним надпись: «Един Бог, одна вера».

Во дворе здания помещается статуя святого Доминика, стены и плафон здания покрыты картинами, изображающими жизнь основателя ордена. Ревностные католические историки вменяют Доминику в заслугу и то, что, являясь основателем ордена, который столь рьяно боролся с еретиками и выдвинул столько инквизиторов, он сам будто бы тоже был борцом инквизиции. И апологеты инквизиции поют святому за это гимн, находя, что святая инквизиция, по существу, начата самим Иеговой, преследовавшим нечестивых и каравшим их (испанский историк монах Моцедо).

Когда «гнездо ереси», Тулуза, была завоевана, после окончательного ее покорения возникла идея учреждения, цель которого — искоренение ереси. Первым зародышем его был институт «досмотрщиков за благочестием паствы». Местом их деятельности был упомянутый дом братства доминиканцев. «Хотя легаты св. престола, — гласило постановление Тулузского собора, — неоднократно делали постановления относительно еретиков, но, принимая во внимание, что эти провинции теперь умиротворены, мы признали нужным приказать, с согласия архиепископов, баронов, прелатов и рыцарей, принять необходимые меры, чтобы очистить страну от яда ересей и поселить мир в ней». В каждом приходе

* *Tua ruga* (примеч. фред.).

была учреждена комиссия из приходского священника и двух или трех выборных прихожан; они присягали в том, что будут тщательно разыскивать еретиков и их единомышленников, для этого осматривая все дома от чердака до погреба и даже подzemелья, и о поисках, в случае поимки, будут доносить владельцам тех мест и их управителям для строгого наказания еретиков. Всякий синьор обязан разыскивать еретиков в деревнях, домах и лесах, и если кто дозволит за деньги или даром проживать еретику на своей земле, тот лишается ее, а сам предается в руки властей. Дом, где жил еретик, должен быть скрыт, а место конфисковано. На епископа или уполномоченного им для этого духовного лица возлагается определение: еретик подсудимый или нет. Дозволение еретику проживать на чьей-либо земле после суда влечет за собою упомянутое строгое преследование. Всякий католик может быть добровольным сыщиком еретиков, и местные байльи получили приказание, под страхом лишения места, содействовать им в том всеми мерами.

Назначенный в Тулузу легат, стоявший во главе местного инквизиционного трибунала, деятельностью своей возмутил весь город и внес в него яд доноса, недоверия, взаимной злобы. Каждый видел в другом врага и доносчика, каждый искал случая отомстить. На улицах начались столкновения, иногда дело доходило до убийства. На альбигийцев стали охотиться как на зверей. Их находили в лесах и волокли на суд. Инквизиционный дом делается центром власти, оттуда исходит как бы влияние злого духа, убивающего спокойствие горожан и распространяющее заразу убийства, доноса и злобы. Поистине дело Христа католическое духовенство обратило в дело братоубийства, злобы и кровопролития. Страшные страницы истории инквизиции являются сплошными пятнами крови в истории человечества. И по иронии судьбы именно учение о любви, о всеобщем братстве, будучи искажено, породило весь этот ужас. Недаром среди искушений дьявола поэт самым страшным и соблазнительным сделал искушение картин будущего, в котором искушитель мог увидеть осквернение своего

учения и поистине страшные плоды приложения его к жизни фанатиками и безумцами.

...Толпа стихает. Слышен хор.
На площадь шествие выходит.
Монах с крестом его подводит
Туда, где высится костер.
Средь черных ряс в рубахах белых
Мужей и жен идут ряды.
Злых пыток свежие следы
Горят на лицах помертвелых.
И вот хоругвей черных лес
Недвижно стал. На возвышеньях
Мелькнули мучеников тени.
И вдруг костер в дыму исчез —
Под стоны жертв, под пенье хора,
Под тяжкий вздох твоей груди...
Но ты на старца погляди!
Не сводит огненного взора
С огня, дыханье затаив.
Он молод стал, он стал красив.
Молитву шепчет... Неужели
Твое он имя произнес?
Тебе — ты слышишь? — он принес
Несчастных в жертву, что сгорели.
Тебя прославил он огнем,
За души грешников предстатель.
Ты весь дрожишь? Так знай, мечтатель:
*О кротком имени твоём
Моря из крови заструятся,
Свершится бесконечный ряд
Злодейств ужасных, освятятся
Кинжал и меч, костер и яд.
И будут дикие проклятья
Твою святыню осквернять,
И люди именем распятыя
Друг друга будут распинать!*

И станет знаменем в борьбе непримиримой
Твой крест, твой кроткий крест, символ любви твоей...
И, руки вверх воздев, молился друг людей:
«Да идет чаша эта мимо»...

Бывали, впрочем, случаи, когда в сознание кровавых служителей алтаря вторгалась мысль о нестерпимом противоречии между исповедуемой религией любви и кровавым насилием над душой и телом людей. Так, назначенный из Бургундии для розыска альбигойцев священник Иоанн Филиберт, посетив несколько молитвенных собраний альбигойцев, кончил тем, что из их гонителя сам превратился в альбигойца. Но, боясь преследования и кары, отрекся от них, будучи заподозренным. Много лет после этого он явно оставался католиком, а тайно альбигойцем; днем служил католическую обедню, а ночью тайком уходил на служение альбигойцев. Поймав его во второй раз, господствующая церковь уже не помиловала его.

«Так как церковь, — говорится в прочитанном ему приговоре, — не имеет больше средств противодействовать твоей гибели, то мы теперь тебя извещаем, что ты, называющийся Иоанном Филибертом, священник, должен быть лишен своего сана; а когда ты будешь низложен, мы предадим тебя в руки светской власти для суда и наказания. Предавая ей тебя, мы просим ее сохранить тебе жизнь и не сокрушить твои члены, а по совершении тобой достойного покаяния мы разрешаем тебе принятие Святых Тайн».

Так как духовенство не имело права проливать кровь, то оно осуждало на костер, «без пролития крови». Так святые отцы инквизиции умели обходить каноны и правила святой жизни, сохраняя невинность и расправляясь со своими жертвами.

Иоанна Филиберта казнили торжественно. Казни святой инквизиции вообще происходили при большом стечении народа, с помпой, дабы сожжение еретиков имело характер религиозного торжества. Это было как бы наглядным свидетельством силы господствующей церкви, показателем ее пре-

державшей власти, наказующей еретика и благоволящей правому. Иные из искренних фанатиков верили, что дым сожженных жертв приятен Богу и что «великолепное аутодафе» есть богоугодное и святое дело, которое надлежит делать для всеобщего лицезрения. Поэтому казни назначались по воскресеньям и вообще по праздникам. Казнь Филиберта была также назначена на воскресенье.

Его вывели из тюрьмы в полном священническом облачении и поставили на возвышенное место, перед лицом архиепископа, духовенства и скопившегося на площади народа. Рядом со стоявшим на возвышении Филибертом на столике лежало евангелие, богослужебные книги, церковная утварь и все священнические принадлежности. После прочтения приговора начался церемониал низложения. Священнику подносили все знаки его сана и затем вырывали их у него из рук. Сорвали с него священническую одежду и объявили о снятии с него сана и всех сопряженных с ним привилегий.

Униженный и опозоренный, в изорванной одежде, с обритой головой, Филиберт был выставлен на позорище и затем брошен в костер.

Процессы о ересь начались повсюду. И всюду в городах Южной Франции и в Италии запылали костры инквизиции во славу Бога. По праздничным дням в городах, которые посетили братья-инквизиторы, воздух был насыщен теплой и жирной гарью от сгоревших человеческих трупов.

В Альби было устроено первое состязание католических миссионеров с сектантами, откуда и привилось для последних название альбигойцев. Состязание это закончилось для сектантов печально, так как католические братья действовали не одним убеждением, но главным образом силой.

В Орвието проповедовали ересь две женщины и, по судебному установлению, увлекли многих. Прибывшие для борьбы с сектантами духовные братья расставили по городу виселицы, и многие были повешены.

В Милане, Витербо, Споллето, Альби и других местах почти одновременно появлялись ереси и секты. Перед римс-

ким престолом серьезно вставала необходимость настойчивой борьбы с тем, что в корень подрывало его влияние. Папа Александр III* делает борьбу с ересью систематической и организует правильные кадры инквизиторских войск, этих ловцов тел и душ. Он издает эдикт, по которому еретики предаются отлучению и проклятию. Их можно безнаказанно убивать, обращать в рабство. Считается богоугодным делом поднять оружие против еретиков.

Их преследовали, прежде всего, как нарушителей общественного порядка и спокойствия, как нарушителей чистоты и правильности христианского вероучения, как оскорбляющих религию и богохульствующих. Диалектики отцы-инквизиторы усмотрели в этих преследованиях еретиков пользу и для них самих. Ибо отеческие меры трибунала имеют целью спасение душ самих же еретиков, «дабы они обратились к церкви и познали истину».

Власть над умами еретических воззрений, недоверие к церкви и свободное отношение к ее служителям слишком уж давали о себе знать. Папа Александр III, столь энергично искоренявший ересь, оглядываясь назад, мог видеть среди своих предшественников слабовольного Адриана IV, которого свергнул с престола, опираясь на возмущение народа разворотом духовенства, Арнольд Брешианский, ученик Абеяра. Десять лет пользовался пламенной Арнольд неограниченным влиянием в Риме, пока германский император не пришел на помощь папе и проповедник не погиб в огне костра.

В то же время духовная власть не забывала ограждать от заразы ересей и мирных жителей и всячески опекать их. Она вмешивалась в домашний распорядок их жизни, предписывала целый ряд правил и обязанностей поведения. Едва лишь кто обратит на себя внимание какой-либо странностью образа жизни или малейшим уклонением от предписанных правил, как церковь брала его на замечание и заставляла каять-

* Александр III (умер в 1181 г.) — римский папа с 1159 г. Стремился утвердить папскую теократию. Вел борьбу против Фридриха I Барбароссы и Генриха II Английского. Добился признания пап верховными сюзеренами английских королей (*примеч. ред.*).

ся и переносить унижение увещаний и наказаний. На обязанности св. Доминика было приводить таких кающихся к полному покаянию. Одна из грамот Доминика относительно подобных церемоний покаяния характерно рисует страшную зависимость мирян от произвола духовных властей.

«В силу власти, данной аббату Сито, легату апостольского престола, которого мы служим представителем, мы возвратили в лоно Церкви предьявителя сей грамоты, Понса Рожера, оставившего по милости Божией секту еретиков. Так как он дал нам клятву исполнять наши приказания, то мы велели ему три следующие воскресенья являться в церковь, причем священник, обнажив его, будет бить розгами на всем расстоянии от городских ворот до церкви. Для покаяния мы налагаем на него на всю жизнь пост и запрещаем ему есть мясо, яйца, сыр и всякую животную пищу, исключая дней Пасхи, Троицы и Рождества, в которые он может есть все; в знак отвращения от своей прежней ереси три поста в году он должен воздерживаться даже от рыбы; три раза в неделю, пока жив, воздерживаться от мяса, рыбы и вина, допуская облегчение только в случае болезни и изнурительных работ. Он должен будет носить церковное платье и по покрою, и по цвету, с двумя маленькими крестами, нашитыми на груди. Всякий день он будет слушать мессу, если то окажется возможным, а по праздникам и воскресеньям вечером. Он в точности должен исполнять утренние и вечерние правила, читать «Отче наш» 7 раз утром, 10 раз вечером и 20 в полночь, жить целомудренно и настоящую грамоту вручить своему приходскому священнику (в местечке Церера); последнему приказываем наблюдать за поведением Рожера, который должен исполнять в точности все, что ему предписано, до тех пор, пока господин легат не изъявит своей воли. Если же означенный Понс того исполнять не будет, то мы приказываем смотреть на него как на клятвопреступника, еретика, отлученного и удалить его от общества верных».

Даже мирному монаху-проповеднику, ставившему себе целью только лишь увещание словом и убеждением, а также примером личной святой жизни, — даже ему приходилось

участвовать в позорных церемониях и сопровождать обнаженного кающегося с пучком розог в руке, нанося ему удары по телу.

Ревностные в борьбе с ересью братья-доминиканцы образовали из своей среды так называемую «милицию Христову» для борьбы убеждением с ересью. Вскоре именно из этих кадров милиции выйдут ревностные инквизиторы, запятнавшие себе руки человеческой кровью.

2

ИНКВИЗИЦИЯ В ГЕРМАНИИ

В Германии из еретических сект самой распространенной была секта вальденсов [5]. Ее первым проповедником был Петр Вальдо, от имени которого произошло и название секты. Вальденсы, как и остальные сектанты, протестовали против распущенности и продажности римской церкви, отрицали причастие и крещение, верили в predetermined судьбу человека. Ересь вальденская по преимуществу была распространена среди мастеровых, крестьян и торговцев. Их проповедник Петр де Бруи сожжен на костре; другой, смелый борец Генрих, умер в тюрьме [6].

По приказанию папы в Германии делами ереси занимался инквизитор Конрад Марбургский. Первый же его приезд в Страсбург ознаменовался сожжением 80 еретиков-вальденсов. Для распространения ереси в Германии была наиболее удобная почва. Священничество здесь было менее грамотно, чем где-либо, и не пользовалось ни малейшим влиянием. Простой народ, задавленный тяжестью трудовой, почти нищенской жизни, лишался последней точки опоры, видя развращенность и тупость священнослужителей, убивавших в мирянах веру и религиозное настроение. Из напряженных мечтаний о будущей справедливости, о царстве равенства и мира родилась новая религия сектантов, которой они поверили всей душой.

В Страсбурге инквизиторами были схвачены и обвинены в ереси сразу 500 человек. Попытались обратить их в лоно

католичества. Но, хорошо знакомые с Писанием, вальденсы оказались хорошими диспутантами и порой сбивали с толку самих же увещателей. Еретиков вначале предали пытке, дабы мучениями заставить их отречься от ереси и принять истину католической церкви. Но многие, несмотря на все муки пыток, остались непреклонны, и между ними был любимый народом проповедник Иоанн. Красноречие и убедительная сила этого проповедника были так велики, что сами судьи были смущены неотразимостью его доводов и решили, что такая мощь красноречия есть, несомненно, дело дьявольских рук. Ибо Бог еретика не станет помогать, а дьявол будет всячески оказывать ему помощь в словесном состязании с хотя и учеными, но все же по-человечески слабыми братьями-инквизиторами. Тогда решили положиться на излюбленное ими средство испытания, которое носило название «Суда Божьего». Так называлось испытание раскаленным железом.

Эта жестокая мера, если считаться с психологией Средневековья, была, несомненно, основана на глубокой и невозмутимой вере в Бога и вере в Его непосредственное вмешательство в людскую жизнь. Доброму христианину Бог поможет, ибо сотворить чудо для благочестивого человека Ему ничего не стоит. Еретик же обнаружит слабость и покажет испытанные мучения, что будет служить непреложным доказательством нежелания Божества вмешаться в его судьбу и, значит, того, что перед судом святейшей инквизиции стоит не кто иной, как заведомый еретик.

В ответ на предложение «Суда Божьего» Иоанн ответил, что не следует искушать Бога. Проповедник был приговорен к сожжению.

Его вместе с остальными осужденными повели за город, где была вырыта большая яма. В яме развели костер и бросили туда осужденных, погибавших в дыму и пламени.

Покончив со Страсбургом, страшный инквизитор Конрад Марбургский стал кочевать по всей Германии, всюду наводя ужас своим поведением. Верхом на муле, в сопровождении своего товарища Иоанна Одноглазого, объезжал он города и селения, всюду высматривая в толпе, расспрашивая и вы-

нюхивая, находя среди городских отбросов охотников доносить и клеветать на мирян, дабы воспользоваться потом, как платой за труд, частью их имущества... Входя в город или местечко, Конрад со своей сворой давал о себе знать звуками набатного колокола. Собиралась толпа, из нее сейчас же хватали подозрительных и вели на допрос, то есть на пытку, где под влиянием мучений несчастный оговаривал и себя, и других. Этого было достаточно для разведения костров и сжигания еретиков. Вскоре Конрад возбудил такую ненависть народа в округе, в котором он действовал, что однажды терпение народное переполнилось и близ Марбурга его и его спутников в исступлении изрубили.

Император германский Фридрих II пошел по этому пути еще дальше, издав постановление, которое не было вполне принято даже самую инквизицией. Он издал закон, по которому всякий мог врыватья в чужой дом, обыскивать его и, в случае нахождения там доказательств ереси, грабить и конфисковывать имущество. До таких постановлений не доходил еще никто.

«Так как мы, — писал он своему наместнику в Ломбардии, архиепископу Магдебургскому, — самим Богом поставлены в хранители и защитники церковного спокойствия во вверенной нашему правлению империи, то неужели мы можем терпеть в справедливом и искреннем удивлении, как растет вражеская ересь и позор в самой Ломбардии, в которой многие безнаказанно хулят Церковь и веру католическую? Или мы должны притворяться, или будем небрежно слушать, как нечестивые хулят Христа и веру, и не выйдем из своего спокойствия? Конечно, Бог уличит нас в неблагодарности и небрежении, Он, который дал против врагов его веры меч материальный и всю полноту власти... и потому, ревнуя быть достойным того, настоящим эдиктом нашим ненарушимо постановляем во всей Ломбардии, что если кто, городским начальством (*per civitatis antistem*) или диоцезным на месте своего проживания, после основательного испытания, будет открыто уличен в ереси и осужден как еретик, то подestой ли, собранием ли или просто католическими мужами города

и диоцеза должен быть немедленно поставлен пред начальником (antistitis) и нашим именем присужден к огненной казни и сожжен в пламени, или если признают возможным оставить ему жалкую жизнь в пример прочим, то вырвать ему язык, дабы он не мог впредь кощунствовать на католическую веру и имя Господне».

3

ДОМИНИКАНЦЫ И ИНКВИЗИЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ

Не удовлетворяясь случайной организацией инквизиционных трибуналов, папа Григорий IX совместно со своим любимцем доминиканцем Раймондом де Пеньяфортом составили план более планомерного и окончательного в смысле состава учреждения инквизиционного института. Надо прибавить, что обоими в данном случае руководила цель ревностного служения церкви и ее пользе. Как ни страшна и ни омерзительна картина деятельности инквизиции, но беспристрастная история должна отметить, что именно те, кто являлся как бы ближайшим виновником ее возникновения, руководствовались хотя и фанатическими, но бескорыстными целями служения делу религии и католической церкви. Таковы были сам св. Доминик и друзья его — папа Григорий IX и доминиканец Раймонд. Никто из них не причастен разврату, грязи и продажности, в которых погрязла римская церковь. Наоборот, и Григорий IX, и Раймонд действовали в горячем увлечении проповедями и всей жизнью Доминика.

Основная мысль учредителей нового постоянного трибунала заключалась в следующем. Надо было иметь такой состав инквизиции, который был бы совершенно независим от светских властей и действовал бы, руководясь соображениями исключительно церковными. В прежние составы инквизиционного трибунала входили епископы, и они прежде всего не удовлетворяли как судьи, ибо были зависимы от светских властей и нередко колебались между Римом и непосредствен-

ным их королем и его интересами. Решено было устранить епископов от участия в делах инквизиции.

Что касается легатов, облакаемых широкими, чуть не королевскими полномочиями в тех странах, куда они были посылаемы, то они по самому своему положению обречены были на бездеятельность, ибо не могли сами исполнять роль сыщика, а довольствовались теми сведениями и материалами, которые им приносили. Между тем идеальным инквизитором, по мысли папы и Пеньяфорта, был тот, кто совмещал бы в себе духовного судью вместе с ревностным сыщиком. Такими оба они признали монахов ордена доминиканцев.

Этот план может быть назван дьявольским в том смысле, что он отдавал мирян в полную и безответственную власть гиен и волков, опьяненных запахом и видом крови и сеявших по стране смуту развращением, доносом, злобой и ужасом. С психологией всех последствий этого мероприятия основатели нового ордена инквизиторов не считались; вера их в плодотворность сыска монахов и в необходимость уничтожать ересь всеми путями была безгранична. И, таким образом, вся дальнейшая кровавая деятельность инквизиции была предрешена.

Братьями-судьями были избраны монахи доминиканского монастыря.

Соответственно своему решению, папа издал буллу, в которой указывал, что епископы слишком обременены своими разнообразными обязанностями и что поэтому доминиканцы могут успешнее их заниматься богоугодным делом борьбы с ересью. Доминиканцы рассыпались по всей Италии и Лангедоку. Они бродили и в Испании, по Кастилии, Наварре, Арагонии, заходили в Португалию, Францию и Германию. Деятельность их была действительно беспрецедентной по страстности и горячности усердия. Сосредоточием их действий были монастыри.

«Не будучи достаточно сильны, — пишет Григорий IX, — остановить такое поношение Создателя, но желая прекратить эту опасность гибели для душ заблудших, мы просим тебя, убеждаем и приказываем, сим апостольским послани-

ем, под страхом божественного суда, дабы ты тех из братьев, вверенных тебе, которые научены закону Господню и которых ты признаешь склонными к этому делу, разослал по разным сопредельным местам твоего надзора, дабы они получали клир и народ общею проповедью, где сочтут ее удобной. Для основательного исполнения этого дела они изберут себе разные местности и займутся с особенным старанием еретиками и отлученными (*infamatis*). Если виновные и отлученные, будучи допрошены, не захотят вполне подчиниться приказаниям Церкви, то братия станут исполнять относительно их наши справедливые статуты против еретиков, вновь обнародованные, направленные на укрывателей, защитников и покровителей еретиков, действуя, однако ж, в пределах этих статутов (*secundum eadem statuta nihilominus processuri*)». Те, которые, отрекшись от ереси, захотят обратиться к Церкви, могут получить обращение и разрешение по обрядам церковным и воссоединиться с нею, если того заслуживают, смотря по степени их заблуждения и по статутам. Папа давал двадцатидневную индульгенцию тем, которые будут присутствовать при проповеди доминиканцев; самим же братьям-проповедникам, которые возьмутся за это дело, давал полную индульгенцию во всех грехах, в которых они принесут покаяние.

При первых же шагах доминиканцы-инквизиторы вызвали против себя негодование и злобу мирян, и в Кордесе трое из братьев были тайно убиты. 26 мая 1237 года был подписан первый приговор тулузского инквизиционного суда. Судопроизводство инквизиторов было оригинально и по основным своим приемам неслыханно. Оно зажимало рот обвиняемому, не давало ему ни оправдываться, ни доказывать своей невинности. Заподозренный в глазах судей был обвиняемым. От первого допроса до пыток и костра или заключения был один шаг.

Своеобразным приемом этого судопроизводства было то, что суд был тайным, что обвиняемый не знал своих обвинителей и не имел защитников. Материалом следственным были, во-первых, донос, а во-вторых — те показания обвиня-

емого, которые вырывались у него во время пытки. Если обвиняемый упорствовал, то считался закоренелым еретиком; если сознавался, суд считал себя удовлетворенным. И в том и в другом случае результатом был костер. Лишь в самом начале функционирования первых трибуналов наказания назначались сравнительно легкие. Свирепость судей возрастала, а первое условие суда – пытка – приучила их считать неизбежным в делах суда кровь, муки и смерть судимых. Оправдания были так редки, что два-три случая подобных оправданий в первом периоде деятельности инквизиции историки занесли на свои страницы, как величайшую редкость.

Среди первых судей и проповедников из доминиканцев делается знаменитым упомянутый Конрад, убитый под Марбургом. Его речи вызывали такой интерес народа, что в храмах не умещалась толпа слушателей, и Конрад уводил их на площади, под открытое небо. Вот что говорит об его деятельности историк:

«Богатые способности этого человека направлялись на преследование себе подобных. Всюду он приносил с собою проклятие и безжалостный суд. Попасться в его руки значило или проститься с жизнью, или навсегда опозорить себя. Его примеру подражали прочие инквизиторы. Он прощал еретиков не за признание вины, а за донос на друзей; отказ грозил костром, приговор исполнялся в тот же день. Суд вершился быстро и беспощадно, не требуя признания и не разбирая звания подсудимых. В глазах его палачей все были равны. Он начал поселянами, а окончил баронами. Второпях, в этой «ревности не по разуму», он действительно сжег много знатных людей, и даже многих совершенно напрасно. Апелляции не допускалось, так как не было защиты, а личные протесты не принимались. Архиепископы кельнский, трирский и майнский пытались остановить его свирепость, но Конрад не только не слушал их, но, оскорбленный их вмешательством, объявил крестовый поход. Неизвестно, чем бы окончилось это столкновение, если бы Конрад не пал от руки неизвестных убийц. Его убили 30 июня 1233 года люди,

к которым он сам никогда не имел никакой жалости и терпение которых превзошло всякую меру».

Средства к существованию трибуналов извлекали из конфискаций и штрафов, ибо надо было содержать инквизиторов и тюрьмы, кормить пленников и тратить деньги на торжественные церемонии. Орден стал носить теперь название «*Officium Sanctae inquisitioni*» [служба святого следствия (лат.)].

В Северной Франции действовал и также наводил ужас доминиканец инквизитор Роберт Бугр. Действовал он в период царствования короля-христианина Людовика IX, прозванного Милостивым. Этот тишайший государь, слегка напоминающий благочестием и мягкостью нашего Алексея Михайловича, обладал фанатической страстностью в деле защиты религии от ереси и вообще в проведении в жизнь религиозных начал. Аскет и богомольник, он прост и доступен, милостив к больным и нищим, доступен преступникам, участь которых он смягчает. Но в то же время свирепости и твердости духа этого болезненного государя не было предела, если дело касалось ереси или оскорбления святыни. Услышав однажды на улице богохульство, он приказал тут же прижечь виновному язык раскаленным железом. Свирепая энергия инквизитора Роберта заставила Людовика IX призвать его во Францию, где он получил полный простор для действий и заслужил свое прозвище «Бугр»*.

Родом Роберт был из Болгарии, деятельность свою начал в Милане, где был вначале катаром и где попал под влияние св. Доминика. В деятельности последнего Роберт, как и многие другие из выдающихся проповедников, усмотрел те начала, которые спасали католическую церковь от разложения и гибели. Под влиянием деятельности Доминика Роберт сам решил принять участие в деле прославления церкви и укрепления в ней здоровых и истинных начал. Но рвение и фана-

* Слово «*Bougre*», «болгарин», было в то время позорным прозвищем как синоним слова «богомил». Возможно, Роберт был назван так из-за болгарского происхождения, а возможно потому, что в прошлом сам был катаром (примеч. ред.).

тизм довели его вскоре до человекоубийства и ненавистничества. Поступив в монастырь доминиканцев, он приобрел популярность своим красноречием и энергичной деятельностью. Его послали во Фландрию и Северную Францию, где жестокости его, по свидетельству историков, не было границ. Про него говорили, что он одновременно был и судьей, и палачом. В Шампани он однажды присудил к костру сразу сто восемьдесят три человека. Даже Рим нашел необходимым напомнить ему об осторожности. Его увлекали те неограниченные полномочия, которые давали ему право жизни и смерти над каждым мирянином. Обезумевший от крови и чудовищных преступлений монах в конце превзошел всякую меру. Его велено было посадить в тюрьму, где он и кончил свою жизнь.

Не менее пострадала от кровожадных инквизиторов и цветущая Флоренция. В 1243 году флорентийский архиепископ устроил во Флоренции инквизиционный трибунал. Первым инквизитором был Фра Ружеро де Калканьи, родом из купеческого семейства. Он был свиреп, и казни начались одни за другими. Случайно он наткнулся на нити религиозно-политического заговора, в котором замешаны были аристократические семьи, имения которых были за городом. Инквизитору удалось кое-кого из них задержать. Считая себя не подлежащими суду флорентийскому, аристократы, среди которых были Кавальканти, Пульче и др., укрылись в крепости и пренебрегали вызовами инквизиционного суда. А потом напали на тюрьму и освободили заключенных там знакомых и родственников. На помощь инквизитору Руджеро был прислан папой миланский инквизитор Петр Веронский. Бывший некогда альбигойцем, он также перешел впоследствии в ряды правоверных католиков и стал ревностно преследовать бывших собратьев.

Проповеди Петра Веронского произвели фурор на площадях Флоренции. По его желанию синьория расширила площадь, дабы восторженные и чувствительные к хорошему красноречию флорентийцы могли наслаждаться ораторским талантом брата Петра. Прибывший инквизитор оказался так-

же хорошим организатором; он сумел внести в самую среду горожан дух ревности о вере и устроил несколько обществ, на обязанности которых было следить за ересью и охранять св. инквизицию. Многие из молодых дворян вызвались по очереди держать стражу подле доминиканского монастыря. Организовал он также «орден слуг», исполнявших разные поручения инквизиции. Вместе с тем начались аресты, пытки и казни. Казнены были некоторые из захваченных аристократов. Оскорбленные семьи обратились за защитой к императору. Это повлекло за собой политические осложнения. Разгорелась борьба между властями духовной и светской.

ГЛАВА IV

ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ В ИТАЛИИ И ФРАНЦИИ. ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА

I

Дворянин Барони, апеллировавший к императорской власти, прося защиты от беззакония инквизиции, был взят под защиту императорского подеста во Флоренции Пезаньола. Инквизиторы торжественно отлучили от церкви Пезаньола. Это было вызовом самому императору, и Фридрих II вступился в дело. Враги инквизиции ободрились содействием императорских сил и сами начали действовать наступательно. Однажды, когда в соборе св. Петра произносилась инквизитором воскресная проповедь, туда ворвались еретики, и между ними и католиками началось побоище. Петр Веронский позвал свою «милицию»*, а сам благоразумно скрылся. Драка, начавшаяся в соборе и сопровождаемая убийствами, вылилась оттуда на площади Св. Фелициты и Треббио.

* Общество «Священная милиция капитана Санта-Марии», учрежденное Петром Веронским для охраны инквизиции (*примеч. ред.*).

Партия инквизиторов одержала в этой борьбе верх. Когда же из Лиона пришло известие о том, что император предан папою анафеме, что он лишен престола, то соперники Петра Веронского должны были с болью в сердце отступить. Инквизиция восторжествовала и упрочилась во Флоренции; могучая власть папы утверждала за собою каждую пядь земли, по которой ступали его проповедники. Петр Веронский возвратился в Милан, где его ожидала все та же кровавая деятельность.

В его отсутствие крамола в Милане подняла голову, еретики, ободрившись, не боялись высказывать вражду инквизиции, мешали богослужениям, оскорбляли священников. Петр и здесь открыл тот же трибунал и начал судилище. В течение пяти лет нещадно действовал он, хватая все новых еретиков, пытая их, предавая заключению в страшных сырых подземных тюрьмах или смерти. Это был настоящий черный террор, причем Петр в своей жестокости переходил даже за те пределы, которые открывались ему полномочиями, данными папой. По крайней мере, через несколько лет, когда в связи со смертью Фридриха II и начавшимися в Кремоне волнениями папа послал туда Петра, он велел ему, «уничтожая еретическую заразу», действовать не только самостоятельно, но также опираться и на епископский совет. Петру советовали щадить раскаявшихся еретиков и возвращать их в лоно католической церкви.

В Кремоне Петр свирепствовал, однако же, не меньше и навел такой же ужас, как и в Милане и Флоренции. Как велико было озлобление против него, свидетельствует одно уж то, что его не вынесло даже католическое население города, — составил тайный заговор на его жизнь. Петр знал, что его кровавая деятельность добром для него не кончится, но остановиться на своем пути не мог. Укоренившаяся ли привычка к крови, пыткам и смерти, развращавшая столь многих из этих людей, облеченных такой страшной властью, тайный ли садизм, находивший удовлетворение в картинах пыток, или же самолюбие и фанатическое старание «принести пользу церкви» были тому причиной, но Петр продол-

жал свою деятельность, ожидая со дня на день своего убийства. На площади в Милане он, в присутствии громадной толпы, сказал: «Я знаю, что еретики оценили мою голову и что уже приготовлена плата моему убийце, но пусть будет им известно, что на том свете я буду вдвое страшнее, чем здесь».

Эта фраза характерна в устах фанатика-инквизитора, всей силой души убежденного, что он делает угодное христианское дело, за которое в небесной действительности он будет вознагражден близостью к Искупителю и все той же властью над людскими душами.

Между тем смерть Петра была уже недалеко. Нашли наемного убийцу, заплатили ему 80 ливров, и убийца стал искать встречи с инквизитором. Однажды он встретил его на дороге, приблизился и подошел под его благословение. Потом сделал рядом с ним несколько шагов, улучил момент, нанес удар в голову и оставил истекающего кровью на дороге. Петр долго боролся со смертью, прижимая к ране руки, валяясь в пыли, потом коснеющей уже рукой написал на дороге слово «*Credo*»*, показывая, что до конца верен своему служению. Прохожие его узнали и перенесли в доминиканский монастырь, где монахи ордена с торжеством похоронили его. Римская церковь признала его святым и мучеником. На месте его гибели воздвигли храм, а на площади, где он произнес пророчество о своей гибели, поставили арку, являющуюся одним из древнейших памятников средневековой архитектуры.

Папа Иннокентий IV, узнав об убийстве инквизитора Петра, страшно разгневался и поклялся не давать никакой пощады ереси. Это было тем легче папской власти, что к тому времени сокрушен был страшный ее враг, Фридрих II, борющийся с ней за преобладание.

Вначале борьба с папой (Григорием IX) была успешной для императора. Папские города и замки пылали и сдавались королю. Напрасно разгневанный папа проклинал мятежного императора и сам обходил с процессией столицу, воздвиги-

* Верую (лат.).

гая народ к борьбе с императором-еретиком. Фридрих явно одерживал победу, и одно время престиж папской власти висел на волоске. Старому папе грозил позорный плен. Но он не дожидаясь позора и умер. После него царствовал один лишь месяц слабохарактерный папа Целестин II. Его сменил Иннокентий IV, в котором видели серьезного соперника императорской власти. Несмотря на прежние дружеские отношения с Фридрихом, новый папа не видел иного исхода борьбы, как повторение отлучения Фридриха от церкви. В ответ на это император вторгся с войсками в его владения. Папа, чуть не попавший в плен к врагам, бежал в Геную, оттуда в Лион, где созвал собор, пригласив туда и Фридриха. Последний отказался признать авторитет этого собора и не прибыл на него. Папа торжественно признал Фридриха еретиком и проклял каждого, кто окажет ему содействие; подданных Фридриха он разрешил от присяги императору и повелел избрать нового императора. Это проклятие и отлучение имело роковые последствия. Грозный Фридрих вначале хранил спокойствие. «Кто смеет тронуть корону на моей голове? — спрашивал он. — Какой это папа смеет отлучить меня от общения? Только пролив реки крови, папа и его собор отнимут у меня корону!» Но все оставляли отлученного и преданного проклятию короля, как зачумленного. Власть религиозного проклятия, боязнь нарушить волю наместника Христа и быть преданным вечной власти дьявола для средневекового ума были слишком страшны. В Германии уже избрали нового императора. Империя охвачена была возмущением. Началась анархия кулачного права. В то же время папа проповедовал крестный поход против еретика-императора для низложения его. Тем, кто подымет оружие на Фридриха, он дарит десятками индульгенции, отпуская им все грехи. Пока шла борьба с Фридрихом, папа забыл об еретиках, направляя все силы в борьбе за преимущество духовной власти перед светской, ибо знал, что от исхода борьбы зависит все будущее существование католической церкви. О том, как боролась церковь Рима со своими врагами, лучше всего видно из истории этой борьбы с Фридрихом, которая закон-

чилась тем, что папа подкупом добился предательства любимца императора, его канцлера, отравившего Фридриха [7].

Папа радостно приветствовал смерть врага. «Как небеса не возрадуются, — писал Иннокентий IV, — как земля не возвеселится! Молнии и бури, так долго гудевшие над нами, наконец утихли, благодаря неизреченному милосердию Господа; теперь свежая роса и сладкие зефиры. Исчез тот, который терзал нас гнетом мучений».

После этой победы энергия папы снова устремляется на борьбу с еретиками. Потрясенные междоусобицей и кровавой распрей места войны представляли богатую почву для всевозможных смут. В Ломбардии начались возмущения против инквизиторов. В Кремоне и Милане несколько инквизиторов было убито. Папа подавляет возмущения и разыскивает виновных. В 1252 году он издает постановление об изгнании всех еретиков и конфискации их имущества. Им же написан новый устав инквизиции.

Вот главные пункты этого устава:

Установления папы главным образом регулировали отношение городских властей к инквизиторам.

Все узаконения, изданные относительно ереси, для них обязательны.

За уклонение с виновного взимается двести марок штрафа, и виновный объявляется клятвопреступником и бесчестным.

Все еретики обоего пола подвергаются безусловному изгнанию, о чем надлежит объявлять на народных собраниях.

На третий день по вступлении в должность всякий подеста или правитель города должен избрать двенадцать католиков незапятнанного поведения, двух нотариусов, которые вместе с двумя доминиканцами и двумя францисканцами образуют инквизиционный трибунал.

Власть трибунала дается его членам, как всем вместе, так и каждому отдельно. Каждый может порознь распоряжаться с еретиками по своему усмотрению.

Все должны помогать инквизиторам всеми способами под страхом пени в десять ливров.

За сопротивление инквизиторам в их попытках арестовать еретика, за покушение отбить еретика или еретичку назначаются конфискация имущества, вечная ссылка и срытие дома.

Осужденные за ересь предаются в руки светской власти, которая осуществляет приговор инквизиции не позже чем через пять дней.

Подеста или правитель должен на своем суде *пыткой или ужасом смерти* заставить еретиков «как разбойников и убийц душ человеческих» выдать имена их единомышленников.

Имена осужденных хранить в особой книге, которой иметь четыре экземпляра, и читать их торжественно три раза в год на народных собраниях.

Эти постановления папы Иннокентия разрешали в судилищах пытку, которая и без того всюду применялась, кроме того, вводили в судилище, кроме доминиканцев, также и францисканцев.

2

Безграничные полномочия, которыми пользовались инквизиторы относительно жизни и смерти заподозренных в ереси мирян, а также относительно их имущества, скоро принесли свои результаты. Среди инквизиторов стало неумеренно развиваться хищничество и грабительство. Они стали обращать в свою пользу штрафы и поборы. И нередко поводом к подозрению в ереси было просто богатство какого-либо мирянина, достояние которого шло на увеличение богатств достопочтенного брата-инквизитора. Монахи, дававшие священный обет бедности, которая провозглашалась основателем ордена Домиником как один из главнейших принципов его жизни, стали сребролюбцами, стяжателями и грабителями. По-видимому, при конце своей жизни Доминик видел развращение братии, потому что на смертном одре он торжественно проклял тех, кто забудет обет бедности и внесет в орден соблазн собственности.

Между тем уже сам папа, дабы поощрить рвение доминиканцев, предложил им вознаграждение из штрафов, налага-

емых на еретиков. Таким образом, обилие последних было выгодно и для римской церкви, и для инквизиторов, ибо каждый еретик обогащал налагаемыми на него взысканиями и церковь, и ее служителей.

Победив непокорного Гогенштауфена, папа раздавал престолы в зависимости от того, насколько претендент на корону обнаруживал ненависть к еретикам и смирение перед преосвященным отцом. Теперь церковь всеильно царила — Германия была уничтожена и подавлена, Франция была другом и ревностным слугой религии.

Инквизиция достигла высоты своего могущества и силы. Теперь она опиралась уже на приниженное и извращенное общественное сознание. Дух протеста, обессиленный десятилетиями упорных гонений, потоками крови и зловещими кострами, угасал. Не раздавалось больше свободного слова в защиту веротерпимости и духа любви. Люди свободных мыслей должны были скрываться в тиши из опасения тюрем, пыток и казней. Ни от кого нельзя было услышать ничего, что противоречило бы торжествующей свирепости инквизиторов и их деспотизму. Инквизиция добилась огрубения нравов, вытравила дух свободной мысли и евангельской любви и правды. Увещения немногих праведников, не боявшихся возвышать свой голос в защиту любви и свободы веры, не пользовались вниманием, — их перестали понимать. И голос, например, св. Бернарда не находил отклика.

Наоборот, даже лучшие умы времени заражались духом нетерпимости и религиозного деспотизма и подтверждали своим авторитетом злодеяния инквизиторов. Создалась своего рода философия убийства, в которой пролитие крови, смертную казнь, пытки и тому подобные подвиги инквизиции оправдывали авторитетом и Библии, и Евангелия, казуистически подтасовывая тексты и толкуя их по-своему.

Епископ Лука, например, пишет: «Не должно щадить ни сына, ни отца, ни друга, ни жены, ни брата, если в них присутствует яд еретический. Тот, кто убивает нечестивых, не совершает человекоубийства».

Епископ парижский Вильгельм, в целях оправдания смертной казни для еретиков, по-своему толковал притчу Христа о пшенице и плевелах. «Иисус Христос не велит оберегать плевелы, но только пшеницу; когда нельзя сберечь первых, не вредя последней, то лучше и не щадить их. Отсюда следует, что там, где нечестивые распространяются в ущерб народу Божьему, не следует давать им размножаться, а надо их истреблять с корнем и, конечно, телесною смертью, когда нельзя искоренить иначе (*quando alias eradicari non possunt*)... Потому убивают здесь по необходимости. Тот, кто уверяет, что сегодняшние плевелы могут после стать пшеницею, потому что могут обратиться к стезе истинной, совершенно прав, но такое обращение не есть факт (*non est certum*). А то, что пшеница делается плевелом от общения с ним, это ясно и несомненно... Обращение в еретиков весьма легко и обыкновенно».

Даже величайший доктор богословских наук, чья книга «О подражании Христу» была знаменитейшей в течение столетий и питала сотни тысяч христианских умов, святой Фома Аквинский высказывался за гонения еретиков и спокойно относился к проливаемым морям человеческой крови и к мучениям и гибели христиан. Так как святой ученый в глубине души не мог не видеть вопиющего противоречия между религией всепрощения и кровавыми преследованиями во имя той же религии, то он напрягал все способности своего схоластического ума, дабы найти мост между этими взаимно исключаящими друг друга явлениями. Почтенный схоласт рассуждал так: «Еретики, — говорит он в своем Богословии, — прежде, чем презрели Церковь, дали известные обеты относительно нее, которые они своим переходом в еретичество, естественно, нарушили. А так как нарушение обетов есть преступление, то необходимо их принуждать сдерживать эти обеты и наказывать за отступление от них. Принятие веры, — рассуждает он, — есть акт доброй воли, но поддержание ее — дело необходимости».

«Можно ли терпеть еретиков? Вопрос этот представляется с двух сторон: по отношению к самим еретикам и по от-

ношению к Церкви. Еретики, взятые сами по себе, грешат, и потому они заслуживают не только быть отдаленными от Церкви отлучением, но и изъятыми из мира смертью. Разрушать веру, которою живут души, преступление гораздо более тяжелое, нежели подделывать монету, которая способствует только жизни телесной. Если же фальшивомонетчики, так же как и прочие злодеи, по справедливости присуждаются к казни светскими государями, то тем с большею строгостью следует относиться к еретикам, которых после отречения от ереси можно не только отлучать, но не несправедливо убивать. Что касается до Церкви, то она, исполненная милосердия к заблудшим, желает их обращения; потому она осуждает не иначе, как после первого или второго увещания, согласно учению апостола. Если и после этого, еретик упорствует, то Церковь, не надеясь более на его обращение и в заботе своей о спасении остальных, отлучает его от Церкви своим приговором, предает его впоследствии светской власти для исполнения смертной казни... И если будет так, то это не противно воле Господней».

Так рассуждал «ангельский доктор», с которым беседовал сам Бог. Само собой разумеется, что отсюда поспешили сделать все последние выводы сами же инквизиторы. Ход их диалектики, направленной все к той же «философии убийства», уже цитированный историк передает так: «Если принуждать мечом к исповеданию истинной веры есть дело благочестия и великой заслуги перед Богом, если это дает вечность мученичества, то во сколько раз благочестивее, полезнее и труднее действовать путем постоянного надзора, искоренять в душах грешников их заблуждения, принуждать их к тому наказаниями, предупреждать строгим примером распространение страшного греха и соблазна. Если грешнику, и не познавшему вечного Бога, предстоит осуждение в той жизни, то не лучше ли заставить его, хотя бы строгостью и силой, покаяться или познать истинную веру?»

Власть инквизитора позволяла ему арестовывать мирянина в каком угодно месте, даже в церкви, нарушая права убежища. Их власть приравнивалась к власти епископов, но по

существо они были могущественнее последних. Все, начиная с государя, подсудны инквизитору, он надзирает над всеми, и нет власти, которая могла бы вырвать намеченную жертву из его рук. Инквизиторы имели постоянную свиту, которая в то же время составляла их стражу. Каждый мирянин под страхом ответственности должен был оказывать им всяческое содействие.

Дабы удобнее было распознавать мирян по их отношению к церкви, велено было правоверным католикам иметь на одежде один крест, а обращенным — два креста. Еретика же присвоена была особая одежда: на широком и длинном плебейском платье нашивались два широких желтых креста, — один на груди, другой на плече. Капюшон закрывал их голову. На капюшоне был нашит третий крест. У женщин капюшон заменялся черной густой вуалью с желтым крестом. Отступники носили на кресте поперечную желтую полосу.

В общем же подсудимые инквизиционного трибунала разделялись на шесть категорий.

В первой — еретики в прямом смысле, то есть альбигойцы. Они разделялись на сознательных еретиков и богохульников.

Во второй категории состояли подозрительные, дававшие повод сомневаться в искренности своей веры.

В третьей — соумышленники, оказывавшие тайное и явное содействие распространению ереси. Они могли отказываться содействовать инквизиторам или не доносили о еретиках, что стало известно трибуналу.

В четвертой — раскольники, признававшие католическую религию, но отрицавшие главенство папы и не считавшие его наместником Христа на земле.

В пятой — отлученные, пробывшие под отлучением от церкви более года.

И, наконец, неверные, то есть евреи или мавры, обвиненные в подстрекательстве к переходу христиан в свою веру.

Следует прибавить еще одну категорию — *мертвых*, ибо и мертвецы не избегали власти и суда трибуналов, которые производили расследование относительно их жизни, и если

находили в ней следы преступной ереси, то осуждали покойников и приговаривали их к лишению христианского погребения и могильного покоя. Мертвецы выкапывались из могил и бросались непогребенными. Или же трупы их жгли рукой палача, а имущество конфисковывалось у наследников и шло на нужды церкви.

Суду трибунала принадлежали также печатные и рукописные произведения на языках всех народностей, населявших Италию, Францию, Германию и Лангедок. В римском, миланском и тулузском трибунале читались философские и богословские произведения и обсуждалось, есть ли в них еретические идеи и отступления от буквы догм. «Если, — говорит историк, — при прочтении открывалось что-либо еретическое, темное или подозрительное, а в еврейских книгах кощунство над Христом, Богородицею и католической Церковью, то книга или истреблялась, или исправлялась через вырезывание листов. Каждый год составляли список (индекс) осужденных трибуналами книг. Каждый, кто после осуждения книги будет пойман, как ее владелец или временный хранитель, подлежит инквизиционному суду».

Деятельно следя за настроениями умов и за всеми влияниями, исходящими от книг и проповедников, инквизиция преследовала даже древние книги и между ними творения святых Отцов, постановляя вырывать из них те страницы, в которых заключалась какая-нибудь ересь или что-либо несогласное с постановлениями инквизиции.

Так, первая инквизиция в Лангедоке преследовала Талмуд, сочинения ученого францисканца, алхимика Раймонда Луллия, книги Тарраги, доминиканца, крестившегося из иудаизма и дававшего наставления о том, как вызывать духов, ученого каталонского врача Вилланова, визионеров Николая Калабрийского и Гонзальви де Куенца, видевших дьявола не один раз, предсказателя прихода антихриста Бартоломея Женюеса и многих других.

Светская власть стремилась изъять цензуру книг из ведения духовенства и подчинить ее себе, но духовные лица понимали, какое могучее орудие влияния ускользает от их на-

блюдения, и упорно боролись за права ведать дела цензуры. В конце концов папа и инквизиторы остались единственными судьями книг.

Как раз в период наибольшей бездарности своей, когда не стало ни свободных и честных умов, протестовавших против насилий и убийств, ни даже даровитых апологетов насилия, как Блаженный Августин, церковь возымела притязания подчинить своему духовному господству каждую мысль и чувство, и действие во всем христианском мире. Закостеневши в выработанных омертвелых догмах, из которых исчез дух живой, отрицая тем самым непосредственное религиозное чувство, интимное внутреннее общение с Богом, — римская церковь стремилась все свое дело свести к началу мертвой дисциплины, слепого пассивного послушания и подчинения.

Психология действий римской католической церкви с ее батальонами духовных войск, подобных ревностным солдатам первосвященника, была гениально понята Достоевским, развившим до конца идею о царстве подчиненных, пассивных, духовно и физически опекаемых церковью мирян, превращающихся в каких-то нравственных калек, страдающих преждевременной дряхлостью и хилостью бессильной души.

Централизация древнего языческого Рима, стягивавшего под свой железный кулак все соседние провинции и несшего с собой свой политический протекторат и блага своей культуры, — ничто в сравнении с той централизационной силой, которая выразилась в последовательных действиях римско-католической церкви. Она, как спрут, последовательно развертывала свои щупальца и плотно, мертвой хваткой схватывала христианские царства, душила свободную мысль, живое чувство, подавляла дар свободного исследования, уничтожая в тюрьмах, на виселицах и на кострах все, что в христианских странах было свободного, талантливого и самостоятельного.

Все эти альбигойцы, катары, вальденсы, богомилы и прочие секты представляли собой то избранное меньшинство

населения, в религиозных учениях и утопиях которого выражались лучшие порывы души, идеальные стремления к оправданной, озаренной лучами идеала жизни. Папство десятками тысяч уничтожало этих людей, вытравливая из страны дух непокорности, своеволия, самостоятельной мысли, стремясь к тому, чтобы под властью ее всемогущей руки оставалась смиренная, духовно задавленная, идиотически послушная ее формулам и догмам паства.

С другой стороны, тех немногих одаренных людей, которых случай или влияние гениальных монахов, вроде Франциска или Доминика, подчиняли католической церкви и направляли на путь ее целей, папство неизменно развращало, превращая их в опьяненных кровью зверей, демономанов, садистов или стяжателей. Так случилось с Конрадом Марбургским, Робертом Бугром, Петром Веронским и многими недюжинными людьми, имена которых произносились потом с ужасом и отвращением. Все они начинали свою деятельность вдохновенным и сильным красноречием во славу религиозных идеалов, и история повествует о громадном влиянии этих речей и об успехах проповедников. Но власть пытает и убивать, но возможность в любую минуту отнять любое имущество и поделиться им с церковью, но вечное сосредоточение на идеях борьбы с сатаной в еретиках, на легионах бесов, инкубов, суккубов, демонов всяческих похотей, с которыми входят в общение миряне и мирянки, — все это делало из инквизиторов палачей или сумасшедших, бредивших легионами нечистых сил, окружавших будто бы человеческую жизнь.

Подобная история человеческого безумства, история инквизиции, еще раз оправдывает мысль о том, что власть идей есть меч обоюдоострый и может завести как в сторону идеальных осуществлений царствия небесного, так и в сторону дикой братоубийственной бойни, войны всех против всех, насилия, убийства и зверства. Ибо в деятельности многих теоретиков и практиков инквизиции нельзя отрицать увлечений бескорыстных и чисто идейных, страшных ошибок, продиктованных именно увлечениями идей.

ГЛАВА V

СВ. ЛЮДОВИК. ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ

1

«Ты не король, а монах», — сказала однажды старая женщина Людовику IX, королю Франции, и король ответил ей согласием и сожалением. Он действительно был монахом на троне, — монахом доминиканского ордена, ревнующим о славе и благополучии католической церкви, ведущим жестокую борьбу с еретиками и подчиняющим все государственные цели целям религиозным. В его лице мир Средневековья явил как бы воплощение того типа, который веками вырабатывала церковь, стараясь создать послушного, подчиненного и всецело проникнутого целями религиозного служения мирянина-католика.

Людовик принял под свое покровительство нищенствующих монахов и назначил денежную награду за каждого приведенного к суду еретика. За недонесение об еретике был назначен штраф. Существование еретиков и ересей, по толкованию Людовика и всех правоверных сынов католицизма, было оскорблением для Бога. Поэтому нравственным долгом каждого истинного христианина было мстить за поругание религии и Бога и всячески искоренять и убивать нечестивых, не признающих единственной религиозной истины, которую исповедовал король.

Его биограф Жуанвиль говорит об этом, выражая мнение святого короля: «На обязанности каждого доброго христианина лежит в случае оскорбления христианской веры прибегнуть к своему мечу и вонзить его так глубоко в тела хулителей, насколько он может войти». Это было тогда общим мнением и входило в символ веры каждого доброго католика. Друг проповедника и смиренного католического мыслителя Фомы Аквинского, Людовик IX считал свою свирепую решимость в делах веры первейшим доказательством свое-

го благочестия и преданности христианской вере. И это не возбуждало сомнения ни в ком.

Ограниченный и узкий в своем внутреннем мире, как все фанатики, раз и навсегда поверивший доводам и идеям католической церкви и ее проповедников, Людовик счел бы грехом проверять все эти положения собственным разумом и отдался ревностному служению им. Свое имя «святой» он заслужил аскетическим образом жизни, полной отдачей себя религиозным целям и горячим рвением к делам добродетели, своеобразно понимаемой, согласно религиозной морали Средневековья, освящавшей религиозное убийство.

Святой король-монах три раза в ночь поднимался с постели, чтобы читать молитвы и класть поклоны. Три раза в неделю по постам жестоко бичевал себя плетью. Ему грезился идеал ветхозаветного короля-первосвященника, и он в самом деле мог бы восстановить идеалы теократии, — настолько все внешние государственные задачи подчинял он целям религиозным. Его мягкий характер менялся только при слухах и вестях о еретиках, — тогда этим христианским королем овладевал тягчайший гнев и он становился безжалостным палачом. Приказав заклеить раскаленным железом уста одного богохульника, король сказал: «Я лучше бы сам позволил заклеить себя, чем допустить, чтобы подобные кощунства произносились в моем королевстве».

В своем христианском рвении король был глух ко всем соображениям о выгодах королевства и чисто материальных ущербах его. Так, он изгонял во имя Бога всех еврейских и католических ростовщиков и банкиров, запрещая в своем королевстве все, что имело целью личную наживу и противоречило целям христианского служения. Впрочем, изгнание в 1268 году ста пятидесяти банкиров принесло ему восемьсот тысяч ливров дохода от конфискации их имущества.

Преследуя еретиков и ревнуя об их уничтожении, Людовик в то же время старался быть справедливым и внес в судопроизводство инквизиции несколько статей законов, которые выгодно отличаются от положений инквизиторов. Так, согласно этим законам, Людовик требовал, чтобы об-

виняемому представлены были все документы обвинения, чтобы наравне с обвиняемым арестован был обвинитель и нес наказание в случае признания ложным обвинения, чтобы для применения пытки два свидетеля подтверждали виновность обвиняемого. Но все эти законы были слишком неудобны для инквизиции и потому не применялись. В особенности неудобен был закон относительно наказания ложного обвинителя, ибо инквизиция весьма часто пользовалась ложными обвинениями, порой выдвигая их в собственных целях.

Людовика IX отличает от большинства отцов инквизиции бескорыстие и подлинная идеалистическая мечта возродить на земле идеалы Царствия Божия. Но тишайший король-монах полагал, что для восстановления Царствия Божия довольно одного меча в руках христианского короля, и что он обнаженным и залитым человеческой кровью мечом погонит толпы людей в рай Божий для чистой и религиозной жизни. На самом деле он увеличивал то страшное кровавое дело, которому служила инквизиция и которое в гораздо большей мере можно было назвать служением сатане, чем Богу. Насильно водворить на земле рай ему не удалось, но король, фанатически служа своему призванию, верил в конечный успех дела и завещал его своим преемникам.

Все это служило только окончательному укреплению инквизиции, утвержденный папой институт стал в конце концов сильнее самого папства. В то время как влияние папы ослабело, инквизиция была настолько сильна, что каждый наместник и капитул в Тулузе давал присягу повиноваться Богу, римской церкви и инквизиторам. В XIV, XV и XVI столетиях незыблемо охранялись статуты инквизиции, и ей повиновались подданные и короли.

По-прежнему костер был непреложной очищающей мерой, которой насильственно спасали еретиков от руки дьявола. В то время как воров, насильников, убийц казнили через повешение или рубили им голову, еретиков только сжигали на кострах, ибо мера эта считалась не казнью и не карой, а мерой спасения душ, своего рода милостью, кото-

рую по неизреченной доброте своей дарила римская церковь нераскаявшимся еретикам, дабы в огне инквизиционного костра сгорели еретические убеждения и душа грешника, очищенная пламенем инквизиции, могла войти в небесные селения и надеяться на милосердие Божье.

Само собой разумеется, что инквизиционный трибунал понимал, как мала победа над еретиком, заканчивающаяся его казнью. Непобедимое упорство еретика, не останавливающееся перед страхом казни на костре, создавало ему ореол мученичества и служило наглядным примером твердости духа и сопротивления для его собратьев. Торжественный ритуал казни среди бела дня, в сопровождении пышной процессии духовенства и светских властей, церковного хора и толп народных, не только не служил к устрашению, но, наоборот, возбуждал энтузиазм и страстную жажду героического страдания и смерти за религиозные идеи.

Эпидемия еретических сект от этого только возрастала, и в конце концов, несмотря на дикое упорство инквизиции, на кровь, пытки и казни, на громадные затраты на суд инквизиторов и содержание его, победы почти не было видно. Инквизиция вносила только еще больший хаос и смуту в умы и сама являлась в значительной мере виновницей как вспыхивающих под влиянием борьбы и гонений ересей, так и фантастической мрачной демономании.

Понимая это, инквизиторы всеми мерами старались достичь мирной победы над еретиком и увещаниями добиться возврата его в лоно католической церкви. Развивая в своих членах виртуозные диалектические способности, играя на струнах чисто психологических, мерами увещаний, кротости, задабривания и запугивания старались они обратить еретика. Его навещали в тюрьме братья-инквизиторы и вели с ним беседы, увещевая и убеждая. К заключенному приводили родственников, заставляя их воздействовать на еретика; к нему посылали епископа. Когда же ничего не помогало, инквизиционный трибунал принужден был прибегнуть к своей последней формуле и нераскаявшегося еретика «передать в руки светских властей». Это означало передать преступника

для сожжения на костре, ибо по назначению духовного суда казнь определялась бескровная, а власть светская не могла не исполнить приговора, вменявшегося ей в непрременную обязанность.

Назначался день казни, к месту ее стекался народ. Приговор громогласно читали всюду на площадях и улицах. На площади воздвигали подмости, на которых сооружался костер. В середине торжественной процессии вели осужденного в одной рубашке с зажженным факелом в руке. Перед еретиком несли распятие. Процессию открывало духовенство с хоругвями, за ним шел главный инквизитор, он был окружен хором клирошан, за которыми следовал знаменосец инквизиции. Далее шли парами члены трибунала. Огромная толпа запружала улицы и площадь, унизывала кровли и выступы домов. Верующие падали ниц перед процессией, приносили к костру связки дров, дабы участвовать в богоугодном деле сожжения еретика.

У места казни процессия останавливалась, секретарь читал приговор и перечень предъявленных еретiku обвинений. Затем на трибуну всходил инквизитор, проклинал еретиков и призывал на их голову гром и молнию небесного и земного правосудия. К осужденному подходили королевские солдаты, чиновник читал постановление о сожжении. Палачи связывали осужденного и привязывали к столбу у костра. Костер поджигали. Пламя вздымалось у ног осужденного и росло. Удушливый дым окружал его голову. Задыхаясь в дыму и корчась от ожогов, несчастный мог видеть сквозь клубы дыма и языки огня силуэт огромного распятия, протянутого на древке к его лицу сердобольной рукой инквизитора, заботящегося и в этот последний момент о душе осужденного.

Тот, кто притворно раскаивался во время заключения и, будучи прощен и отпущен, обманывал доверие инквизиции и снова предавался ереси, не мог уже надеяться ни на какое снисхождение. Сколько бы раз он ни отрекался теперь от прежних заблуждений и ни обещал оставаться верным католиком, его ждал неминуемый костер. Единственным снисхож-

дением, на которое шла по отношению к нему инквизиция, — это обещать ему предварительно задушить его через палача и потом уже мертвым бросить в костер.

Если еретик бежал от суда и наказания и избегал таким образом костра, его все же судили, произносили заочный приговор и приводили его в исполнение. Изготавливали куклу, изображающую еретика, несли ее в сопровождении процессии к костру и бросали в огонь, символизируя тем неизбежность ждущего еретика наказания. Правосудие этим удовлетворялось, и процессия расходилась по домам.

«Дети и внуки погибшего на костре еретика были лишены всех гражданских прав; они не могли получить никакого гражданского и духовного места, даже если оставались правоверными католиками. Над ними тяготело проклятие отцов».

Если еретик, в страхе от грозящей казни и пыток, сам лишил себя жизни, его все же судили и осуждали, как еретика. Если обвиненный в ереси скончался до суда и был мирно похоронен, его все равно судили. И по приговору вырывали кости из могилы и предавали сожжению. «Трибунал с приором доминиканским, королевским наместником или его чиновником, окруженный толпой народа, отправлялся на кладбище, где вырывали трупы. Процессия тем же порядком возвращалась назад в город, в открытом ящике волокли потревоженные кости, а герольд, ехавший впереди, громким голосом кричал: «Кто так поступит, так и погибнет!» Потом на площади публично жгли останки».

Еретиков, погибших в заключении, отлученных и прочее, хоронили не на христианском кладбище, где могли покоиться только останки католиков, а в особом свалочном месте, куда бросали падаль и всякого рода отбросы. Кто самовольно погребал на католическом кладбище еретика, присуждался к вырыванию трупа собственными руками.

Еще строже судили за еретические отступления от католицизма священников, ибо, как гласят приговоры по этим делам, «что ужасно и возмутительно в каждом христианине, то, несомненно, относительно человека духовного или пре-

свитера читать и слушать еще ужаснее и потому должно быть подвергаемо наказанию более тяжкому».

К проступкам такого рода представителей своего сословия инквизиция относилась не только беспристрастно, но с еще большей ревностью. Ибо если отступление от церкви мирянина наносило ущерб ее влиянию, то переход в еретичество священника или монаха грозил самому принципу существования и власти духовенства. И приговоры в этих случаях были беспощадны. Другое дело если монах-инквизитор был повинен в иных проступках, в осуждении невинного, в вымогательстве, в насилии или взяточничестве. Такого рода проступки в официальные протоколы инквизиции не поступали, и дела по таким ничтожным поводам не возбуждались. В XIII веке нередко были жалобы на то, что монахи, члены инквизиционного трибунала, окончательно развратились и вносят с собой такие беззакония и такую грязь, какая не снилась тиранам из светских властей. Инквизиторы вымогали деньги и в случае отказа обвиняли в ереси, освобождали от суда за крупные взятки и обвиняли неимущих, приставали к женщинам с требованиями отдаться им, грозя в противном случае заточением и пытками. Все это совершалось в тиши и во мраке потайной жизни трибунала, где кипели отвратительные страсти и извращенные вожделения. Но стоило отказаться кому-либо от буквы веры, как духовенство выступало во всем блеске торжественных процессий и всенародно карало отступника. Церемониал наказания священника, обвиненного в ереси, был следующий:

«Прежде чем предать виновного в руки светского правосудия, его следовало лишить духовного сана и, испросив разрешение местного епископа, низложить. Обряд низложения совершали публично у того же эшафота, но с большим торжеством, в присутствии легата, кардинала и высшего духовенства. Осужденный стоял в полном священническом облачении; вокруг него теснились инквизиторы. После прочтения приговора старший инквизитор, сказав небольшую речь, произносил формулу отлучения. Он обращался к осужденному: «Именем Бога Всемогущего, Отца, и Сына, и Святого

Духа, властью апостольской и нашей, мы, посланные в эти страны, снимаем с тебя твой духовный сан и отрешаем тебя от священнической и других обязанностей. Мы низлагаем, лишаем и исключаем тебя от всех церковных бенефиций, духовных прав и привилегий. В силу всего этого мы просим присутствующего здесь благородного сенешаля взять тебя в свое распоряжение (*ut te in fogum suum recipiat*) и настоятельно предлагаем ему при исполнении наказания поступить с тобою согласно приговору». Тогда к осужденному подходил старший по сану из присутствующих прелатов и приказывал разоблачить его до исподней одежды. При этом он лишал его последовательно всех знаков и достоинств священнического или диаконского звания, чаши и блюда, священнических одежд, далматики, Евангелия. Каждая вещь отрешалась от него торжественно, что сопровождалось всякий раз произнесением особой латинской формулы, в которой разъяснялось символическое значение каждого предмета. Даже чтец и церковный сторож осуждались с большей церемонией, чем всякие бароны и герцоги. От чтеца отбирали его книги, от сторожа церковные ключи. Уже после окончания обряда военная стража брала виновного и поступала с ним согласно приговору, то есть или отводила его в темницу, или возводила тут же на костер».

Места заключения были грязны, зловонны, душни и темны. Сажали заключенных по одному. Только муж и жена могли быть заключены вместе. Ни свет, ни свежий воздух не проникали туда. На ноги и руки заключенных одевали кандалы. Сырость, духота и зловоние, гнилая и скудная пища очень быстро обессиливали заключенных, и уже по истечении небольшого времени они становились похожими на трупы. Выживали, конечно, очень немногие. Пища состояла из хлеба и воды, что имело символическое толкование. Хлеб обозначал печаль, вода — несчастье. По примеру инквизиционного трибунала в Англии испанские инквизиторы в это время перед заключением в тюрьму клеймили осужденных. Если заключенный раскаивался и добивался прощения и оправдания, то его отпускали под непременно обещанием

преследовать еретиков, доносить о них и вообще бороться против ереси. Бездействие отпущенного, подозревавшегося в ереси, вменяется ему в преступление, как доказательство его притворного, а не подлинного раскаяния.

Кары и власть инквизиционных трибуналов главным образом обрушивались на простой мастеровой народ. Погруженные то в чисто материальные успехи, то в дела религиозного рвения, то в астрологические и алхимические изыскания, уединившиеся в ученых кельях, в мечтах вечного спасения, рыцари и бароны большей частью не чувствовали гнета того железного кольца инквизиции, которое сдавливало жизнь страны. Между тем как лишения, бедность, гнет светских и духовных властей послужили и в данном случае благоприятной почвой для создания учений о грядущей справедливости и о царстве равных и спасенных. С этой еретической мечтой о справедливости, о свободе духа, о ясной и озаренной душевным экстазом жизни боролась инквизиция, силой внедряя в мирян убеждение, что только под страшной властью папы и братьев-инквизиторов, только при слепом послушании и подчинении возможна для них благодать спасения и милосердия Божьего.

В этой борьбе история дает пример, быть может, самого яркого и сильного напряжения духовных сил человечества, движимого отвлеченной идеей, носители которой бесстрашно гибли тысячами на кострах, виселицах, в тюрьмах и в подземельях инквизиции, в руках палачей.

ГЛАВА VI

ПОДЗЕМЕЛЬЯ ИНКВИЗИЦИИ. СУД И ПЫТКИ

1

Кроме трибуналов постоянных, имеющих свое здание для заседаний, места для заключения арестованных и помещения для инквизиторов, были еще трибуналы подвижные.

Состав их был невелик и большей частью заключался в каком-нибудь облеченном доверием брате-доминиканце, известном проповедями и религиозным рвением, да в нескольких слугах. Большого количества людей не требовалось, так как на помощь духовной судебной власти должна была немедленно приходиться власть светская и осуществлять все приговоры первой. Секретарь, два мирянина в черной одежде и два вооруженных человека с крестами на груди — вот вся свита инквизитора.

Явившийся в какое-нибудь селение инквизитор велит священнику созвать народ и читает в церкви проповедь, в которой изъясняет цели религиозного служения святой инквизиции и убеждает мирян сообщить все то, что они знают о еретиках в своем селении, дабы можно было искоренить заразу и спасти от гибели христианские души. Всегда найдутся ханжи или трусы, которые явятся с доносами к инквизитору. Оговоренных мирян хватают и ведут на допрос. Если арестованный отпирается от возведенных на него обвинений, прибегают к пытке. Чтобы спастись от невыносимых мучений, пытаемый подтверждает все вопросы и оговаривает еще целый ряд лиц. Получается целая сеть обвинений, и инквизитору предстоит широкая работа.

В более крупных селениях и городах инквизиторы устраивались для постоянного надзора за религиозными нравами горожан. Обыкновенно их было двое — доминиканец и минорит, францисканец. Оба имеют полномочия от папы, но доминиканец пользуется преимуществом. Прибыв на место, они извещают о своем прибытии подесту города, местного феодала, и тот закрывает свой светский суд, чтобы сделаться фиктивным председателем инквизиционного суда. Он обязан здесь действовать механически, скреплять все приговоры инквизиторов и приводить их к исполнению; противодействие ни к чему бы не привело и лишь послужило бы ко вреду местному государю. Приказанием его все чиновники и власти города обязываются всячески содействовать инквизиторам и подчиняться их воле, арестовывать по приказанию, ссылать или казнить.

Затем начальник города являлся приветствовать прибывших инквизиторов и склонялся пред ними во прах, выражая этим раболепством преклонение перед церковью и папством. Он клялся при этом исполнять приказания инквизиции, — в противном случае ему грозило отлучение от церкви и проклятие.

Власти города выбирали наиболее благочестивых горожан для участия в трибунале, давали монахам стражу, так называемую милицию Христа. В кафедральном храме устраивали торжественное богослужение, где инквизитор произносил проповедь и читал «присягу доноса». Он извещал находящихся под подозрением еретиков, что если они явятся добровольно в трибунал и принесут покаяние, то будут подвергнуты лишь слабому наказанию, в противном же случае к ним будут применены законы инквизиционного суда во всей их строгости.

Затем в течение месяца принимались доносы на мирян и записывались в особую книгу с обозначением имени доносчика. Если оговоренный ранее месяца являлся сам в трибунал и каялся, донос зачеркивался и терял значение. Когда же проходил месяц, начинались инквизиционные суды, в которых обвинителю не грозило наказание за ложный донос, и где все решалось одним лишь наговором и обвинением. В Тулузе заседания трибунала происходили по средам и субботам с двух до четырех часов дня. Помещением служил обыкновенно доминиканский монастырь. В подвалах монастыря устраивали тюрьмы с железными решетками на окнах и железными дверями.

У входа в зал, где происходил суд, стояла вооруженная стража. Картина суда производила подавляющее впечатление, создавая в обвиняемом настроение подавленности и страха. Обыкновенно заседание происходило в длинной низкой зале монастырского здания, где узорчатый деревянный потолок нависал над головой, где было полутемно, ибо маленькие, забранные решетками окна пропускали мало света. За длинным столом, на деревянной скамье восседали члены трибунала в белых и коричневых сутанах, с шапочка-

ми, закрывавшими тонзуры, на головах, подпоясанные веревками.

Около них восседал местный архиепископ в парадной одежде, несколько священников и остальные члены трибунала в черной одежде. На стене висела эмблема инквизиции — крест и папская булла. Отдельно сидел нотариус, исполнявший роль секретаря и записывавший показания обвиняемых и свидетелей. По показаниям обвинителей подозреваемый в еретичестве арестовывался и сажался в тюрьму; на следующий день он предстал перед судилищем трибунала.

Ему зачитывали обвинительные свидетельские показания, где правда нередко перемешивалась с ложью. Затем слово предоставлялось обвиняемому. Очень редко перед судом предстал еретик, который прямо, в ответ на обвинение, признавался в ереси. Если таковой попадался, суд или услащивал его, пытаясь вернуть в лоно церкви, или же, в случае упорства, присуждал к казни. Большей же частью обвиняемому расставлялись сети диалектических ловушек святых отцов, всячески старавшихся сбить еретика с толку и добиться его признания.

Начинал обыкновенно главный инквизитор, стараясь испытать подсудимого в его веровании. Инквизитор искусно задавал целый ряд вопросов, из которых первые имели связь с некоторыми последующими и обнаруживали или согласие и последовательность всех ответов обвиняемого, или же самопротиворечие его. Кроме того, ответы подсудимого сливались с показаниями свидетелей, имен которых подсудимый не знал. Инквизитор обвиняком касался пунктов обвинения и узнавал об отношениях подсудимого к обвинителям. Если подсудимый упорствовал в отрицании своей вины, а показания его были разноречивы, или же если при «случайном» упоминании имен обвинителей он не заявлял о своей вражде с ними, то показания обращались против него, и суровый инквизитор мог обратиться к содействию пытки, дабы вынудить откровенные ответы. Большей частью так оно и бывало.

По двадцать шестому канону Нарбоннского собора 1233 г. не требовался даже допрос, раз были обвинительные показания. Причем обвинителями могут быть даже лица, находившиеся под судом и обесчестившие себя какими-либо позорными поступками. Родственники подсудимого не допускались свидетельствовать в его пользу, но против него сколько угодно. Естественно, что личному произволу трибунала открывался простор безграничный и что в большинстве случаев обвинительный приговор был предрешен. Обвинителей подсудимый мог видеть множество на суде, защитников — ни одного.

Одним из излюбленных средств испытания правдивости показания обвиняемого служили пытки огнем и водой. Обычай испытания огнем и водой — очень древний и считался именно испытанием, а не средством добиться правды. Тот, кто выдерживал пытку, являл собой праведника, которому небо помогало выйти из испытания с честью. Тот, кто не выдерживал, обнаруживал преступника, к мукам которого небо было равнодушно. Но в этих испытаниях мужественный и твердый человек мог выйти победителем. Инквизиция же не соглашалась отпустить жертву, выдержавшую пытку, а, наоборот, видела в ее твердости доказательство дьявольской помощи. В 1144 году в Суасоне подвергли испытанию водой катаров, — им насильно вливали в горло большое количество воды, не вмещаемое желудком. В 1207 году в Безансоне пытали раскаленным железом вальденсов.

Пытка производилась иногда перед лицом всего трибунала, но большей частью ею руководил один инквизитор, которому сопутствовали палачи, служители и секретарь, записывавший показания пытаемого. Некоторые инквизиторы отличались особенно свирепой изобретательностью в деле применения разнообразных пыток; таковы были Конрад Марбургский и Петр Веронский. Впрочем, инквизиция первого периода в Лангедоке и Италии меньше обращалась к жестокостям пыток, чем позднейшая инквизиция в Испании. Доминиканцы считали одним из самых сильных орудий увещания и устрашения небесными карами, страшным судом

и муками вечного ада. Первыми мерами были именно увещания и словесные картины ужаса ада, который грозил еретик. Далее пускались в ход такие средства, как угрозы личной ставки со свидетелями обвинения, подсылка родных увещивать еретика сознаться в грехе и покаяться. Если все эти средства не действовали, подсудимый приводился в пыточную камеру.

Орудия пыток, всевозможные изобретения для мук встречали там жертву. Существовал известный порядок мук, которым подвергался еретик: вначале пытали дыбой, потом водой, затем огнем. На языке папской буллы, определявшей пытки, это называлось «умалением членов» (булла Иннокентия IV, изданная в 1152 г.).

Одетые в черное палачи подходили к жертве; их головы были закрыты капюшоном, лица также, в прорезанные отверстия виднелись глаза, нос и рот. Это была одежда для кающихся, присвоенная и палачами. «Они связывали назад руки подсудимого, поднимали его по блоку на воздух за веревку, некоторое время держали в таком положении на воздухе и потом резко кидали на землю». При этом пытаемый испытывал тяжкие муки, мускулы его растягивались до возможных пределов, кости хрустели. Криков его не мог слышать никто, кроме палачей и руководившего пыткой инквизитора, так как пыточная камера помещалась в подземелье, глубоко под пластами земли и камня. Оттуда не проникал ни единый звук.

После пытки первого порядка подсудимому давали прийти в себя и снова приступали к нему с допросами. Если он и на этот раз упорствовал в отрицании своей принадлежности ереси, следовали следующие пытки — водой. Его сажали на скамью, сплошь истыканную гвоздями, впивавшимися в тело. Затем подсудимого опаивали, вливали воду в нос и в уши до онемения.

Полуживого от пытки водой, истерзанного гвоздями и открытого кровью еретика снимали со скамьи и клали для отдыха на обычную скамью, после чего снова приступали к нему для допроса, и бесстрашный секретарь снова приводил в го-

товность свои письменные принадлежности и обращал к обессиленному еретiku лицо. Главный инквизитор, руководивший пытками, от мановения пальца которого зависело прекратить пытку или же продолжить и усилить ее, присутствовал при этом ритуале страшных физических мучений.

Для обыкновенного смертного, не одержимого навязчивыми маниями религиозного или садистического характера, такого рода картины могли быть причиной тягчайшего душевного сплина и вообще нарушения душевного равновесия. Служитель религии любви и всепрощения по официальной обязанности чуть не ежедневно купался в крови, вдыхал запах горящего человеческого тела и присутствовал при позорном зрелище мучений и медленного изнурения от мук. Но, как мы знаем, однообразие этого страшного зрелища у некоторых развращенных инквизицией монахов создало стремление разнообразить пытки, варьировать их, создавать новые. Здесь, по-видимому, было уже какое-то садистическое удовлетворение зрелищами пыток и мучений; вряд ли при этом падении души на дно низменных страстей могли быть какие-либо религиозные цели. Недаром же мы знаем имена инквизиторов, в которых разгорались столь дьявольские страсти и такое влечение к зрелищам человеческих мук, что сама римская церковь не видела иных средств обуздать обезумевших монахов, кроме как посадить их до смерти в тюрьму.

Третьей пыткой по ритуалу инквизиции была пытка огнем. Подсудимого, уже полумертвого от перенесенных мук посредством дыбы и вливания воды, клали ногами к пламени и палили его медленным огнем. Каждая такая пытка продолжалась около часа, и палачи-инквизиторы имели довольно времени, чтобы впитывать содрогания и гримасы муки и ужаса.

В результате всех этих пыток подсудимый или приговаривался к отдаче в руки светских властей, то есть присуждался к смертной казни, или же оставался на подозрении. Тогда его выпускали, но с наложением на него проклятия на год. Если по истечении года подозрение не было им с себя снято, его признавали уже упорным еретиком, снова приводи-

ли на суд в трибунал, и тогда уж дело кончалось большей частью «отдачей в руки светских властей» и бескровной смертью на костре.

Преданные проклятию на год весь этот год отлучались от общения с остальными христианами. Всякий, кто приходил в дом к еретику или садился за стол к нему, лишался права входить в церковь. Умирая, еретик не имел права приглашать врача, — он лишался помощи и духовной, и светской. Явившись с показанием в трибунал раньше года, он получал разрешение от грехов и присуждался к церковному покаянию на пять лет, а в более серьезных случаях на десять лет. Вполне отрекшийся и получивший прощение и потом снова ввапавший в ересь уже не мог никаким покаянием рассчитывать на прощение церкви. Ему предreshался один исход: смерть на костре.

Кающийся и находящийся на подозрении носили темную покаянную одежду, сшитую на манер сутаны с большим крестом на груди и на спине. В общем, одежда эта представлялась в виде мешка с отверстием, куда просовывалась голова. Кающийся обязан был публично бичевать себя и в продолжение обязательного срока предпринимать паломничества, налагать на себя посты и пр. Когда кающийся признавался достойным прощения, церковь давала это прощение в торжественной обстановке. С кафедры монах-доминиканец произносил торжественную речь о страшных грехах и о возмездии неба. Еретик или подозреваемый в еретичестве, склонив колени, каялся в грехах и клялся быть верным церкви. За ним, коленопреклоненные, клялись двенадцать поручителей, знавших его жизнь в продолжение нескольких лет. Получив такого рода клятвы и обязательства, трибунал выпускал свою жертву, но продолжал зорко следить за ней.

В Лангедоке, после первых жертв, которыми являлись большей частью вожди религиозных движений, суровые и упорные люди, не поддававшиеся ни на пытки, ни на убеждения, остальные миряне-сектанты предпочитали не навлекать на себя всех последствий инквизиционного суда и надевать маску притворного католического правоверия. Вот

почему число кающихся в Лангедоке было так велико. Правда, носить эту маску притворного правоверия было нелегко, потому что инквизиция зорко следила за своей паствой, и достаточно было чьего-нибудь доноса, чтобы жизнь альбигойца, скрывающего свои истинные убеждения, повисла на волоске.

Ритуал кающегося отличался свойственной Средневековью жестокостью; монахи исходили из мысли, что Господу угодны все унижения человеческого достоинства, которым подвергали кающихся. Приниженный, изуродованный человеческий дух, с его религией страха, расчета, смирения из боязни мук предпочитали свободному верованию свободного человеческого духа.

«По воскресеньям и праздникам, кроме Богоявления и Вознесения, кающийся обязан был являться в церковь и приносить с собой пучок розог. Во время чтения Апостола он снимал с себя обувь и платье, брал в руки крест и предлагал священнику бить себя. Этот обычай шел с X века, когда священники секли присужденных к покаянию как господа своих рабов. Он имел целью унижение со стороны грешника, которое способствует спасению. При каждой церковной процессии все кающиеся должны были присутствовать. Вместо свечей они несли розги. По окончании крестного хода они подходили к священникам для получения следуемых ударов. Раз в месяц они должны были являться с такой же странной просьбой в те дома, где прежде они виделись с еретиками. Они три раза в год приобщались, дома и в церкви клали учащенные поклоны. Они не могли пропускать ни одной службы и соблюдали посты. В этом отношении кающимся предлагалась целая диета, тщательно определявшая, в какой день ему следовала какая пища. Во время поста он до Великого четверга стоял за церковной дверью. Ему предписано было обойти замечательные храмы и монастыри Франции, Италии и Испании, славные или своими мощами, или воспоминаниями. Эти богомолья бывали большие и малые; к первым причислялись храм Св. Петра в Риме, Иакова Компостельского, Фомы Кентерберийского, кельнский

Трех Царей; к малым — св. Эгидий в Сен-Жиле, св. Дионисий, св. Марциал, св. Леонард в Лиможе. Лангедокские инквизиторы посылали в Сан-Дени, в Сито, в Клюньи и к Иакову Компостельскому, но, конечно, прежде всего следовало посетить такие знаменитые тулузские церкви, как кафедрал св. Стефана и Сатурнина. Кающийся обязывался также сражаться по назначению церкви против мусульман и против еретиков. Из опасения, что ересь может путем пилигримства осквернить святую почву Палестины, Нарбоннский собор в 1235 г. запретил кающимся странствие за море».

Дух непосредственного живого верования исчезал совершенно, религия становилась обязательной, жестокой, требовательной, грозящей мечом и огнем. Еретика не было спасения, а жизнь правоверного католика проходила в трепете доноса, кары и уничтожения.

2

Терроризируемые гонениями, кострами и пытками, альбигойцы толпами покидали свои дома, убежища, имущество и разбежались по лесам и горам, укрываясь, как звери, в чащах, а для молитв собираясь в лесные хижины. Единственным безопасным для них местом был замок Монсежур, где засел отважный рыцарь барон Рожер Мирпуа, не выносивший победителей Тулузы, галлов и французских рыцарей и восстававший против тирании инквизиции.

За синьором Рожером числилось тяжкое преступление: содействие убийству нескольких инквизиторов и их стражи и членов трибунала, а также разорение всего местного инквизиционного гнезда, дело происходило в 1242 году. За несколько дней до праздника Вознесения во дворце замка Авиньонского, в местности Ларатуэс, остановились 11 путешественников членов трибунала, из которых восемь были монахи. Двое в особенности наводили страх; это были известные инквизиторы Арнольди и Стефан, приехавшие из Тулузы в Авиньон судить и карать жителей. Городской бальи Авиньона Альфаро, ставленник отлученного папством Рай-

монда, видел в себе первую жертву трибунала и, убедившись в справедливости опасений об открытии здесь трибунала, составил заговор на жизнь инквизиторов. За поддержкой он обратился к синьору Рожеру Мирпуа, замок которого высылся в неприступном горном месте и представлял собой отличную природную крепость, хорошо защищенную от вражеских нападений.

В замке синьора Рожера находил убежище всякий альбигоец, всякий еретик, спасающийся от гнева инквизиции или пораженный проклятием римской церкви. Синьор Рожер по праву потомка старинного и знатного рода не склонял головы ни перед королем, ни перед папой, и каждый мог считать себя в его замке в безопасности, если пользовался гостеприимством мужественного барона. Монахи называли его крепость крепостью еретиков, в ней было много бежавших от кары инквизиции и пылавших к ней ненавистью. Естественно, что предложение бальи освободиться от местного наезжего трибунала встречено было обитателями замка с восторгом. Синьор Мирпуа одобрил предложение бальи и послал в его распоряжение отряд своих воинов. Бальи Альфаро выбрал двенадцать молодцов, вооружил их топорами и до ночи скрыл в роще, прилегающей к Авиньонскому монастырю. Ночью командовавший отрядом рыцарь Видаль повел двенадцать человек к монастырю. Спросили, что делают монахи. Им ответили, что монахи ложатся спать. Видаль неслышно ввел отряд во двор монастыря, где его встретил Альфаро; по лестнице они поднялись в общую спальню монахов, где спали все двенадцать человек и с ними приор монастыря. Все были убиты. Защищаться они не могли, многие простились с жизнью, не проснувшись. Альфаро убил палицей Арнольди и отрезал у него язык. Монахи услышали шум, но оказались запертыми у себя в кельях и выйти на помощь не могли. Оставшиеся в живых последними монахи собрались в кучку и запели «Te deum». Они падали один за другим под топорами нападающих. Ненависть к инквизиторам была так велика, что нападавшие, поражая их, приговаривали с чувством полного удовлетворения: «Хорошо! Очень хорошо!»

Когда все было кончено, бумаги инквизиторов были уничтожены, слуг выбросили за окно. С зажженными факелами нападавшие выбежали на улицу, где ждала их толпа собравшегося на крики и шум народа. Альфаро рассказал им, в чем дело, и рассказ его был встречен всеобщим одобрением. Все радовались уничтожению людей, от которых ждали кары, смуты, пыток и казней. «Теперь все вы будете счастливы!» — воскликнул в заключение Альфаро, и отряд его помчался в лес.

Синьор Мирпуа одобрил сделанное, но выразил сожаление, что ему не прислали черепа Арнольди, из которого он собирался сделать славный кубок для пиров. Тулузские же монахи, узнав о случившемся, пришли в ужас. Но так как в это время началось восстание лангедокцев во главе с Раймондом и война с французами, то отомстить было невозможно. Монахи только потребовали выдачи трупов для погребения, что и было исполнено.

Когда восстание было подавлено и Лангедок снова очутился под игом папства и инквизиции, именно в замке Монсегюр барона Мирпуа собирались гонимые еретики для совещаний и молитв. Замок Монсегюр являлся центром альбигойской проповеди. Отсюда шла агитация ереси, к которой прислушивались тысячи людей. Среди проповедников отличались Вильгельм Ричард, Лагет, Грос и Бонафос. Все проповеди большей частью происходили в лесных хижинах, куда стекался народ для поучений и для раздачи освященного хлеба. В окрестности Кассера собрались целой толпой женщины-альбигойки и образовали женскую общину. Многие не хотели жить в одном месте, а посвящали себя подвижной проповеди, ходя с места на место и проповедуя свое учение. Когда узнавали о прибытии проповедника, то его торжественно вводили из леса в город, где самые почтенные горожане считали за честь укрыть его у себя и дать ему возможность открыть собрание у себя на дому.

Все проповедники и их спутницы отличались нравственной чистотой и соблюдали все принципы аскетического воздержания, которое они проповедовали. Многие из альбигой-

ских проповедников вызывали восторг и восхищение не только у женщин своей паствы, служивших им и следовавших за ними, но также и у католичек, жен и дочерей многих знаменитых фамилий.

В замке Монсегюр альбигойские проповедники исполняли все требы священников, собирались на службу, читали молитвы и вообще свободно следовали своему вероучению. По доносам, которых всегда было обилие, в особенности, по свидетельству историков, со стороны женщин, инквизиция видела, что во всех еретических делах замок Монсегюр играл большую роль. Необходимо было уничтожить этот оплот ереси, где еретики были за «чертой досягаемости», как выразился один из русских генералов, заливший кровью столицу в 1905 году. В марте 1244 года прелаты Нарбонны и Альби двинули к замку Монсегюр свои ополчения, подкрепленные несколькими отрядами провансальских баронов и французским отрядом сенешаля Каркассона. Все эти войска двинулись на замок синьора Рожера Мирпуа, чтобы разрушить, как они выражались, «синагогу сатаны». Войско прелатов встретило отчаянное сопротивление; горная, почти неприступная местность увеличивала трудность осады. Замок стоял на вершине неприступной горной громады, тропинки к нему были так узки и непроходимы, что провезти по ним осадные машины было невозможно. По некоторым тропинкам, неизвестным осаждавшим, к замку привозились съестные припасы, делавшие осаду довольно сносной. Мужчины, женщины и дети в осажденном замке делили все труды его защиты. Женщины ухаживали за ранеными, которых отправляли в частные дома для ухода и излечения.

В конце концов, Монсегюр был взят благодаря измене. Осаждавшие подкупили нескольких горцев, хорошо знавших местность и все горные тропинки, ведущие к замку. Они провели ночью осаждавших замок рыцарей с их отрядами по тропинке к замку. Здесь рыцари ударили по отрядам стражи и после страшного побоища овладели замком. Барон Монсегюра капитулировал, получив право свободного ухода со своим отрядом.

Победители-прелаты сейчас же устроили импровизированный трибунал, и начался суд над еретиками. Большинство из них не пожелало отречься от веры. Двести человек были приговорены к сожжению. «На обрыве соседней горы устроили большую загородь из кольев, в середину накидали дров и привели туда связанных осужденных. Осужденные радовались, что их не разлучили в эту торжественную минуту. Никто из них не издал ни вопля. Священники и диаконы укрепляли слабых последней речью. Знаменитый Бертран Мартен, поучения которого были причиной гибели стольких людей, сгорел вместе с друзьями и учениками. Альбигойская община, созданная его мрачным гением, сгорела вместе с ним. Такой праздник устроили себе католические прелаты в Великом посту 1244 года. Инквизиция, считавшая казнь делом богоугодным, одобрила это совпадение».

Последний оплот альбигойцев пал, и теперь инквизиция и пыточные камеры были завалены работой. Немало было тут проявлений и человеческого благородства, и низости. Были примеры доносов отца на детей и жен на мужей для спасения своей жизни. Многие сотни жертв поглотили тюрьмы в Каркассоне и Тулузе, но еще больше погибло на кострах и под пыткой.

Процессы над альбигойцами дали нам возможность восстановить по протоколам инквизиции основные пункты их учения. Дополним вышеуказанные принципы их верования еще некоторыми, представляющими ценное свидетельство религиозных и умственных исканий человечества.

Как уже было сказано, альбигойцы признавали ветхозаветного Бога злым, он всецело уничтожался фактом откровения для людей Бога любви и бесконечного милосердия. Две противоречащие друг другу идеи — библейская и евангельская — были правильно истолкованы еретиками, как взаимоисключающие. Приняв одну, надо было отвергнуть другую. Христос, Дева Мария и Иоанн Креститель во плоти не были, а снизошли с неба.

Христос в ад не сходил и никого не освобождал. Брак — наложничество, не освящаемое религией, и есть причина гибели, как всякий грех.

Убийство — смертный грех и не может быть допущено ни для частной воли, ни для коллективной. Смертная казнь не допустима, человек ни под каким видом не должен обрекать себе подобных на смерть.

Чудес не бывает, и никто их не совершал, — ни св. Франциск, ни другие святители церкви. Крест альбигойцы признавали символом унижения и позора Хрисова, и отрицали его как священное знамение.

Страшного суда, сопряженного с обречением одних на вечные муки, других на блаженство, быть не может, ибо это противоречит идее справедливости и милосердия Бога.

Выработанная и продуманная при личном участии последователей, эта религиозная система тем крепче держалась в умах, что была доступна пониманию каждого и согласовалась с общим настроением, надеждами и упованиями страдавших и угнетенных масс.

ГЛАВА VII

ГОНЕНИЯ НА ЕВРЕЕВ. ИНКВИЗИЦИЯ В ПОЭЗИИ ПРОВАНСА

1

Наследовавший корону Авиньона после смерти Раймонда VII король Альфонс* был первым из государей, который понял, что религия может быть практически выгодной не только для римской церкви, но и для доходов королевства. Действительно, этот король извлекал несметные богатства, руководствуясь принципами доброго христианина, ненавидящего еретиков и присваивающего их имущество. Религия отречения, любви и проповедуемой св. Франциском святой

* Альфонс не был королем, он был братом короля (Людовика Святого) и графом Тулузским (*примеч. ред.*).

бедности была приспособлена для извлечения из достояний мирян больших сумм на нужды церкви и королевства.

Кроме обычных государственных налогов, под тяжестью которых стонал побежденный Лангедок, Альфонс на случай экстренных расходов имел под рукой еще две статьи доходов: еретиков и евреев.

В особенности последние были неиссякаемым источником доходов. Принципы Людовика IX, изгонявшего ростовщиков и банкиров и теснившего коммерческую предприимчивость в стране, видя в ней грех и мерзость, совершенно были упущены из виду практическим его преемником. Альфонс, наоборот, рад был видеть растущую коммерческую деятельность в стране, предвидя день, когда обвинение в еретичестве или в чем-либо подобном даст законный повод приобщить капитал крупного коммерсанта к государственной казне.

Пользуясь национальной враждой, раздуваемой суевериями и темными страстями Средневековья, король мог извлечь двойную пользу из этой вражды. Разрешив грабеж и убийство еврейского населения в городах, он мог получить за это определенную сумму с «каждого христианского дыма», то есть с каждого дома, что в общем составило бы громадную сумму. А с напуганных евреев за прекращение грабежей и убийств можно было взять еще больше. И, таким образом, государственная казна никогда не оскудевает, а подданные пользуются защитой и благоволением короля.

Так, изгнав однажды евреев из Пуату, король снова водворил их на прежнем месте жительства за тысячу ливров. Король Альфонс выгодно торговал возможностями своей власти и был изобретателем насчет новых статей дохода. В этом смысле он был прямым учеником инквизиции. Без принципов последней он не мог бы производить всех этих операций, ибо только гонение католической церкви на еретичество оправдывало все эти беззакония короля.

Так, он выдумал особые знаки для евреев, которые они должны были носить на одежде. Но за деньги можно было откупаться от этого обязательства, выделяющего по грубо-

му произволу одну национальность среди других. Церковь не отставала от благочестивого короля и в свою очередь придумывала целый ряд обязательств для еврейского населения Лангедока. Так, в Вербное воскресенье и в Великую пятницу велено было им открывать настежь двери и окна своих жилищ, а всю Страстную неделю быть свидетелями религиозных процессий католиков. Талмуд и другие священные книги евреев велено было представить для цензуры доминиканцев, причем признанные безвредными книги возвращались, а признанные вредными уничтожались.

Когда в 1268 году король Альфонс собрался в поход, на всем пространстве его владений имущества евреев были конфискованы, а сами они были арестованы. Это распоряжение короля вызвало обиду местных баронов-феодалов, которые считали себя «собственниками» евреев, так как получали с них «налог за право существования». Бароны требовали себе части с этого королевского грабежа, и король уступил их требованиям и дал им разную рухлядь еврейских жилищ, все остальное забрав себе.

Но самое вопиющее беззаконие началось после ареста. Всех малолетних и бедных король отпустил, а остальных посадил по тюрьмам, где и начались пытки с целью разведать, не припрятали ли они своих сокровищ, а также с целью заставить назвать точную цифру их богатств. За хороший выкуп можно было откупиться от тюрьмы и пытки. Если предложенные суммы казались королю недостаточными, евреев снова отправляли в тюрьмы, и пытки продолжались. Находились доносчики, заявлявшие о местах, куда были припрятаны золото и драгоценности. Если доносы подтверждались и клады находили, король объявлял об этой радости всем сенешалям. В конце концов за свободу своей жизни пленники отдали все достояние. Обитатели Тулузы заплатили 3500 ливров, областные — 9000 ливров, Пуату — 8000 ливров, Сентожена — 6000 ливров, Оверни — 2000 и Руэрга — 1000 ливров.

Обирал король, обирали и местные власти. Повторение подобных вещей государственной властью король нашел в

дальнейшем неудобным и решил действовать через инквизицию. С 1270 года в каждом городе был учрежден особый трибунал под председательством доминиканца для наблюдения над евреями. Каждый мог привести туда еврея и обвинить его в ростовщичестве.

Евреи и еретики деятельно пополняли казну короля. «С точки зрения доходности казны, — говорит историк, — самым выгодным было осуждение на смертную казнь. Оно избавляло от издержек на содержание заключенного и делало графа законным наследником его имущества. Таковым способом при хорошей жатве на ересь прямые домены графа быстро округлялись, и росла сила государства, а следовательно, и сила родственной французской короны. Преданные слуги Альфонса старались чаще доставлять ему это удовольствие. Для этого они не только хлопотали у инквизиторов о смертных приговорах, но даже втайне сами совершали их».

Еретиков преследовали уже не с религиозными целями, а с целью грабежа. Инквизиция могла видеть все практические последствия своей системы. Как вороны, власти духовные и светские жаждали трупов для насыщения своей жажды богатств. Казни и пытки, заточения и кровь не оправдывались даже суевериями и заблуждениями. Власть превращалась в разбойничью силу, освященную духовенством. Фактические документы подтверждают это голое и ничем не прикрытое хищничество. Вот один из них — послание епископа Руэргского к Альфонсу:

«Епископ родецкий, — пишет он, — занимается инквизицией в своем диоцезе; в Наяке он представил мне одного упорного еретика, Гуго Парайру, которого я поспешил сжечь, конечно, взяв все его движимое и недвижимое имущество, бумаги и книги. После того епископ потребовал в родецкий трибунал еще шесть граждан из Наяка. Так как все уверяли, что они — еретики, то я последовал в Родец, чтобы присутствовать на суде, дабы Вы не сделали жертвой какого-либо обмана (*ne aliqua fraus contra vos posset adhiberi*). Монсеньор епископ сказал мне, что все они действительно еретики и что Вы приобретаете от их имуществ тысяч до ста соли-

дов. Но вдруг он же сам и несколько других судей начинают просить меня, чтобы я сделал снисхождение, предоставил долю имущества осужденным или, по крайней мере, оставил что-нибудь их детям. Конечно, я отказался это сделать. Тогда на другой день, следуя, вероятно, дурным советам, епископ осудил всех шестерых вместо смерти на покаяние, явно Вас обманывая (*in fraudem vestram*). Пишу Вам откровенно, не преувеличивая и не скрывая ничего. Несмотря на такую проделку, я, однако, захватил все имущество осужденных и оставил только то, что необходимо на существование их самих и семейств. И добыл я таким образом движимости и недвижимости приблизительно на тысячу тулузских ливров, никак не меньше. При этом замечу, что так как епископ продолжает судить еретиков, то не мешало бы Вам, если заблагорассудится, посылать от себя в трибунал полномочного следователя; это было бы не дурно (*esset bonum et consilium*), так как Вы избегли бы возможности терпеть дальнейший ущерб и быть обманутым касательно имущества еретиков».

Король, феодальные бароны и графы, а также власти духовные смотрели на имущество своих подданных как на свою собственность. Старались, чтобы как можно больше было осужденных и чтобы поменьше было оправданных, ибо тогда, кроме затрат на судопроизводство и на содержание арестованных в тюрьме, правительство ничего бы не имело. Надлежало как можно чаще приговаривать к смертной казни и тем облегчать переход имущества граждан в руки властей.

Сами прелаты смотрели теперь на ересь со стороны ее доходности, и папа Александр IV* весьма поощрял эти тенденции короля, графа, епископов и прелатов. Всевозможного рода суммы назначались за выкуп грехов, пени за грехи отца и родственников, — словом, доходы церкви и графа Авиньонского находились в прямой зависимости от греховности мирян. И если бы последние обратились в добродетельных ангелов, властям пришлось бы весьма плохо.

* Александр IV — римский папа в 1254—1261 гг. Не смог закрепить положения пап относительно Гогенштауфенов, занятого его предшественниками. Изгнанный из Рима, умер в Витербо (*примеч. ред.*).

В число забот светской и духовной власти относительно горожан входило также и наблюдение над тем, чтобы жизнь их не сопровождалась излишней роскошью и пышностью. В этом проглядывал тот дух ханжества и лицемерного аскетизма, который представлял собой извращение принципов св. Франциска и Доминика о бедности и простоте жизни.

Прованс, блестящий, пышный, веселый, жизнерадостный, под двойным влиянием инквизиционных трибуналов и преданных им французских властей стал менять свою физиономию и становиться сумрачнее и серее. Исчезли блеск, галантность и пышность жизни высших классов, празднества, песни и беззаботность низших. Суровое тяготение над жизнью страны доминиканцев покрыло тенью серой рясы всю жизнь Прованса. Запрещались игры и песни. Законы и уставы предусматривали с самой ревнивой суровостью все мелочи обыденной жизни мирян. Существование походило на тюремное, так как все было регламентировано и над всем был ревнивый надсмотр. От количества пищи до времени сна — все было подчинено определенному порядку.

Веселый и гордый провансалец, южанин, легко переходящий от гнева к веселью, склонный к фантазии, лени, мечтательности и искусствам, стал теперь боязливым, осторожным, тихим, ибо тюрьмы, виселицы, костры, процессии кающихся, церковный звон, суровые проповеди — все это изменяло жизнь и настраивало ее на иной лад.

Обстановка домов и одежда подлежали суровой регламентации, обязательным было ношение одежд определенного покроя, запрещалось под страхом тяжелой ответственности все то, что имело характер щегольства и роскоши. Вот характерный устав относительно одежды для горожан Монтобана:

«Никакая женщина не должна носить ни на верхней, ни на нижней одежде, ни на головных уборах украшений из золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней; равным образом не допускается употреблять парчовых или шелковых одежд и мехов; вместо них носить простые суконные с отделкою из красной кожи. Женщины не должны носить се-

ребряных цепочек и застежек, фермуаров и запястий и уж тем более никогда не показываться в них на улицах. Мужья, граждане Монтобана, обязаны наблюдать за тем, чтобы жены их не носили запрещенных вещей. Гражданки не должны носить булавок и застежек на платьях и корсетах; взамен их нашивать пуговицы, количеством не превышающим десять и ценой не более трех солидов. Городские портные не должны шить длинных дамских платьев; шлейфы пускать не более фута; за несоблюдение положен штраф в двадцать солидов и исключение из цеха».

Общая физиономия городов также стала изменяться вследствие всех притеснений тюремщиков, омрачавших существование даровитого и веселого южного населения. Одним из самых богатых городов Прованса был Марсель, где предметы роскоши получались из первых рук, где так часты были всякие празднества и увеселения. Там открыто и богато жили купцы. Всюду было обилие жонглеров, актеров, фокусников, поэтов, менестрелей; пирушки и праздники следовали одни за другими. Свобода нравов была большая, чем в других городах, и, например, жены в отсутствие мужей продолжали тот же открытый и веселый образ жизни.

Граф Карл, государь Прованса, был человеком совершенно противоположного нрава, чем его подданные. Он был суров, угрюм, нечувствителен к музыке, поэзии, забавам и удовольствиям. Презирал трубадуров и жонглеров, изгонял арфистов и мандолинистов из своего двора. Мучимый честолюбивыми мечтами, подозрительный и алчный, он не спал по ночам, имел вид аскета, его называли «Черным человеком». Он в значительной степени постарался об изменении нравов в Марселе и других городах.

В одном из статутов города Монтобана конца XIII века читаем следующее: «Никакая дама, живущая в Монтобани и на его территории (*de la honor*), не должна ходить в гости к соседкам, если они не состоят с нею в близком родстве до второго колена и не приходится ей кузинами или кумами, и то не иначе как по воскресеньям, под страхом штрафа в пять солидов. Исключение делается для шуток и публичных жен-

щин. На свадьбу и на домашние праздники нельзя приглашать более четырех человек; *иначе могут поступать только женщины дурного поведения*. Глава семейства и хозяйка не должны делать приглашений на вечер и ужин, тем более обручальный и свадебный, не сходяв предварительно в церковь. Жонглеры и скоморохи (*baladin*), провансальские или чужеземные, не смеют являться на праздники или на свадьбы в продолжение рождественского поста и в рождественские праздники. Тот, кто будет противиться этому постановлению, навсегда изгоняется с городской территории».

Нетрудно, конечно, представить, как провансальцы ненавидели своих тиранов и все их притеснения. Властители покоренного Лангедока — обитатели Севера Франции — были по духу чужды своим южным братьям, и все, что они принесли с собой в завоеванную ими страну, было ненавистно и чуждо обитателям солнечного Прованса.

2

В памятниках провансальской поэзии отразилось все негодование, злоба и ненависть к поработителям политической и религиозной жизни страны, не дававшим свободно мыслить, верить, радоваться красоте жизни и добиваться ее смысла и гармонии. Когда-то в мотивах народной провансальской поэзии описывались блестящие турниры и празднества, красота дам, любовь, прелесть возлюбленной. Теперь вместо этого мы встречаем описания пожарищ, битв, войн, пыток и насильственных смертей. Негодование народных поэтов обращено на римскую церковь и на французских государей. Одинаково ненавистны и папа, и французский король. Но ненависть к инквизиторам, к поработителям духовным въелась крепче в провансальца и была продолжительнее.

«Отныне провансальцы облекутся в траур! — восклицал Аймери де Пегвиль [8]. — Вместо власти доброго синьора они подчинились королю (*en sire*)... О, Прованс, Прованс, какой стыд и поношение! Ты потерял радость, счастье, славу, спо-

койствие, веселье и попал под иго французов. О, лучше бы умереть всем нам... Разорвем скорее наши знамена, разрушим стены городов наших, сломаем башни замков наших. Горе, мы стали французскими подданными! Мы не должны носить более ни щитов, ни копий. Какие мы воины?»

«И это называется помогать Церкви: наводнять нашу землю французами, — поет тулузец Анельер, — привести их туда, где быть они не имеют никакого права по тысяче своих нечестивых дел; мечом они губят христиан, несмотря на их происхождение и язык; они хотят одолеть свой век. Духовенству это нипочем; вместо проклятия они посылают французам благословения и дают им целый мир в награду за злодеяства».

«С горьким чувством пишу я эту сирвенту, — плачет другой патриот. — Сам Бог не знает про те мучения, какие испытываю я. Кто может передать их! Я страдаю дни и ночи, во сне и наяву одна мысль томит меня... Французы обирают донага провансальцев — это жалкое и несчастное племя, они им не оставляют ни медяка (ni brail, ni maille). Они отнимают у них земли и не платят ничего. Рыцарей и воинов пленными ссылают как разбойников, а когда те умрут, то берут все их добро. Но кто убивает, от меча и погибнет... Куда ни оглянусь, везде мне слышится, как придворные рабы твердят: „Господин, господин“, — низко кланяясь французам и увиваясь за ними. Французы везде; они завоеватели, и в этом все их право. О, Тулуза, о, Прованс, о, земля Ажена, и вы, о Безьер, Каркассон, — чем вы были и чем стали теперь!»

Историк борьбы Лангедока с римской церковью так характеризует нрав и внутренние особенности провансальца: «Внутренние томления о неведомом не могли долго занимать лангедокцев, вследствие впечатлительности народного характера. Красивая женщина в глазах трубадуров была часто выше Мадонны. Земные наслаждения были знакомее и потому дороже небесных, которые не поддавались чувству. В красоте форм провансальцы были знатоки, они унаследовали понимание и вкус своих греческих предков. Каким-то античным характером, переносящим под портики древней Эллады, дышат некоторые строфы христианских поэтов

Прованса XIII века, написанные после альбигойской резни. Трубадур воспевает чувственное наслаждение и отдает за него все, что было бы дорого для другого католика.

«Не надо мне ни империи Римской, ни папского престола, счастье я мог бы найти только около моей возлюбленной. Когда я смотрю на ее чудные косы, на это прекрасное и юное тело, я чувствую себя счастливее, чем если бы получил целые города в обладание. Я готов твердить мессы, жечь Богу свечи и лампы, чтобы наконец склонить ее уступить моим мольбам и победить суровость моей дамы. Но если Бог не поторопится услышать меня, то любовь, которая горит в моем сердце, кончит тем, что испепелит его».

Провансалец — свободомыслящ; над религией и попами он слегка посмеивается, в бой за веру он не пойдет. В нем много той практической ленивой и бездеятельной философии, рожденной южным солнцем и воздухом, которая диктует радость чувственных наслаждений и покой под тенью дерева или у моря. В то же время у этого южного народа есть могучий темперамент, и в нужный момент он вспыхивает как порох. В век Реформации и Великой Революции Прованс дал могучих борцов и вожаков, воспалявших толпы.

Этот народ умел петь великолепные рыцарские и любовные песни, но, кроме того, умел еще творить небольшие певчие вещи, в глубине которых скрывалась остро отточенная сатира. Ненавидя всей душой служителей церкви, не находя для них других названий, как лжецы, вору, разбойники, клятвoprеступники и развратники, народ слагал о них остроумные «сирвенты», где пригвождал к позорному столбу пороки и позорные слабости этих жрецов.

Среди авторов этих «сирвент» отличался злым и метким остроумием Пьер Карденаль, перу которого принадлежат многие из них. Энергичный и мощного духа человек, он презирал и ненавидел черных воронов католического духовенства, пивших кровь его народа, разорявших его поборами, осквернявших его жен и дочерей, наслаждавшихся его мучениями и пытками. Эта благородная ненависть отражалась в энергичных строфах и образах Пьера Карденалья.

Вот некоторые из его сирвент, отражающие отношение всего народа к церкви и к святейшей инквизиции. «Если Бог спасает тех, кто умеет только хорошо поесть и искусно соблазнять женщин, то черные и белые монахи, тамплиеры, госпитальеры и каноники непременно попадут в рай. Святой Петр и святой Андрей были слишком глупы, что вынесли столько мучений из-за рая, который так дешево достается другим. Черными да белыми рясами не спастись. Надо отказаться от суеты и пиршеств. Надо перестать красть чужое достояние. Тогда только поверят вам. Их послушать, так они ничего не хотят, а посмотреть, так они тащат все»*.

Вот другая:

«Коршун (*tartarassa*) и ворон не выются с такой радостью над добычей, как клирик и доминиканец над своею жертвою, — так начинается другая из его сирвент. — Они следят за ней неуклонно, и, когда удар грянет, то будь уверен, что все достояние жертвы окажется в их руках, а близким не достанется ничего. Французы и монахи зло считают честью. *Они погрузили вселенную в глубокий мрак, теперь всякая новая вера будет знать свою участь.* Знают ли они, куда пойдут награбленные сокровища? Придет другой суровый грабитель, который разоблачит нас донага. Для смерти, которая всех ждет, не надо этих сокровищ — она нагих столь же удобно уложит в четырех ольховых досках». «Те, кто носят митры на головах и белые одежды на плечах, — говорит Кардиналь, — несут на устах низость и измену, как волки и змеи».

«Кто хочет слышать сирвенту из печали, проникнутой гневом? — начинает он с необыкновенной поэтической энергией. — Люблю честных и храбрых, чуждаюсь злых и клятвопреступных, потому удаляюсь от незаконных клириков, которые совмещают в себе всю гордость, все обманы и всю алчность нашего века. Они торгуют изменой и своими индульгенциями, они отняли у нас все, что осталось. Не думайте излечить поповское племя, чем выше стоят они, тем больше в них обмана, тем меньше веры, меньше любви и больше

* Эта сирвента принадлежит перу Монтаньяголя (*примеч. ред.*).

жестокости. А рыцари, как унижены они теперь! Жизнь их хуже смерти, священники их попирают, короли грабят. Они — поповские подданные по смерти, и еще больше при жизни. Между тем лукавые священники, обобрав церкви, завладев всем остальным, стали властителями мира. Тех, кто должен управлять, они попрали своими ногами. Карл Мартелл накиннул на них узду, но они скоро убедились, что нынешние короли — глупцы. Они заставили их делать все, что хотят, и поклоняться тому, что надо позорить».

Еще больше энергии, силы и страсти проявил другой певец из народа, также избравший объектом ударов своего главного врага провансальского народа — римскую тиару. Это был Вильгельм Фигвейрас. Он происходил из народных низов, представителем чувств и мыслей которых и был. Сын тулузского ремесленника, бедный портной по профессии, он вращался в кругу мастеровых, мелких торговцев, жила в лачугах бедноты, бродяг и публичных женщин. Его любили, как никого из певцов, ибо он был прост, понятен и доступен для всех. Он порвал со многими традициями провансальской поэзии, с ее пышными образами и риторическими украшениями. Предметом его поэзии были не те прекрасные вещи, которые воспевала рыцарская поэзия Прованса, — не томления любви, не подвиги рыцарей, не глаза возлюбленной, не красота природы, а народное негодование и народный враг. Его «тенсоны» и сирвенты повторялись во всех трактирах и тавернах, во всех лачугах, их знали наизусть и повторяли всюду.

В одной из лучших своих сирвент Вильгельм Фигверайс за двести пятьдесят лет до Лютера проклял Рим и его разрушительную силу.

«Я хочу, — так начинает он, — написать сирвенту в том же тоне, как пишу всегда.

Я не хочу более молчать!

Я знаю, что наживу себе врагов, так как пишу сирвенту о людях, исполненных лжи, о Риме, который причина всего падения и одно прикосновение которого разрушает все доброе. Рим, я не удивляюсь нисколько тому, если весь мир заб-

луждается, ты повергнул наш век в тяжкие опасности и войну, ты мертвишь и истребляешь достоинство и добродетель. Вероломный Рим, тобою был предан добрый английский король, — ты вместилище и источник всех зол.

Лживый Рим, алчность увлекает тебя; ты стрижешь слишком коротко своих овец. Но Святой Дух, принявший плоть человеческую, да услышит мольбы мои и сокрушит клюв твой. Я отрекаюсь от тебя, Рим, ты несправедливо и жестоко поступаешь как с нами, так и с греками*.

Рим, ты сокрушаешь плоть и кости невежд, а ослепленных ты ведешь с собою в пропасть. Ты уже слишком преступаешь повеления Божии. Твоя алчность так велика, что ты отпускаешь грехи за денарии. Ты навлекаешь на себя страшную ответственность.

Знай же, Рим, что твоей низкой торговлей и твоим безумием погибла Дамиетта**. Ты преступно царствуешь, Рим; да разрушит в прах тебя Господь, потому что ты лживо властвуешь. Ты низкой породы, Рим; ты клятвопреступен.

Рим, нам хорошо известно, что, глупостью одурочив народ, под видом ложного снисхождения, ты повергнул в несчастье баронов Франции и народ французский. Даже добрый король Людовик погиб от руки твоей, потому что лживым предсказанием ты удалил его с родины***...

Рим, сарацинам ты нанес мало вреда; но ты вконец уничтожил греков и латинян. Рим, твое место в пламени ада...

Рим, я хорошо вижу множество злоупотреблений твоих, о которых неудобно говорить. Ты смеешься над мученичеством христиан; в какой книге написано, Рим, чтобы ты убивал христиан? Истинный Бог, который посылает мне насущ-

* Имеется в виду захват крестоносцами Константинополя (*примеч. ред.*).

** В 1219 г. крестоносцы взяли Дамиетту, город в дельте Нила. Однако папский легат кардинал Пелагий не только рассорился с вождями крестоносцев, но и отклонил выгодное предложение египетского султана — обменять Дамиетту на Иерусалим. Такая политика легата привела к катастрофе (*примеч. ред.*).

*** Доминиканцы сообщили Людовику Святому, что аль-Мостансир, султан Туниса, готов перейти в христианство, и это стало решающим основанием для выбора направления последнего крестового похода (*примеч. ред.*).

ный хлеб, да поможет мне увидеть от римлян то, что я желаю видеть от них.

Теперь ты, Рим, слишком занят твоими предательскими проповедями против Тулузы. Ты с низостью кусаешь руки и сильных и слабых, подобно бешеным змеям. Но если достойный граф проживет два года, Франция почувствует всю горечь твоих обманов.

Моя надежда и утешение в одном, Рим, что ты скоро погибнешь; пусть только повернется счастье к германскому императору*, пусть только он поступит как следует с тобой, тогда, Рим, увидим, как сокрушится могущество. Боже, владыка мира, соверши это скорее!

Рим, ты так хорошо забираешь в свои когти, что от тебя тяжело отнять то, что захватил ты. Если ты вскоре не лишишься твоей силы, то это значило бы, что мир подчинен злему року и что он погиб окончательно.

Твой папа тогда сделал бы чудо. Рим, папа занимается дурным делом. Он ссорится с императором и продает его корону. Он прощает его врагов, а такое прощение, безосновательное и несправедливое, не заслуживает похвалы, потому что в корне своем оно мерзко.

Рим, ты развращен до такой степени, что презираешь Бога и его святых, — вот до чего позорно царство твое, несправедливый, коварный Рим. Вот почему в тебе скрываются, гнездятся и развиваются пороки мира сего; так велика твоя несправедливость относительно графа Раймонда.

Рим, Бог помогает этому графу и дает ему власть и силу, ему, который режет французов, сдирает с них кожу, вешает их и делает из них мосты при осадах, когда их много. А я, Рим, мне сильно хочется, чтобы Бог вспомнил о твоих злодеяниях, чтобы вырвал он графа из твоих рук, то есть из объятий смерти...

Рим, мы часто слыхали, что у тебя пустая голова, потому что ты ее часто бреешь; я думаю, что тебе и не надо много мозга, потому что ты властвуешь дурно, как и цистерцианцы; в Безьере вы произвели страшную резню.

* Фридриху II (*примеч. ред.*).

Рим, своими лживыми соблазнами ты ставишь сети и пожираешь много дурных кусков, раздирая на части нуждающегося в утешении. Ты носишь личину кроткого агнца, но внутри ты бешеный волк, порождение ехидны; ты змея коронованная, оттого-то дьявол называет тебя своим творением».

Великолепная энергия образов этой сирвенты имеет в себе что-то пророческое и напоминает по силе гнев библейских пророков. «Да разрушит в прах тебя Господь!» — взывает автор и с неожиданной образностью называет Рим «коронованной змеей». Само собой разумеется, что для десятков и сотен тысяч провансальцев такая сирвента, в которой обнажена вся глубина души народной и ее великая ненависть к поработителям, должна была с восторгом и благоговением читаться [9] всюду. Народный бард служил делу народного самосознания, выражал затаенные думы его души и поддерживал священный огонь ненависти к поработителям.

Мало того, — разносимые певцами и народом, эти сирвенты облетали грады и веси, приходили в иные страны, где чужеземцам давали весть о том, что делается в покоренном Лангедоке и как ведут себя пастыри духовного стада. Это должно было наносить незримый, но страшный вред духовному влиянию католических священников и монахов.

Провансальцы могли гордиться тем, что их поэзия служит только родному своему народу и презрительно чуждается чужеземцев. Единственный раз нашелся один менестрель, который во время борьбы с Симоном Монфором, осаждавшим Тулузу, пошел, к ужасу и негодованию лангедокцев, на службу к захватчику. Предателя предали всеобщему позору и отчуждению, он был выброшен из среды своих, как зачумленный. Страдая от голода, холода и презрения, он искал спасения у врагов и нашел исход в том, что, как Иуда, покончил с собой. По истечении столетий провансальская поэзия послужила великолепным художественным, бытовым и поли-

тическим материалом для историков, ибо в ней, как в зеркале, отразилась жизнь страны и отношения побежденных и победителей.

По мнению всех историков, провансальская поэзия сыграла значительную роль в истории папства и инквизиции и неразрывно связана с ними. Прованс с богатейшей поэтической силой выразил свою свободную, цветущую и радостную жизнь до разорительных войн, а потом свое великое негодование и глубокую грусть в эпоху гнета и беззакония римской церкви. Но чем дальше продвигались враги в смысле закрепощения побежденной страны и подчинения ее французскому влиянию и чем сильнее становилось это влияние, тем все слабее становились отголоски народной лирики.

А жизнь в стране явственно угасала, и это не могло быть иначе, ибо последние силы истощались под влиянием казней, конфискаций, разорения, а главное — сурового досмотра, подчинявшего всю жизнь страны серому режиму доминиканского монастыря. Народ под влиянием непосильной борьбы обезличивался. Что он мог теперь воспевать? Разоренные города, сожженные замки, костры и виселицы, стены тюрем, где сгнивали лучшие из его представителей? Суровая цензура католического монаха обрекала на бесплодие и мысль, и слово. Усилия победителей увенчивались успехом: страна явно офранцузивалась. И вместе с тем замирала в ней национальная самобытная жизнь духа и замирала ее поэзия и угасала ее певучая, острая, жалающая врагов сирвента.

Последним периодом провансальской поэзии воспета деятельность короля-христианина Людовика IX, которого любили в Провансе, так как понимали, что он не стяжатель и отличается от римской курии тем, что не прикрывает ризой священника алчность вора и грабителя, а действует по бескорыстным религиозным стремлениям. Когда же он умер в борьбе за веру, провансальские менестрели забыли о вражде к победителю и воспели его подвиги христианского короля, воина Христова.

ГЛАВА VIII

БЕРНАР СЛАДОСТНЫЙ. ПРОПОВЕДНИКИ И БОРЦЫ XIII И XIV ВВ.

1

В конце XIII века, после кончины мирного папы Николая IV*, в нескольких городах покоренного Юга вспыхнули недовольства и возмущения инквизиторами, закончившиеся убийствами их и разорением их помещений. Так, в Парме народ разорил дом, где помещался трибунал, и выгнал доминиканцев. Каркассонцы вышли из себя от свирепости и беззакония главного инквизитора Аббевиля, напали на монастырь, сожгли его дотла и уничтожили архив инквизиции, а инквизиторов разогнали.

Аббевиль наложил на город проклятие, отлучил его и через два года снова получил господство над ним и снова начал свирепствовать.

В Тулузе прославился жестокостью инквизитор Фулькон де Сен-Жорж, а в Альби — Кастанет. Возмущенные жители трех общин послали общую жалобу королю. Вскоре прибыли королевские эмиссары для расследования дела. Их осадили толпы народа с жалобами на инквизиторов, рассказывая об их поборах, утеснениях, жестокостях, пытках и тюрьмах. Во главе жалобщиков, решивших бороться с ненавистной властью инквизиторов, стоял молодой монах, францисканец Бернар, прозванный Сладостным за свою увлекательную и сладостную речь.

Родом из Монпелье, Бернар по призванию пошел в монастырь и вскоре благодаря своим выдающимся способностям назначен был лектором францисканского монастыря. Человек чуткий и отзывчивый, он обладал живым чувством спра-

* Николай IV — римский папа с 1288 по 1292 г., пытался устранить самоуправство судей, смягчить строгие статуты трибунала, обеспечить правосудие (*примеч. ред.*).

ведливости и добра и не мог без негодования видеть вопиющие беззакония, творимые инквизиторами-доминиканцами. Его трогали бедствия народа, разоряемого и угнетаемого работителями. Настал час, когда Бернар выступил горячим и сильным борцом за народ.

Его первоначальное участие в народном деле выразилось в том, что он встретил прибывших королевских комиссаров во главе местных жителей и выступил от их лица с объяснениями и показаниями. Его мужественная, поражающая логикой и силой речь возымела большое влияние на комиссаров и убедила их в справедливости народных жалоб. Комиссары открыто приняли сторону народа и обещали передать все узнанное королю.

Бернар открыто выступил против могущественного врага — инквизиции. У него и раньше были стычки с инквизиторами по разным поводам. Свободомыслящий и терпимый, Бернар интересовался разнообразными отраслями науки и знаний и вел, не боясь, дружбу с ученым Раймондом Луллием и врачом Вилланова, один из которых слыл еретиком, а другой — чернокнижником. Его враги часто выдвигали это как повод для обвинения в еретичестве. Когда инквизитор Аббевиль потребовал, дабы лишить его погребения, выдачи трупа гражданина Кастельфабра, похороненного в монастыре, Бернар воспротивился выдаче тела, выступил против требований всего трибунала и прибил к воротам его здания свой протест против его требований, называя их незаконными и лживыми. Это немало способствовало подрыву авторитета инквизиции.

Теперь этот же Бернар выступил против инквизиторов Фулькона и Аббевиля, составив по жалобам жителей обстоятельную докладную записку королю, где был перечень всех беззаконий и злодейств инквизиторов.

Не ограничившись этим, Бернар составил группу выборных от общин и сам во главе их поехал для личных объяснений с королем.

Узнав об этом, инквизиторы послали свою депутацию во главе с Фульконом. Они надеялись, что противники уйдут с

позором, побежденные авторитетом отцов инквизиции. Но Бернар был не только искусным оратором, но и дипломатом. При дворе короля, ожидая дня торжественной аудиенции, он завел многочисленные сношения с придворными влиятельными и могущественными людьми и сумел расположить их в пользу дела, которому служил.

На аудиенции он выступил с речью, в которой со свойственной ему силой и убедительностью нарисовал картину невозможного положения жителей под эгидой незаконных инквизиторов, документально доказывал присутствие подставных лживых свидетелей, казни и пытки невинных, грабежи, вызванные устрашением этих пыток. Свою речь Бернар закончил доводами в пользу закрытия бесполезных и вредных трибуналов, побуждая короля сделать это собственной властью, вопреки воле папы.

Искусные актеры, доминиканцы и отцы инквизиции выжидали заключительного момента речи Бернара, и в момент, когда он заканчивал ее, раскрылись двери приемной и показалась торжественная процессия доминиканцев, впереди которой шел придворный капеллан, а за ним — инквизиторы тулузские, памьерские и каркассонские. Они хотели начать свою оправдательную речь, но Филипп IV* махнул досадливо рукой и не дал им раскрыть рта. «Этот честный лектор говорит правду, — сказал он, указывая на Бернара. — Якобинцы каждый день надоедают мне своими рассказами и сновидениями, они думают прикрыть баснями свои измены».

Старания и искусство доминиканцев были напрасны. Король, по совету Бернара, сместил Аббевиля и Фулькона, а на третьего епископа наложил денежную кару в 2000 ливров. Вслед за тем издал грамоту к епископу тулузскому, в которой объявлял свою волю относительно функционирования инквизиционных трибуналов.

* Филипп IV Красивый (1268—1314) — король Франции с 1285 г. Нуждаясь для ведения войн и активной внутренней политики в деньгах, прибегал к принудительным займам. Он обложил налогами духовенство, что вызвало конфликт с папой Бонифацием VIII, положивший начало Авиньонскому пленению пап. Ликвидировал орден тамплиеров (*примеч. ред.*).

«Обязанностью Фулькона, — писал он, — было искоренять заблуждения и пороки, а он только более распространял их. Под покровом дозволенной кары он осмеливался делать вещи совершенно недозволенные. Под видом благочестия он делал бесчестные и бесчеловечные поступки. Под предлогом защиты католической веры он совершал ужасные и гнусные злодеяния». Своим чиновникам Филипп приказал не повиноваться инквизиторам в случае незаконных требований. «Мы не хотим, — писал Филипп IV, — чтобы жизнь и смерть наших подданных зависела от произвола и фантазии одного человека, может быть, невежественного и руководимого слепой страстью».

Бернар одержал победу, которая привела в неописанную ярость его врагов — инквизиторов. Момент этой борьбы показывает существенную разницу между двумя орденами, основателями которых были суровый аскет Доминик и преисполненный любви и нежности святой Франциск. Среди миноритов не было таких кровопийц и стяжателей, как среди доминиканцев, а в конце концов в лице Бернара орден св. Франциска вступил в ожесточенный бой с доминиканцами.

Но доминиканцы не хотели уступать даже королю. Собравшись, они послали королю настойчивый совет оставить Фулькона в его должности. Это взбесило короля и вызвало с его стороны энергичный отпор. «Нам кажется, — писал он, — что братия ищет случая оскорбить нас и угнетать народ, а вовсе не преследовать пользы Церкви и не наказания преступлений. Согласиться на продолжение службы Фулькона — значит делать несправедливость за несправедливость и нисколько не думать о тяжелых опасностях, об общественном позоре, которое оно навлекает в будущем. Кто смеет подумать, чтобы провинциал ордена с его монахами в наши дни имел дерзость, вопреки нашей воле, требованию целого народа, удержать человека столь гнусного, обремененного таким бесчестием, столькими преступлениями?» Не ограничившись отпиской, король приказал не допускать собраний трибуналов, отменить содержания инквизиторов и приставить стражу к их тюрьмам.

Настала плохая пора для доминиканцев, им не давали прохода, народ преследовал их насмешками и проявлениями вражды. Впрочем, назначенные новые инквизиторы продолжали все так же свирепствовать. Аббевиля сменил Готфрид Абузий и с места в карьер казнил двадцать пять еретиков. Снова потянулись к Бернару плачущие жены и родственники казнимых и арестованных, прося защиты и спасения от волков и поработителей. Бернар начал на площадях целый ряд проповедей против инквизиции, где нещадно громил ее.

Его проповеди имели прямую цель — вызвать возмущение в народе и поднять его как против папы и инквизиции, так и против французской власти, от которой спасения дожидаться было невозможно. Несметные толпы народов валили на эти речи Бернара, и толпа трепетала от власти его увлекательного красноречия.

«Когда Иисус приближался к Иерусалиму, то, увидев его, заплакал, — начал он одну из своих проповедей. Помолчав немного и окинув долгим взором слушающих, продолжал: — Так плачу я над вами, каркассонцы, я, посланный к вам Иисусом уже несколько лет, чтобы оберегать честь вашу и защищать от клеветы изменников, облеченных в рясы проповедников». И он начал говорить о преступлениях и жестокостях инквизиторов. «А что мы станем делать в ответ им? Братия, на это я вам расскажу притчу о баранах, когда эти животные еще умели говорить. Их было большое стадо; они паслись привольно в пышных и зеленых лугах, около холодных, прозрачных ключей. Каждое утро повадились их навещать из соседнего города два палача, которые таскали то по одному, то по два барана, выбирая по преимуществу тучных. Видя, что число их каждый день уменьшается, бараны стали совещаться между собою. «Эти палачи будут продавать наши шкуры и есть наше мясо, а у нас нет ни покровителя, ни защитника, который бы защитил нас, но разве у нас нет на лбу рогов? Кинемся на них дружно, пустим в работу наши рога и прогоним кровопийц с поля — только тем мы и спасемся». Что вы думаете об этом? Я растолкую вам. Бараны — это вы, жители Каркассонна; прекрасные луга — это римско-католи-

ческая вера, которая дышит вечной святостью и которая орошается ручьями счастья духовного и мирского. Тучные бараны — это богатые граждане Каркассонна, которых убивают палачи, чтобы воспользоваться их достоянием. Разве это не тучная жертва, человек столь значительный, как господин Капель, которого изменники-доминиканцы обвинили в ереси? А мессир Горрик, он также не еретик ли, потому только, что от него хороша пожива? А Брунет, а Казильбак и множество других замурованных в тюрьмах, ограбленных и лишенных всего, потому что не нашлось никого, кто бы защитил их от палачей?» При этих словах в церкви пробежал из уст в уста сдержанный вопль ненависти к инквизиторам, грозивший бурей. Окончание проповеди Бернара и его воззвание к мужеству жителей довершило впечатление. Буря разразилась».

Потрясенные его речью, горожане бросились на дома инквизиторов и бывших в близких к ним отношениях консулов и разгромили их. Неподготовленный еще к руководительству восстанием, Бернар удалился в Каркассонн, чтобы обдумать план и выждать. Когда разнесся слух, что в город возвращается викарий, народ бросился к нему и окружил его с криком: «Спасения, спасения! Милосердия! Защити нас от изменников!» Заметив подле викария члена трибунала, толпа бросилась на него и растерзала бы, если не заступничество викария. Викарий выслушал жалобы народа и угрозу: если не освободят народ от палачей и грабителей, расправиться с ними самому.

Между тем к Бернару стекались толпы, вооруженные разнообразным оружием. Викарий, чтобы движение не приняло слишком разрушительные формы, решил встать во главе его и направлять его. Он повел толпу к доминиканскому монастырю и его тюрьме, дабы освободить заключенных. Толпа с восторгом следовала за ним. У окна тюрьмы встал доминиканец Блуман, как бы защищая своим телом оплот инквизиционного насилия. «Остановитесь, — кричал Блуман, — не оскорбляйте святыни! Здесь кончается власть короля!»

Над ним посмеялись и взломали двери тюрьмы. Долго работали ломами, взламывая ее! Викарий поощрял их. Блуман протянул ему протест против этого насилия. Викарий взял протест и, держа его в руке, спустился в страшные подземные тюрьмы вместе с толпой. В темнице было темно, смрадно и сыро. Спросили факелов и осветили еле живых заключенных, умиравших там заживо. Сорвали дверь с петель и вытаскивали заключенных, отыскивая среди них своих родственников.

Потом спустились в еще более страшную часть зараженного нечистотами каземата, находившуюся уже под землю. Дверь этого каземата никогда не открывалась, пищу подавали через отверстие толстой стены. «Когда замурованных вытаскивали на свет, они окончательно обессилели, — это были живые трупы».

На другой день после разгрома тюрьмы собрался трибунал и во главе с Готфридом, главным инквизитором, предал торжественному проклятию викария и всех участников разгрома. Они отправили донесение о происшедшем папе, а община в свою очередь отправила к нему жалобу на инквизицию. Они прославляли своего викария, как ангела небесного, снизошедшего к их бедствиям. Вместе с жалобами, по слову практического Бернара, послали 3000 ливров.

Снова тронулись депутацией к королю во главе с Бернаром и викарием, за которого народ стоял горой и решил не выдавать его. Поехали братья и дети заточенных, обратились к королеве и растрогали ее рассказами о перенесенных бедствиях. Король решил лично посетить Лангедок и обо всем узнать на месте.

Короля встретили народные толпы с криками: «Справедливости, справедливости!» Викарию как отлученному говорить не дали, за него стали говорить депутаты.

Король выслушал объяснения депутатов, Бернара и местных горожан и сказал, что разберется во всем этом. Но до него уже дошли слухи об агитаторской деятельности Бернара, и это весьма не нравилось королю. В конце концов ко-

роль ограничился обещаниями и, занятый другими политическими делами, позабыл о них.

Дальнейшая судьба Бернара, увидевшего, что на справедливость и милосердие государей надеяться нечего, протекла очень бурно. Видя в нем человека, могуче влиявшего на толпу и пользовавшегося большой популярностью в народе, его стал соблазнять Дон Фернанд, принц Арагонский, оставшийся без короны, простым сюзереном Филиппа. Дон Фернанд предлагал содействие Лангедоку в его борьбе за независимость от французской короны и обещал сделать для лангедокцев то, от чего отказывался Филипп. Бернар загорелся новой идеей борьбы и восстания.

Но длительность подготовки показала Бернару, с кем он имеет дело, и он бросил все свои труды, сопряженные с опасностями жизни и с моментами высокого самоотвержения. О переговорах Бернара проведали, велели ему удалиться из каркассонских владений.

Теперь он решается идти по своему пути до последнего шага, где видел неминуемую гибель. Мужественный дух этого человека и его героическая решимость диктовали ему не отступление, а последний бой с врагами. Он едет в Тулузу и с кафедры Сатурнинского собора произносит новую проповедь против инквизиторов. Потом едет в Альби и там появляется на площади с речью.

Худой, с горящими глазами, в пыльной одежде, подпоясанный веревкой, он встает перед толпой как дух борьбы и снова электризует ее своим горящим словом и пламенным убеждением.

Он призывает народ к восстанию и отдает свою жизнь на служение народному делу. Не зная, что уже готовится приказ об аресте, что враги его не дремлют и жаждут его гибели, он решается на последний шаг.

«Вот я пред вами, — сказал он альбийцам, — живой, невредимый, по-прежнему всегда готовый свидетельствовать против вашего епископа и против ваших инквизиторов, всегда готовый доказывать, что они несправедливо заточают ваших сограждан в тюрьмы. Не бойтесь, я не оставлю вас, друзья

мои, я не убегу от вас и готов самую мою жизнь отдать на службу вашему делу, я не отрекусь от вас даже тогда, когда меня потребует папа на суд, как всегдашнего противника ваших преступных преследователей. Я жду этого... Наши общие враги сказали вам, что я воспользовался вашими деньгами. Отчасти это правда — своего я ничего не имею; я путешествовал на ваш счет. Но ради вашего дела я все, что имел, распродал, даже свои последние книги. Говорят, что я требовал от вас большие жертвы. Так! Теперь я буду просить у вас еще большей: я вас прошу оставить ваши ремесла, ваши лавки, ваши дела, идти на все четыре стороны и везде кричать как можно громче против гнусных людей, которые остервенились против вашей страны».

Бернара отлучили от церкви; это не произвело на него большого впечатления и не отвратило от него симпатий народа. Бенедикт XI, новый папа, подписал в 1304 году буллу об аресте Бернара и представлении его на суд инквизиции за возбуждение народа к восстанию против короля и духовной власти. В парижском монастыре миноритов его арестовали и повезли в Лион, оттуда в Пуатье, где он внезапно был выпущен на свободу, но без звания лектора. Его спасло равнодушие папы к распрям доминиканцев с францисканцами.

В 1318 году, после протеста бегинов*, подписанного и Бернаром, он был отдан под суд и предстал перед Авиньонским судом уже с уверенностью в близком конце. Он даже распорядился своим скудным имуществом, состоявшим из книг.

На суде Бернар торжественно и открыто признался в непобедимой ненависти, питаемой им к доминиканцам и к инквизиции. Лучшим делом своей жизни он считает свою борьбу с ними.

При допросе судьи потребовали пытки, причем постановили заставить палача сообразоваться с его летами и не доводить мучениями до смерти. В выборе и продолжительности истязаний палача не стесняли.

* Бегины — члены полумонашеских мужских общин, впервые возникших в Нидерландах, чья идеология была близка миноритам, а главным в ней была оппозиция Церкви (*примеч. ред.*).

Старый, измученный Бернар выдержал все муки пытки и не проронил ни слова. На другой день его снова предали пытке, жгли, вздергивали на дыбу и пр.

«8 декабря 1319 г. Бернара вывели на каркассонскую площадь. В присутствии всего городского и приезжего духовенства и несметной толпы народа прочли длинный приговор. Его преступления состояли в том, что он осмелился поносить инквизицию, которую неоднократно оклеветал-де в несправедливости и жестокости, кощунственно выражаясь о ее мнимой готовности осудить даже святых апостолов, что он возмущал народ против нее и заставлял не раз прибегать к насильственным действиям, что он изменнически сносился с принцем Фернандом, желая предать ему город Альби и Каркассонн, что он держал, читал и комментировал книгу по некромантии о вызывании духов, о приношениях им, о кудеснических заговорах, о колдовстве и всяком зле. За все это судилище в неизреченной милости своей приговаривает его к лишению церковного сана, монашеского чина и к пожизненному заточению в оковах в инквизиционной тюрьме, в продолжение которого он не может ничего вкушать, кроме хлеба и воды. Народ, за свободу и счастье которого Бернар боролся так бесплодно, так долго и ради которого он пострадал, не шелохнулся ни одним движением, слушая чтение сентенции трибунала. Епископ приблизился к осужденному и расстриг его. С него сняли все священнические одежды, произнося следуемые по обряду формулы. Королевские судьи изъявили свое согласие с приговором. Затем Бернара отвели в тюрьму. Ему не суждено было долго страдать в страшном каземате. Он умер спустя год с небольшим...»

2

АПОСТОЛЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБНОВЛЕНИЯ

Пример выступления монаха Бернара Сладостного против духовенства в защиту народа не остался единственным. Наоборот, это был как бы показатель того, что в самой духовной среде пробуждается сознание позора всего происхо-

дящего и горячая потребность очищения и обновления. Один за другим выступают и примыкают к еретикам и протестантам вдохновенные монахи, демагоги-священники, люди с пробудившимся сознанием несовместимости религиозных идеалов с тем, что совершается, и со страстной потребностью обновить и очистить мир.

На скамьях обвиняемых в инквизиционных трибуналах все чаще появляются люди в рясах священников и монахов и оказываются стойкими борцами с официальной, погрязшей в мелких страстях церковью. В воздухе эпохи ясно чувствовалось великое томление по чистоте и религиозным идеалами, помятым и оскверненным земными помыслами римской церкви. Один за другим появляются носители этого пробудившегося религиозного сознания и производят могучие внутренние толчки в жизни людских масс.

Одним из наиболее сильных и влиятельных апостолов нового религиозного движения был Петр Олива, провансалец, живший в конце XIII столетия. Он примыкал к крылу францисканского движения католической церкви и волей судьбы стал врагом папы и римской курии.

Два святых католической церкви создали два совершенно различных движения в ней. Доминик создал орден верных слуг папства, охотничьих его собак; Франциск основал орден идеалистов и праведников, чья совесть не подкупалась папскими милостями и возмущалась и бунтовала против посправа Римом евангельских заветов. Одним из ярких выразителей этого религиозного бунта был Петр Олива.

Его идеалом и образцом был св. Франциск; по существу, он не был творцом или новатором, а хотел только строго следовать уставу Франциска и не отступать от него. Но на этом пути, вначале одобряемом папой, глава маленькой духовной общины должен был стать врагом папы и римской церкви.

Олива ставил основной целью идеал святости, простоты, бесконечного внутреннего совершенства. Говорят, по внутреннему складу он был подобен св. Франциску, но еще нежнее и глубже по душе, чем учитель ордена. Прямой задачей Олива ставил себе восстановление первоначального

апостольского христианства во всей его чистоте и, значит, идеал бедности, отречения, самопожертвования и царства не от мира сего. Мечтатель и фантазер, он хотел повергнуть движение церковной жизни католического мира с того пути завоевания земных благ, — власти и богатства, — на котором римская церковь за обладание этими благами пролила уже моря крови. Олива ясно видел, куда завело католицизм это движение, и находил, что этот путь есть полное исповедание дьявола и отрицание заветов Христа, он называл римскую церковь вавилонской блудницей и во имя «ангела обновления духовной чистоты христианства», св. Франциска, проклинал римскую церковь и звал к возврату к первоисточникам истинного христианства.

Папа не мог не увидеть, в конце концов, что монах из Безьерского монастыря своей проповеднической и литературной деятельностью подрывает основы существования римской церкви. Назначено было расследование по поводу сочинений Оливы, и суд признал в них еретические положения. Олива долго полемизировал с учеными монахами-судьями и отстаивал свои взгляды. Уже перед смертью, в старости, он ослабел и отказался от своих идей.

В тот же небольшой промежуток времени, когда велся спор Оливы с судьями, в Италии гремел другой проповедник, Сегарелли, учивший почти тому же, что и Олива. Он выставлял те же положения о нарушенных евангельских заветах и о разращении, ничтожестве и мертвенности римской церкви. Через три года после смерти Петра Оливы Сегарелли был сожжен всесильным папством на костре.

Между тем проповеди и идеи этих учителей не остались без влияния на жизнь духовенства. От ордена францисканцев стали отделяться монахи и образовывать особую самостоятельную общину ревнителей древнего христианства. Вначале папа протезировал им и назвал их «отшельниками папы Целестина». В общине велась суровая, простая религиозная жизнь. Сильный оратор и суровый мистик, Убертин де Казаль был главой этой общины. Влияние ее было огромно. Все лучшее в духовной среде при-

мыкало к ней; между другими встал в ее ряды и Бернар Сладостный.

В то же время в Италии возвысился новый голос пророка того же религиозного призвания, вскоре присоединившегося к общему делу. Это был миланец Петр Дольчино, мистик и мечтатель, ученик сожженного Сегарелли. После смерти учителя он ощутил в себе силу настойчивого проповеднического призвания и пошел проповедовать с бурной силой неподдельного вдохновения.

Народ повалил за ним в восторге, видя в нем одного из духовных учеников св. Франциска. Как и Сегарелли, как и Олива, Дольчино был врагом папства и громил его в своей проповеди.

Учение Дольчино в общем заключалось в следующем.

«Он видел четыре периода в жизни человечества (смутное отражение идей бегинов) — ветхозаветный век патриархов и пророков, апостольский, современный и будущий. Современный, начавшийся с папы Сильвестра и Константина Великого, был причиной унижения Церкви, увлекшейся земными благами, соблаздившейся имуществом; из него Церковь выйдет только самоотвержением и унижением своих вождей, не пап, которые к тому не способны, а подвижников — постников, героев духовной силы вроде Доминика и Франциска. Для того чтобы быть достойным служителем Церкви и духа, надо отказаться от всякой собственности и маммоны. «Папа будет свергнут, — пророчествовал Дольчино в 1300 году, — а король Сицилии, Фредерико Арагонский [10], через три года освободит Церковь». Пророчество отчасти сбылось, хотя желание Дольчино исполнил не тот король, на которого он рассчитывал. После того должно было начаться духовное Царствие, весь мир преобразоваться в великую братскую общину, управляемую Святым Духом, который вселится на этот случай в него самого, следовательно, ему будет принадлежать духовная власть над миром. Вместе с тем он считает себя шестым ангелом Апокалипсиса. Дольчино скоро стал главой общины, если далеко не столь значительной, как он предполагал, то и не особенно аскетической. У него нашлись сотни преданных людей, искавших нрав-

ственной чистоты и ради нее всегда готовых обнажить меч, но не отказывавших себе в удовольствиях брака. В Цебелло* он видел новый Фавор, который был для его геройских последователей тем же, чем некогда Монсегюр для альбигойцев. Благородные мечтатели долго защищались здесь от крестоносцев Климента V, предводимых доминиканцами, но голод вынудил их сдаться. Страшные пытки и костер покончили с пророком. Его сестра во Христе (*more sororis in Christo*) или, точнее, жена спорела вместе с ним».

После смерти Климента V новый папа Иоанн XXII решил принять ряд строгих мер против этих «лжеапостолов». Он предписывает всем отпавшим от ордена в самостоятельную общину полную покорность духовному начальству. Самой высшей из христианских добродетелей он считает послушание и покорность перед начальством. Когда папа приказал изменить одежду францисканского монаха, нашлись двадцать два человека, протестовавших против папского приказа, несмотря на угрозу отлучения. Все протестовавшие пошли на суд в Авиньон; между ними был и Бернар Сладостный. В диспуте с папой они наговорили ему столько резких вещей, что троих из них он велел заключить в тюрьму. После чего начался суд над всеми протестантами.

Первый период истории инквизиции, краткий очерк которого мы предложили вниманию читателя, изобилует мучениками, вождями, вдохновенными пророками и героями. На протяжении долгого и кровавого периода мы видим неиссякающую мощь душевной оппозиции человечества, протест духа против насилия над верованиями, над внутренней жизнью и ее законами. Ни костры, ни пытки, ни тюрьмы и подземелья доминиканских монастырей не останавливали могучего протестантского движения. Впоследствии мы видим, как этот дух оппозиции вылился в иные формы борьбы за религиозное освобождение на Западе в период, отмеченный движением Реформации.

* Гора на границе долины реки Сезии, фактически захваченной восставшими, где Дольчино и его последователи в 1305 г. выдержали осаду крестоносцев и даже нанесли им поражение. Новый крестовый поход против них в 1307 г. закончился падением общины на горе Цебелло (*примеч. ред.*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сведения о Мани приведены по «Истории альбигойцев и их времени» Николая Осокина. Там рассказана совершенно фантастическая история жизни основателя манихейства. На самом деле Мани родился в 216 г. в Вавилонии. Его отец незадолго до этого события сменил веру (ранее он по всей вероятности исповедовал зороастризм) и удалился в некую иудео-христианскую общину. Когда Мани исполнилось четыре года, отец привел в общину и его. Там Мани прожил до 24 лет. Община эта была расположена близ г. Месена на юге Вавилонии. Последователи этой секты по-гречески именуются βαπτισταί (баптисты, или крестители); по-арабски — *аль-мугтасила* — омывающиеся. Название происходит от их обычая ежедневных ритуальных омовений и очищения пищи водосвятием. Еще одно наименование секты — элхасайты, по имени ее основателя, религиозного деятеля второй половины II в. Элхасая, учение которого оказало влияние на многие секты: оссеев, назореев, эбионитов, сампсеев. Элхасайты вели аскетический образ жизни, соблюдали обет безбрачия; они были вегетарианцами и не пили вина. У элхасайтов были в ходу не только канонические писания, но и обширная апокрифическая иудео-христианская литература, как и в других подобных общинах той эпохи. Считается, что первое озарение снизошло на Мани, когда ему было 12 или 13 лет. Ему явился божественный «двойник» и открыл его призвание: нести в мир истинную, изначальную вселенскую религию. Но с проповедью перед общиной Мани выступил только спустя 12 лет, в 240 г., когда ему исполнилось 24 года. Мани не излагал никаких новых принципов (кроме положения, что всякая плоть есть скверна, и поэтому омовения не очищают тело), а выступал в основном против обычаев общины: омовений, водосвятия пищи, ограничений в еде. Ра-

озленные пресвитеры общины избили Мани и оттаскали его за волосы. Мани покинул элхасайтов и увел за собой двух юношей — Симеона и Абихазию — и своего отца Патику, которые стали его первыми учениками. С ними Мани направился вверх по течению Тигра и Евфрата, в сторону Селевкии-Ктесифона, по всей видимости, останавливаясь и проповедуя в иудео-христианских общинах, подобных той, в которой жил прежде. В 241 г. Мани отправился в Индию, отправив перед этим миссию, возглавляемую Патиком, на территорию Римской империи. В 242 г., узнав о смерти Арташира и воцарении его сына Шапура, Мани возвращается из Индии в Иран. К началу 243 г. он появился при дворе Шапура I, который отнесся к нему благосклонно, позволив продолжать миссионерскую деятельность во всех областях империи, и даже выдал Мани охранные грамоты. Однако позже, видимо, под влиянием зороастрийского жречества, Шапур I охладил к Мани, что, вероятно, и заставило последнего около 268 г. отправиться во второе большое путешествие. Весной 273 г. Шапур I умер, его сын и преемник Ормизд был благосклонен к Мани, но процарствовал всего около года. На престол вступил его брат Бахрам I, который был ревнителем ортодоксального зороастризма. Мани был заключен в темницу, где на двадцать шестой день, не вынеся пребывания в окопах, умер, избежав таким образом казни. Но избежать посмертного поругания ему не удалось: голову его отрубили и повесили на городских воротах. О смерти Мани в тюрьме говорят только манихейские источники. Греческие, сирийские и арабские сообщают, что он был казнен. Е.Б. Смагина считает манихейскую версию более убедительной: казнь, т.е. мученическая смерть за веру, не считалась манихеями позорной, и они не стали бы замалчивать казнь Мани, если бы он действительно был казнен.

2. Донатисты — христианское течение, сформировалось в 312 г. в форме религиозно-политической партии. Под влиянием гонений Диоклетиана на христиан церковь переориентировалась на тесный контакт с государственной властью и начала терпимее относиться к отступникам от веры, под-

вергшимся гонениям. Донатисты выступили против этих новшеств, исповедуя культ мучеников, требуя чистоты церкви и святости всех ее членов. Всяческое общение с грешниками или людьми, находящимися в церковном общении с ними, они считали смертельной заразой и всячески избегали общения с ними. Донатисты признавали действительность таинства зависящей от нравственного поведения священнослужителя. Проповедовалось полное отделение церкви от государства. Донатисты демонстративно отказывались от выдачи священных книг по требованию светских властей. Возражения епископа карфагенского Менсурия против чрезмерной активности донатистов привели к расколу карфагенской церкви на две иерархии. Первую возглавил ставленник Менсурия, епископ Цецилиан. Во главе второй встал епископ Майорин, а после его смерти — Донат, епископ Нумидийский. Донатисты считали посвящение Цецилиана в сан епископа Карфагенского недействительным, так как он был рукоположен Феликсом, виновным в измене церкви во время гонений. В 313 г. Константин Великий пообещал африканской церкви покровительство. До 348 г. донатисты не преследовались ни гражданскими, ни церковными властями. В этот период они проводили свою деятельность в христианских провинциях Северной Африки и к 330 г. имели 172 епископов. В 345 г. донатисты объединились с циркумцеллионами, в результате чего течение резко активизировало свою деятельность. Донатисты грабили и убивали богатых и духовенство, освобождали рабов. В ответ на это в 348 г. по приказу императора Константа во главе африканской церкви был поставлен Целилиан, церкви донатистов были закрыты; Донат был низложен, изгнан и умер в ссылке. В 361 г., с воцарением Юлиана, который для борьбы с христианской церковью выбрал путь поддержки ересей и расколов, донатистам разрешили вернуться и открыть свои церкви. С 363 г., после смерти Юлиана, против донатистов опять начались гонения. В этот период внутри донатизма начинаются разногласия, приведшие к появлению нескольких течений — рогатистов, урбанистов, клавдиан. Серьезный рас-

кол в среде донатистов произвел раздор между епископом карфагенским Примианом и его диаконом Максимианом. Часть донатистов постановило низложить Примиана и заменить его Максимианом, но большинство не согласилось с этим решением, что привело к продолжительным разногласиям. С 395 г. против донатистов выступил св. Августин, доказывая спасающую силу церкви вне зависимости от святости, личной веры и нравственных качеств ее членов. В 405 г. собор в Карфагене просил императора Гонория издать против донатистов уголовные законы. В 409 г. Гонорий издал указ о веротерпимости, однако под давлением церкви отменил его. В 411 г. в Карфагене был собран специальный собор, на котором участвовали 286 ортодоксальных и 280 донатистских епископов под контролем императорских представителей. Результатом собора стала победа церкви над донатистами. В 414 г. донатисты были лишены гражданских прав, в 415 г. им под страхом смертной казни было запрещено собираться для богослужений. Тем не менее донатисты существовали до VII в., вплоть до захвата Африки сарацинами.

3. Пьер Абеляр (1079–1142 гг.) — один из представителей ранней городской культуры. Как философ и магистр свободных искусств приобрел всеевропейскую славу, но вызвал враждебное отношение со стороны католической церкви. В 1119 г. поступил в монастырь. Оставил большое количество философских и богословских сочинений, в которых высказал взгляды, подвергшиеся церковному осуждению. Сторонник так называемого концептуализма в центральном для средневековой интеллектуальной культуры вопросе об универсалиях.

4. Большинство сект и ересей Средневековья действительно в основном распространялись в среде бедноты. Однако в Лангедоке в XIII в. сложилась уникальная для Средневековья ситуация, когда ересь превратилась в поистине национальную религию. Катаризм не был народным движением, он был движением национальным и охватывал все слои общества.

5. Петр Вальдо был богатым лионским негоциантом. Из любви к Богу и ближним он распродал и раздал все свое имущество и стал «нищим во Господе». Около 1175 года Вальдо начал свою проповедь Евангелия. Мысль о недоступности Святого Писания для верующих беспокоила его. К тому времени был распространен катарами провансальский перевод Евангелия. Петр Вальдо перевел Пророков и Деяния апостольские. Перевел он и многие места из святых Отцов, которые приводил в доказательство того, что его учение было издревле принято христианской церковью. Он начал толковать Евангелие на улицах Лиона, народ осаждал его на площадях. Многие увлекались новой верой. Людей охватила жажда узнать истинное Евангелие. «Большие и малые, мужчины и женщины дни и ночи стали проводить в том, что учили, учились и учились», — говорится в летописи. В 1188 г. Вальдо ушел во Фландрию. Особый успех он имел в Пикардии, откуда в 1197 г. направился вместе с учениками в Германию и Богемию; здесь вальденсов прозвали пикардами. Повсюду гонимые, они нигде не находили себе приюта, пока не рассеялись в долинах Пьемонта, где пережили все другие ереси и даже Реформацию. Дальнейшая участь их вождя осталась неизвестной. К вальденсам примкнули все секты, исповедовавшие чисто евангелическое учение. Именем Вальдо стали обозначать петробрусианцев, генрисиан, сперонистов, лионцев и прочих. Догматика вальденсов была вполне католической, они верили в Единого Бога, признавали Троицу, считая Духа Святого исходящим от Отца и Сына. Догмат о воплощении Спасителя они формулировали так же, как и католики. Однако вальденсы полностью отрицали все внешние институты. У них не было ни установившихся обрядов, ни прелатов, ни монахов, ни десятин, ни привилегий. Священники, называемые «barba», посвящали всю свою деятельность проповеди. Им было разрешено вступать в брак.

6. Петр де Брюи и Генрих были предшественниками Вальдо, однако ко времени его проповеди память о них начала исчезать. Поэтому реформу Петра и Генриха связали с именем Вальдо. Петр де Брюи начал свою проповедническую де-

тельность примерно в 1105 г. Он принадлежал к духовному сословию и был искренне убежден в необходимости церковной реформы. В Гиенни и Лангедоке его учение быстро достигло успеха. В 1125 г. Петр был схвачен и сожжен в Сен-Жиле. Тогда на смену ему пришел его ученик Генрих. Петр де Брюи говорил, что нельзя крестить младенцев, поскольку они еще не понимают значения этого таинства; осуждал постройку храмов, ибо Церковь Христова складывается не из камней, а из духовного единения верующих; призывал сломать и сжечь кресты, как орудие, на котором мученически пострадал и был умерщвлен Спаситель. Таинство Причастия, как и остальные таинства, отвергалось. Фактически, Петр де Брюи сформулировал идеи, предвосхитившие религиозную мысль реформаторов XVI в.

7. Фридрих II был тяжело болен. Ходили темные слухи, что его неудачно пытался отравить канцлер Петр Винейский, подкупленный Римом. Канцлер был казнен, но скорее всего он пострадал невинно, став жертвой придворной зависти. Император умер 13 декабря 1250 г. в апулийском замке Фиорентино на руках своего любимого сына Манфреда.

8. «Эн Аймерик де Пегильян (Аймери де Пегвилья) родом был из Тулузы, сын горожанина, торговца тканями. И выучил он множество сирвент и кансон, но исполнял их очень плохо. И вот полюбил он некую горожанку, соседку свою, и эта любовь научила его трубадурскому искусству, и сложил он в ее честь множество прекрасных кансон. Но муж дамы повздорил с ним и его оскорбил, а эн Аймерик отомстил ему ударом по голове шпагой. Оттого пришлось ему из Тулузы бежать в изгнание. И вот отправился он в Каталонию, где принял его эн Гильем де Бергедан, какового возвеличил он в первой же песне, которую там сложил. И тот сделал его жонглером, пожаловав коня и платье и представив королю Альфонсу Кастильскому, который одарил его богатым снаряжением. Долгое время оставался он в той стороне, а потом отправился в Ломбардию, где вся изящная публика встретила его с восторгом превеликим. В Ломбар-

дии он и умер*» (Жизнеописания трубадуров, М.: Наука, 1993. С. 197).

9. Сочинения трубадуров не читались или декламировались, но распевались под аккомпанемент какого-либо музыкального инструмента типа виолы или лиры. Средневековая поэзия была не столько литературой в том смысле, в каком мы ее знаем сейчас, сколько унаследованным от античности синтетическим «мусическим» искусством, в котором слово и музыка сливались воедино.

10. После «Сицилийской вечери» 1282 г., когда местные сицилийские бароны свергли власть анжуйских феодалов, королем Сицилии был провозглашен Педро III. После его смерти в 1285 г. его сын Джакомо передал остров в непосредственное владение папы. Однако в 1296 г. сицилийцы провозгласили королем брата Джакомо Фредерико II, который много лет воевал против папы и анжуйского дома. Права арагонской династии (младшей ветви королей Арагона) на Сицилию были признаны папой в 1302 г.

Т.А. Тарасова

* Одна из рукописей добавляет: «...как говорят, еретиком». В таком случае бегство Аймерика де Пегильяна из Тулузы, возможно, было вызвано не романтическими обстоятельствами.

КАТАРСКАЯ ВЕРА*

Катаризм не являлся логически замкнутой системой, которая благодаря последовательному продолжению тщательно охраняемой традиции строго охватывала все области религиозной жизни от метафизики до организации. Но он не был и пестрой, наскоро собранной группой разнородных сект, которые только исторический случай свел вместе. Вера катаров возникла скорее из шаткой цепи сходных ощущений, которые постепенно уплотнились в учение и прочную практику, но не в спокойном развитии, а изменяясь под влиянием исторических факторов, изгибаясь и раскалываясь на разнообразные отражения. Только историческое рассмотрение катарской веры может открыть нам сущность и внутреннее единство катаризма, так как это единство состоит больше в общих переживаниях, чем в общих идеях. Только таким образом мы увидим за многообразием догматических и прагматических предписаний противоречивый союз дуализма и христианства, от начала и до конца характеризующий катаризм**.

Обратимся сначала к догматике катаров.

* Глава из книги «DIE KATHARER». Stuttgart: Hiersemann, 1953. С. 143–222.

** Это предприятие чрезвычайно затрудняется своеобразием источников. Они крайне редко позволяют нам точно установить как время и место возникновения, так и территорию распространения катарского учения и его предписаний.

1. ДУША И МИР

Основное в переживаниях катаров — непримиримое противоречие между душой чистого человека и миром зла. Вопрос, являющийся со времени Тертуллиана главным вопросом всех еретиков: *Unde malum?* [Откуда зло? (лат.)] — второстепенен для дуалиста. Он прежде всего спрашивает себя: откуда приходит добро, как пришло оно в мир, во власть зла*. Ответы на оба вопроса, которые опробовались, начиная от первых богомилов и заканчивая катарами, вращаются вокруг грехопадения Чистых, вокруг творения этой Земли и вокруг связи души и мира.

Уже богомилы X века «считали себя небожителями»**. В ответ на вопрос о происхождении доброй чистой души они рассказывали один миф. Содержание этого мифа пока не ясно нам в деталях, но он един для всех богомильских и катарских групп и, должно быть, звучал изначально следующим образом: Сатана, когда он был низвергнут с неба, оболостьил других ангелов и увлек их вниз; эти ангелы — человеческие души***. Чистый человек происходит, следовательно, не из земной бренности, его лучшая часть — небесна и бестелесна.

В византийскую эпоху богомилы развивают этот миф; он опирается на Тайное Откровение, которое порой относили к началу всех времен. По Апок 12,7 Дьявол возглавлял в небе борьбу против Михаила. Он или поднялся туда как зло, или всегда жил там как первоначально благой ангел. Сатана был побежден и захватил с собой вниз на нашу землю (по Апок 12.4) треть всех ангелов, а также солнце, луну и звезды****.

* Ср. Tertullian abv. Marc. I c. 2; а также Ans. Alex. 308: *Si Deus est, unde sunt mala? Et si Deus non est, unde bona?* (Если Бог есть, откуда зло? А если Бога нет, откуда добро?).

** Cosm. Presb. 77. Я не думаю, подобно Schmaus 279, что эта крайне тенденциозная формулировка делает утверждение богомилов об их обладании истинным знанием сомнительным, и допускаю существование реальной подоплеки этого высказывания.

*** Впервые пыталась объяснить происхождение зла таким образом Книга Еноха, апокриф II в. до н.э.

**** Int. Joh. 299; Puech-Vaillant 194 f. — У Puech-Vaillant 184 рассматривается то противоречие, что Солнце считалось у богомилов как добром, так и злом, возможно, это противоречие можно разрешить так: Солнце было благим до падения Сатаны. Как утверждает О. Ран, эта вера не имеет ничего общего с манихейским поклонением Солнцу, звездной символикой и т.д.

Хотя западноевропейские еретики XI и начала XII веков в большинстве случаев и считали себя избранными, но не падшими ангелами; только во время Эона фон Стеллы [1] фрагмент этого мифа вынырнул снова*.

Катары полностью подхватили идеи богомилов; в 1163 г. они уже знали, что являются падшими духами, и это знание осталось непоколебимым до самого конца**. К тому же эти идеи оказались плодотворными для разрешения типично западных теологических проблем, и тогда как мы мало что слышим о них в ранний период катаризма — период миссионерства и жизни, проживаемой в соответствии с Евангелием, — с конца XII века заимствованная догма стала рассматриваться как факт. Умеренные катары подобно католикам напоминают о *superbia* [гордыня (лат.)] подданного или полагают, что Люцифер, благой ангел, был обольщен злым духом***. радикалы, считающие Сатану богом, объясняют его восхождение на небо *concupiscentia* [вожделение (лат.)] завистливого соседа****. Но прежде всего: как чистые ангелы стали грешными? На этот вопрос, который занимал и католических теологов XII в., отвечают следующим мифом: по мнению умеренных, обольщенный Люцифер соблазнил других ангелов; радикалы же рассказывают, что Сатана тридцать два года ждал у небесных врат, потом пробрался на небо и тайно сообщил ангелам о своих сокровищах, в особенности о прелестях женщин. Так как любопытные ангелы не знали, что такое женщина, Сатана тайком ввел прекрасную женщину на небо; распаленные ангелы, став тяжелыми от страсти, про-

* По учению Эона, он поделил мир с Богом. Возможно, Эон неправильно понимал богомильский миф и считал себя богом (злым), которому досталась треть всех душ. Эта ошибка в понимании падения ангелов есть лучшее доказательство против близкого родства западноевропейских еретиков до 1140 г. с богомилами.

** В соответствии с этим катары понимали и отрывки из Библии об *oves domus Israel* (овцах дома Израилева) (напр. Мф 15, 24).

*** Люцифер был обольщен многоликим духом, произошедшим из Хаоса по Haer. Cath. 310; той же традиции придерживаются Burge-Har. 314; Dollinger 2, 612.

**** В соответствии с этой точкой зрения Сатана поднялся с Земли; как доказательство этого цитируют Ис 14, 13–14.

валились сквозь стеклянное небо; рассказывали также, что ангелы и раньше боролись за господство в небе на стороне Сатаны: кровь достигала там животов лошадей — об этом сообщает Пс 78*. И затем их тела были сражены, и их души пали; сотая часть, десятая часть, треть, почти половина или все ангелы Господни пали; в течение девяти дней и ночей падали они с неба, «плотно, как солома и дождевые капли», до тех пор, пока Бог наконец не заметил, что происходит, и не поклялся, преисполненный ярости, что никогда больше женщина не окажется на небе**.

Такие причудливые образы могли вдохновлять массы катаров, — острые вопросы не умолкают: как злой бог радикалов попал на небо, с Божьего ведома и по его воле, или против его воли или без его ведома? Бессилен ли Бог или он хочет зла? Обманул ли он своих ангелов или бросил их на произвол судьбы? И сами ангелы, как они могли грешить, если изначально в них не было зла, если никакого выбора между добром и злом у них не было?

Да и что есть грех? Миф прямо-таки разъедается этими вопросами. Все более животрепещущей становится проблема, которая лишь вуализировалась перенесением в мифологию: как благо проникло в этот злой мир?

О том, что это мир Дьявола, знали уже первые богомилы: «Они говорят, что все существует по воле Дьявола (видимое), небо, солнце, звезды, воздух, земля, человек...» Мир, как он

* Иногда допускают несколько битв в небесах, или полагают, что Сатана сначала обольстил ангелов, а затем с войском поднялся на небо во второй раз. — Откуда у бесплотных, хотя и представляемых, очевидно, мужчинами, ангелов тяга к чувственным наслаждениям и кровь, нам неизвестно: Vidal, *Doctrine* 378, видел в этом грубейшее нарушение логики; однако катарская вера по сути своей не логична.

** По вопросу о падении с небес цитируют Апок 12, 7 8; Лк 10, 15. Оценка количества павших ангелов производится по притчам: сотая часть по притче о девяноста девяти праведниках и одном грешнике; десятая часть по притче о десяти драмах, одна из которых пропала. Представление о дожде также у Dante, *Div. Comm. Inf.* VIII 83. По Par. XXIX 49 падение ангелов произошло в полминуты. У богомилов и катаров сохранилось раннее представление о семи ангельских чинах, тогда как на Западе давно распространилась девятичленная ангельская иерархия.

предстает нашему взгляду, со всеми его властями, был для всех богомилов и катаров дьявольским *naturaliter* [по природе (лат.)]. Позднее катары еще точнее указали, как появились вещи: Дьявол сотворил все видимое и преходящее, в том числе и человеческое тело; Бог создал все вечное и незримое, в том числе и человеческую душу.

У византийских богомилов расходились представления о том, что есть Вечное: в умеренном понимании — это материя, в то время как Дьявол сотворил только преходящие *formas specificas* [видовые формы (лат.)]; радикалы считали преходящей и материю и полностью отделяли Бога от сотворения этого мира; Бог сотворил для себя свою собственную землю, другие элементы, другое небо, в то время как Сатана породил все, что есть в этом мире, в том числе и души. Умеренные катары заразились этой радикальной особенностью; постепенно катарское учение о творении окрашивается теологией и философией Запада. Умеренные полагали, что хотя все создал *principium* [первоначало (лат.)], однако затем два *factores* [создателя (лат.)], добрый и злой, породили Видимое; радикалы, в частности, Иоанн фон Луджио, ставили между миром злого бога и дальним творением доброго Бога, «высшей землей», промежуточный мир борьбы, в котором сражаются обе силы. Место встречи добра и зла, наконец, определено; материя, мир вообще, мыслились вечными; и в то время как оба божества лишаются функций творения, между ними и за ними обнаруживается природа, этически нейтральная необходимость как последний всемирный принцип.

Но отвернуться от природы не получилось: ведь человеческая душа живет здесь и сейчас среди реальных вещей. Как дошло дело до переплетения души и мира? Византийские богомилы, первые, от кого мы слышим подробности этого, рассказывают, что Сатана, после того как он сманил ангелов с неба, запер их души в телах*. Но не стали ли эти ангелы в

* Int. Joh. 301; к этому же Puech-Vaillant 199. В то время как обычно небесных ангелов представляли мужчинами (ср. выше, стр. 146 сн. 11), здесь говорится об ангеле-женщине первого неба, будущей Еве.

результате своего грехопадения злыми? Так на самом деле и говорили умеренные катары; и они сконструировали новое грехопадение: когда Сатана со своими ангелами закончил свое творение, Бог послал доброго ангела по имени Адам, чтобы тот осмотрел это творение; Сатана поймал его. Этот ангел, — а все катары — его непосредственные потомки, — был вынужден войти в тело и потому спасся. Однако только принуждение не может объяснить зло в человеке. По другим рассказам, Сатана тридцать лет пытался вдохнуть жизнь в кусок глины, которой он придал форму; каждый раз, когда глина высыхала на солнце, вода, то есть кровь, снова вытекала. Тогда Сатана хитростью выманил у Бога двух ангелов. Бог знал все наперед и приказал ангелам, чтобы они не спали в своем путешествии на Землю. Они «немного» грешат, и все-таки засыпают; Сатана схватил дремлющих и запер их в глиняные тела. Снова необходимо было допустить бессилие Бога и прегрешения чистых ангелов, чтобы объяснить их слияние с миром.

Основной вопрос все еще не решен, и он ставится со всей остротой, когда нужно объяснить связь души и тела, старую проблему западноевропейской философии. Теперь радикалы отрицают любую связь между душой и телом или скорее обходят ее стороной. Душа ангела оставила свое тело в небе; земное тело — только ее темница. Связующее звено между телом и душой, дух, паря между небом и землей, ищет свою душу в телах этого мира, и, если находит, то просветляет ее: человек становится катаром* [2]. Только некоторые катары думали, что человек носит в своей груди две души, добрую и злую.

* Земное тело как темница по 1 Пет 3, 19. Трехчастное деление: тело — душа — дух (по 1 Фес 5, 23) производилось уже Оригеном. — Катары считали, что о теле, которое вернется на небо, говорится в Иез 37, 4 и Рим 8, 11. Дух, защитная функция которого по отношению к душе обосновывается в Евр 1, 14, есть разновидность ангелов-хранителей. С трехчастным делением человеческих категорий связан более поздний спор среди катаров: когда говорят, что треть всех ангелов пала, означает ли это, что пала душа всех без исключения ангелов, или что пала треть ангелов со всеми их частями (см. Alan. Ins. 316; Monet. Crem. 4)?

Эти объяснения также не могут сделать земную жизнь полностью понятной; со все новыми определениями в духе схоластики катарскую догму о душе ангела пытаются сделать более гибкой. В конце концов искусными приемами помогают душе как вечной сущности уклониться от творящей силы обоих божеств, все, что происходит, рассматривают как необходимое и необъяснимое, или вообще отбрасывают душу как неважную материю, так пытались это делать последние катары*.

В целом мы можем проследить, как основное положение катаров создавалось у богомилов; как оно оформлялось и разветвлялось в Византии, и как с конца XII века разлагалось на Западе огромным количеством вопросов. Душа и мир всё же остаются для верующего катара двумя разделёнными враждебными сферами до XIV века, даже если он вынужден поневоле соглашаться со свободной связью между ними. В конечном счете, он охотнее высылает и мир, и душу из этической области, чем признаёт их промежуточное положение между добром и злом. Основная дуалистическая идея, которая уже для первых богомилов являлась сердцевиной веры, противостояла христианским вопросам и ответам до конца.

2. ДЬЯВОЛ И БОГ

Олицетворенный противник чистой души — это создатель мира, Сатана. Сначала он был врагом человека; вскоре он становится врагом Бога, затем спор между душой и миром повторяется на метафизическом уровне; попытка четко разделить противоположности приводит к провозглашению двух вечных враждебных божеств, сатанинского и чистого. Их отношения друг с другом станут основной проблемой византий-

* Около 1300 г. в Южной Франции душу отождествляли с кровью: *anima hominis non est nisi purus sanguis* (душа человеческая — это всего лишь чистая кровь). В другом месте последние катары восстановили существовавшее ранее учение и рассказывали, что человек умирает так же, как и животное. В Болонье в 1292 г., если речь заходила о душе, говорили, что в каждом персике есть *anima* (по-итальянски *anima* значит также «косточка»).

ских богомилов и с 1190 года яблоком раздора между катарами.

Рассмотрим сначала развитие образа Сатаны. Для первых богомилов Сатана был подданным Бога. При одном подходе он считался падшим ангелом, который был достаточно могущественным, чтобы создать Землю после своей измены Богу. Однако не является ли сверхъестественная власть лишь подарком Всемогущего верным ему? Поэтому при другом подходе верят, что Дьявол приобрел созидательную силу по праву рождения: он сын Божий, так же, как и Христос. Сатана еще далеко отстоит от Бога, однако он уже стоит рядом с Христом как брат, и уже осмеливаются поставить вопрос, кто из них двоих более могущественный, более старший, говоря аллегорическим языком. Является ли Сатана блудным младшим сыном (Лк 15, 11) или управляющим (Лк 16, 1), который господствовал и над Христом? Последнее мнение даже пользовалось успехом.

В Византии секта совершенствуется. Ее учение, как и любое теологическое направление духа, торопится с последними выводами. Если Сатана смог создать мир, то он — бог, так говорят радикалы и этим делают подданного соперником Бога. Мнения больше не перетекают одно в другое; теологическая мысль ведет к раздвоению общин. Радикалы верят в двух равноправных божеств; умеренные оттачивают старые представления.

До 1140 г. западноевропейские еретики ничего не знали о господстве Сатаны. Это знание появляется только у катаров, которые перед 1180 г. уже отстаивали взгляды богомилов. На Западе Сатана также считается умеренными неверным, падшим ангелом, а радикалами — независимым богом. С начала XIII века оба направления развивают свои учения. Радикалы представляют себе мир добра и мир зла вечными противниками; и так как эти два мира уравниваются в правах, то появляется и адская троица; Сатана теперь не дьявольский бог, а его сын; как Христос, сын благого Бога, прибыл на Землю, так Сатана, сын адского бога, поднялся в тот

же самый момент в мир небесного врага. Небо теперь также оснащается всеми созданиями, включая — духовных — женщин, оружие и лошадей, которые подчиняются благому Богу; каждое из обоих божеств является всемогущим в своем мире*. В это же время умеренные также нагнетают противоречия между добром и злом; теперь они верят, что если Бог является отцом и Христа, и Сатаны, то у неравных братьев должны были быть две различные матери.

После 1230 г. не было недостатка в попытках унификации «конфессий». Радикалы называют Сатану *minor creator* [меньший творец (лат.)] или ищут у сына адского бога что-нибудь хорошее; другие сплетают нити добра и зла в гротескном рассказе: сын злого бога поднялся в небо и соблазнил супругу благого Бога, Христос — плод этой связи**. Умеренные, с другой стороны, обдумывают, является ли Сатана действительно только ангелом Бога, или он был рожден в *machina mundi* [машине мира (лат.)], вне мира Бога. Строгое разделение добра и зла заметно стирается.

Вскоре катары вытесняются современной им философией на новые пути. В Испании, вероятно, под арабским влиянием, а также в Италии некоторые радикалы заменяют злого бога природой и ее необходимостью; полного ненависти губителя душ сменила холодная физическая сила. Однако и у умеренных катаров Италии XIV века образ Сатаны отделяется от напряженности между хранителями добра и зла: «Дракон» уже представляется им превосходящим доброго Бога властью и влиянием***. Связь добра и зла, которую ка-

* Вечная противоположность обеих сил, понимаемых катарами как силы света и силы тьмы, объясняется, однако, не памятью о прежнем манихействе, а чтением Библии (Иак 1, 17; Кол 1, 13; Ис 45, 7). Катары пытались доказывать эту противоположность и другими цитатами из Библии; Библия и в XIII в. являлась для них кладезем цитат, а не молитвенником.

** Когда радикалы, начиная с Иоанна фон Луджио, характеризуют Сатану как *Deus alienus* (бога чужого), не следует думать о Маркионе — это выражение можно найти в Исх 34, 14. В 1229 г. в Перудже радикалы считали Люцифера падшим ангелом, который при господстве адского бога старается сделать как можно больше добра.

*** Эти еретики не являются, однако, чистыми умеренными, а относятся к баньольской промежуточной группе.

тары не могли объяснить в этической сфере, не была удачно истолкована и при переходе в область метафизическую. В то время как Сатана был противником чистой души и поэтому стал для катаров центральным врагом, добрый Бог остался для богомилов и катаров больше светлой, но далекой абстракцией, и все мысли, обращенные еретиками к этому Богу, бледны и почти индифферентны. Первые богомилы вообще не исследовали его сущность и его качество; Бог был для них только противовесом угрожающей силе Сатаны*. В Византии, теплице теологических споров, богомилы занимались также проблемой Троицы. Они не могли признать Христа, побежденного Сатаной, Богом, и представляли себе, если они были радикалами, Бога стариком, Христа — юношей, Духа Святого — ребенком [3]; или три лица сливались для них в единое божественное лицо, которое только носит три различных имени. Во всяком случае, они представляли себе божественного противника Сатаны одним лицом.

На Западе в XI веке в Орлеане появляется аристотелевское понимание Бога, в Монтефорте — родственное богомилам воззрение, которое признает Богом только Отца, а остальные лица Троицы сводит к аллегориям. Позже идеи богомилов подхватили катары. Сначала радикалы и умеренные согласны в основном: Христос и Святой Дух не равны Отцу ни по сущности, ни по божественности. Бог один. Его могущество и его деятельность радикалы и умеренные представляли по-разному, в зависимости от того, какое место они отводили Сатане.

* Важнейшее высказывание о Боге, согласно *Cosm. Presb.* 58f., отрицательно: не Бог сотворил небо и землю. Пожалуй, наиболее часто задаваемый и все еще не выясненный вопрос, были ли первые богомилы умеренными или радикальными дуалистами, нельзя разрешить вовсе. Без сомнения, у них наличествовали зародыши обоих воззрений, особенно первого, но их образ мыслей не был, пожалуй, теологическим в той мере, в какой это нужно для образования подобных понятий. По этой причине, видимо, нет необходимости искать корни основных дуалистических концепций вне богомильства. Они могут лежать в развитии самой секты.

Только после 1230 г. катары начинают серьезно заниматься вопросом о Троице, движимые внутренней необходимостью системообразования и внешним давлением католической полемики. Теперь они признают, — радикалы как минимум наполовину, умеренные категорически, — что Христос — Бог*. Святому Духу также уделяется больше внимания; известны, например, три вида Святого Духа, которые тесно связаны с судьбой каждого катара**. Чем больше благого Бога спускают с одинокой вершины, на которой созерцали его первые богомилы, в систему небесного и адского миров, тем больший вес приобретает Троица.

Неизбежное завершение этого процесса — материализация. В 1326 году один из последних катаров Южной Франции учит, что сама природа — это благой Бог, а девственные элементы: земля, вода и воздух — являются Троицей. Так персонифицированные представители «чистой души» и «злого мира», чем больше их поднимали до общих понятий, становились подобными и, наконец, равными друг другу.

Метафизическая догма, которую мы рассмотрели, сперва была сформирована византийскими богомилами как преувеличение непреодолимости противоположности души и мира. Чаши весов с враждебными силами всё больше выравнивают-

* По Вигсе-Паг. 314 умеренные уже считают троичность предпосылкой творящей силы; божественность всех трех лиц Троицы признается безоговорочно по Petr. Mart. 321; Monet. Crem. 4 6 112. Божественность Христа открыто признавалась, в частности, умеренным Дезидериусом (Ans. Alex. 311) — Радикальный Rit. lat. 153 прямо-таки упрекает евреев: *Ignorabant enim divinitatem Filii Dei* (Ведь они не знали о божественности Сына Божия), — как если бы сам автор не сомневался в этом.

** О трех разновидностях Святого Духа: Petr. Mart. 321; Monet. Crem. 4 f.; Brev. summ. 120; во всяком случае, до 1230 г. существование этого учения не подтверждено документально. Потом появляется *Spiritus Sanctus* (Дух Святой) или *firtus* (Крепкий), идентичный с небесным духом каждого катара; его принимают во время *Consolamentum*. Тогда же катары получают *Paraclitus* или *Consolator* (Утешитель), который придает силы совершенным в течение их земной жизни. И, наконец, *spiritus principalis* (Дух Первоначальный) ожидает катара в небе. Эти термины заимствованы из Ин 14, 16 и Пс 50, 14.

ся, пока наконец не одерживает верх этически нейтральное равновесие, физическая природа. Дуалистическая метафизика пошла на Западе своим собственным путем. Только порой она несколько сближалась с христианским учением; однако, в сущности, взятый ею курс на выравнивание является западноевропейским.

3. ВЕТХИЙ И НОВЫЙ ЗАВЕТЫ

Если Дьявол создал этот мир, тогда он — Бог-творец; тогда Ветхий Завет, документ-свидетельство религии Закона, — это Завет и проявление зла. Проповедь Христа, напротив, провозглашает идеал чистой души и учение благого Бога. Опять есть переходные, уязвимые места катарского мышления, здесь и Книги Пророков, и личность Иоанна Крестителя.

Уже у первых богомилов мы замечаем намерение «презирать данный Моисею закон»; все Патриархи от Моисея до Давида — слуги Дьявола. Богомилы византийской эпохи сохраняют отказ от исторических книг Ветхого Завета. На Западе еретики Монтефорте не разделяли этот отказ, когда же в XII веке стали появляться массовые движения против Ветхого Завета, то они исходили не из дуализма, но из желания реализации евангелической жизни, а не закона.

Первые катары, подобно богомилам, отказываются от Ветхого Завета; Моисей представляется им злым волшебником. Только в XIII веке происходит глубокое проникновение христианского мышления в учение радикала Иоанна фон Луджио. Он предполагает между небом и дьявольской землей промежуточный мир борьбы; по Иоанну, в этом промежуточном мире был инспирирован добрым Богом весь Ветхий Завет, со всеми жертвоприношениями и Патриархами. Мы не владем этим подлинным Ветхим Заветом, так говорят последователи Иоанна; Сатана, бог нашего мира, издал в Синае контрзакон, дошедший до нас в письменном виде; а для надежности обмана людей Сатана вставил в имитацию

некоторые положения из истинного Завета, «как ловец птиц подкладывает приманку». Некоторые умеренные полагали, что Ветхий Завет фальсифицировали Патриархи, начиная с Моисея. Могли верить также и в то, что хороший закон был фальсифицирован Сатаной даже в Новом Завете; и в то, что в сатанинском Ветхом Завете могли претендовать на силу только те положения, которые подтверждались Новым Заветом.

Таким образом, можно признавать все места Библии, которые не противоречат катарскому учению, и при этом обвинять еврейского Бога в твердой и жестокой законности; несмотря на все сближение с католическим пониманием Ветхого Завета как подготовки деятельности Христа, глубокое недоверие к Богу-Творцу существует до самого конца катаризма; этот Бог все же всегда является дьяволом [4].

Труднее классифицировать Книги Пророков, так как они, принадлежа без сомнения религии зла, при этом, однако, предсказывают приход Христа. Первые богомилы довольствуются тем, что поносят всех Пророков: то, что они говорили, было их собственной фантазией, а то и вовсе нашептываниями Сатаны. С византийского периода у богомилов появляется в этой непримиримой позиции смягчающая нота, так как радикальные теологи среди богомилов не только верят в двух разделенных божеств, но вынуждены также согласиться с тем, что религиозность Пророков при ближайшем рассмотрении не совсем идентична духу иудейского закона и прежде всего с тем, что Пророки предвещают приход Христа. Таким образом, радикалы не позднее чем с XII века признают Псалмы и сочинения шестнадцати Пророков истечением божественной мудрости*.

На Западе в начале тысячелетия крестьянин Лойтард не хотел верить Пророкам. Однако обсуждать идеи богомилов

* Умеренные остаются при своем неприятии Пророков: Int. Joh. 303 f. проклинает Еноха и Илию. Ошибочно полагать, что все богомилы разделяли частичное признание Ветхого Завета. Определялось ли одобрение Пророков признанием апокрифа "Visio Isaiae" уже у радикальных богомилов, сказать трудно; то, что так было у катаров, утверждает Jac. Car. в Dollinger 2, 276.

начали на Западе только с появлением катаров. Часть умеренных до конца настаивает на отказе от всех частей Ветхого Завета; радикалы пытаются, подобно своим богомильским товарищам, спасать Пророков, и в этом они сближаются с католическим учением, их мнение имеет успех также у умеренных, которые стараются, по крайней мере, освободить Патриархов — от Моисея до Давида* — от клейма «убийц», или же делят слова Пророков на три группы: частично Пророки говорят от себя, частично в духе зла, частично принуждаемые духом благого Бога. К последней группе относятся предсказания, которые исполнились с приходом Христа. Предлагают свои услуги и другие промежуточные решения, особенно плодотворны для этого были идеи Иоанна фон Луджио: Пророки все могли быть благими; но они предсказывали в другом, не нашем мире. За избытком запутанных и сумбурных мнений обнаруживается, что катары испытывают глубокую необходимость в Пророках и принуждаются к уступкам в этом вопросе одновременно и внутренним противоречием своей позиции, и католическим давлением.

Сходным образом эволюционировала оценка Иоанна Крестителя. Первые богомилы называли его врагом Христа, посланцем Сатаны; «Водонос», как насмешливо назовут его позже, находится со своим водным крещением еще целиком в области Ветхого Завета; византийские умеренные указывают на то, что он тождественен с Илией, одним из ненавистных Пророков. При катарах единодушие господствует над всеми разногласиями: Иоанн — такой же дух, как Илия, его родители были чертями, а не младшими ангелами, как о нем сообщали; он сам закоренелый дьявол, даже сын злого бога — а некоторые считали злым богом лично его.

И снова Иоанн фон Луджио разрывает единый строй и причисляет Иоанна Крестителя к тем, кому на высшем небе

* Наряду с Моисеем к «убийцам» относятся: Авраам, Исаак, Иаков, Аарон, Осия, Самуил, Давид и Илия. О том, какие книги признавались, сведения различны; так, говорят не о шестнадцати, а о тринадцати Пророках, о пяти Книгах Соломоновых и о Псалтири (Brev. sumpt. 116); некоторые включают сюда же Иова (Rain. Sacc. 71).

благоволил Бог. Умеренные, хотя и медля, следуют в этом за радикалами: Иоанн, вероятно, все же был ангелом благого Бога, и его следует признавать. Радикалы, братья по вере Иоанна фон Луджио, настаивают на своем резком отказе, так как для них, отрекающихся от всей материи, водное крещение Иоанна должно было быть более ненавистным, чем для умеренных, которые считали, что, хоть и не форма вещей, но, по крайней мере, материя, из которой они созданы, имеет божественное происхождение. Экзегеза, следовательно, господствует в катарской догме, тем не менее, не следует смотреть сквозь пальцы на западноевропейское влияние, которое говорило в пользу предшественника Христа.

Сам Новый Завет во все времена в полном объеме признавался всеми богомилами и катарами. Исполнять дух Нового Завета живым следованием Христу — было и до конца осталось действительно основным стремлением богомилов и катаров. Однако соблюдение Нового Завета было главным стремлением только для первых богомилов в X веке и для первых катаров между 1140 и 1170 гг., в то время, когда они пытались сохранять неизменным наследие евангелических массовых движений начала XII века. Ничто не свидетельствует об изменении этого простого христианского идеала более отчетливо, чем тот факт, что византийские богомилы и катары с 1190 г. больше не довольствовались книгами Нового Завета. Эти книги не могли быть достаточной опорой для дуалистического учения. Тогда стали прибегать к апокрифам; радикальные богомилы уже знали псевдопророческое сочинение «*Visio Isaiæ*» [Видение Исаяи (лат.)], которое изображало учение о потустороннем мире подробнее, чем канонические книги; умеренные богомилы использовали прежде всего новозаветный апокриф «*Interrogatio Iohannis*» [Вопрошение Иоанна (лат.)], который подробно сообщал о падении Сатаны и ангельских душ. Катарские братья по вере использовали эти сочинения после 1190 года, в частности радикалы вскоре переняли кое-что из «*Interrogatio Iohannis*». Эти *scripta secreta* [тайные писания (лат.)] не обладали, конечно, у катаров всеобщим авторитетом, однако они использова-

лись, в большинстве случаев незаметно, но порой и открыто, чтобы сделать катарское учение более правдоподобным. Примерно с 1230 г. умеренные во главе с Дезидериусом пытались отмахнуться от апокрифов как от бесполезных и ограничиться каноническими, хорошо знакомыми Западу Священными текстами. Однако радикальные катары, особенно в Южной Франции, вплоть до XIV века использовали такие апокрифические писания. В самом конце катарского движения мы слышим, однако, совсем другие тона; тут отрицают авторитет Библии вообще*.

В целом, однако, отношение богомилов к Библии заметно наследовалось катарами при всех преобразованиях, кроме того, на Западе на него воздействовали в XII веке евангельские устремления времени, в XIII — католическое вероучение. В этой точке христианское мышление изменяет дуалистические представления.

5. АНГЕЛ ХРИСТОС

Нигде дуализм и христианство не должны были отличаться друг от друга больше, чем в оценке Иисуса Христа. Для катаров он является не Сыном Божиим и Сыном Человеческим, центром тяжести Священной истории, он только ангел; и его миссия между грехопадением ангелов и их возвращением на небо не значительнее, чем его сущность, он только пророк, а не Спаситель.

Сущность Христа, изменения в катарском понимании которой мы проследим с самого начала, не была проблемой для первых богомилов; Христос не Бог, Мария — только грешная женщина, а не Богоматерь. Указывает ли это на то, что Христос и Мария являются только людьми, или же на то, что

* В Act. Inq. Bonon. 1299, Aldrovandi 280 читаем: «О, глупцы! Каждый может писать в книге, что хочет; и тот, кто написал Евангелие, тоже мог писать, что хотел». В 1326 г. в Каркассонне Лимозус Нигер полагал, что и Моисей, и Христос оба были несовершенными людьми, и что их учение есть только *lex* [закон (лат.)], а не *religio*.

Христос — небесное существо, остается неясным*. В Византии, вероятно под давлением православной теологии, создается христология. Радикалы объявляют, что Христос — это ангел, который в противоположность павшим ангелам не приходил в соприкосновение с грехом, а значит, и с телом. Мария не является его физической матерью, она тоже ангел, через ухо которого Христос прибыл в этот мир, наделенный только видимостью тела, чуждый земной материальности и человеческим слабостям. Умеренные принимают это представление, однако, так как согласно их вере Бог — это создатель материи, они не отвергали совсем воплощения Христа: ангел Христос, по их представлению, стал в Марии человеком, однако при Вознесении отбросил тело. Такое изображение Христа руководствуется метафизическими догматами веры богомильских «конфессий»

На Западе в 1022 г. еретики Орлеана, подобно богомилам, отрицали божественность Христа и его человеческую сущность, в то время как в Монтефорте вскоре после этого Христос рассматривался в качестве человеческой души. И все же основа этих представлений не является чисто богомильской**.

Катары снова подхватывают идеи богомилов. Умеренные полагали, что Христос принял плоть на Земле и оставил земное тело при своем Вознесении. Радикалы говорили, что Христос обладал только *corpus phantasticum* [иллюзорным телом (лат.)], «как волшебник позволяет появляться вещи, которой в действительности нет в наличии»; Мария тоже ангел, а поскольку могли представить только ангелов-«мужчин», то этого ангела называли *Marinus*. Так же, как у Христа, его тело или то, что им кажется, принесено с неба и снова туда возвратится.

* Отрицается ли уже здесь телесность Христа (докетизм), как полагает Schmaus 280, едва ли можно выяснить. Скорее можно предполагать, что первые богомилы еще не продумали всю проблему.

** В XI в. диалектики также подвергли сомнению физическое рождение Христа, опираясь на рациональные аргументы; у еретиков из Суассона (1114) это представление также восходит к рационалистическим причинам. Докетизм вытекает скорее из рационализма, чем из свободной интерпретации Библии.

Здесь также влияние Запада быстро изменяет унифицированную картину до путаницы мнений. Вероятно, так говорят некоторые радикалы, Христос был только человеком, рожденным от земных родителей, в котором не было ничего божественного, другие представляют себе только одну, ангельскую природу Христа. Однако католический пример побуждает к подражанию. Христос, *angelus incarnatus* [воплотившийся ангел (лат.)], вероятно все же владел земным и сверхземным, небесной душой и смертным телом, или же в нем было два духа, хороший и плохой — но почему же он попал на Землю, если он не грешил? Другие утверждают, что он согрешил как все другие ангелы, по крайней мере мог согрешить. Вероятно, некоторые принимали двух Христов: земной Христос, который умер в Иерусалиме на кресте, был, пожалуй, зол, и Мария Магдалина, блудница, которую он взял под защиту, была на самом деле его наложницей; истинный Христос, который не ел и не пил, был рожден и распят в другом, невидимом мире, и на нашей Земле появлялся только *spiritualiter* [духовно (лат.)], например в теле Павла*. Наблюдаемое около 1230 г. слияние земного и сверхземного, которое в катарском мышлении означало одновременно объединение добра и зла, проявлялось также и в более христианском понимании Христа. Именно умеренные начали принимать его как истинного Бога, они постигли также истинность его человеческой природы: Дезидериус проповедовал тогда, что Христос был Богом и человеком, единосущным Богу-Отцу и все же снабженным телом по примеру Адама. Только то, что тело при Вознесении Христа оставалось на земле, придавало новому учению катарский отпечаток. Радикалы тоже говорят теперь о Воскресении Христа и склоняются к католическому пониманию Марии, они полагали, что хотя Мария и впрямь была земной женщиной, но рождена была без сово-

* Schmidt 2, 38 задавал вопрос, почему Христос был распят в высшем мире, который не содержал никакого зла. Однако согласно учению Иоанна фон Луджио этот высший мир уже является ареной борьбы между добром и злом, а не небом.

купления*. Таким образом, вопрос о сущности Христа, который был не важен для первых богомилов, получил, наконец, около 1250 г. христианский ответ; дуализм капитулировал здесь почти без боя.

Иначе со вторым вопросом, касающимся Христа: в чем состояла его миссия на Земле? Первые богомилы не имеют еще об этом отчетливого представления; ясно им только одно: Христова смерть была бессмысленной, это поражение в борьбе с Сатаной. В Византии, где Христос ставился в один ряд с падшими ангелами, видят его миссию только в том, чтобы открыть своим падшим братьям путь к возвращению: он рассказывает им об их небесном происхождении, о котором они забыли в плену у Сатаны, он основывает общины святых, членство в которых — единственный путь к возвращению на небо.

Сначала катары исповедовали эти идеи. Они также убеждены в том, что Христос послан на Землю для спасения падших ангелов, а именно и исключительно к ним: Христос должен вернуть домой только потерянных овец дома Израилева, ангелов неба. Он делает это посредством проповеди. Умеренные считали чудеса, которые Христос творил на Земле, реальными; радикалы же видели в этих маленьких фокусах с материей только достойную пренебрежения иллюзию. Все чудеса, которые сотворил Христос, в сущности, духовны, это чудеса пробуждения.

Но почему Христос был послан на Землю? Он также ангел, также, по некоторым мнениям, согрешил, он должен искупить на Земле свой собственный грех и, кроме того, спасти своих падших братьев**. Ужасная смерть на кресте была

* Катары Южной Франции еще около 1270 г. не признают того, что Иисус, Бог, действительно пришел на Землю; однако уже в XIV в. они говорят о Христе как о *Deus qui fuit positus in cruce* [Боге, который был распят на кресте (лат.)].

** В Act. Inq. Carcass. 1326 сообщается, что распятие Христа — это искупление его грехов, которые он совершил в предыдущих воплощениях. Для катаров являлась общей вера в то, что до сошествия Христа на Землю никто из падших ангелов не мог спастись (Alan. Ins. 319; Brev. summ. 126 131; Dollinger 2, 322). Не смерть Христа на кресте приносит ангелам спасение, а лишь его присутствие: так, души Адама и Евы скитались по телам; когда они, будучи в образе Симеона и Анны, узрели младенца Христа, они спаслись (Pet. Mart. 325). Католики тоже считают, что до прихода Христа никто не попадал на небо, ср. напр. Dante, Div. Comm. Inf. IV 62 f. Прибывший вместе с Христом ангел Мария толковался поздними радикалами как «Церковь».

предопределена ему, однако эта жертва ничем не помогла спасению. Крестная жертва девальвируется до мифологического события: в то время как Христос умирал на Земле, Сатана таким же образом погибал на небе. Другие развивали теорию промежуточного мира Иоанна фон Луджио и полагали, что на каждом из семи небес Христос должен однажды умереть на кресте. Радикалы не желали принимать всерьез распятие на Земле: Христос вовсе не мог страдать и умереть на кресте, так как он не обладал земным телом. И умеренные, которые признавали существование у Христа настоящего человеческого тела, не могли поверить в то, что Бог висит на кресте, и полагали, что вместо Христа был распят разбойник или дьявол. Дезидериус, правда, подтверждает истинность страданий Сына Божия, но он не углублялся в это; для поздних катаров, как и для первых богомилов, страсти Христовы остаются иллюзией, Христос для них только пророк, пробуждающий для жизни, и учитель, а не Спаситель; так как является только ангелом, каждая падшая душа подобна ему.

В этом вопросе дуалистическое мышление победило христологию Запада. Причина этого очевидна: сущность Христа касалась отдельного катара мало; был ли он Богом, ангелом или человеком, оставалось для богомилов, как и для их последователей, в сущности безразличным, и, таким образом, христианские представления могли тут побеждать. Но миссия Христа касалась душ ангелов, следовательно, каждого катара непосредственно, и здесь был оплот дуализма; победа Христа, искупившего грех смертью на кресте, над смертью, возможна в катарской вере для каждого чистого человека.

5. СПАСЕНИЕ И КОНЕЦ

Катар живет на Земле, чтобы искупить свой грех, грех отречения от Бога, совершенный им перед началом всех времен, когда он был ангелом. Когда эта человеческая жизнь, наконец, завершится, катар снова возвратится на свою небесную родину и навсегда оставит позади земную юдоль. Если падение ангелов было исходным пунктом катарского мыш-

ления, то возвращение на небо и освобождение от мира — конечная цель всех желаний. Самые глубокие и самые страстные мысли катарских теологов вращаются вокруг завершения земного искупления и возвращения домой в иной мир.

Мы ничего не знаем о том, как первые богомилы представляли себе искупление на Земле, как они связывали свои собственные души с падшими прежде всех времен ангелами. Мы можем предполагать только то, что они считали себя этими ангелами*. В Византии также формируются подобные богомильские и катарские учения. Снова обе общины расходятся во взглядах. Более старое умеренное направление предполагает, что все мы происходим от ангела Адама, который во время творения попал в руки Сатаны. Субстанции тела и души унаследованы от него; «как одна свеча зажигается от другой», так рождается душа от души, тело от тела**. Радикалы не могут согласиться с такой передачей тела и души: небесная душа, не может переходить к нам тем же способом, что и тело, злая материя. Скорее этот способ должен быть уникальным, без всяких промежуточных элементов зачатия, теснейшим образом связанным с душами падших ангелов, а так как, по радикальному мнению, пали многие, многие ангелы, радикальное учение, пожалуй, уже в Византии обозначило следующее: моя душа — это душа падшего ангела, с тех пор странствующая уже по многим телам словно по меняющимся клеткам. Все стороны единодушно полагают, что со вступлением в секту искупление может быть закончено, и земное существование ангельской души прекращено.

У западноевропейских еретиков XI и XII вв. идеи подобного рода не обнаруживаются. Первыми, кто перенимает по-

* По *Cosm. Presb.* 77 56, первые богомилы считали себя небожителями и утверждали, что знают заранее о том, что произойдет на небе. Оба эти утверждения позволяют предположить, что уже в то время был сформирован миф, который повторялся в более поздних рассказах.

** Умеренное учение по *Int. Joh.* 303; Цитата из *Virgese-Par.* 341. Следует обратить внимание на то, что образ свечи очень часто используется для изображения переселения душ в буддистских сочинениях.

ложения богомилов и развивает их, снова становятся катары. Умеренные полагают зачатие души от души и тела от тела продолжающимися до конца мира, только совершенные не нуждаются больше в странствиях, их души ожидают, — и это западноевропейское представление, — в «пред-раю» Судный день, в который определится судьба добра и зла*. По радикальному мнению, освобожденная душа совершенного сразу летит на небо, только несовершенная должна странствовать, пока не исполнит искупление, т.е. пока не станет совершенной в катарском понимании.

Основные идеи тотчас обрастают фантастическими картинками, особенно украшают свое учение радикалы. Кроме того, в учение о переселении душ проникают идеи возмездия и искупления, отсутствовавшие у катаров, но игравшие большую роль в народной христианской логике. В какое тело войдет душа в ее следующем существовании, зависит от ее нынешнего поведения: добрый в следующий раз будет королем или князем, злой станет лошадкой, коровой, ослом или даже змеей. Бедный с радостью узнает, что в последней жизни он был могущественным королем; совершенный сообщает верующему о своем предыдущем существовании в виде лошади — даже подкову, которую он потерял тогда в определенном месте, крайне обрадованные верующие находят ржавой на том же месте.

Но, спрашивают другие, может ли душа переселяться в животных? Не связана ли она с теплой кровью? Все более подробные ответы дают катары на эти вопросы; для этого привлекается каждое хотя бы частично подходящее место Библии. Прежде всего: как долго должна странствовать душа ангела? Некоторые полагают, что если она не пришла к искуплению в теле, она непременно достигнет этой цели в дальнейшем, особенно если уже в этой жизни стать верующим поклонником катарских совершенных. Другие еще больше растягивают этот срок: некоторые души сменили уже семь

* В видениях начиная с IX в. часто встречается образ «места ожидания».

или девять, восемь или шестнадцать, тридцать два, больше сотни тел. Почему измученные души снова и снова вселяются в новые тела? Как только они выходят из мертвецов, их поджидают воздушные черти, и так мучают, что они поспешно ищут укрытия в следующем свободном теле, и если бы душа должна была бежать при этом под сильным дождем от Валенции до Фуа, даже три капли не попали бы на нее! Эти воздушные черти — мучители своих братьев — принадлежат к особому классу падших ангелов, пытаемых не в теле, а в воздухе.

Однако действительно ли будут спасены все падшие ангелы? Радикалы полностью подтверждают это; умеренные сомневаются и склоняются к тому, что число претендентов на небо весьма ограничено. В этом они иногда приближаются к католическим воззрениям; но в целом область переселения душ так чужда христианскому мышлению, что разрастающаяся фантазия катаров почти не смешиваются с народным мышлением и лишь обогащают его некоторыми причудливыми узорами.

Почти так же обстоят дела со вторым большим комплексом идей, с собственно эсхатологией. Первые богомилы, вероятно, размышляли над своим возвращением на небо, но их взгляды на эту проблему до нас не дошли. В Византии картина несколько меняется. Умеренные, признающие цепь рождений вплоть до Судного дня, полагают, что затем состоится Страшный суд, на котором определится судьба всех душ, после чего Земля будет сожжена. Радикалы ни в каком конце света не нуждаются; со смертью для вступивших в секту все решено; то, что происходит с миром зла и его дьявольскими обитателями, им безразлично. Воскресение плоти немислимо для обеих сторон.

На Западе еретики Орлеана и Монтефорте в XI в. верили, что сразу после своей смерти они попадут в полноту небесного сияния. Участники массовых движений XII в. считали, что каждый человек должен полностью искупить свою вину; они отказались от представления о чистилище, окончательный приговор выносится человеку сразу после смерти.

Катары тем самым, получили двойное наследство; сначала, отрицая чистилище и веря в немедленный приговор после смерти, они присоединяются к западноевропейским массовым движениям. Но вскоре богомильские теории снова одерживают верх. Воскресение плоти всегда представлялось катарам абсурдом. «Тело, — говорит катар, — которое ломает палку, так же мало подлежит восстановлению, как эта палка». Из католического народного мышления к катарам XIV в. проникает представление о чистилище; считают, что совершенный после смерти быстро пролетит сквозь огонь, который в девять раз жарче земного огня. Восемнадцать ангелов будут сопровождать совершенного в его триумфальном шествии на небо; на каждом из семи небес он проведет один день. В небе катаров — зеленые пастбища и луга, певчие птицы, оно не знает ни жажды и голода, ни жары и холода; *tempora magna* [великое время (лат.)] господствует в нем. Это небо южных стран; на закате катаризма это небо крестьян: там, наверху, пашут волы и крупный рогатый скот.

В небе на совершенных снова наденут короны и одежды, оставленные ими при падении; они снова поднимутся на свои троны, и все будет так же, как было перед началом истории. Что будет с нашей Землей, мало беспокоит катаров. В большинстве случаев они считают ее будущим адом, «раем глупцов». Умеренные также со страхом верят в конец света: после Страшного Суда зло отправится в ад, земля будет сожжена; или же она превратится в огненный ад; предполагают также, что она снова распадется на божественный хаос своих элементов*. Радикалы, напротив, считают, что после того как число ангелов, вернувшихся домой, достигнет некоего предела, ничто на свете не будет больше меняться; ангелы, погрязшие во зле, будут странствовать в вечной бессмысленной циркуляции по все новым и новым телам; это и будет адом. Возможно позднее, «когда-нибудь», большинство из них

* Представление о мировом пожаре может, конечно, иметь персидское происхождение (Chanterie I 110), но скорее всего оно было христианским (ср. Мф 13, 40).

будут допущены на небо; только Иуда, евреи и злейшие из злых будут вечно жить в аду.

В целом сформированный в богомилстве комплекс идей о последних судьбах мира не менее унифицирован, чем идеи об искуплении ангельских душ. Обе проблемы, правда, в наибольшей степени занимали только последних катаров, после 1250 г., по мере того, как катарская секта удалялась от стремлений этого мира в спиритуалистическую и одновременно народную духовность. Таким образом, народная фантазия больше, чем католическая теология, повлияла на идеи, касающиеся спасения и конца света, не отвергая их, а лишь приукрашивая.

Теперь, подводя итоги, мы приблизительно можем обозреть историческую структуру катарского учения. Фундаментом катарской веры повсюду является богомилство; сердцевина идеи, противоположность души и мира, упорно фиксировалась от первых богомилов до последних катаров. Ее метафизическое преувеличение, катарское учение о Боге, было начато богомилами и до конца проводилось катарами, разумеется, с некоторыми поправками, в западноевропейское учение. Созданное византийскими богомилами учение о Библии еще сильнее, чем учение о Боге, было изменено западноевропейскими религиозными влияниями. Христология катаров, также богомилское наследство, частично обратилась к христианским представлениям еще до 1250 г. Напротив, позднее развитая богомилами эсхатология, достигшая расцвета только при катарах после 1250 г., отгородилась от католического образа мыслей и в чем-то обязана только западноевропейскому народному мышлению.

В целом катарское учение выглядело преобразованным согласно своей исторической участи и соответствующим импульсам, получаемым им от окружающего мира. Но его развитие проходило тем не менее действительно органически, и смещение центра тяжести шло само по себе в почти логической последовательности, вопреки всем потерям богомилское ядро сохранилось не разрушенным элементами западноевропейского мышления.

Иначе чем в катарской догматике это выявлено в практической теологии секты, которую мы должны теперь рассмотреть.

6. МОРАЛЬ

Религиозные убеждения катаров и их осуществление в миру во всем существенном были обусловлены богомильской догматикой и всегда оставались таковыми. Тем не менее западноевропейское влияние очень скоро изменило унифицированную этику; массовые движения XII в. и католическая церковь, предшествующие катарам и служившие им образцом, внесли в катарскую практику противоречия, над которыми катары больше не были властны. Мы снова встречаем соперничество богомильских и западных воззрений, и в развитии моральных представлений влияние второго из этих факторов проявляется более отчетливо, чем в развитии учения.

В области катарской морали столкновение обеих сил очевидно.

Богомильская этика и в целом очень похожая на нее катарская теория морали не знают понятия нравственного зла, греха. Для совершенного, которому известно, что его душа есть падшая душа ангела, может быть только один-единственный грех — отречение ангелов от Бога. Умеренные признают, что это отречение было актом свободной воли, радикалы же свободу воли отрицают. Тем не менее все поступки являются, по единогласному мнению, только необходимым следствием наследственного греха. Если наряду с этим прибегают к понятию актуального греха, то его называют «независимой субстанцией или душой, которую вводит в человека дурное поведение»; он является не только субъективной по отношению к человеческой воле причиной, а самим Сатаной, устоявшейся силой космологии; грех — это порабощение миром; «принцип отказа от мира» — единственная моральная заповедь.

Тот, кто не покоряется миру, показывает этим, что он не от мира и не от Сатаны. Через безгрешность человек становится ангелом; тот, кто грешит, уже осужден. Нет никаких прощительных грехов; каждый грех — смертный. Люди также разделяются строго на две группы, без всяких переходных состояний; либо ангел, либо дьявол. Обе группы не знают никаких степеней; всех благих ждет вознаграждение Христа и князя апостолов, всех злодеев — наказание Иуды.

Согласно этим воззрениям свобода воли отсутствует; самой благой воле зло наносит вред. Раскаяние бессмысленно. Милость — это то же самое, что предопределение. Поведение каждого показывает, избран ли он; поэтому верят делам; в том, кто не делает добра, его нет.

Эта этика, по существу завершенная богомилами в византийскую эпоху, целиком согласуется с богомильской догмой, с противоположностью души и мира, Бога и дьявола; и радикалы, и умеренные были едины в этих основных пунктах. Но на Западе эта структура заметно разрыхляется. Богомильские положения сохраняются до конца катаризма, но из-под них пробивается, даже в теории, христианское. Вскоре мы слышим о том, что дела — не показатель степени милости, скорее они довольно суетны: катарский отказ от мира связан с внутренней сущностью массовых евангелических движений. Позже следуют католической формуле *fide et opera* [вера и дело (лат.)]. В XII в. признают, что между добром и злом возможны переходы, позже верят, что каждый будет вознагражден не по предопределению, а по его личным заслугам. Наконец, полагают, что души падших ангелов могут грешить в нынешней жизни, что они раскаиваются в этих грехах, и для них возможно искупление. Однако эти уступки в теории делались неохотно, и большинство катаров сохранили прежние жесткие положения, которые предельно объективировали религиозное поведение вплоть до самообожествления человека.

То, что этика принимала в себя лишь неохотно, в практическом нравственном качестве уже давно стало неизбежной необходимостью. В Византии богомильская община еще

была, пожалуй, изысканной элитой безгрешных; их катарские потомки получили на Западе наследство массовых движений и были вынуждены учитывать потребности массы. Проблему можно было решить строгим делением между избранными и приверженцами, причем необходимым следствием было оцерковливание секты. И именно оцерковливание является основным путем катарского развития с миссии Никиты в 1167 г. Как только земная церковь побеждала духовное общество святых, принцип отказа от мира и безгрешности ставился под угрозу; затем на его место должны были встать правильная вера, богослужение и таинство.

Эта перемена происходила между 1167 и 1190 гг., после времени, когда богомильская точка зрения еще считалась ошибочной, из-за того, что их епископ не вел чистую жизнь, и перед моментом, когда умеренные катары Италии избрали брата по вере Гаратгуса, хотя он раньше находился в полном подчинении у мира Сатаны. На место абсолютной безгрешности теперь приходит очистительное таинство; вступление в секту отныне может повторяться; теперь можно неоднократно становиться из дьявола святым ангелом и обратно. Совершенный все же может грешить; нужно ввести для него заповеди и особые таинства, с точно дифференцированными результатами искупления.

Тем не менее в дальнейшем наряду с этими нововведениями сохраняется и богомильская традиция. Все официальные акты высокопоставленного катарского лица становятся недействительными, как только он согрешит, так как его прегрешение показывает, что он не был ангелом. Значит, даже катарские мученики падают с неба, как только грешит совершенный, который принял их в секту. Однако, совершенного можно принять в секту еще раз, и он снова станет безупречным ангелом. Таким образом, абсурдный переход от безусловной чистоты к таинственному отпущению грехов не вел к полной ликвидации всех правил, так как преобладающее количество совершенных за редкими исключениями до XIV в. вели образцовую жизнь и не отклонялись от строгих нравственных качеств первых богомилов. Западноевропей-

ское требование чистоты жизни позволило оставить без тяжелых последствий переход от общины святых к официальной церкви. Единственная принципиальная попытка целиком вытеснить первую последней была отклонена всеми катарами.

Переход к массовой церкви мог быть не таким уж легким, если в нее хотели вовлечь не только совершенных, но и верующих. Эти *credentes* [верующие (лат.)], собственно, должны были составить подрастающее поколение и как можно скорее стать совершенными; возможно, такие случаи бывали еще у византийских богомилов. Однако на Западе толпа попутчиков выросла необозримо. Верующие больше не хотели, как было раньше — и как все еще оставалось в теории, — показывать чистой жизнью во время длительного испытательного срока, что они тоже ангелы и с полным основанием могут быть приняты в ряды совершенных. Так как прием в секту уже перестал быть последним подтверждением длительной безгрешности, а превратился в таинство и только способствовал безгрешности, для верующих стало излишним вести образ жизни ангела; и это было весьма удобно для кандидата — жить таким образом, чтобы ни в чем не раскаиваться, и со временем завершить жизнь с таинственной декларацией отсутствия греха. Конечно, не все верующие были откровенными грешниками; но новая связь между таинством и личной святостью, без сомнения, побуждала к излишествам.

Совершенные не содействовали этому развитию, но и не задерживали его. Они скорее всего плохо смирялись с ролью предостерегающих хранителей душ, забывая о том, что все их приверженцы, по сути, находились еще *in gubernatione diaboli* [во власти дьявола (лат.)] и, следовательно, не принадлежали к Церкви Чистых.

Возможно, последовательная чистота совершенных делала катаризм заманчивым и привлекательным так же, как и неограниченная свобода верующих; тем не менее объединение теории и практики в области морали не удалось, между высоким примером единиц и сознающей свою вину слабостью

многих не возникло органической связи. Хотя в результате народных движений и подражания католической церкви из богомильской элиты святых получилась массовая секта, но она не стала церковью для всех.

7. ЗАПОВЕДИ И ОБЫЧАИ

Отдельные практические заповеди и обычаи почти неизбежно следуют из катарской этики и нравственности. Тем не менее они, пожалуй, еще противоречивей, чем этика и нравственность, и показывают нам наложение нескольких пластов: богомильского отказа от мира, внутренней религиозной жизни народных движений и формирования церкви, идущего в этом случае рука об руку с секуляризацией.

Богомильское воздержание от мира, которое является фундаментом всех позднейших надстроек, знает только один грех: подчинение миру, а значит, и плоти. Половые сношения и потребление мяса обозначают покорность миру; целибат и пост — первые требования, предъявляемые катарами.

Уже первыми богомилами половые сношения — даже в супружестве — оценивались как завет дьявола; если при этом зачинаются дети, то рождаются только новые подданные Сатаны; в теле беременной женщины живет сам дьявол. Целибата требует не монашеский благочестивый аскетизм, а принципиальное презрение к миру. Западным еретикам в XI в. также известно безбрачие, но оно связано не с осуждением брака, а с христианским идеалом невинности. Западноевропейские реформаторские движения начала XII в. в основном не отказываются от брака, они даже требуют бракосочетание для священнослужителей; тем не менее брак должен быть позволен только девственникам и только для зачатия потомства; так же считали и первые катары.

Между тем катары снова возвращаются к богомильскому учению и радикально отрицают всякие половые сношения. При этом они не делают никаких различий, любая сексуальная деятельность — грех, любой брак — распутство, *jurata*

fornicatio [подлежащий осуждению блуд], даже еще хуже, так как он принимается обществом. Этим брак, кровосмешение и любой вид извращений ставятся на одну доску. Деторождение является не меньшим преступлением, чем наслаждение; беременные женщины не допускались катарам в секту, даже если они находились при смерти. Женщина, еще у богомилов считавшаяся уступающей мужчине, боязливо избегается как совершенное зло; каждое прикосновение к ней, даже торжественное рукоположение в катарском богослужении, греховно и должно быть искуплено.

Нельзя сказать, что на это безусловное отклонение не было реакции. Так, верующие, пока они не подчинялись еще строгим законам катарской морали, могли оправдывать все виды сексуальных отклонений, ведь если любое извращение — одинаковое зло, значит, оно одинаково позволено. Попытка катарского епископа Филиппа ввести в этику совершенных представление, что ниже пупа нет никакого греха, была обречена на неудачу; однако для этики верующих это положение было весьма заманчиво. Позднее презрение к браку, а также к деторождению смягчалось тем больше, чем отчетливей оформлялась крепкая катарская организация. Абсолютно радикальная ненависть к женщинам с самого начала была неосуществима, так как женщины всегда были и оставались надежнейшими и храбрейшими приверженцами совершенных. Так, объясняли, что поскольку различия между мужчиной и женщиной создал Сатана, то они не могут иметь значения в Церкви Чистых. Мы знаем многих женщин-совершенных, которые, по крайней мере в теории, были приравнены к своим товарищам мужчинам. Таким образом, не только потребности массы, но и практическое становление катарской церкви ослабили богомильские тезисы, хотя и не смогли преодолеть их.

Вторая заповедь отказа от мира требует воздержания от всей пищи, которая возникла путем зачатия, в частности от мяса, уже от самых ранних богомилов; употребление крепкого вина также осуждается. По-видимому, в византийский период богомилы переняли у православной церкви запрет

на молочное во время поста и исключили потребление сыра, молока и яиц. Запрет на мясо был также хорошо известен еретикам XI в. и являлся составной частью их аскезы; в XII в. еретический реформатор Генрих устраняет этот запрет как излишнюю формальность.

Ранние катары поддались импульсам массовых движений, но позже снова вернулись к соблюдению богомильских заповедей, не столько по аскетическим, сколько по догматическим причинам, однако они больше не принимали богомильский запрет на вино. Теперь практика опирается на догму; плоть, которая возникла при мифической борьбе падших ангелов и в которой, возможно, человеческие души животным существованием искупают свои грехи, нельзя употреблять в пищу. Сыр, яйца и молоко также предосудительны, в отличие от рыбы, которая в катарской интерпретации происходит не от зачатия, а от воды. Однако употребления рыбы и вина избегают в особые постные дни, которых богомилы и катары придерживаются, опираясь на христианский обычай поста, в понедельник, среду и пятницу каждой недели; для умерщвления плоти они питаются в эти дни только водой и хлебом.

Но этих ограничений еретикам недостаточно, и они заимствуют у католического мира старый обычай, в соответствии с которым большим церковным праздникам предшествует пост. Катары соблюдали три ежегодных поста: перед Рождеством, перед Пасхой и после Троицы; в первую и последнюю недели этих шестинедельных постов и трижды в неделю в течение остальных недель они питались только водой и хлебом.

Мы видим, как среди основных заповедей богомильской этики, порой ослабляя, а порой усиливая их, накапливаются западноевропейские черты. Однако наряду с этим имеется еще несколько заповедей, которые частично были совсем неизвестны богомилам, а частично не являлись для них чем-то важным, и которые тем не менее стали для катаров строгими обязанностями. Они были переданы катаризму еретическими реформаторскими движениями начала XII в.: запрет на клятву и запрет на убийство.

Сначала клятва еще употреблялась богомилами и лишь позже была запрещена. На Западе тем не менее достаточно рано признали рискованным давать клятвы, ссылаясь на Евангелие от Матфея 5, 34 и на Соборное послание святого апостола Иакова 5, 12. Для катаров это представление стало типичным, и они всегда придерживались его. Они даже связали запрет на клятву со своим учением: это Сатана, бог Ветхого Завета, изобрел клятву; клятва — зло сама по себе, безразлично, соответствует ли ее содержание правде или нет.

Оборотная сторона этой установки та же, что и в вопросе сексуального поведения. Верующие сами по себе дурны и могут клясться; а из катарских проповедей они заключают, что это не зависит от истинности клятвы. Подрыв общественной жизни не мог долго поддерживаться отказом от клятвы или лжесвидетельством; как только катарская церковь формируется, она требует от своих приверженцев и от своих совершенных обязательных обещаний, которые отличаются от клятв только названием.

Второй запрет этого вида, абсолютизация пятой заповеди «Не убий», не известен богомилам в такой острой форме. Вначале это положение появилось в 1043 г. в Шалоне и с тех пор оставалось принадлежностью крупнейших реформаторских движений против католической церкви. Оттуда его заимствовали катары. Они тотчас связали со своей догмой и этот запрет и благодаря этому трансформировали его: как говорят радикальные катары, нельзя убивать тех животных, по телам которых могут странствовать падшие ангелы, то есть четвероногих и птиц. Напротив, без лишних слов можно уничтожать насекомых, рыб и блох; это животные Сатаны. Тем более не жаловали змей, мышей, жаб, лягушек и ящериц, этих зловещих спутников зла. Не святость жизни, а катарская догма определяет и ограничивает соблюдение этой заповеди.

Разумеется, людей тем более нельзя убивать, катарам запрещалась даже любая самооборона, которая вредит агрессору. Одновременно это положение является оружием против власти. Смертная казнь преступников, в том числе и самих

еретиков, является в глазах катаров чистым убийством; использование меча в войне и крестовом походе — это грех. Исполнение приговора и наказание преступника являются делом Бога, а не папы или императора, так говорят катары. Впрочем, позже эта заповедь не всегда выполнялась; в альбигойской войне, конечно, не совершенные, а верующие брали в руки оружие; когда же началась тайная борьба не на жизнь, а на смерть с инквизицией, верующие с ведома и по воле совершенных убивали инквизиторов и доносчиков.

Обе заповеди, вдохновлявшие европейские религиозные движения, хотя и были заимствованы катарами, но видоизменялись в соответствии с потребностями катарской догматики и катарской церкви. Два следующих катарских обычая, прямо противоположных как католической, так и реформаторской еретической этике, были обусловлены почти исключительно земными потребностями — это катарская точка зрения на труд и на ростовщичество.

Богомилы, по примеру созерцательных мессалиан, презирали ремесло, так как оно полезно только для мирских владык, а не для души. Иначе обстояло дело в Европе, где уже в 1025 г. еретики пели похвалы работе, а в XII в. католическое духовенство снова и снова упрекали в том, что оно живет чужим потом. Первые катары присоединились к глубокому уважению работы и зарабатывали себе пропитание собственными усилиями. Катары никогда не отрицали труд, подобно богомилам; но формирование церкви скоро сделало необходимым, чтобы совершенные кормились от пожертвований верующих, нередко торговцев по профессии. Только бедственное материальное положение снова принудило последних совершенных к работе; но всем известно, что в большинстве случаев они делали *non multum* [не много (лат.)]. В этом вопросе реальные условия направляли катаров против богомильских и западноевропейских требований.

Так же катары относятся к вопросу о ростовщичестве и процентах, который тесно связан с оценкой труда. Католическая церковь и западноевропейские реформаторские движения едины в том, что никто не имеет права получать доход от

своих денег; с 1139 г. решения всех соборов запрещают взимание процентов, однако безуспешно, так как зарождающийся капитализм не падает духом перед религиозными сомнениями. Катары, наоборот, позволяют своим верующим взимание процентов. Правда, иногда они полагают, особенно в позднее время, что процент был изобретен злым богом Ветхого Завета и категорически запрещен Новым Заветом; последние катары считают, что процент был изобретен Пилатом, у которого было только 29 серебряников, и вместо недостающего до вознаграждения серебряника он пообещал Иуде два. Однако на практике во время расцвета своей церкви совершенные занимались оживленными финансовыми операциями.

Согласно моральным представлениям катаров, как, впрочем, и других еретиков, и католиков, грешно не возвращать неправомерно приобретенное имущество. И все же эта заповедь не была установлена. Перед приемом в секту послушник не должен возвращать украденное ранее. Позже, однако, от верующих требуют строгой лояльности по отношению к единоверцам, но по церковным, а не по моральным причинам. Снова земное одержало победу над религиозными требованиями.

В целом катарское поведение в повседневной жизни определяется колебаниями между несколькими точками зрения: старейший богомильский элемент до конца преобладает в основных заповедях отказа от мира; позже западноевропейские движения бедноты сформировали катарскую точку зрения на клятву и наказание, в то время как взгляд катаров на труд и взимание процентов все больше и больше следовал двум соображениям: полезности для церкви и комфорта верующих. Органическое объединение этих противоречий в поведении катарам не удалось.

8. КУЛЬТ

Катарский культ не монолитен, хотя его основные идеи являются богомильскими: отказ Чистого от мира должен выражаться в длительной молитве и, очевидно, во вступлении

в церковь безгрешных. Однако на это богомильское ядро наложились наряду с общехристианской традицией молитвы и церемонией посвящения, которая использует некоторые католические обычаи [5], всевозможные западноевропейские ритуалы, происходящие из независимой западноевропейской культовой мысли; так оформилось богослужение. Таким образом, и в развитии катарского ритуала мы видим богомильское и западное влияния идущими рядом.

О молитве, развитие которой мы рассмотрим в первую очередь, усердно заботились как о важнейшей части обыденной христианской жизни уже первые богомилы. Подобно христианским монахам и священникам они молились днем и ночью, сначала, вероятно, по четыре раза, опираясь при этом, как кажется, на церковную традицию молитвенных часов. Уже у них основной молитвой была молитва «Отче наш», произносимая без дополнений по Евангелию от Матфея 6, 13. В византийский период богомильская молитвенная практика ужесточается, теперь молятся семь раз днем и пять раз ночью, стало быть, каждые два часа. По-видимому, все другие молитвы, кроме «Отче наш», тогда были запрещены, и молитва Господу была окружена величием исключительного: произносить ее могли только совершенные, так как только для них Бог — это Отец. Таким образом, соединяясь с раннехристианскими ритуалами, передача «Отче наш» должна была развиваться в собственное ритуальное действие; будущий совершенный торжественно произносил «Отче наш» и с этих пор мог обращаться к Богу как к своему отцу, Отцу Чистых. Позже среди богомилов распространилось и широко известное в Константинополе дополнение к Евангелию от Матфея, так называемый Доксолог.

Западноевропейские еретики XI и XII вв. очень высоко оценивают силу молитвы, но они читают не только «Отче наш» и ничего не знают об особых богомильских предписаниях. Первые катары целиком принимают богомильскую традицию и продолжают ее. Ритм молитв становится еще жестче: теперь молятся семь раз днем и семь раз ночью. Как и

благочестивыми христианами того времени, «Отче наш» в эти молитвенные часы читается катарами не один раз, изобретается собственная молитвенная единица, так называемая *Dobla* или *Dupla*, содержащая, вероятно, шестнадцать «Отче наш»; так что совершенные произносили эту молитву около 250 раз ежедневно. В это время на Западе форма «Отче наш» отличается от привычной; в четвертой просьбе говорят не о *panis quotidianus* [хлебе насущном (лат.)], так как Бог не дает земного, съедобного хлеба, а о *panem supersubstantialem* [хлебе пресуществленном (лат.)], духовном хлебе его учения. Среди первых катаров Доксолог стал обычным завершением молитвы, так же молились и последние катары, хотя они уже знали о Доксологе не больше, чем католики, они не знали, например, что это дополнение находится *in libris graecis* [в греческих книгах (лат.)].

«Отче наш» могут читать только совершенные, так как эта молитва была хвалебной песнью ангелов неба; при падении они забыли ее до тех пор, пока не пришел Христос и не обучил их ей заново. Поэтому передача «Отче наш», *traditio orationis Dominicae* [передача молитвы Господней (лат.)], оформляется как первый акт торжественной церемонии посвящения. «Отче наш» излагается послушнику в развернутой проповеди, после того как все присутствующие омоют руки перед общиной, затем, в знак обращения к Святому Духу, на голову посвящаемому возлагается Евангелие и медленно произносится «Отче наш», неофит должен повторить его. В дальнейшем этот ритуал был видоизменен; после проповеди добавляется опрос послушника, хочет ли он принять «Отче наш»; передаче также предшествует короткая просьба об отпущении грехов неофита. Оба действия определенно были переняты из церемонии собственно посвящения, чтобы расширить передачу во что-то подобное пред-*Consolamentum*. Тот, кто может читать «Отче наш», очищен только условно и не является совершенным, однако он тем не менее уже принят в число избранных.

Между тем хотя молиться и верующие катары. От католических молитв отказываются со словами: «Баран блеет,

потому что не может говорить», — таковы капелланы, эти *canes belantes* [собаки воинствующие(?)], которые придумали *Ave Maria*. Так как катары мало заботятся о вероисповедании, для верующих остается только несколько общих формул, в которых они выражают желание однажды стать совершенными, например: «Господи, как управлял Ты тремя королями, управляй так же и мной». Но, в сущности, верующие, которые пока находятся в плену у Сатаны, не могут молиться.

Катарская практика молитвы показывает, как сильно на нее наложились как богомильские, так и общехристианские черты; прежде всего, на нее плодотворно повлияла монашеская традиция Востока и Запада. Еще разнообразнее и запутаннее развитие собственно церемонии посвящения, называемой провансальскими катарами термином *Consolamentum*.

Эта церемония дает неофиту двойную уверенность: в том, что он — один из падших ангелов, и в том, что он когда-нибудь вернется назад, на свою небесную родину. Предыстория этого наиважнейшего катарского ритуала, пожалуй, никогда не будет выяснена целиком. Первые катары могли знать очень простую церемонию посвящения, при которой неофиту передавался Святой Дух, дух ангела; это не могло происходить иначе, нежели посредством апостольского акта наложения рук, к которому в то же время могли обращаться как к крещению, «крещению духом». В Византии, где разделение между совершенными и верующими увеличивалось, разделили и церемонии; передача «Отче наш» отделилась; приему в секту, вероятно, предшествовал испытательный срок. Теперь вся община совершенных возлагала руки на неофита и окружала эту последнюю и высшую степень посвящения праздничными приготовлениями.

В Орлеане западноевропейские еретики XI в. еще до 1022 г. знали рукоположение как передачу Святого Духа, однако не облекали его в жесткую форму. Катары снова явились непосредственными наследниками богомилов. Торжественное действие предваряет длительный испытательный срок, который в большинстве случаев представляет собой один год поста и называется по-провансальски *endura*, а по-

латински *abstinentia* [воздержание]; при этом неофиту должно быть как минимум 18 лет. Затем происходит передача ему «Отче наш». По прошествии следующего испытательного срока или сразу же после передачи готовящийся к посвящению снова предстает перед общиной, которая вся должна осуществлять прием и поэтому может быть представлена не только высокопоставленными лицами. Сначала происходит обстоятельное наставление в форме проповеди; затем следует известное еще богомилам обязательство, очень похожее на крестильный обет в католической церкви, и формула отречения, родственная католическому *abrenuntiatio* [отречение (лат.)]. Затем стоящему и одетому только в штаны и рубаху неофиту читается вслух начало Евангелия от Иоанна и возлагается на голову Евангелие. Потом собравшаяся община совершенных, мужчина за женщиной, в зависимости от их места в иерархии, держат правую руку над головой нового брата, который вследствие этого становится совершенным; если нужно посвящать женщину, то непосредственное соприкосновение полов предотвращает развернутый над ней платок. Наконец, следует принятое еще у богомилов «облачение» в черные монашеские одеяния. Теперь новый совершенный, как объявляют ему братья, стал посредством «крещения духом» членом секты, и теперь он «в мире как овца среди волков».

Эта церемония не изменилась и у катаров, они лишь несколько усовершенствовали ее. Во время действия читается «Отче наш», в большинстве случаев семикратно; перед обетом неофита спрашивают о его желании; и, наконец, ему отпускают грехи (в тот период, когда сущность катарского покаяния определилась). Отпущение грехов имеет еще большее значение, если должен повторно посвящаться согрешивший совершенный, такое стало возможным с конца XII в.; насколько нам известно, этот ритуал не отличается от первого *Consolamentum*. Признаком формирования церкви является то, что община уже назначает своим представителем епископа, как и при католической конфирмации, а простой совершенный без церковного сана может совершать *Consolamentum* лишь в крайних случаях.

О дальнейшем формировании церкви свидетельствует посвящение больных. То, что в большинстве случаев посвящаемые лежат на смертном одре, является поздним явлением; оно наблюдается в ритуале, сложившемся в Южной Франции. Упрощенные формы *Consolamentum* для больных напоминают христианское крещение больных и соборование. Все церемонии сокращаются, передача «Отче наш» смешивается с собственно *Consolamentum*, а впоследствии она часто считается даже самой важной частью церемонии. У постели больного больше не может присутствовать вся община, ее представляет только священник Церкви Чистых. В этот период обращают даже детей, что раньше вызвало бы ужас у богомилов, и на все вопросы священников отвечают матери, словно первые катары никогда не сопротивлялись заместительству в делах веры.

Но теперь, поскольку на место с трудом достижимого приема в секту встало таинство, святость должны были обретать другим способом; так доходило до последней и страшной гиперболизации ритуала утешения, которую катары обычно называли *endura*. Сначала это слово означало подготовительный пост неофита. Смертельно больной или ребенок не мог пройти этот испытательный срок, таким образом, в позднем катаризме верность и святость посвящаемых должна была означать то, что больной или ребенок не принимали никакой пищи и умирали от голода. Так спасалась душа и предотвращалась возможность того, что выздоровевший, который не мог соблюдать строгие аскетические предписания для совершенных, упустил бы, отрекшись по легкомыслию, свое спасение. Это мучительное умирание, продолжавшееся иногда семь и даже двенадцать недель, осталось, однако, исключением и не практиковалось самими совершенными.

Таким образом, богомильские идеи, вопреки всем искажениям более или менее верно сохранились в катарской инициации до самого конца. Совсем иначе обстоит дело с катарским богослужением, которое охватывает и несовершенных. В своих существенных частях, в оказании почестей, исповеди и преломлении хлеба, оно имеет, пожалуй, западноевропейское происхождение.

Катары собирались в абсолютно различных местах, которые в большинстве случаев были надежно скрыты, в сараях, в подвалах, в небольших комнатах, в лесах и лесных хижинах, часто в домах верующих и иногда в католических церквях, местах наибольшей безопасности. Время дня чередуется, часто встречаются ночью. Постоянных праздников нет, однако в большинстве случаев раз в месяц, а впоследствии каждое воскресенье катары собираются на богослужение. При этом верующие особым образом приветствуют совершенных, как только заметят их; это так называемый *Melioramentum*, оказание почестей, для которого мы не знаем богомильских предшественников. Оно имеет силу носителя Святого Духа и одновременно выражает желание верующих вскоре самим стать избранными. Это катарское приветствие, которое является опознавательным знаком для катаров и в обыденной жизни, состоит в троекратном *Benedicite, parcite nobis* [благословите и помилуйте нас (лат.)], при этом верующие низко кланяются или преклоняют колена и добавляют при третьем разе на латыни или на родном языке: «Просите Господа за меня, грешного, чтобы Он сделал меня добрым христианином и привел к доброй кончине!» — или похоже. Совершенный отвечает каждый раз: «Да благословит Вас Бог», и после третьего раза: «Просите Господа, чтобы он сделал Вас добрым христианином!» Родственным этому оказанию почестей является другой обычай, называемый в источниках *convenientia* [согласие (лат.)] или *covenesa*, это договор, который верующий заключает с совершенным о том, чтобы быть принятым в секту в конце жизни, когда он не будет уже в состоянии высказать это желание еще раз. Совершенные приветствуют друг друга взаимными объятиями и поцелуем мира, который повторяется в конце богослужения и затем передается верующему.

Во время ежемесячного богослужения, называемого *servitium* [служение (лат.)], в большинстве случаев бывает исповедь, которая также называется *servitium* или *apparelamentum*. Уже богомилам было известно публичное покаяние; катары исповедуются своему дьякону, который потом по ус-

тановленной формуле кается перед общиной. Эта формула родственна с плачами о грехах христианского Средневековья. Вначале епитимья не налагалась, позже она включила в себя дополнительные посты, молитвы, коленопреклонения, очевидно под влиянием другого, ставшего позже необходимым института — личной исповеди для тяжких грехов. Она должна предшествовать повторному посвящению и предусматривает для определенного класса грехов ряд наказаний вплоть до утраты должности, занимаемой в церкви катаров. Но эта исповедь относится только к совершенным.

Однако верующие также ходят на богослужения; они слушают Евангелие и проповедь одного из совершенных, в большинстве случаев близкую библейскому тексту. Но прежде всего верующие совместно принимают участие в центральном событии катарского богослужения — преломлении хлеба. Предыстория этой церемонии темна; во всяком случае, кажется, что она восходит к хорошо известному и восточной, и западной церквям обычаю — евлогии [6]. Вероятно, изначально катары произносили перед едой в качестве застольной молитвы лишь «Отче наш»; но вскоре к этому добавилось благословение хлеба, который стали раздавать всем присутствующим на трапезе, никогда не принимая этот хлеб за тело Христово. В то время как стоящие члены общины один или два раза произносят «Отче наш», старейший из присутствующих катаров держит весь хлеб, завернутый в белое полотенце; позднее он произносит над ним последний стих Нового Завета. Затем он разламывает или разрезает хлеб и раздает его всем, включая верующих. Этот обряд совершается ежедневно перед трапезой, которая приобретает вид богослужения; но он становится и собственно богослужением.

В культе катаров мы снова видим на изначально богомильском материале глубокие западные отпечатки. Общехристианская молитва, богомильское *Consolamentum* с появившимися позднее отчасти католическими обрядами и, пожалуй, западным оформлением богослужения не образуют единого ритуала; они больше объединены исторически-

ми судьбами, чем последовательным проведением в жизнь идей катаризма.

9. ИЕРАРХИЯ

Как показывает великий пример христианской церкви, формирование религии заканчивается образованием сословия клириков. Катары почти весь свой иерархический порядок унаследовали от богомилов, лишь в отдельных деталях дополнив его по западным образцам, что показывает высокую степень преемственности.

Вначале у богомилов не было иерархии, подтверждаемой достоверными сведениями, и вообще организации. Соревнуясь в христианской жизни, они были равны между собой; даже если их принимали в своих домах некоторые доброжелатели, то эти покровители никогда не причислялись к общине Чистых. В византийский период богомилы стали церковью, разделенной на посвященных и приверженцев, совершенных и верующих. Когда, незадолго до 1140 г., богомильская церковь начала распространяться во многих областях, возникла потребность в епископской кафедре, обеспечивающей единоначалие разделенных территорий.

Первые катары лишь усвоили богомильское наследие, а не сформировали его. Едва появившись на Западе, они разделили свои общины на верующих, совершенных и епископов. Здесь нужно рассмотреть, как в рамках целого соотносились друг с другом эти три иерархические ступени.

Уже у богомилов верующие, *Credentes*, не всегда были лишь благочестивыми претендентами на окончательное вступление в секту, они также следовали христианским заповедям скромности, смирения и любви к истине. На Западе мы встречаем среди верующих учеников совершенных, готовящихся к своему высокому служению аскезой и молитвами, множество тех, кто, восхищаясь религиозным рвением совершенных, не выказывает усердия в подражании им. Таким образом, здесь встречаются самые крайние противоположности,

любопытствующие и честные, фанатики и равнодушные. Многие из них все еще посещают католические церкви, сочетаются браком и заводят многочисленных детей; они не отказываются от любовных связей и торговых успехов; короче, живут, как все обычные люди.

Совершенные видят в этом мирском слое, не входящем в их *Ordo* [сословие (лат)], детей Сатаны, которые еще не освободились от ярма мира. Они должны когда-нибудь стать совершенными, изъявляя свою волю к этому через *Convenientia* и *Melioramentum*. Но о догматике катаров они знают не много. Они слушают проповеди совершенных, и в этом состоит их участие в религиозной жизни. Их роль в культе целиком пассивна; они присутствуют на исповедях совершенных, воздают им почести и допускаются к трапезе и преломлению хлеба; иногда их можно встретить в качестве благоговейных наблюдателей *Consolamentum*. Впрочем, обязаны они только заботиться о пропитании, проживании и одежде совершенных, исполнять их поручения и всячески покровительствовать катарам. Также они должны дать клятву не изменять катарам. Но никто не настаивает на их присутствии во время церемоний; верующие могут однажды не явиться; принуждать их никто не будет.

Честные приверженцы сохраняли этот неопределенный статус вне жизни общины тем дольше, чем успешнее стремились разрушить границу, отделяющую их от совершенных, и, наконец, добились таких же отношений с ними, какие существуют между священником и прихожанином в католической церкви: после 1300 г. совершенный катар благословляет брак своих *Credentes* и запрещает им смешанные браки с католиками; он рассказывает им об учении катаров и уверяет их в том, что, если и не в этой жизни, то в следующем воплощении они наверняка станут совершенными и попадут на небо. Но все же участие верующих в катарской жизни — это позднее явление. Они являются «скорее соседями, чем членами церкви катаров».

Их количество, однако, намного больше их значения. По приблизительной оценке число верующих катаров на рубе-

же XIII столетия составляло несколько сотен тысяч и к 1250 г. стало не намного меньше. Из-за молчания источников и неясного статуса катарских верующих более точные данные привести затруднительно. Лишь о последней волне катаров, захлестнувшей к началу XIV в. Южную Францию, нам известно, что около пятнадцати совершенных вновь увлекли за собой тысячи последователей. Во все времена молчаливое большинство, не способное возвыситься до принятия какого-нибудь ясного решения, не имело большого значения; не попутчики формировали катарскую церковь, а совершенные.

Эти избранные, *electi*, стали членами церкви через *Consolamentum* и называют себя *christiani, consolati* [утешенные (лат.)] или также *induti* или *vestiti*, облаченные. Их объединяет образ жизни и — еще больше — вера в то, что они являются падшими ангелами, которые скоро вернутся на Родину; поэтому уже на земле их называют совершенными, *perfecti*. Их община является замкнутым *ordo* и образует церковь катаров; в поворотные моменты истории катаризма они снова и снова созывают соборы: в 1167 г. в городе Сен-Феликс-де-Караман, когда катаризм стал радикально дуалистическим; чуть позже в Мозио близ Кремоны, незадолго перед тем как распалось единство итальянского катаризма; и несколько раз после, чтобы снова восстановить это единство. Кроме того, и в отдельных общинах собрание совершенных является высшим авторитетом: они возлагают руки на нового брата и этим делают его *perfectus*, они выбирают из своей среды епископа, *primus inter pares* [первого среди равных (лат.)]. Чем больше секта превращается в церковь, тем больше совершенных становится священниками, перенимая все функции белого духовенства и занимая все церковные должности.

Совершенные знают катарскую веру и живут катарской жизнью. Их существование тягостно; бледные и истощенные от постов, часто бородатые, а вначале, вероятно, и босые, облаченные в монашеские рясы, позже с капюшоном и накидкой или в широкополой фетровой шляпе, при случае снабженные странническим посохом, — так идут они без

лишней ноши по городам и весям, останавливаясь то в катарских гостиницах, то, чаще, у радушных верующих. Верующие снабжают их одеждой и средствами к существованию, так как совершенные лишены собственности. Пропитание также обеспечивается верующими и подчинено пищевым правилам катаров; хлеб, рыба, овощи и фрукты являются основными продуктами их питания, ничто не должно готовиться на жире, а чтобы предотвратить любое осквернение, совершенные повсюду носят с собой персональные тарелки, которые моют «по девять раз», а также полотенца и скатерти. Некоторые катары, прежде всего женщины, жили, вероятно, в одиночных кельях или в общинах, подобных монастырям; некоторые были дьяконами в городах; среди этих оседлых катаров были также *sapientes* [мудрецы (лат.)], богословы секты. Все, и странствующие проповедники, и оседлые катары, связаны между собой сердечной общностью, ибо на них, идущих сквозь этот злой мир «с печальным лицом и полным слез голосом», лежит тихая радость избранных, преодолевших все земное.

Число этих суровых аскетов никогда не достигало десяти тысяч. На южно-французском еретическом соборе 1206 года, перед Альбигойской войной, собрались шестьсот совершенных; более точные цифры 1250 года мы узнаем от Райнера Саккони, некогда высокопоставленного лица катарской иерархии; они основаны на неоднократно проведенных самими катарами подсчетах: в Италии живет около 2500 совершенных, во Франции только около 200. Даже если включить в этот список совершенных богомильских общин, то и тогда *in toto mundo* [во всем мире (лат.)] не наберется и четырех тысяч *perfecti*. После 1300 г. в Южной Франции мы встречаем только пятнадцать из них. Однако и эти немногие люди, отбросившие все постороннее, были ужасной силой, так как в той жизни, которой они жили, догматы богомилов, церковная реформа и западные религиозные движения соединились во внушительное целое.

Община совершенных выбирает из своей среды представителя, епископа. Сначала происходит непосредственное из

брание; община может выбрать своего главу, *quetcumque vellet* [кого пожелает (лат.)]; а если избранный не выполняет свои задачи, община лишает его должности. Однако вскоре между епископом и общиной вклинивается ступенчатая иерархия, под конец община выбирает лишь низшие ступени должностной вертикали, в то время как остальных клириков посвящают и повышают в должности их товарищи. Из-за самопополнения иерархии община теряет свое влияние — процесс, определивший и историю католического епископата. Сан епископа ценится все выше, столь высоко, что в XIII в. епископ должен быть посвящен только равным себе, но не нижестоящим катаром.

Однако круг задач катарского епископа ограничен, он не является главой церкви. Епископская должность была желанной, но сам епископ всегда оставался лишь первым среди равных. У него нет закрепленных за ним привилегий, и выделяет его лишь то, что он может давать *Consolamentum*, преломлять хлеб и выслушивать исповедь. Ни один источник не сообщает нам об особом облачении епископа. Важнейшая служебная обязанность епископа — посещать общины своей епархии, поэтому катарские епископы, прежде всего в Италии, постоянно находятся в разъездах.

В Италии епископальная организация сложилась путем раскола, в Южной Франции — благодаря постановлению Никиты; те, кто являлся сначала епископами земель, стали во Франции епископами городов, а в Италии — странствующими епископами. В большинстве случаев они поддерживали между собой товарищеские отношения; однако в Италии возникли острые разногласия по догматическим вопросам. В основном общины оставались автономными; до появления единого главы над дюжиной катарских епископов не доходило никогда.

Однако подобные попытки предпринимались. Богомилы, так же как православная церковь, считали существование папы невозможным; даже Никита, прибывший в 1167 г. в Европу с титулом *Papas*, был только епископом, хотя некоторые катары Запада и слышать не желали, что гордый ти-

тул обозначает лишь «священник». Возможно, епископы земель обладали некоторыми привилегиями; епископ Альби, занимавший старейшую южно-французскую епископскую кафедру катаров, обладал таким положением, какого Гараттус, преемник первого итальянского епископа земель Маркуса, тщетно пытался добиться после раскола. В XIII в. боролись за власть епископы Южной Франции; но должности митрополита никто, даже влиятельный епископ Тулузы Гильберт Кастрский, не достиг. Мы знаем, что некоторые епископы обзаводятся титулом «папа», и что катары прилагают все усилия, чтобы противопоставить католическому пастырю народов своего, равного ему по рангу. Опыт катарского папства становится рискованным; но высокий титул был у катаров в лучшем случае лишь почетным наименованием; богомилы не были образцовым примером в этом вопросе, а образовать новую традицию катары не смогли, поскольку земной пастырь над совершенными, ангелами неба, был в принципе немыслим.

Таким образом оставалось богомилское трехчастное деление. Но и сами богомилы в процессе образования церкви ввели некоторые дополнительные должности между общиной и епископом; катары включили их в свою организацию, и только когда она ослабла, ввели вместо *fili* [сыновей (лат.)] и дьякона небогомилскую ступень иерархии, *ancianus*. Теперь нужно сказать об этих трех должностях.

Уже около 1190 г. катары заимствовали у богомилов должности заместителей епископа. Они называют этих сановников *filius maior* [старший сын (лат.)] и *filius minor* [младший сын (лат.)]. Задача этих иерархов в том, чтобы выполнять обязанности епископа в его отсутствие, а после его смерти самому стать епископом. В Италии, где епископства имеют общины во всех местностях, заместители не занимают епископских кафедр, чаще они становятся епископами в областях проживания наиболее значимых диаспор; они часто посещают общины, особенно следят за чистотой учения; так Иоганн фон Луджио и Дезидериус, учителя и новаторы вероучения, около 1230 г. были *fili maiores*. Во Франции, где

организация сильно централизована, *filius maior* помогает епископу как своего рода главный викарий. Только около 1275 г., когда епископская иерархия распадается под тяжестью гонений, следы этой инстанции теряются.

Собственно приходское душепопечение уже у богомилов было закреплено за другой ступенью иерархии, за диаконами. Власть диакона, должность которого известна катарам Запада еще до 1167 г., часто распространяется на весьма обширные территории; под его надзором находятся постоянные дворы катаров, *hospicia*, которые до некоторого времени были фактически катарскими монастырями; диакон выслушивает исповеди совершенных и зачастую возглавляет богослужение. Когда вместе собираются женщины, надзор за их собраниями осуществляет та или иная диаконисса. Во Франции диаконы сохраняют свое служебное положение еще долго после Альбигойских войн; в Италии — до 1270 г.; в Сицилии, куда отступили катары, еще в 1308 г. есть верховный диакон. Но эта должность связана с отчетливым разделением общины и приходит в упадок вместе с ним.

Как только рациональная иерархия отходит на задний план, легитимным становится более естественный порядок степеней: во Франции после Альбигойских войн во главе общины становится старейший из совершенных: *ancianus*. Он является представителем общины даже там, где иерархия еще в силе; но его положение становится все более и более весомым, и на Юге Франции после 1300 г. руководящие совершенные зовутся уже не епископами, а *ancianus*. Кажется, на закате катаризма, как и в его начале, источником и оплотом всякого авторитета была община совершенных. Вере катаров сущностно чужды и руководители, и управление. И если иерархическая лестница все же была выстроена, то не по причине обилия задач, а на почве становления церкви и ее конкуренции с церковью официальной, в иерархической упорядоченности которой так нуждались еретики, претендуя на статус истинной церкви.

Итак, мы установили, что иерархия катаров почти полностью унаследована от богомилов, а в остальном повторяет

католическую церковную иерархию. Устойчивым ядром катаризма остается образ катарского совершенного, который является ангелом, а значит, в какой-то мере папой для себя самого.

10. ЦЕРКОВЬ И АНТИЦЕРКОВЬ

Позитивная сущность катарской веры предстанет перед нами в своем единстве только тогда, когда мы приобщим к нашему рассмотрению и ее негативную сторону, а именно ее враждебность по отношению к католической церкви. Ибо, противореча ей, катары понимают себя как всеобъемлющую, всеобщую и апостольскую церковь. И лишь по контрасту с отдельными институтами католической церкви, противостоящей катарам, им становится совершенно ясна их собственная позиция.

Мы изначально противопоставляем друг другу катарскую и католическую церковь, как это делали и катары.

Уже у первых катаров сообщество падших ангелов называлось общиной и претендовало на то, что оно и есть истинная церковь, в то время как греко-православная церковь казалась им скопищем слепых фарисеев и равнодушных к религии грешников. В Византии единство общины омрачается внутренними расколами, но с XII в. отколовшиеся общины рассматриваются как диоцезы, охватывающие территориальные единицы: македонский, фракийский, византийский, малоазиатский и далматинский. Между собой они живут в согласии «и ни одна не делает чего-либо против другой, так они живут мирно», как семь общин изначальной христианской церкви.

После основания западных епископств к этой общине присоединились катары; собор всех западноевропейских катарских епископов под председательством богомильского епископа Византии в 1167 г. был самым мощным, но последним жестом «Церкви Божией». Вскоре из трех епископальных земель — в Италии, в Северной и в Южной Франции — возник-

ла дюжина епископств, разделенных догматически, и спорящих о том, кто же из них является подлинной Божией церковью. Таким образом, связь катарских общин опирается больше на богомильских братьев, чем на взаимопонимание; у богомилов катары ищут свою изначальную церковь, которая якобы со времени Христа и апостолов сохранилась на Востоке неврежденной. Собственная же западноевропейская система катарам не удалась.

Несмотря на это они считают себя истинной церковью, единственной соперницей которой является католическая церковь — вылитая великая блудница Апокалипсиса. В церкви Божией нет грешников — лишь священники с чистыми руками, могущие и других сделать чистыми; католические священники являются грешниками, а их церковь — «О церковь римская, руки твои запятнаны кровью мучеников!» Истинная церковь должна быть бедной и гонимой; католические священники носят золотые кольца, отделанные драгоценными камнями; они правят народом и проклинают благочестивых. Это синагога Сатаны, церковь недоброжелателей, *maligna* [злых (лат.)]; и только катарская церковь бедняков, *benigna* [милостивых (лат.)], может спасти человека.

Как и во всех христианских спорах, обращаются к прошлому. Католическая церковь является «человеческим преданием»; со времени Константинова дара она полностью выродилась; это катары узнали от других западноевропейских еретиков. Но они идут еще дальше: уже Петр получил власть вязать и разрешать не для себя, но для всех апостолов, а у папы этой власти больше нет; «постепенно» она перешла от апостолов к катарам. Уже Отцы церкви отклонились и стоят на ложном пути; они подобны ловцам птиц, которые подражают голосам зверей.

Так в отношении катаров к католической церкви многообразные западноевропейские аргументы служат богомильским побуждениям. Ту же двойственность показывает нам отношение катаризма к устройству католической церкви, в частности к таинствам и сакраменталиям.

Таинства католической церкви являются для катаров первым камнем преткновения. Катары, как и многие другие секты, говорят, что католические священники недостойны совершать таинства; но катаризму по этой причине католические таинства представляются не только ненужными, но злыми и позорными; и именно поэтому они противоречат сакраментальным действиям самих катаров.

Крещение отвергается ими не только потому, что священники грешны и *aqua corrupta* [порченная вода (лат.)] ничего не может изменить, но прежде всего потому, что, по учению богомилов все дети безнадежно прокляты и на том свете будут наказаны как разбойники и убийцы: они от Сатаны. Только *Consolamentum* может спасти человека. Как только *Consolamentum* превратилось в таинство, его стали давать и детям. Отношение к крещению определяется не столько стремлением к реформам, сколько догматикой богомилов и церковной практикой катаров, которые в этом пункте сильно противоречат друг другу.

Евхаристия отвергается с помощью обычных западноевропейских аргументов, но прежде всего потому, что материя в глазах богомилов есть зло. В своем преломлении хлеба первые катары не хотят видеть вкушения Тела Христова, так как они вместе с западноевропейскими еретиками-реформаторами считают евхаристию всего лишь праздником воспоминания, и потому что им, как и богомилам, жертва Сына Человеческого казалась бессмысленной; позднее, когда им самим потребовались таинства, преломление хлеба стало заменой евхаристии. Снова догматика и церковная практика только пользуются чужими аргументами, не следуя им по-настоящему.

Едва ли, используя западноевропейские аргументы, можно полностью отвергать брак; однако катары пытались это сделать. И опять последним основанием для отказа от брака была догма: тело является злом. Превращение катаризма в церковь потребовало признания брака, иначе протест против католического бракосочетания был бы немым.

У остальных таинств были аналоги в ранних катарских ритуалах. Таинство покаяния повторяется в исповеди катаров,

и именно поэтому от него отказались; конфирмация есть не что иное, как *Consolamentum*, и поэтому абсолютно не нужна; то же касается соборования, имеющего много общего с *Consolamentum* для больных; наконец, у катаров свое особое таинство поставления на священство, и поэтому они не придают никакого значения таковому у католиков.

Повсюду мы видим одну и ту же картину: сначала католические таинства по догматическим причинам отвергаются, но затем, по соображениям церковных нужд, им начинают подражать, не переставая их осуждать при этом. Такое же соотношение католического и катарского обнаруживают высказывания катаров о католических святынях и учреждениях.

К культуре Святых Даров, со всей его торжественностью, от церковного пения до ладана, катары относятся пренебрежительно; их аргументы такие же, как у западноевропейских реформаторских движений, которые требуют благочестия, а не зрелищности. Церковные здания с их колоколами и картинами рассматриваются как мертвые груды камня. Однако катары были вынуждены создавать свой культ, к которому также была применима их отвергающая аргументация; тем не менее их враждебность к католическим обычаям от этого не уменьшалась.

Крест особенно ненавистен богомилам и катарам как и многим другим еретикам, будто бы потому, что он, по их мнению, является внешним знаком без внутреннего содержания, а на самом деле потому, что он, согласно вере катаров, является документальным свидетельством победы Сатаны над Христом.

Католические праздники оцениваются катарами как неоправданное овеществление благочестия, как канонизация дней. Однако постепенно катары включились в католический литургический год и привели время своих постов в соответствие с католическим. Почитание святых оценивалось катарами как пустое поклонение мертвым костям. Однако они с благоговением сберегали останки своих сожженных совершенных и всегда дорожили памятью об этих мучениках. Молиться за мертвых или торжественно снаряжать их тела

к последнему, спокойному сну катарам всегда претило; со смертью все решено, тело никогда снова не встанет. Тем не менее катары молятся за своих покойников, и, если они и хоронят их без церемоний, зато на своих собственных кладбищах, и тела своих совершенных они благоговейно несут к могилам.

Обозревая общую установку катаров по отношению к католической церкви, мы повсеместно встречаем сознательное отрицание и бессознательное подражание. Все аргументы, которые могли высказывать против римской церкви западные мистики, звучат в устах катаров; почти все учреждения этой оскорбляемой церкви имеют параллели в катарском культе. Представление катаров о церкви католическое, и уже только поэтому католическая церковь должна была казаться им дьявольской антицерковью.

Практическая теология катарской церкви неоднородна в своих частях, от морального учения до представления о церкви; она питается основными положениями богомилов, но несет отпечаток идей западноевропейских массовых движений, и особенно мощного примера католической церкви, в направлении следования которому сворачивает катарская история. Все, что могут требовать благочестивая аскеза и гордое презрение к миру, встречается у катаров; но только в жизни совершенных все это в итоге пришло к согласию; в морали, в обычаях, в ритуалах, в иерархии, в представлениях о церкви различные мотивы смешиваются всякий раз поновому, противоречиво и нераздельно. Катарской практике не хватает ядра, с которым все соотносится и на которое все наслаивается. Вследствие этого ей не хватает собственной истории; она разваливается на компоненты, вместо того чтобы делиться на фазы.

Если мы вспомним, теперь догматику катаров и ее историю, выросшую из богомильского истока и несущую, несмотря на все западные вторжения, неповрежденное наследие богомилов, и противопоставим ей катарскую практику в ее противоречивом виде, то тогда мы увидим в жизни катарской

веры ту раздвоенность, которой наполнена история катаров; так как незамутненное учение катаров так и осталось чуждым Западу, как раз пострадавшая от европейских идей катарская практика обеспечила катаризму успех на Западе. Слабые стороны катаризма дали ему жизнь, а сильные — привели к уничтожению. Так внутри веры катаров была предрешена их история; поскольку дуалистическое учение одержало в катаризме верх над христианской жизнью, христианский Запад должен был сокрушить дуалистическую ересь.

ПРИМЕЧАНИЯ*

1. Эон фон Стелла — еретик, проповедовавший в первой половине XII в. в Северной Франции и Нидерландах. Он происходил из знатного рода. За свою отшельническую жизнь он пользовался славой святого, но однажды так поразился словам: *Per EUM qui venturus est judicare vivos et mortuos* [«через Того, Который придет судить живых и мертвых»], что возомнил себя Сыном Божиим. Говорили, что своих многочисленных спутников он питает воздухом, что по своему желанию он в любой момент может иметь хлеб, рыбу, мясо, но эта пища не насыщает, а только возбуждает голод: что каждый, отведавший этой пищи, попадает под его власть. Стелла выдавал себя за ангела и даже за Христа, а своих учеников за апостолов. Ересь приобрела такие грозные размеры, что папский легат кардинал Альберик Остийский в 1145 г. выступил против нее с проповедью в Нанте; а архиепископ Руанский Гюг вступил с Эоном в полемику. В конце концов против еретиков послали войска и тех, кто не отрекся от своих заблуждений, сожгли в Але. Эон скрылся в Аквитании, но в 1148 г. появился в Шампани, где был схвачен вместе с учениками по распоряжению реймского архиепископа Самсона. На Реймском соборе его лично допрашивал папа Евгений III. Вот что отвечал ему Эон фон Стелла: «Я тот Эон, который должен был прийти в мир судить живых и мертвых, а вселенную преобразовать огнем» (Осокин Н. История альбигойцев и их времени. М.: 2000. С. 135). В руке у него был жезл в виде вил с двумя зубцами наверху. «В этом посохе заключена великая тайна. Как высоко в небо уходят два зубца,

* Комментарии, помеченные звездочками, принадлежат Арно Борсту и даны в сокращении.

так высоко распространяются два мира могущества Божьего, оставляя третий мне. А если бы я захотел повернуть этот жезл, то Богу бы внизу осталась одна доля, а мне стали бы принадлежать две трети вселенной». Согласно одним источникам, собор осудил Стеллу на пожизненное заточение, предоставив исполнение приговора аббату Сугерию, регенту государства, который посадил его в башню св. Дионисия. Там Стелла вскоре умер. Петр Кантор в своем «*Verbum abbreviatum*» передает, что реймский архиепископ Самсон заключил Эона в оковы и держал его до самой смерти на хлебе и воде. Многие его ученики продолжали верить в него, и их упорство привело их на костер. «Говоря, что Бог, пославший его, был Богом света, он указывал на существование второго божества, символически выражаемого его жезлом. Другие пункты учения еще сильнее сближали его с южными альбигойцами смягченного толка, последователем которых он, вероятно, и был в действительности. Подобно им, он отрицал воскресение мертвых и христианское крещение, понимаемое им как дар Духа Святого, сообщаемый лишь преемственным возложением рук» (Осокин Н. С. 135).

2. Тех духов, которых, согласно учению катаров, Бог должен дать душам в качестве их властителей — каждому телу соответствует одна душа (*anima*), а каждой душе один дух (*spiritus*) — некоторые еретики называли «святыми духами». Одна причина этого заключается в том, что все они происходят путем эманации от Бога и так же, как он, вечны, другая — что они не поддались попыткам Люцифера увлечь их с неба: из-за их более сильной и совершенной природы он не мог иметь над ними никакой власти. Эти духи, наряду с телами и душами людей, представляли собой третью составную часть человеческой сущности, но находились вне человеческих тел, в качестве властителей и правителей душ. И об этих духах, по мнению катаров, слова апостола Павла: «Так и вы, ревнуя о *дадах духовных...*» (1 Кор. 14, 12). Пока человек не встретит определенного ему духа, он будет мертвым в духов-

ном отношении. Этому соединению, согласно «крещению духом» (*consolamentum*), должны способствовать свойства самого духа... (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 261).

3. Такое понимание Троицы встречается в одном из важнейших источников для изучения гностицизма — в «Апокрифе Иоанна», три версии которого дошли до нас в собрании коптских рукописей из Наг-Хаммади: «[Я испугался и пал ниц, когда] увидел в свете [юношу, который стоял] предо мною. Но когда я смотрел на него, [он стал подобным старцу.] И он изменял [свой] облик, став как дитя в то же время предо мною. Он был [единством] многих форм в свете, и [формы] открывались одна в другой. Будучи [одним], почему он был в трех формах?» (Гностики или о «лжеименном знании», Киев, 1997. С. 281).

4. Основные обвинения катаров в адрес Бога Ветхого Завета приведены у Н. Осокина: «Бог, ...который произвел потоп, разрушил Содом и Гоморру, дал законы возмездия и обрезания, истреблял так беспощадно врагов своих, не может быть Богом добрым. Этот Бог запретил Адаму есть с древа познания. Быть не может, чтобы он не знал, что последует за тем. Это значило бы, что он несовершенен; если же он предвидел губительный исход, то, следовательно, намеренно, полный зла, ввел в преступление первого человека — черта, вовсе не подходящая к понятию о творце благодетельном. Последний не стал бы внушать Моисею свирепых законов, не стал бы возбуждать страсти, проповедовать ненависть. И Моисей... — обманщик, кудесник, достойный осуждения за повиновение наставлениям злого божества, обманщика же, убийцы, сжегшего Содом и потопившего египтян, чуждого любви и предписывающего ненавидеть врагов. Он был заменен иным божеством, проповедовавшим добро, кротость, миролюбие и прощение, — божеством новозаветным» (Осокин Н. С. 146).

5. Как показал Жан Гиро в своей работе об инквизиции, катарский обряд инициации восходит к обрядам перво-

начальной Церкви, более древним, чем обряды католические.

6. Евлогия — благодарственная молитва перед едой. От греч. εὐλοῦέω — благословлять, восхвалять, прославлять (Бога); призывать Божью милость (благословение).

*Перевод с немецкого языка
Т. Тарасовой*

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	13
Цивилизация, родившаяся преждевременно. Эскиз будущего общества	13
Катарская эпопея глазами современников. Поэтические произведения и легенды	30
Разграбление Безье	33
Педро Арагонский	38
Битва при Мюре	41
25 июня 1218 года: смерть Симона де Монфора	47
Бойня в Марманде	47
Королевские завоевания	49
Монсегюр	51
Монсегюрский костер	52
Обновленное христианство. Непримиримый подход	58
Архаичные ритуалы. Новая духовность	66
Умеренный дуализм	68
Абсолютный дуализм	71
Система Иоанна фон Луджио	75
Мораль катаризма. Совершенные	76
Верующие	78
Катарские ритуалы. Молитва	80
Мельорамент	81
Передача Воскресной молитвы	82
Консоламентум при приеме в общину	85
Консоламентум умирающих	87
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	89
Пропагандистская литература. Фольклор на службе догм	89
Миф о Пеликане	90
Подкова	92
Трубадуры	95
Любовь и ересь	96
Эмансипация женщины	98

КАТАРЫ. СВЯТЫЕ ЕРЕТИКИ

Трубадуры «альбигойской эпохи»	100
Моральный катаризм	101
Философский эзотеризм	103
Злокачественная природа	107
Евангелие от Иоанна 1, 4	108
Злое начало	108
Заключение. Бог покинул землю	114
ПРИМЕЧАНИЯ	123
Словарь основных катарских терминов	123
Список знаменитых «совершенных»	130
Святой Августин и катаризм	134
«Катарский трактат» Бартоломе	139
Катарские тезисы	139
Опровержение этих тезисов Дурандом из Уэски	140
Иоанн фон Луджио. «Книга о двух началах»	142
О творении (отрывок)	142
Трактат о свободе воли (отрывок)	143
Краткий курс для просвещения невежд (отрывок)	144
О всемогуществе Господа Бога истинного	145
О том, что Бог не может творить зло	146
О том, что Бог не может создать другого Бога	146
О том, что Бог не может творить зло, и что существует другая сила, которая есть Зло	147
Об уничтожении «Могучего во зле»	148
О злом начале	150
О чужом боге и о множестве других богов	151
Вопрос о дурной бесконечности в текстах Священного Писания	153
О существовании другого Творца или «демиурга»	155
Прелюбодеяния — дело злого бога	156
Злой бог приказывает отнимать силой имущество у других и убивать людей	158
Замок Монсегюр	160
Монсегюр и парапсихология	163
Рукопись доктора Ж. Гибо	164
Библиография	166
ПОСЛЕСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	169
Спор о катарах	169
Биографическая справка	177
Произведения Рене Нелли	179
Примечания переводчика	180

ПРИЛОЖЕНИЯ 220

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Н. КАДМИН

ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА.

ОЧЕРКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИТАЛИИ И ЛАНГЕДОКА 220

Примечания 330

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

АРНО БОРСТ

КАТАРСКАЯ ВЕРА 337

Примечания 392

scanned by WTS
white-society.org

Научно-популярное издание
Тайные общества, ордена и секты

Нелли Рене

КАТАРЫ. СВЯТЫЕ ЕРЕТИКИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редакторы *Е.С. Лазарев, Т.А. Тарасова*
Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *И.М. Сорокина*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления – *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече 2000»,
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
Гигиенический сертификат
№77.99.02.953.П.001857.12.03. от 08.12.2003 г.
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 05.09.2005. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура «NewbaskervilleС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 25. Тираж 5000 экз. Заказ 6665

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Московские учебники и Картолитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15.